

Երևանի պետական համալսարան
Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետ
«ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ
ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ»

ՄԻԶԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎԻ ՆՅՈՒԹԵՐ
(նվիրված ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի կիրառական
սոցիոլոգիայի ամբիոնի 30-ամյակին, ՀՀ, ք. Ծաղկաձոր,
29 սեպտեմբերի – 2 հոկտեմբերի, 2016)

ԵՐԵՎԱՆ, 2016

Ереванский государственный университет
Факультет социологии
**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**
**«ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ»**
(К 30-летию юбилею Кафедры прикладной социологии
Факультета социологии Ереванского государственного
университета, Армения, г. Цахкадзор,
29 сентября – 2 октября, 2016)

ЕРЕВАН, 2016

Yerevan State University
Faculty of Sociology
**MATERIALS OF THE INTERNATIONAL
CONFERENCE**
on «SECURITY ISSUES IN THE MODERN SOCIETIES»
(Devoted to the 30th anniversary of Applied Sociology Department,
Armenia, Tsahkadzor, 29 September - 2 October, 2016)
YEREVAN, 2016

ՀՏԴ 316:06
ԳՄԴ 60.5
Ա 619

*Երաշխավորված է հրատարակման Երևանի պետական համալսարանի
Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի գիտական խորհրդի կողմից*

*Рекомендовано к печати Ученым советом факультета социологии Ереванского
государственного университета, Армения*

*Recommended for publication by Scientific council of Faculty of Sociology,
Yerevan State University, Armenia*

Խմբագրակազմ՝

Մկրտիչյան, Ա. Ե., փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի դեկան

Աթանեսյան, Ա. Վ., քաղաքական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնի վարիչ

Редакторы:

Մկրտիչյան, Ա. Ե., доктор философских наук, профессор, декан Факультета социологии
ЕГУ, Армения

Атанесян, А. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной
социологии Факультета социологии ЕГУ, Армения

Editorial board:

Mkrtichyan, A. E., Doctor of Philosophy, Professor, Dean, Faculty of Sociology, Yerevan State
University, Armenia

Atanesyan, A. V., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department,
Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia

Ա 619 Անվտանգության հիմնախնդիրները ժամանակակից հասարակություններում

(միջազգային գիտաժողովի նյութեր), խմբ.՝ Մկրտիչյան, Ա. Ե., Աթանեսյան, Ա. Վ.
Ե., ԵՊՀ հրատ., 296 էջ:

**Проблемы безопасности в современных обществах (материалы международной
конференции),** под ред. Мкртичяна, А. Е., Атанесян, А. В. Е., Изд-во ЕГУ, 296 стр.

Security Issues in The Modern Societies (Materials of The International Conference),
Mkrtichyan, A. E., Atanesyan, A. V., Ed. Yerevan, YSU publishing, 296 p.

Գիրքը նախատեսված է սոցիոլոգիայի, քաղաքագիտության, սոցիալական աշխատանքի, տարածաշրջանային հետազոտությունների և միջառաջկայական ուսումնասիրությունների ոլորտներում գործող մասնագետների, ինչպես նաև դասախանդողների և ուսանողների համար:

ՀՏԴ 316:06

ԳՄԴ 60.5

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

ԵՊՀ ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱՅԻ ՖԱԿՈՒԼՏԵՏԻ ԿԻՐԱՌԱԿԱՆ
ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱՅԻ ԱՄԲԻՈՆ. ՀԱՄԱՌՈՏ ՆԵՐԿԱՅԱՑՈՒՄ

КАФЕДРА ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ ФАКУЛЬТЕТА
СОЦИОЛОГИИ ЕГУ: КРАТКОЕ ОЗНАКОМЛЕНИЕ
YSU DEPARTMENT OF APPLIED SOCIOLOGY: A SHORT
INTRODUCTION

8

Բաժին 1. Անվտանգության հումանիտար չափումը

Раздел 1: Гуманитарное измерение безопасности

Chapter 1: Humanitarian Issues of Security

1. *Արտակ Այվազյան*, СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ

Artak Aivazian, CONTEMPORARY GEOPOLITICAL PROCESSES
AND HUMAN SECURITY: METHODOLOGICAL OUTLINES

12

2. *Լյուդմիլա Արությունյան, Եւլիանա Մելկումյան*, АРМЯНСКАЯ
ЭЛИТА: ПРОБЛЕМА НЕОБХОДИМОСТИ И
ВОЗМОЖНОСТИ ЦИРКУЛЯЦИИ

Lyudmila Harutyunyan, Yuliana Melkumyan, ARMENIAN ELITES:
THE PROBLEM OF NECESSITY AND CIRCULATION
OPPORTUNITIES

17

3. *Վարդգես Սոգոսյան*, МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И
БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Vardges Pogosyan, POLICY OF MODERNIZATION AND SAFETY
OF SOCIETY

31

4. *Մարիա Յասլավսկայա*, К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В
КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Maria Zaslavskaya, TO THE PROBLEM OF
CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL CONFLICT POTENTIAL
IN THE CONTEXT OF PUBLIC SECURITY

40

5. *Լյուբով Վնուկովա*, ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам социологического исследования)

Lyubov Vnukova, THE RIGHT-WING IDEOLOGEMES AMONG
YOUTH IN ROSTOV REGION (on materials of sociological studies)

47

6.	<i>Միրա Անտոնյան, ԵՐԵՒԱՅԻ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ԵՐԱՇԽԱՎՈՐՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ ՄԱՐԴՈՒ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ (ՀՕՖ-Ի ԵՐԵՒԱՆԵՐԻ ԱԶԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆԻ ՓՈՐՁԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)</i> <i>Mira Antonyan, THE ISSUE OF CHILD SECURITY IN FRAME OF HUMAN SECURITY CONCEPT (on Example of Experience of FAR Children's Support Center)</i>	53
7.	<i>Վլադիմիր Ավագիմյան, ԱԶԳԱԲՆԱԿՉՈՒԹՅԱՆ ՆԵՐԳՐԱՎՄԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՄԱՐԱԿԱԿԱՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ԱՊԱՀՈՎՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ</i> <i>Vladimir Avagimyan, SATRATEGY OF POPULATION'S INVOLVEMENT IN THE PUBLIC SECURITY</i>	67
8.	<i>Եվգինե Վարդանյան, ՀՀ ԲՆԱԿՉՈՒԹՅԱՆ ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ ՏԻՄ-ԵՐԻ ԴԵՐԱԿԱՏԱՐՄԱՆ ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՄՈԴԵԼԻ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ ՆԿԱՐԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ</i> <i>Yevgine Vardanyan, GENERAL DESCRIPTION OF THE SOCIOLOGICAL MODEL OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES' ROLE IN THE SOCIAL PROTECTION SYSTEM OF POPULATION IN ARMENIA</i>	75
Բաժին 2. Անվտանգություն, տեղեկատվություն և հաղորդակցություններ Раздел 2. Безопасность, информация и коммуникации Chapter 2: Security, Information and Communications		
1.	<i>Marina Ababkova, Nadejda Pokrovskaja, COMMUNICATION POLICIES AND INTELLECTUAL PROPERTY TRANSFER: EFFICIENCY AND SECURITY IN THE POST-MODERN INFORMATION SOCIETY</i>	93
2.	<i>Армен Саакян, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ)</i> <i>Armen Sahakyan, SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF APPROACHES TO INFORMATION SECURITY (ON EXAMPLE OF THE STATE OF ISRAEL)</i>	99
3.	<i>Нвард Мелконян, ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМИДЖА ЕВРОПЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ</i>	107

<i>Nvard Melkonyan, THE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF EUROPE IN THE ARMENIAN MASS MEDIA AND IN SOCIAL PERCEPTIONS</i>	
4. <i>Марина Теленга, СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ</i>	
<i>Marina Telenga, MASS MEDIA AS INSTRUMENT OF PUBLIC OPINION FRAMING</i>	123
5. <i>Narek Minasyan, THE CONCEPT OF “SOFT POWER”: THEORETICAL DRAWBACKS AND UPDATES</i>	128
6. <i>Екатерина Иванова, РОЛЬ СМИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ</i>	
<i>Ekaterina Ivanova, THE ROLE OF MASS MEDIA IN INFORMATION SECURITY: ACTUAL PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT</i>	139
Բաժին 3. Անվտանգություն, ժողովրդագրություն, ինքնություն և արդի միգրացիոն գործընթացներ	
Секция 3: Безопасность, демография, идентичность и современные миграционные процессы	
Chapter 3: Security, Demography, Identity and Modern Migration Processes	
1. <i>Анна Багирова, Анжелика Ворошилова, МОТИВАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ</i>	
<i>Anna Bagirova, Anzhelika Voroshilova, PARENTAL LABOR MOTIVATION AS A DETERMINANT OF RUSSIAN DEMOGRAPHIC SECURITY</i>	144
2. <i>Marina Shapira, IMMIGRATION AND PERCEPTION OF THREAT: ATTITUDES TOWARDS NON-WESTERN IMMIGRATION IN CONTEMPORARY BRITAIN</i>	152
3. <i>Олег Молодов, ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ</i>	
<i>Oleg Molodov, FORMATION OF NEW IDENTITIES IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: A COMPARATIVE ASPECT</i>	155
4. <i>Merry Zohrabyan, HYBRID IDENTITY IN "TRADITIONAL" AND "NEW" ARMENIAN DIASPORA COMMUNITIES. COMPARATIVE ANALYSIS (CASE STUDY OF THE ARMENIAN COMMUNITY OF ARGENTINA)</i>	161

5. *Արեւմ Մկրտչյան, ՀԱՅ ԳՅՈՒՂԱՅՈՒ ԻՆՔՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԱՐՏԱԳԱՂԹԸ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ*

Arem Mkrtchyan, ARMENIAN RURAL IDENTITY AND EMIGRATION IN CONTEXT OF NATIONAL SECURITY 174

Բաժին 4. Անվտանգության սպառնալիքներն արդի աշխարհում

Секция 4. Угрозы безопасности в современном мире

Chapter 4: Security Threats in the Modern World

1. *Օլեգ Բադուխյան, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА (1970-Е ГГ. – СЕНТЯБРЬ 2001 Г.)*

Oleg Ratushnyak, US FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TERRORISM (1970-Sept. 2001) 187

2. *Эрнест Григорьян, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА*

Ernest Grigoryan, INSTITUTIONAL THREAT TO SECURITY OF THE SOCIETY 195

3. *Мария Махалкина, БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В 1991-2008 ГГ.*

Maria Makhalkina, RUSSIA'S SECURITY IN THE CONTEXT OF POLICY TOWARDS UNRECOGNIZED STATES IN 1991-2008 209

4. *Диана Челпанова, СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2015 ГОДУ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

Diana Chelpanova, SOCIAL PROTEST IN THE CRIMEAN PENINSULA IN 2015: THEMATIC REVIEW 217

5. *Ален Сабиров, DETERMINATION OF THE CASPIAN SEA'S LEGAL STATUS AS THE BASIS FOR THE MAINTENANCE OF A REGIONAL SECURITY*

222

6. *Գագիկ Խուդոյան, ТЕРРОРИЗМ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Gagik Khudoyan, TERRORISM AND SECURITY THREATS IN THE MODERN WORLD 229

Բաժին 5. Անվտանգության հիմնահարցերի ժամանակակից կիրառական ուսումնասիրություններ

Секция 5: Современные прикладные исследования вопросов безопасности

Chapter 5: Modern Applied Security Studies

1. *Андрей Лямзин, Александра Хабарова, «ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ* 239

	ВОЙНА» В КАРАБАХЕ В ОСВЕЩЕНИИ ИТАЛЬЯНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	
	<i>Andrey Lyamzin, Aleksandra Khabarova, THE «FOUR-DAY WAR» IN KARABAKH AS COVERED BY ITALIAN AND AMERICAN PRINT MEDIA</i>	
2.	<i>Hayk Smbatyan, OFFICIAL NEWS COVERAGE OF THE «FOUR-DAY APRIL WAR» BY NAGORNO-KARABAKH DEFENSE MINISTRY: FRAME ANALYSIS</i>	248
3.	<i>Тамара Тамараишвили, Ия Шиукашвили, Георгий Мамулашвили, АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ТУРИЗМЕ</i> <i>Tamar Tamarashvili, Ia Shiukashvili, Giorgi Mamulashvili, SAFETY ASPECTS OF TOURISM</i>	253
4.	<i>Лана Мзарелуа, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА АБХАЗИИ</i> <i>Lana Mzarelua, STABILITY AND ECOLOGIC SAFETY OF ABKHAZIAN NATURAL LANDSCAPES</i>	262
5.	<i>Яна Дидковская, СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РИСКОВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА</i> <i>Yana Didkovskaya, YOUNG PEOPLE'S SOCIAL WELLBEING IN CONDITIONS OF THE MODERN RISK SOCIETY</i>	267
6.	<i>Ալեքսանդր Ալեքսիսյան, ԶԻՆՎՈՐԱՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ ՍՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐՆ ԱՆՎՏԱՆԳԱԳԻՏԱԿԱՆ ՈՒՍՍՈՒՆՔՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ</i> <i>Aleksandr Avetisyan, METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDY CIVIL-MILITARY RELATIONS IN THE CONTEXT OF SECURITY STUDIES</i>	275
7.	<i>Մամսոն Մխիթարյան, ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽԱԿԵՐՊՈՒՄԸ, ԿԱՅՈՒՆ ԶԱՐԳԱՅՈՒՄՆ ՈՒ ՊՈՏԵՆՑԻԱԼ ՄՊԱՌՆԱԼԻՔՆԵՐԸ</i> <i>Samson Mkhitaryan, TRANSFORMATION OF CIVIL SOCIETY, ITS SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND POTENTIAL THREATS IN ARMENIA</i>	283
8.	<i>Gagik Tumanyan, CIVIL SOCIETY AND SECURITY IN THE MODERN WORLD: FROM THEORY TO PRACTICE</i>	290

ԵՊՀ սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոն. համառոտ ներկայացում

Նախքան Հայաստանը դարձավ Խորհրդային Միության մասը, սոցիոլոգիան 1919թ. հիմնադրված Երևանի պետական համալսարանի առաջին հինգ բաժիններից մեկն էր: Խորհրդային Միության կազմում Հայաստանի ընդգրկվելուց հետո, հարիր չլինելով խորհրդային գաղափարախոսությանը, այն բաժինը փակվեց: Շատ ավելի ուշ, պրոֆեսոր Լյուդմիլա Հարությունյանի ջանքերով ԵՊՀ-ում 1980թ.-ից գործող սոցիոլոգիական հետազոտությունների լաբորատորիայի հենքի վրա 1986թ. ստեղծվեց Կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնը, որը դարձավ խորհրդային և հետխորհրդային տարածության վրա սոցիոլոգիայի առաջին ուսումնական հաստատություններից մեկը:

Այնուհետև Կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնը սկիզբ դրեց Սոցիալական աշխատանքի և սոցիալական տեխնոլոգիաների ամբիոնին, որից հետո 2005թ. Երևանի պետական համալսարանում հիմնադրվեց Հայաստանի պատմության մեջ առաջին՝ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետը: Այժմ ֆակուլտետի կազմում, բացի վերոնշյալ երկու ամբիոններից, գործում են նաև Սոցիոլոգիայի տեսության և պատմության ամբիոնը, Կիրառական սոցիոլոգիական հետազոտությունների լաբորատորիան, Տարածաշրջանային ինտեգրացիայի և կոնֆլիկտների լուծման կենտրոնը, Միգրացիոն հետազոտությունների կենտրոնը և Հեռաուսուցման լաբորատորիան: ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետը Հայաստանում առաջատար ուսումնական և հետազոտական հաստատություններից մեկն է (<http://www.yasu.am/main/en>):

Կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնի կողմից ներկայումս իրականացվում է բակալավրիատում սոցիոլոգիայի գծով մեկ ուսումնական ծրագիր, ինչպես նաև մագիստրոսական երկու ծրագրեր՝ Սոցիոլոգիական հետազոտությունների մեթոդաբանության, ինչպես նաև Միգրացիոն և կոնֆլիկտաբանական ուսումնասիրությունների գծով: Ամբիոնի հիմնական անձնակազմը ներառում է 3 պրոֆեսոր, 4 դոցենտ, 2 ասիստենտ: Ամբիոնը պարբերաբար այցելում են հրավիրյալ դասախոսներ գործընկեր համալսարաններից, ովքեր իրենց հատուկ դասընթացներով հանդես են գալիս ֆակուլտետի ուսանողության առաջ:

Միջազգային մակարդակում Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնը համագործակցում է տարբեր գիտա-

կրթական հաստատությունների, այդ թվում՝ Համբուրգի համալսարանի, Կոնստանցի համալսարանի, Օլդենբուրգի համալսարանի (Գերմանիա), Ֆրիբուրգի համալսարանի (Շվեյցարիա), Սապիենցա համալսարանի (Իտալիա), Գրացի համալսարանի (Ավստրիա), Ալիկանտեի համալսարանի (Իսպանիա), Ուրալի դաշնային համալսարանի, Հարավային դաշնային համալսարանի, Կուբանի պետական համալսարանի (Ռուսաստան), Եվրասիական ազգային համալսարանի, Կարազանդայի պետական տեխնիկական համալսարանի (Ղազախստան), և այլ կազմակերպությունների հետ:

Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի կազմում կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնը անդամակցում է Միջազգային սոցիոլոգիական ասոցիացիային: Ի թիվս ամբիոնի ինստիտուցիոնալ գործընկերների կարևոր է նշել ՀՀ Պաշտպանության նախարարությունը (<http://www.mil.am>), ԵԱՀԿ երևանյան գրասենյակը, Միգրացիայի միջազգային կազմակերպությունը (http://www.iom.int/armenia/about/iom_in_am.htm), ՀՀ տարածքային կառավարման նախարարության միգրացիոն պետական ծառայությունը (<http://www.smsmta.am>), CRRC-Հայաստանը (<http://www.crrc.am>), և այլն:

Кафедра прикладной социологии Факультета социологии ЕГУ: краткое ознакомление

До того как Армения стала частью Советского Союза, социология была одной из первых пяти дисциплин в Ереванском государственном университете, созданном в 1919 году. После этого социология в Университете перестала преподаваться, а отделение было закрыто. Намного позже, благодаря усилиям профессора Людмилы Арутюнян, на базе действовавшей с 1980г. лаборатории социологических исследований в Ереванском государственном университете в 1986 г. была создана кафедра прикладной социологии, ставшая одной из первых кафедр социологии на советском и постсоветском пространстве.

В 2005 году на базе разросшейся кафедры прикладной социологии, давшей начало деятельности кафедры социальной работы и социальных технологий, был создан Факультет социологии, в составе которого, кроме двух вышеупомянутых кафедр, на сегодняшний день действует также кафедра теории и истории социологии, Лаборатория прикладных социологических исследований, Центр региональной интеграции и разрешение конф-

ликов, Центр миграционных исследований, а также Лаборатория дистанционного обучения. Факультет социологии является одним из ведущих научно-исследовательских институтов в ЕГУ и в Армении в целом (<http://www.ysu.am/main/en>).

В настоящее время кафедрой прикладной социологии Факультета социологии ЕГУ осуществляются бакалаврская программа по социологии и две магистерские программы: по методологии социологических исследований, а также по исследованиям миграции и конфликтологии. Основным состав кафедры включает 3 профессоров, 4 доцентов и 2 ассистентов. На кафедре также преподают приглашенные профессора из университетов-партнеров, которые периодически представляют студентам Факультета социологии ЕГУ свои специальные курсы.

На международном уровне кафедра прикладной социологии сотрудничает с различными научными и образовательными учреждениями, в том числе с Университетом Гамбурга, Университетом г. Констанц, Университетом Олденбурга (Германия), Университетом Фрибурга (Швейцария), Университетом Сапиенца (Италия), Университетом Грац (Австрия), Университетом Аликанте (Испания), Уральским федеральным университетом, Южным федеральным университетом, Кубанским государственным университетом (Россия), Евразийским национальным университетом, Карагандинским государственным техническим университетом (Казахстан) и т.д.

В составе Факультета социологии ЕГУ Кафедра прикладной социологии является членом Международной социологической ассоциации. Среди наших институциональных партнеров - Министерство обороны Армении (<http://www.mil.am>), Ереванский офис ОБСЕ, Международная организация по миграции (http://www.iom.int/armenia/about/iom_in_am.htm), Государственная миграционная служба Министерства территориального управления при Правительстве РА (<http://www.smsmta.am>), CRRC Армения (<http://www.crrc.am>) и т.д.

YSU Department of Applied Sociology: a short introduction

Before Armenia became a part of the Soviet Union, Sociology was one of the first five disciplines at Yerevan State University established in 1919. After Armenia became a part of the Soviet Union, the discipline was closed while being not encouraged by Soviet ideology. Much later, with efforts of Professor Lyudmila Harutyunyan Department of Applied Sociology was established at Yerevan State University in 1986, based on the Laboratory of Sociological

Research (functioning since 1980) and becoming one of the first sociology departments on the Soviet and post-soviet space.

In 2005, the Faculty of Sociology was established on the basis of the enlarged Applied Sociology Department, which also gave birth to Department of Social Work and Social Technologies, Department of Theory and History of Sociology, as well as to the Center for Regional Integration and Conflict Resolution, Migration Competence Center, Distance Learning Laboratory and Laboratory for Applied Sociological Researches. Nowadays, Faculty of Sociology is one of the leading academic and research institutions at YSU and in Armenia (<http://www.y-su.am/main/en>).

Department of Applied Sociology currently leads Bachelor level program in Sociology, and 2 Masters level study programs: MA program in Methodology of Sociological Studies, and MA program in Migration and Conflict Studies. The main staff of the Department includes 3 professors, 4 associate professors, and 2 assistant professors. We also have visiting professors from partner universities who periodically deliver their special courses during the regular academic process.

On the international level Department of Applied Sociology within the Faculty of Sociology collaborates with various scientific and educational institutions, including Hamburg University, University of Konstanz, University of Oldenburg (Germany), University of Fribourg (Switzerland), University of Sapienza (Italy), University of Graz (Austria), University of Alicante (Spain), Ural Federal University, South Federal University, Kuban State University (Russia), Eurasian State University, Karaganda State Technical University (Kazakhstan), etc.

As part of Faculty of Sociology, Applied Sociology Department is member of International Sociological Association. Among our institutional partners is Ministry of Defense of Armenia (<http://www.mil.am>), OSCE Yerevan office, International Organization for Migration (http://www.iom.int/armenia/about/iom_in_am.htm), State Migration Service of the Ministry of Territorial Administration under the Government of Armenia (<http://www.smsmta.am>), CRRC Armenia (<http://www.crrc.am>), etc.

Բաժին 1. Անվտանգության հումանիտար չափումը

Раздел 1: Гуманитарное измерение безопасности

Chapter 1: Humanitarian Issues of Security

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ

АРТАК АЙВАЗЯН, кандидат политических наук, руководитель образовательной программы «Государственное и муниципальное управление», доцент кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета, Россия

CONTEMPORARY GEOPOLITICAL PROCESSES AND HUMAN SECURITY: METHODOLOGICAL OUTLINES

Artak Aivazian, PhD in Political Science, Associate Professor, Head of program "State and municipal governance", Department of sociology and technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Major geopolitical processes describes in two opposite directions: "globalization" and "localization". Security issues are explored in a variety of forms: information security, national security, social security, industrial security, etc. The article focuses on the specifics of human security - the information-psychological security. The research methodology is based on the dichotomy and kulturkrititsizme (C. Jung, M. Weber, F. Tennis). The author suggests the dichotomy of tradition and civilization, traditional consciousness and civic consciousness. The author makes the following conclusions. Man is an active subject and not an object of geopolitics. This is the subject of civil society, which has certain conventional substrates. It is a combination of traditional and modern: the moral and legal settings, the traditional education and secular education, irrational devotion and common sense. Human security is possible when the probability of a high level of his cognitive and value-semantic active position, taking into account modern geopolitical processes.

Keywords: geopolitics, information, human security, dichotomy, traditional and modern, methodological orientations, moderation.

«Геополитика», как правило, характеризуется крупными (чаще всего, системными) ее субъектами – государствами, корпорациями, национальными образованиями, неправительственными организациями, финансовыми группами, но – не человеком. Казалось бы, человек – всего лишь «часть» активных позиционных субъектов геополитических процессов.

Вопросы безопасности рассматриваются, при этом в различных видовых классификациях: государственная безопасность, информационная безопасность, национальная безопасность, социальная безопасность, промышленная безопасность и т.д.

Мы же сконцентрируем внимание на безопасности *человека*. Но прежде чем очертить методологические основания, перечислим кратко некоторые позиции понимания и результаты исследования – современных геополитических процессов и геополитики в целом:

1. Основные процессы за последние два десятилетия «укладываются» в два противоположных направления: «глобализация» и «локализация». Глобализационные процессы характеризуются «стиранием границ», развитием массовой культуры, унификацией «общечеловеческих» (по сути, западных) ценностей и т.д. Локализационные процессы (как ответная реакция на глобализацию) могут быть описаны в терминах – усиления консервативных тенденций политических субъектов (в первую очередь, государств), повышения национального самосознания и т.д. Как следствие этих процессов, современная геополитика – это многополярный мир, противоборствующие альянсы, локальные конфликты. При этом, «маятник» международных процессов качается – либо в пользу глобализации, либо – в пользу локализации.

2. Международное право, как отрасль, находится в глубоком системном, организационном и смысловом кризисе. И складывается ощущение параллельной динамики политических и правовых процессов на международной арене.

3. С позиции государств (особенно, позиционных, активных геополитических субъектов), скорее внутренняя политика определяется внешней, а не – наоборот. Это – есть проявление серьезности международных угроз и необходимости их устранения.

4. Современная геополитика – всегда многоходовые, многофакторные и сложные процессы, в которых, как правило, происходит переплетение различных позиций, интересов, принципов, соответственно – субъектов. В современной геополитике – нет простых решений и отсутствуют, как правило, окончательные результаты, есть сложный процесс (совокупность процессов) и есть набранные «очки» (баллы), по которым можно судить – кто скорее, проигрывает и кто, скорее выигрывает – на текущий момент.

Тем самым, с учетом вышесказанного, очевидно, что *человек* в современном мире находится – в сложной, уязвимой и неопределенной ситуации. И антропологическое измерение геополитики концентрируется, в первую очередь – на информационно-психологической безопасности. Сознание *человека* представляется – как проводник бесконечных и безграничных информационных потоков. Информация (в том числе, в виде знаний,

ценностей) проходит через сознание, транслируется, перерабатывается, распространяется. *Человек* является катализатором этих потоков. Угрозы при этом – очевидны. Это – переизбыток информации. Это – системное воздействие информации. Это амбивалентность информации. При этом, под этим воздействием *человек* находится в любом «пространстве» – социальном, политическом, профессиональном, семейном, личностном. Где бы не находился *человек*, какого бы он не был происхождения, гражданской принадлежности, он – есть объект открытого информационного воздействия. В конечном итоге, основные угрозы (кроме, безусловно, физических) – это психические патологии, фобии, депрессии и т.д.

Методологической базой для анализа данной проблемы, на наш взгляд, может послужить – *дихотомический культуркритический подход*, который представлен различными науками. Это – и «Закат Европы» (О. Шпенглер), и «общество и общность» (Ф. Теннис), и «идеальные типы» обществ (М. Вебер), и определение этноса, как «... коллектива, противопоставляющего себя другому коллективу...» (Л. Гумилев), и «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), и «философия неодновременности» (Э. Блох), и «жизненные миры» (А. Шюц), и «раздвоение сознания» (К. Юнг) и т.д.¹ Все эти и другие научные концепции (в рамках философии, социологии, политологии, культурологии, этнологии, психологии) – *едины в понимании обострения дискретности, амбивалентности, дихотомичности* – процессов и состояний на различных уровнях: международном, государственном, социальном, профессиональном, внутриличностном.

Синтезируя представленные выше концепции, дихотомический подход проявляется двумя категориями (обоснованными нами ранее) – «традиционностью» и «гражданственностью». Гражданственность и традиционность – амбивалентные феномены. Гражданственность – феномен развития (общества, сознания, культуры), традиционность – феномен сохранения (религии, идеологии, культурных норм). Гражданственность – ориентирована на будущее, традиционность – ориентирована на прошлое.²

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения М. 1990; Вершинин С.Е. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997. С. 391; Gemeinschaft und Gesellschaft / Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М. 2002. С. 452; Тойнби А. Постигание истории. М. 1991; Шпенглер О. Закат Европы. М. 1993. С. 376., Юнг К. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. СПб. 1997. С. 544.

² См. напр.: Айвазян А.А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ): Автореферат дис. ... канд. политических наук. – Екатеринбург. 2001; Айвазян А.А. Гражданская культура профессионального сообщества: исследование через призму разных поколений // Новые подходы в организации работы с молодежью. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2. Екатеринбург.

Современные геополитические процессы «описываются» данными категориями. Глобализация – процесс развития «всеобщего *гражданского* общества» (в терминах И. Канта). Локализационные процессы – сохранение *традиционности* (общностей, этносов, государств). Одни геополитические субъекты – продвигают собственные *интересы* (в духе развития гражданского общества), другие – на страже сохранения собственных *принципов* (традиционных ценностей). Глобализация в чистом виде и есть воспроизводство и культивирование «гражданина Мира» – без определенных привязанностей (национальных, религиозных, государственных), готового к определенной унификации. А локализация – в радикальном проявлении, есть сохранение традиционной, догматичной, архаичной привязанности к чему целостному (нации, религии и т.д.).

Угрозой безопасности, например, может быть тотальная архаичность (религиозная, этнокультурная, идеологическая) – *традиционных общностей*, что может оказаться причиной их аффективного неприятия всего «чужого». Другой вид угрозы – потеря идентичностей (половой, возрастной, этнической, социальной, гражданской) – абсолютная «толерантность» и инклюзивные процессы в *гражданских обществах*, что может стать основанием не только для «заката», но и гибели самих гражданских обществ.

В антропологическом измерении, проявление радикального противоречия традиционного и гражданского сознания (следовательно, поведения) – наиболее явное. *Человек* с традиционным (архаичным) сознанием – абсолютно (без сомнения) предан определенному коллективу (общности), его ценностям (религиозным, этническим, идеологическим). Весь мир у него делится на «своих» и «чужих». Вся информация воспринимается в «черно-белых» красках. Очевидны угрозы воздействия на подобное сознание и формирования любого вида деструктивного поведения. *Человек* с высоким уровнем гражданственности – напротив, обладает «абсолютной относительностью», открытостью. Основная угроза при этом – развитие беспринципности, циничности, потеря любого вида идентичности и ценностей, что противоречит самой природе *человека*.

Какие же методологические установки – в обеспечении безопасности человека в современных геополитических условиях?

1. Вопросы безопасности с позиции *человека* – лежат не в радикальном проявлении традиционности и гражданственности, не в радикальном *развитии* (без оглядки) ..., не в тотальном *сохранении* ..., а в их умеренном сочетании. Может быть – «скорее традиционное, чем гражданское сознание», «скорее гражданское, чем традиционное сознание», но это «на-

пряжение» должно сохраняться: между традициями и инновациями, нравственностью и правосознанием, этнической (религиозной) идентичностью и гражданской (политической) ответственностью, традиционным воспитанием и светским образованием, коллективизмом и индивидуализмом, иррациональной преданностью и здравым смыслом.

2. *Человек* – не «объект», а субъект геополитических процессов. *Человек* такой же активный геополитический субъект, как государство, нация, корпорация и т.д. От его действий/бездействий, от его деятельности в любом политическом правовом и социальном пространстве может зависеть государственная (национальная) безопасность или безопасность определенной социальной (этнической, религиозной, субкультурной, профессиональной) группы, к которой он себя причисляет. В этом смысле, усиливается ответственность (гражданская, национальная, социальная) каждого *человека*. В этом и есть парадокс современных процессов. В открытом прозрачном мире информационных технологий, *человек*, с одной стороны оказывается объектом постоянного непрерывного воздействия, с другой стороны, он является субъектом, потенциально обеспечивающим безопасность. Это – постоянная взаимозависимость *человека – общества, человека – государства*.

3. В обеспечении безопасности особую роль приобретает когнитивный и ценностно-смысловой показатель сознания человека. С позиций знаний человеку необходима: динамика информации и понимания в области геополитики, социально-экономических и политических процессов, исторических факторов и т.д. С позиций ценностных ориентаций, это – морально-нравственные характеристики (категорический императив, в терминах И. Канта), которые лежат в основе традиционного (национального, религиозного, общекультурного) воспитания.

Список литературы

1. **Айвазян А.А.** Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ): Автореферат дис. ... канд. политических наук. – Екатеринбург. 2001;
2. **Айвазян А.А.** Гражданская культура профессионального сообщества: исследование через призму разных поколений // Новые подходы в организации работы с молодежью. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2. Екатеринбург. 2013. С. 7-15.,
3. **Айвазян А.А.** Методология гражданского образования // Гражданское образование: сущность, проблемы, перспективы. М. 2014. (Электронное издание)
4. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения М. 1990;

5. **Вершинин С.Е., Блох Э.** Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997. С. 391;
6. *Gemeinschaft und Gesellschaft* / Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М. 2002. С. 452;
7. **Тойнби А.** Постигание истории. М. 1991;
8. **Шпенглер О.** Закат Европы. М. 1993. С. 376.,
9. **Юнг К.** Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. СПб. 1997. С. 544.

АРМЯНСКАЯ ЭЛИТА: ПРОБЛЕМА НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЦИРКУЛЯЦИИ

Людмила Арутюнян, доктор философских наук, профессор,
почетная заведующая кафедрой прикладной социологии Ереванского
государственного университета

Юлиана Мелкумян, кандидат социологических наук, ассистент
кафедры социальной работы и социальных технологий Ереванского
государственного университета

ARMENIAN ELITES: THE PROBLEM OF NECESSITY AND CIRCULATION OPPORTUNITIES

Lyudmila Harutyunyan, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary head of
Department of Applied Sociology, Yerevan State University, Armenia

Yuliana Melkumyan, PhD in sociology, assistant professor at the Department
of Social Work and Social Technologies, Yerevan State University, Armenia

Abstract. The modern Armenian state is about 25 years old. Post-soviet transformations resulted in crucial political, economic and social changes in Armenia, which determined consequent changes in all social institutions, systems and structures. The new situation raised the issue of social stratification and especially the problem of formation of elite. In sociological perspective elites are defined as a group of people, who have high social, economic and political position. The following main functions of elites are analyzed in the article: management, strategic development, communication and role-model referee. The historical peculiarities of the Armenian state, history and elite transformation influence the current situation. Pareto's concept of the necessity of circulation of elites is analyzed in the current Armenian elite context. The Armenian governing elites have lost their power and energy, but there is no social entity, which is able to replace the current elites and suggest the development strategy corresponding the needs of different social clusters.

Key Words – social stratification, social structure, inequality, elites, circulation of elites, functions of elites, formation of elites.

История современного армянского государства насчитывает более четверти века. Постсоветские трансформации привели к глубоким политическим, экономическим и социальным катаклизмам в Армении. Эти процессы предполагали кардинальные изменения всех социальных институтов, системы управления обществом и социальной структуры в целом. Положение Армении осложнялось также проблемами военного характера. В сложившейся новой и сложной для страны ситуации остро встали вопросы стратификации общества и в частности формирования элиты.

Во внутриармянском политическом дискурсе преобладает полемика о стратегиях выживания и развития страны. Неотъемлемой частью этого дискурса являются рассуждения о власти, ошибках и погрешностях системы управления, необходимости ее циркуляции. Элиту критикуют за некомпетентность, неспособность принимать волевые решения, за высокий уровень коррупции и покровительства. Армянскую элиту винят практически во всем; критике подвергаются даже прогрессивные начинания и действия властвующей элиты. Все настойчивее озвучивается идея ее несостоятельности. Однако вопрос о том насколько элита причастна к возникновению новых и обострению старых проблем армянского общества недостаточно изучен и требует социологического анализа и теоретического осмысления места и роли элиты в армянском обществе.

В переводе с латинского «*eligo*» означает избранный, лучший. В социологическом понимании элита – это совокупность людей, имеющих высокий социальный статус в управлении государством и экономикой. По общепринятому мнению элита представляет собой устойчивую общность, наделенную властью управлять общественными ресурсами (в том числе капиталом, человеческими ресурсами, идеологией и т.д.), что предполагает формирование прочных социальных связей и зависимостей, отношений подчинения и координации.

По мнению Р. Миллса властвующая элита состоит из людей, которые занимают важные позиции, дающие им возможность возвыситься над обыкновенными людьми и принимать решения, имеющие серьезные последствия. Они командуют важнейшими институтами и организациями современного общества, руководят крупными корпорациями, управляют механизмом государственной власти и претендуют на ее прерогативы. Особое внимание Р. Миллс обращает на тот факт, что они направляют деятельность военного ведомства. Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные рычаги, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются. Властвующая элита не состоит из людей, правящих в одиночку³.

³ Миллс Р., Властвующая элита. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007 г.

Их наиболее важные идеи и решения - это зачастую идеи и решения, подсказанные советниками и консультантами, трибунами и творцами общественного мнения. Ступенькой ниже властвующей элиты на общественной лестнице располагаются профессиональные политики из средних звеньев власти, принадлежащие к влиятельным группам, а также богачи старой и новой формации, проживающие в крупных и мелких городах и в сельской периферии.⁴ Р. Миллс рассматривает элиту также как представителей высшей социальной прослойки, члены которой знают друг друга, встречаются в обществе, связаны деловыми отношениями и потому считаются друг с другом при принятии решений.

Согласно теории групп, элита сама ощущает себя и воспринимается другими как центральное ядро, образовавшееся внутри высших социальных слоев. Она составляет более или менее компактное социальное и психологическое целое; люди, принадлежащие к элите, относят себя к представителям определенного класса общества, ведут себя по отношению к своим соратникам иначе, чем по отношению к представителям других классов. Одни допускаются в их круг, другие - нет. Они благосклонно относятся друг к другу, понимают друг друга, заключают между собой браки, стремятся к тому, чтобы действовать и думать если не совместно, то, по крайней мере, солидарно.

Элита наделена специфическими социальными функциями. Наиболее очевидная функция элиты – управление обществом, причем, во всех сферах общественной жизни. Власть в обществе не могут осуществлять ни один человек, ни все люди сразу. Как следствие, появляется организованное меньшинство, которое управляет обществом именно в силу своей организованности, структурированности и целеустремленности. Существование правящей верхушки обосновывается тем аргументом, что народ в целом не может управлять государством даже в демократическом обществе и функцию управления делегирует элите. Для выполнения этой функции элита вырабатывает и институционализирует определенные модели и стереотипы поведения, которые неизбежно становятся референтными в обществе, если ненадолго, то, по крайней мере, на период властвования данной элиты.

Говоря об элите, нельзя не упомянуть теорию праздного класса, разработанную Т. Вебленом. Он акцентирует важность формирования класса собственников, унаследовавших капитал, получивших образование, социализировавшихся в культурной, аристократической среде, которым, в принципе, не приходится зарабатывать на жизнь, поскольку они уже владеют серьезными ресурсами и, что особенно важно, принадлежат к аристократии. В итоге формируется класс, который, не будучи озадачен проблемами хлеба насущного, в состоянии сконцентрировать свои усилия на развитии –

⁴ Wright Mills C. The Power Elite, pp. 3-18, 20-23, 365-367, Oxford University Press Inc, 1956.

развитии общества, экономики, науки, культуры, искусства, и государства в целом⁵.

Таким образом, можно выделить следующие функции элиты:

- Функция управления, которая предполагает контроль, организацию и стабилизацию общества.
- Стратегическая функция. Элита ответственна за развитие общества и его социальной структуры, инициацию, разработку и реализацию социальных, политических и экономических реформ.
- Коммуникативная функция. Элита реагирует на общественное мнение, обладая информацией об интересах и потребностях различных социальных слоев и групп.
- Элита как модель поведения и референтная группа. Иерархическая структура общества, так или иначе, предполагает восхождение по социальной лестнице, а каждая следующая ступень - приближение, а, следовательно, уподобление существующей элите.

Попробуем проанализировать выделенные функции элиты на примере армянского общества. Функция управления, в принципе, содержит возможность коррупции и зачастую конструирует соответствующую реальность в той или иной мере коррумпированной системы. Изобилие системных противоречий, нефункциональных узлов в структуре управления, непрозрачных механизмов коммуникации предопределяют коррупцию. Наличие всех вышеприведенных факторов во вновь созданной государственной системе РА, основанной на советских традициях управления, неудивительно и чревато распространением и укоренением коррупции. Однако коррупция - не есть свойство элиты, а дисфункция, следствие системных проблем в механизме управления, который не отвечает потребностям общества и страдает системными изъянами. В подобной системе коррупция является инструментом для выполнения функции управления. Коррупция стала таким инструментом еще в советской системе управления, когда в силу негибкости и тоталитарности проблема нефункциональности и неэффективности системы управления решалась не путем налаживания механизмов и совершенствования самой системы, но посредством введения в нее коррупционных механизмов с целью привести систему в соответствие с потребностями отдельных членов общества и власть предержащих чиновников.

Что касается стратегической функции элиты, следует указать, что элита немыслима без экономического базиса. Однако современная армянская элита, несмотря на свое материальное благополучие, продолжает быть ориентированной на самообогащение и стагнацию с целью сохранения ста-

⁵ Veblen T. The theory of Leisure Class, Houghton Mifflin Company, 1973, pp. 35-36, 38-43, 61, 65-72, 94, and 98.

туса, она не мотивирована на развитие и не выполняет роли локомотива перемен стратегического порядка.

Армянская элита, которая характеризуется усеченной ответственностью за судьбы родины и усеченными правами, вообще не считает своей коммуникативную функцию - функцию согласования интересов социальных групп в обществе. Она, следуя традиции жесткого авторитаризма, не использует методы согласования в управлении, а напротив, руководствуется принципом подчинения. Поэтому элита не только не интересуется общественным мнением, но и не считает общественное мнение выразителем социальных интересов. Она скорее манипулирует общественным мнением с целью сохранить стабильность и нивелировать угрозы собственной власти.

Элита, как и любое сообщество, находящееся выше остальных, проходит через жесткие фильтры. В разные исторические эпохи элиты отбирались по самым разным признакам, на основе самых разных факторов стратификации в том числе: раса, этническая принадлежность, вероисповедание, пол, возраст, образование, профессия, богатство, особые способности, происхождение, физическая сила, внешность, опыт, талант и т.д. Социологи и философы с древнейших времен задавались не только вопросом изучения и описания факторов стратификации и их роли в определении позиции индивида в обществе, но и пытались моделировать механизмы продвижения по ступенькам социальной иерархии, придавая большую значимость тем или иным факторам.

Говоря о современных обществах, разные авторы акцентируют внимание и придают большую значимость тем или иным стратификационным факторам. Например, Г. Моска и В. Парето считают, что для вхождения в элиту первичную роль играет социальная среда, представителем которой является индивид. По мнению Макиавелли, все основные конфликты разворачиваются между элитами: меньшинством, удерживающим власть, и меньшинством, идущим к власти. Ориентация на власть, стремление достичь её таит потенциальную опасность для социального порядка, гарантом которого выступает тот, кто эту власть уже имеет⁶. Г. Моска считал, что доступ в элиту предполагает наличие особых качеств и способностей. Например, в первобытном обществе ценилась военная доблесть и отвага, позже деньги и богатство. Но самым важным критерием для отбора в элиту является способность управлять, наличие знаний о народе, его культуре и национальном характере.

Конфуций делил общество на «благородных мужей» (правлящую элиту) и «низких людей» (простолудинов) на основании их отношения к

⁶ Макиавелли Н., Государь, М.: "Художественная литература", 1982 г.

моральным канонам. Образ правящей элиты он раскрывал через социальные качества; первые, т.е. «благородные мужи», по его мнению, следуют долгу и действуют в соответствии с законом, они требовательны, прежде всего, к себе, в отличие от простолюдинов, которые заботятся только о личной выгоде. В соответствии с его теорией именно соблюдение моральных норм давало право управлять.⁷ Однако процессы, происходящие в армянском обществе, свидетельствуют об обратном. Принадлежность к политической и экономической элите рассматривается как право и возможность нарушать моральные каноны общества, причем не только для представителей элиты, но и для их окружения.

Основной функцией элиты Парето считал стремление общества к социальному равновесию, а это состояние обеспечивается взаимодействием множества сил: политических, экономических, социальных и интеллектуальных⁸. Элиты имеют тенденцию к упадку, а «неэлиты» в свою очередь способны создать достойных преемников власти. Ведь зачастую дети элиты могут не обладать всеми выдающимися качествами родителей. Необходимость постоянной замены и циркуляции элит обуславливается тем, что прежние элиты теряют энергию, ту, которая помогла им когда-то завоевать место под солнцем.⁹ Парето исходит из того, что элита разделяется на две части: «правлящую» и «неправлящую». Первая напрямую участвует в управлении, а вторая — не имеет доступа к принятию властных решений. Этот малочисленный класс удерживается у власти частично силой, а частично благодаря поддержке подчиненного класса. «Ресурс согласия» основывается на умении правящего класса убедить массы в собственной правоте.¹⁰

Для того чтобы понять, что представляет собой элита в армянском обществе, способна ли она выполнять предписанные ей обществом функции, прежде всего надо обратиться к истории армянской государственности, поскольку вопрос элиты неизменно связан с государством и государственной властью.

Армяне неоднократно теряли государственность и неуклонно стремились к ее восстановлению. История армянской государственности зародилась задолго до нашей эры. 2107-856 гг. до н.э, известны как годы правления царской династии Айказуни, которую сменила династия Арартуни, правившая до 590 г. до н.э. Затем династия Ервандуни, которую сменили

⁷ Конфуций, Суждения и беседы, Издательство: «Азбука» 2015 г.

⁸ Осипова Е.В., Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. – СПб.: Алетей, 2004 г.

⁹ Парето В., Трансформация демократии/ Вильфредо Парето. – М. : ИД «Территория будущего», 2013 г.

¹⁰ Там же.

Арташесиды около 200 г. до н.э. и правили до 34 г. до н.э.¹¹ С 34 г. до н. э. до 66 г. н.э. Армения не имела государственности, но Арташесиды продолжали пребывать на вершине социальной иерархии Армении, являвшейся в этот исторический период провинцией Римской империи, и выполняли властные полномочия. Династия Аршакуни попыталась объединить страну разорванную между Персией и Римом, и добилась ее самостоятельности в 66 году н.э. Однако в 428 году династия пала. В VIII-IX веках древний влиятельный армянский княжеский род Багратуни объединил под своей властью большую часть Армении, но в 1045 году после захвата Армении Византией династия Багратидов прекратила существование.

Для всех этих периодов характерно наличие аристократического правящего рода, который, по сути, являлся политической, экономической и военной элитой общества. Древние аристократические фамилии прекращали свое существование с упадком каждой из правящих династий. Естественно, что аристократия, как таковая не могла сформироваться в период “несуществования” армянской государственности (1045-1918гг.). В то время как выполнение основополагающих функций элиты во многом связано с понятием аристократии, которая акцентирует благородное происхождение, а последнее служит не только достаточным основанием для обладания властью, но и предполагает наличие навыков управления, передающихся из поколения в поколение.

В течение долгих веков армяне проживали на территории различных государств (Россия, Франция, США, Сирия, Турция, Ливан, Египет, Аргентина и т.д.). Однако отличительной особенностью армян является то, что они стремятся жить общиной и неизменно образуют диаспору во всех странах. Армянской диаспоре удавалось не только выживать в этих странах, но и воспроизводиться, благодаря наличию функции управления в общине. Армянам практически всегда удавалось и удастся завоевать свою экономическую нишу в разных обществах. Речь идет преимущественно о торговле и различных ремеслах. Некоторым армянам удавалось стать частью политической, экономической и даже научной элиты в том или ином обществе, благодаря чему удавалось сохранять и общину.

Армения не имела государственности, а, следовательно, и элиты с 1045-1918 гг. В итоге зародилась культурно-специфическая традиция управление страной при отсутствии верховной власти, когда княжеское сословие и духовенство выполняли функцию элиты даже при отсутствии верховной власти. Элита, не обладающая рычагами реальной власти на территории чужих государств, тем не менее, выполняла важные общинные

¹¹ История Армении. Династии и цари Армении, http://historyam.ru/index/cari_armenii/0-27 (30.07.2016).

функции, направленные на сохранение национальной идентичности, языка, письменности, религии, культуры, традиций и т.д. Однако для подобной «общинной» элиты с присущими ей специфическими функциями, одновременно характерны усеченные права и умение существовать в условиях подчинения чуждой центральной власти. Подобная ситуация сохранялась и укоренялась и при советской власти, что несомненно проявляется и сегодня в попытках поиска стратегического партнера или «старшего брата». Усеченные функции не восстановились автоматически после провозглашения независимости Армении; существование с усеченными функциями и правами стало характерной чертой армянской элиты.

Чтобы проанализировать проблемы современной армянской элиты, наделенной функцией управления, вернемся к историческим событиям начала XX века. Геноцид армян в Османской Турции, воссоздание независимого советского государства после многовекового перерыва, которое очень скоро прекратило свое существование, поскольку Армения была присоединена к Советскому Союзу, повлияли не только на формирование системы ценностей армянского народа, в которой доминировали патриотизм и идея восстановления независимости Армении, но и явились обществообразующими. С провозглашением первой Армянской республики 28-ого мая 1918 года возродилось независимое армянское государство на части территорий исторической Армении, которое просуществовало совсем недолго - до 2-го декабря 1920 года, когда Армения была провозглашена советской республикой¹².

Естественно, особенности стратификации советского общества, второй Армянской республики – Советской Социалистической – предшествовали современной социальной структуре. Идеологическое разделение советского общества на рабочих и крестьян в 20-30-х годах XX века не отражало реального положения дел. Научный, технический и индустриальный прогресс привел к становлению индустриального общества, и доля рабочих в структуре общества в СССР начала превалировать, сформировался класс научной и творческой интеллигенции, которая долгое время ассоциировалась с элитой армянского, как, впрочем, и советского общества. Наиболее важными характеристиками этого слоя были высшее образование, близость к научным кругам, а также активное участие в культурной жизни общества. Советский период привлек на территорию Армении представителей творческой и научной интеллигенции армянского происхождения со всего Советского Союза. Важно подчеркнуть тот факт, что вопреки всем теоретическим постулатам, интеллигенция в советском

¹² Республика Армении (первая республика), <http://www.genocide.ru/enc/republic-arm.htm> (31.05.2016).

армянском обществе была весьма дистанцирована от правящей верхушки, обладающей политической властью и экономическими ресурсами.

Говоря об элите советского общества, нельзя не упомянуть партийную номенклатуру. Эта прослойка населения Советского Союза занимала различные ключевые административные посты во всех сферах деятельности: аппарат государственного управления, промышленность, сельское хозяйство, наука, образование и даже религия. Как правило, все они являлись членами коммунистической партии. В узком смысле советская номенклатура — это работники комитетов партии, а в широком — все ответственные работники, назначение на должность которых гласно или негласно производилось правящей партией¹³. Эта прослойка советского общества обладала политической властью и, как следствие, экономическими ресурсами, наряду с остальными характеристиками элиты, включающими образование, науку, культуру. Для советской номенклатуры были введены самые разные привилегии, например, снабжение дефицитными товарами и продуктами, доступ к более качественному медицинскому обслуживанию, возможность выезда за границу, как в качестве туристов, так и в долгосрочные зарубежные командировки. Следует отметить также, что по оценкам экспертов, исследовавших советское общество, число номенклатурных работников в СССР брежневского периода достигало 3 000 000 человек (включая членов семей, пользующихся привилегиями правящего класса), в то время как численность региональной номенклатуры, а, следовательно, и армянской, была гораздо меньше¹⁴. И конечно же, говоря о советской партийной номенклатуре, нельзя упускать из виду ее двойственной природы. Небольшая ее часть действительно являлась носителем и транслятором ценностей советского общества. А другая, будучи наделена исполнительскими функциями, стала источником распространения и укоренения такого социального феномена как коррупция, которая «процветала», принимая в советское время самые невероятные формы, тем самым подрывая не только экономику, но и социальные и ценностные устои общества.

Таким образом, в общих чертах в лице номенклатуры, а также научной и творческой интеллигенции в советской Армении сформировалась элита в своей зачаточной форме, которая, по-прежнему обладала ограниченной функциональностью, не будучи наделена реальными властными полномочиями в условиях централизованного управления (из Москвы) и просуществовала недолго ввиду распада СССР. Распад Советского Союза неизбежно повлек за собой новую волну стратификационных процессов и

¹³ Восленский М. С., Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М: 2005 г.

¹⁴ Там же.

явился катализатором возрождения идеи независимости и националистических настроений в обществе.

В Армении, и в целом на постсоветском пространстве, в 90-х годах XX века экономический фактор стал наиболее значимым в системе социальной стратификации. Такие факторы как образование, наука и культура уступили свое место возможности зарабатывать большие деньги. А советская коррупция, по сути, создала благодатную почву для процветания криминальных способов зарабатывания денег.

Новейшая история Армении началась с множественных травм (спитакское землетрясение, экономический кризис, беженцы из Азербайджана и т.д.), заставивших армян встать на путь борьбы за национальное освобождение, которая обернулась длительным конфликтом с Азербайджаном и военными действиями в Карабахе. Период расцвета карабахского движения стал временем «великих возможностей» и основой для формирования новой элиты. Вопрос о том, кто вошел в состав армянской элиты, тесно связан с ответом на вопрос: кто же сумел воспользоваться возможностями, открывшимися карабахским движением. В отношении коммунистов в Армении не было совершено противоправных действий. Коммунистическая партия постепенно ослабила свои позиции, потеряв своих лидеров и адептов, которые «конвертировались» либо в патриотов, либо в националистов. Учитывая сложившуюся ситуацию и выделенные приоритеты, элита новой независимой Армении оказалась весьма неоднородной. В том числе, и члены националистически настроенной творческой интеллигенции, и люди, прошедшие Карабахскую войну, а также те, кто в советское время сумели разбогатеть. (Речь идет не только об околономенклатурных кругах, но и о так называемых спекулянтах, которые в советское время умудрялись наживаться, благодаря дефициту и ограниченному импорту, торгуя «из-под полы».) Подобный тандем стал возможен и даже был продиктован требованиями времени. Творческая интеллигенция явилась идейным вдохновителем освободительного карабахского движения и становления армянской независимости, тем самым обеспечивая реализацию стратегической функции элиты. Война обеспечила влиятельные позиции в элите военным. Экономический базис для формирования элиты обеспечили слои, обладающие ресурсами, нажитыми в советское время преимущественно незаконными путями.

Для кризисного постсоветского периода такая композиция элиты представлялась весьма логичной и дееспособной. Притом, что во главе государства оказался представитель именно творческой интеллигенции. Однако, по прошествии 6-7 лет, с изменением геополитической, внутриполитической и экономической ситуации, встал вопрос компетентности элиты и возникла необходимость обновления элиты, смены поколений. С

другой стороны в постсоветский период властный политический ресурс оказался в руках людей профессионально не подготовленных к управлению. Причем, речь идет не только об отсутствии профессионального образования управленца в рядах людей, оказавшихся у власти, а в значительно большей мере о том, что все они являлись воспитанниками советской тоталитарной системы, и как результат имели весьма ограниченные представления о закономерностях существования и развития демократического общества и тем более о механизмах его управления. Русскоязычная интеллигенция, плохо владеющая армянским языком, не могла сохранить свои высокие социальные позиции и очень быстро и стремительно скатилась вниз по ступенькам социальной лестницы, а националистически настроенные слои стали занимать более высокие позиции в обществе. Независимость, несмотря на возрождение патриотических настроений, не смогла привлечь серьезный человеческий капитал из рядов представителей армянской диаспоры, хотя серьезную экономическую и политическую поддержку армянской государственности диаспора оказывает и по сей день.

В рядах элиты оказались люди, выдвинутые карабахским движением, готовые к борьбе против советского строя, против внешнего врага, имеющие опыт войны, но не готовые к построению независимой демократической страны с действенной социальной системой. Те характерные особенности, которые явились необходимым условием для вхождения в элиту на заре армянской государственности, теперь оказались недостаточными, что созвучно с выдвинутыми Парето постулатами об иссякающей энергии элиты и необходимости ее замены. Элите стала необходима «подпитка» извне. Общество осознало необходимость циркуляции элиты и стало выдвигать соответствующие требования смены власти. С одной стороны общество убедилось в необходимости смены элиты, равно как и в невозможности обновления элиты сверху из рядов неправящей элиты. а с другой – в отсутствии легитимного механизма смены элиты.

Но если недостаток профессионализма, предполагает привлечение высококвалифицированных управленцев, то этого не произошло по ряду причин. Во-первых, в стране не было профессиональных управленцев. А, во-вторых, ввиду ослабления элиты и повышения «пропускной способности» социальных фильтров, ведущих к элите, в господствующем классе оказались люди опять-таки не имеющие опыта политического управления, но обладающие материальными ресурсами. Естественно, что это послужило олигархизации власти. В течение последующих лет этот процесс набирал обороты, происходило пополнение элиты, но отнюдь не за счет наиболее образованных, профессиональных и талантливых членов общества. К власти пришли представители крупного монополизированного капитала, которые обладая властью стали обслуживать свои личные и групповые инте-

рессы, но никак не интересы граждан и общества. Создалась ситуация, когда и власть, и капитал оказались в руках ограниченной группы людей. Причем члены олигархии не только стали оказывать влияние на принятие решений и формирование правительства, но и сами занимали места в парламенте и в правительстве. Олигархия заняла место элиты, но не смогла обеспечить полноценной функциональности элиты. Существующий слой, по сути, не смог взять на себя ответственность за стратегию развития современного армянского общества.

По мнению Р. Михельса, который делит общества на пассивное большинство и правящее меньшинство, перерастание демократии в олигархию объясняется психологией массы. На его взгляд, массы не умеют управлять, поэтому необходима организация, которая непременно поделит любую группу на властвующих и подвластных. Как правило, власть бывает сосредоточена в узком кругу олигархии, пробиться в олигархи с нижних этажей общества очень непросто¹⁵. И дело не только в том, что олигархи, стоящие у власти, не хотят уступать свои властные позиции, но и в том, что народ не готов принять другую элиту. Народу нужны ценностные ориентиры, но в случае высокого уровня бедности высокая ценность богатства непоколебима. Само общество допускает существование системы олигархии, поскольку оказалось неготовым к демократии и создало нишу для олигархов, не сумев отнять у них монополию на экономическую, а также политическую власть.

Таким образом, элита армянского общества, сформировавшаяся в постсоветский период, следуя требованиям военного времени, с изменением социальных условий требовала циркуляции. Однако ввиду отсутствия действенных демократических механизмов смены власти и тяжелого экономического положения, элита трансформировалась в олигархию. Последняя продемонстрировала, что не справляется с ключевыми функциями элиты. Коммуникативная функция практически не выполняется. Олигархия не в состоянии вырабатывать и институционализировать цивилизованные паттерны поведения. Неполноценно выполняются также управленческая и стратегическая функции, что отрицательно сказывается на функционировании социальных институтов и на развитии общества в целом.

Элита, призванная быть моделью поведения для широких масс населения, должна олицетворять собой ценностные устои общества. И не смотря на серьезные погрешности в реализации многих из предписанных ей функций, армянская элита, тем не менее, является референтной для определенных слоев населения, воспроизводящих свойственные ей пат-

¹⁵ Michels R. Die oligarchischen Tendenzen der Gesellschaft. Ein Beitrag zur Problem der Demokratie//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1908. N 27.

терны и стереотипы поведения. Получается замкнутый круг – бедное воюющее государство старается построить государственность, что невозможно без формирования элиты. А элита формируется, отвечая потребностям общества, из наиболее богатых его представителей, создавая видимость обслуживания интересов народа и государства. В итоге правящий класс армянского общества, не будучи носителем декларируемых ценностей, не может эффективно реализовать также стратегическую и коммуникативную функцию.

Армянская олигархия нуждается в образовании; грубо говоря, “капиталу нужны мозги”, чтобы выживать и воспроизводиться. Этот факт подсказывает две стратегии развития армянской элиты: первая предполагает обеспечение качественного образования детям олигархов; а вторая – привлечение образованных членов, высококвалифицированных человеческих ресурсов из других социальных слоев в систему управления обществом. Обе стратегии на сегодняшний день реализуются, однако первая требует времени, а вторая имеет место здесь и сейчас.

Следуя логике В. Парето, который говорил о круговороте элит, имея ввиду смену правящих меньшинств, которые борются, приходят к власти, пользуются этой властью, приходят в упадок и заменяются другими меньшинствами. Развитие общества происходит посредством периодической смены, циркуляции двух главных типов элит – «львов» и «лис». Для «львов» характерны открытость, решительность в управлении, опора на силовые, авторитарные методы властвования, «львы» крайне консервативны. «Лисы» властвуют, используя различные средства манипуляции, политических комбинаций, обмана и компромисса¹⁶. При наложении этой концептуальной схемы на армянскую элиту, становится ясно, что в независимой Армении еще не произошла фундаментальная смена элиты, у власти по-прежнему остаются «лисы». Естественно, что «старые лисы» не согласны уступить власть «новым львам». Весь вопрос в функциональном соответствии новым вызовам.

Однако общество хочет иметь другую элиту – класс избранных, причем чрезвычайно важны критерии отбора. Нельзя пренебрегать ныне существующими факторами богатства и силы, однако они должны быть дополнены качественно ценными характеристиками образования, искусства, науки и т.д., которые обеспечат реализацию стратегической функции элиты. Но кроме доступа к рычагам реальной власти представителям элиты должно быть свойственно наличие общих интересов не только внутри самодостаточного класса элиты, но и общих с определенными слоями об-

¹⁶ Осипова Е.В., Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. – СПб.: Алетейя, 2004 г.

щества, что обеспечивает реализацию коммуникативной функции элиты, тем самым приводя ее в действие, делая более функциональной.

Подводя итог, следует обратить внимание на актуальные процессы, происходящие в армянском обществе. Конституционная реформа 2015 года вызвала серьезный общественный резонанс. Однако широкие публичные дискуссии не внесли ясности в происходящее: каждая попытка власти объяснить необходимость реформ вызвала бурное противостояние общественности. В итоге путем референдума были внесены изменения в систему выборов. Кризис элиты послужил базисом для формирования общественного движения, требующего смены политической элиты и направленного на ускорение этого процесса. Обострение военного конфликта в Нагорном Карабахе в апреле 2016 повлекло за собой новую попытку переворота. Вооруженная группа «Сасна црер» заявила о необходимости смены власти, однако избранные ею силовые методы борьбы не получили одобрения.

Вероятность согласия зависит от способности элиты манипулировать чувствами и эмоциями толпы. По мнению В. Парето политика правительства тем эффективнее, чем успешнее она использует эмоции. Парето считал, что развитие общества возможно лишь при своевременном обновлении элит, абсорбируя и включая наиболее мобильных представителей неэлит или контр-элит в элиту по директивному «избранию сверху» самой же правящей элитой. В противном случае, согласно концепции Парето, общество ждет застой и замена старой элиты на новую в результате революции¹⁷.

Список литературы

1. Восленский М. С., Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М: 2005 г.
2. Конфуций, Суждения и беседы, Издательство: «Азбука» 2015 г.
3. Макиавелли Н., Государь, М.: "Художественная литература", 1982 г.
4. Миллс Р., Властвующая элита. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007 г.
5. Осипова Е.В., Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. – СПб.: Алетейя, 2004 г.
6. Парето В., Трансформация демократии/ Вильфредо Парето. – М.: ИД «Территория будущего», 2013 г.
7. История Армении. Династии и цари Армении, http://historyam.ru/index/cagi_armenii/0-27 (30.07.2016).
8. Республика Армении (первая республика), <http://www.genocide.ru/enc/ republic-arm.htm> (31.05.2016).

¹⁷ Парето В., Трансформация демократии/ Вильфредо Парето. – М. : ИД «Территория будущего», 2013 г.

9. Michels R. Die oligarchischen Tendenzen der Gesellschaft. Ein Beitrag zur Problem der Demokratie//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1908. N 27.
10. Veblen T., The theory of Leisure Class, Houghton Mifflin Company, 1973.
11. Wright Mills C. The Power Elite, Oxford University Press Inc, 1956.

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Вардгес Погосян, *доктор социологических наук, Армения*

POLICY OF MODERNIZATION AND SAFETY OF SOCIETY

Vardges Pogosyan, *Doctor of Sociology, Armenia*

Abstract. Through the prism of the explication of the concept of modernization as a tool of maintaining the stability of the social system in the face of exogenous threats and risks, the author formulates and proves the basic principles of modernization policy as the methodological basis for reform programs and evaluation criteria of the efficiency of their practical implementation.

Keywords: modernization, public administration, bureaucracy, exogenous risks, civilizational matrix, technological mode, stability, safety.

Соревнование, борьба систем есть объективная часть самоорганизации природы. Взаимоотношения различных общественных систем, влияние на них различных факторов в том числе их географического положения, выявление закономерностей в процессе этих взаимоотношений являются предметом изучения геополитики, которая так определяет «главную и единственную суть мировой политики – это борьба за ресурсы и за контроль над ними»¹⁸. То есть, «политика стран осуществляется всегда в их собственных интересах и никогда в интересах других»¹⁹. В свете этих фундаментальных положений должна быть понятна истинная суть настоятельных предложений альтруистской помощи западных стран незападным с целью модернизации последних для благоденствия и благосостояния. На планете могут существовать географические точки (ресурсные приоритеты изменяются в зависимости от технико-технологического уклада), которые не являются

¹⁸ Стариков Н. Геополитика: Как это делается. СПб.: Питер, 2014. (Серия «Бестселлеры Николая Старикова»). С.5.

¹⁹ Там же, С.7.

ключевыми для определённого вида ресурсов. Но находящимся в ареале направленной экспансии остаться независимым наблюдателем и быть в стороне от основного противостояния не удаётся, судя по историческому опыту, никому – внеблоковый статус, невовлеченность, слабость (военная, экономическая) никогда не были залогом безопасности и, наоборот, всегда являлись притягательными факторами для потенциального агрессора. Уровень морально-этических норм, применяемых во внешней политике, и современные геополитические реалии таковы, что слабые субъекты международной конкуренции будут превращаться, теряя собственную субъектность, в объекты чужой политики и будут за свою отсталость (военную, технологическую, государственную, промышленную, сельскохозяйственную, культурную) биты, поскольку это выгодно для других геополитических игроков и будет сходиться безнаказанно, а значит, в проведении любой модернизации предметом дискуссии может быть только мера безжалостности, но не наличие её. Безжалостность, как морально-этическая категория, в данном контексте расшифровывается как готовность к определённым социальным издержкам в ходе преобразований, включая силовое нивелирование противодействующих сил и принудительную зачистку поля модернизационной деятельности.

В XXI веке, когда реальная «глобализация экономических процессов затронула международную торговлю, межгосударственное движение капиталов и инвестиций, перемещение рабочей силы и валюты, активизацию и распределение информационных потоков»²⁰, объектом экспансии очередной страны-гегемона, которая стремится поддерживать сложившееся положение всеми доступными ей методами и способами, в условиях ограниченности ресурсов планетарным масштабом является весь мир. Человечество значительно расширило арсенал средств и методов ведения войн – от разжигания военных конфликтов в местах соприкосновения с противником до мер экономического характера. «Все более активно выступают информационные войны, нацеленные прежде всего на психологическое поражение противника, формирование необходимого агрессору общественного мнения»²¹. Однако изменение форм и методов ведения войн и предмета геополитики не влечёт за собой смену ни объектов геополитики, ни целей и задач по принуждению к исполнению воли действующих субъектов вплоть до полного уничтожения оппонентов.

Национальные хозяйства большинства стран мира, в условиях сложившегося исторически и объективно функционирующего мирового рынка, с жёсткой дифференциацией и специализацией субъектов деятельности, ли-

²⁰ Маринченко А. Геополитика. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2009. С.6.

²¹ Там же, С.7.

шённые под давлением извне права выбора альтернативного пути развития, капитулируют перед блоком стран Запада, под угрозой самоизоляции и деградации. Такие страны вынужденно проводят модернизации по навязанному образцу, полностью структурно приспособлявая экономику к предложенному извне международному разделению труда и, естественно, условиям, формам, стандартам хозяйственной деятельности. Государство в этих странах теряет национальный характер, по существу решаемых управленческих задач становится периферийным исполнителем воли регулирующего таким образом глобальную экономику Западного мира, а народонаселение – этнографическим материалом, пополняющим собой чужие культурно-исторические типы. Такие общества при сохранении действующего колониального положения обречены на деградацию экономики и образования, а в условиях низких санитарно-гигиенических норм, недостаточного питания и плохой медицины – на вымирание.

Базовыми принципами политики безопасности в условиях назревшей необходимости модернизации, выступающей как адаптивная реакция на внешнепричинные угрозы и средство поддержания стабильности системы, нам представляются:

1. Принцип предотвращаемости;
2. Принцип элиминации рисков;
3. Принцип управленческой ответственности;
4. Принцип учета человеческого фактора;
5. Принцип регулярной обновляемости.

Первый принцип означает, что любая социальная катастрофа как последствие изменившейся внешней среды может и должна быть предотвращена. Тезис основан на методологической посылке о том, что в основе жизнедеятельности любой социальной системы лежит необходимость противодействия дезорганизующим воздействиям на них внешней и внутренней среды. Нарушение адаптивных механизмов общества приводит к резкому сокращению численности населения вплоть до его фактического вымирания в ареале обитания. Список погибших цивилизаций, стран-государств, народов, не сумевших задействовать базирующиеся на инстинкте самосохранения механизмы адаптации, в истории достаточно долг и известен.

Противодействия обществом такого рода воздействиям среды должны быть всецело осознанны, ибо только единое, безжалостно правдивое понимание происходящего, адекватное осознание реально сложившейся угрожающей ситуации со всеми вытекающими из неё негативными последствиями, беспристрастная и незашоренная идеологически самооценка своего положения могут дать шанс на выживание. Само осознание обществом и его правящей элитой грядущей катастрофы разворачивает все усилия на предотвращение апокалиптического сценария, спланирует социальных

субъектов и мобилизует их на элиминацию угрозы либо на минимизацию её воздействия. «Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймём это, тем более твёрдой, закалённой, стальной делается наша воля к освобождению, наше стремление подняться от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы наша страна перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной».²²

В контексте предмета исследования это обстоятельство нашло отражение в мобилизационном характере проведённых успешных модернизаций. Речь идёт об обществах, обладающих политической независимостью (согласно закону, выведенному Н.Данилевским²³), с активно-деятельностным населением, достаточно высоким уровнем интеграции, солидарности, пассионарности и здоровым инстинктом самосохранения. Общества-антиподы, потерявшие суверенитет, необладающие самостоятельностью, находящиеся под внешним управлением, аномичные, абсолютно дезинтегрированные, с низким уровнем пассионарности, с превалирующими в массовом сознании суицидальными умонастроениями и эмиграционными интенциями, нежеланием жить как целостное сообщество, не имеющие модернизационного потенциала и не стремящиеся его занять обречены и нами не рассматриваются.

Если первый тезис можно трактовать как методологическую установку общестратегического плана, то область действия второго тезиса носит скорее оперативно-тактический характер и лежит исключительно в плоскости конкретно-практической деятельности государственного управления. Принцип элиминации рисков означает, что любые внешнесредовые риски антропогенного характера могут быть калькулируемы, управляемы и должны быть элиминированы. Риски геополитические есть суть порождения жизнедеятельности общества, следствие антропогенных усилий, и могут быть элиминированы только контрусилиями того же происхождения. На первый план выходят постоянный мониторинг средового окружения, отслеживание инновационной деятельности геополитических оппонентов, моделирование и научное прогнозирование. Готовность к определённого рода издержкам ради безопасности (а проведении модернизации всегда есть весьма затратный процесс с точки зрения общественных ресурсов), сформированная в массовом сознании, также значима, как и консолидация об-

²² Ленин В. Главная задача наших дней / ПСС, 5-е изд., М.: Политиздат, 1979. Т.36. С.79.

²³ Данилевский Н. Россия и Европа. М.: Известия, 2003. С.113.

щества, в решении задач противодействия внешнему давлению – военному, политическому, экономическому.

Следующий принцип утверждает значимость управленческой ответственности, в соответствии с ним ответственность за безопасность и проведение своевременных модернизаций несёт руководство страны. Ответственность за проведение модернизации лежит на правящей элите, поскольку она обладает властью и необходимыми ресурсами. Заниматься модернизацией страны элиту заставляет потребность собственного выживания, ибо только в сильной, эффективной стране, элита может быть защищена. Поэтому, чтобы сохранить себя, свою власть, собственность и капиталы элита вынуждена укреплять и совершенствовать свою страну в соответствии с вызовами времени. В таком прочтении модернизация есть непосредственная деятельность государства по организационно-техническому переустройству при максимальной концентрации полномочий по преодолению накопленного отставания.

Определимся в терминологии по отношению к слову «элита» – аксиологический подход подразумевает, что входящие в элиту индивидуумы обладают более высокими интеллектом, талантом, способностями, компетентностью по сравнению со средними показателями конкретного социума; элита, это лучшая часть общества, которой гордится вся страна и с которой берут пример; элита живёт в своей стране, всё делает для её процветания, занимается благотворительностью и не мыслит своего существования вне своей родины. Находящиеся же у власти компрადоры, с несколькими гражданствами, активами и недвижимостью за рубежом, криминальным прошлым и криминальным настоящим, элитой по определению не являются и на проведение востребованной модернизации не способны.

Адекватная рефлексия предполагает не только своевременное выявление и экспертную оценку рисков, но и активные действия по устранению последствий, равно как и учёт подобного опыта в будущем, что актуализирует вопрос о профессионализме работающих в области управления рисками и безопасности жизнедеятельности. Речь идёт о таком важном атрибуте государственного строительства как подготовка специалистов и руководителей, способных радикально пресечь развитие катастрофического сценария, владеющих соответствующими методами и специализированными средствами диагностики рисков, и способами управления ими, что актуализирует принцип учета человеческого фактора, который является наиболее критическим и уязвимым в социальных преобразованиях. С.Сулакшин отмечает, что «для каждой страны поверхность успешности индивидуальна. Совершенно ясно, что особенности национальной экономики настолько существенны, что любые переносы успешного опыта, good practice из западного опыта неэффективны. При этом поражает разница

между оптимальными решениями, которые позволили бы взобраться на вершину поверхности успешности, и фактическим управлением в современной России. Сомнительно, чтобы подобная ситуация могла сложиться случайно, вследствие некомпетентности чиновников»²⁴.

Речь в данном случае не об «агентах влияния», действительно внедряемых в ходе геополитических игр во все времена в управленческие структуры стран-оппонентов. Дело в том, что модернизация общества есть процесс постоянной реорганизации, адаптации к изменяющимся внешним условиям, поддержанием относительной гомеостатической стабильности, а значит, это социальное целенаправленное действие аппарата государственного управления, процесс управляемый и направляемый, и осуществляемый посредством в том числе и бюрократических структур. Поскольку большинство постсоветских стран, даже при наличии на комплементарных основаниях элементов Y-матрицы, являются странами с институциональным устройством, соответствующим X-матрицам, с присущим последним вертикалью власти и большим по сравнению с рыночными обществами бюрократическим аппаратом регламентации и распределения, то обращение нами к вопросу чиновничьей номенклатуры в разрешении проблемы модернизации представляется актуальным.

Впервые после Конфуция знания о бюрократии попробовал упорядочить, рассмотрев их через призму социологии, М. Вебер²⁵, который наряду с должным профессионализмом, отмечал необходимость наличия у госслужащих высоких морально-этических качеств, элиминирующих коррупционные риски, что вполне согласуется с конфуцианскими посылами, поскольку бюрократии, особенно нижним и местным её уровням, свойственна тенденция использовать делегированную центром власть для обеспечения прежде всего собственных нужд, в ущерб общим государственным интересам. Заметим, что упоминаемые М.Вебером отрицательные черты патримониальной бюрократии наблюдаются и в рационально устроенных аппаратах западных обществ. Обще и схематично функционирование систем управления обществ с X-матрицей выглядит следующим образом.

Имеющая традиционно не три, а пять ветвей власти (включая дополнительно экзаменационную и контрольно-ревизионную ветви) подобная модель достаточно эффективно функционирует несколько тысяч лет в азиатских обществах. Находясь в условиях постоянного геополитического давления азиатские общества принимали исторически формы выживания

²⁴ Сулакшин С. Угрозы национальной безопасности и модернизация России // Труды Всероссийской научной конференции «Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание», 4 декабря 2009г. – М., Президиум РАН, 2009.

²⁵ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.

континентальных империй. Под термином «социалистическая империя» понимается общество, наделённое жёсткой организационной структурой и регламентирующее общественные отношения с целью противостоять внутренним или внешним угрозам; организация военных сил государства, распределение продуктов питания и земли исходя из соображений социальной справедливости или военной целесообразности, с относительной равномерностью в распределении жизненно необходимых средств. В случае нарушений в системе государственного регулирования представители военного сословия или чиновничьего аппарата овладевают государственной властью и используют имперскую организацию в своекорыстных целях; происходит процесс феодализации, который, в свою очередь, приводит к распаду империи. Суть всех постсоветских изменений, по мнению ряда аналитиков²⁶, заключалась в том, что имеющиеся в политической сфере властные номенклатурные статусы обменивались в экономической сфере собственностью, например, произошел фактический силовой захват под прикрытием всеобщей приватизации нефтегазодобывающих и иных высокорентабельных производств. В сложившихся условиях постсоветских реалий бюрократия трансформировала власть в источник прибыли. Несмотря на то, что, как указывал К.Маркс, «само насилие – есть экономическая потенция»²⁷, а Э.Шутц утверждает, что «эксплуатация труда есть характеристика всех отношений власти»²⁸, только в постсоветских странах, с нарушенными функциями государственного управления наблюдается феномен, когда «не только чрезмерные или нажитые нечестным путём деньги, но все прибыли частично (и иногда в значительной степени) определяются скорее властью, чем эффективностью производства (даже самая нерентабельная и непроизводительная фирма может получить доход, если она способна навязать свои условия рабочим, поставщикам, дистрибьюторам и потребителям)»²⁹. В итоге, как подчёркивает К.Херрман-Пиллат, «в условиях последовательно функционирующей экономики типа *laissez faire* (принцип невмешательства – экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным – П.В.), каждый предприниматель стремится не к прибыли, а в первую очередь к монопольной, а значит, властной позиции, позволяющей ему затем максимизировать прибыль, которая в итоге превышает ту, которую он может получить в

²⁶ См., например: Ельчанинов М. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социологические исследования. 2003. № 8; Коэн С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.

²⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 23. С. 761.

²⁸ Schutz E. Markets and Power // Journal of Economic Issues. 1995. Vol. XXIX. No.4. P.1154.

²⁹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 53.

итоге свободной и равноправной конкурентной борьбы»³⁰. Но, поскольку, двигателем экономики является не факт наличия частной собственности, не рынок сам по себе, а факт конкуренции, а именно её обуржуазившаяся бюрократия выдержать не в состоянии, то логично предположить её действия в поддержании существующего положения дел и всяческом препятствии модернизационным процессам.

Методы решения этой проблемы в обществах с Х-матрицей известны и многократно апробированы в течение тысячелетий. Постоянные ротации кадров и методы противокоррупционной санации и сегодня можно проследить на примере работы управленческого аппарата в Китае и на примере модернизации Сингапура, проведённой Ли Куан Ю, где действуют принцип «У каждой ошибки и преступления есть имя, фамилия и должность» и соответствующие карательные меры. В контексте модернизации мы трактуем это как необходимость оптимизации бюрократического аппарата до начала проведения крупномасштабных преобразований.

Последний принцип регулярной обновляемости, настаивающий на том, что востребованные модернизации должны быть регулярным управленческим действием, логически проистекает из предложенной нами альтернативной существующей экспликации понятия модернизации как социально-исторического феномена, без привязки к периодизации коэволюционного развития обществ Запада с эпохами Модерна, Постмодерна, Второго Модерна и т.д., и обоснован нами в авторской концепции о модернизации как реакции на изменение внешнесредовых условий и непосредственные воздействия экзогенного происхождения, средстве поддержания относительного гомеостатичного состояния социальной системы перед угрозой внешних геополитических рисков и угроз³¹.

Анализ исторического опыта переустройства общественной жизни в отношении волонтаристских реформ, бездумных следований конъюнктурным соображениям или наоборот, преступных бездействий аппарата государственного управления подтверждает: невозможность однозначной просчитанности совершаемого исторического выбора, но обязательность калькулирования рисков и последствий не только для текущего момента, а и на историческую перспективу; необратимость подобного выбора, последствия которого отнюдь не сиюминутны и выходят за рамки жизни поколения, совершившего такой выбор, определяя паттерн последующего

³⁰ Херрман-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. 1999. №12. С.49.

³¹ См.подробнее: Погосян В., Социальная модернизация: стратегия выживания. М.: ИНИОН РАН, 2008; Погосян В., Амбивалентность модернизации: опыт историко-социологической концептуализации. Ереван: ЕГУ, 2015.

развития; необходимость точного знания и табуирования таких социальных действий, в которых содержится потенция катастрофического сценария.

Основной характеристикой жизнеспособной социальной системы является её функциональное адаптивное свойство изменяться, и эти изменения могут являться как следствием вызванных внутренними имманентными процессами структурных трансформаций, так и адекватной реакцией на воздействие внешнего окружения, что актуализирует следующие задачи государственного управления:

1. Необходимость следования принципу инвариантности, поддержания в процессе реформ их конструктивного характера, не нарушающего создающие системную целостность социальные связи.
2. Обязательность разрешения возникших социальных проблем, с чётко сформулированными и понятными обществу целями изменений, сохранением при этом положительного вектора общественного развития, минимизацией рисков и социальных издержек в процессе востребованных преобразований и безальтернативно-эффективным результатом реформ.

Основой современной государственной политики модернизации должна стать заинтересованность в утверждении новой социальной реальности со сменой технологического уклада, в постиндустриальном развитии общества, реализуемого через структурную перестройку производственного процесса на новой технологической основе с заменой предшествующих механизации и автоматизации на повсеместную компьютеризацию; перестройка социальной структуры для обеспечения соответствующих условий для функционирования интеллектуального капитала, являющегося приоритетным в сформировавшемся всемирном хозяйственном укладе. Сформулированные нами базовые принципы модернизационной политики могут послужить методологической основой востребованных преобразований. Через призму этих принципов должны рассматриваться вызовы сложившейся социальной реальности, и практическая имплементация модернизационных программ.

Список литературы

1. **Стариков Н.** Геополитика: Как это делается. СПб: Питер, 2014. (Серия «Бестселлеры Николая Старикова»).
2. **Маринченко А.** Геополитика. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2009.
3. **Ленин В.** Главная задача наших дней / ПСС, 5-е изд., М.: Политиздат, 1979. Т.36.
4. **Данилевский Н.** Россия и Европа. М.: Известия, 2003.
5. **Сулакшин С.** Угрозы национальной безопасности и модернизация России // Труды Всероссийской научной конференции «Национальная безопасность:

- научное и государственное управленческое содержание», 4 декабря 2009г. – М., Президиум РАН, 2009.
6. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
 7. Ельчанинов М. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социологические исследования. 2003. № 8.
 8. Коэн С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.
 9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 23.
 10. Schutz E. Markets and Power // Journal of Economic Issues. 1995. Vol. XXIX. No.4.
 11. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
 12. Херрман-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. 1999. №12.
 13. Погосян В., Социальная модернизация: стратегия выживания. М.: ИНИОН РАН, 2008;
 14. Погосян В., Амбивалентность модернизации: опыт историко-социологической концептуализации. Ереван: ЕГУ, 2015.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мария Заславская, доктор социологических наук, профессор кафедры
прикладной социологии Факультета социологии Ереванского государственного
университета, Армения

TO THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL CONFLICT POTENTIAL IN THE CONTEXT OF PUBLIC SECURITY

Maria Zaslavskaya, Doctor of Sociology, Professor, Department of Applied
Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia

Abstract. In this article the conceptual model of measuring the potential of the social conflict in the society and a variant of a typology of social situations in terms of potential's structure are represented. Analysis related to conflict potential components gives an indication of the stability of existing assessments and public attitudes and of degree of their intensity. Mentioned analysis can characterize the structure of the population in terms of the conflict potential and identify the main factors that determine the conflict potential. Such an analysis is relevant in terms of conflict management with differentiated approaches related to various groups of population.

Keywords: social conflict, public security, potential of social conflict, conflict management.

Проблема возникновения социального конфликта в обществе тесно связана с вопросами обеспечения социальной безопасности. В дискурсе социологического анализа общественной безопасности рассматривается широкий спектр концептов, таких как социальная напряженность, уровень конфликтности общества и др., так или иначе связанных с опасностью возникновения социальных конфликтов. Отметим, что социальные конфликты как в научной литературе, так и в законодательствах многих стран рассматриваются как факторы, являющиеся в целом угрозами национальной безопасности страны. С учетом того, что конфликты имеют различную роль и место в процессе формирования угроз общественной безопасности в целом, одним из центральных мест для оценки угроз безопасности общества занимает расчет так называемого потенциала социального конфликта. Потенциал социального конфликта в обществе – это уровень социальных противоречий в общественных отношениях, являющихся возможной предпосылкой углубления конфликтной ситуации, возникновения (или реанимации) и дальнейшей эскалации определенного социального конфликта. Вообще говоря, определение потенциала конфликта может относиться как к внешним конфликтам, так и внутренним. Особый интерес представляет изучение и измерение потенциала внешнего конфликта в условиях так называемых «замороженных» конфликтов, когда развитие конфликта зависит от внутренних, часто скрытых механизмов, анализ потенциального воздействия которых сложно измерять. Однако в последние десятилетия проблема оценки потенциала внутриобщественного конфликта получила особую актуальность в связи с эскалацией целого ряда этнических и конфессиональных конфликтов по всему миру. Недавние события в Европе, Африке и США являются тому подтверждением.

Для определения и концептуализации потенциала конфликта мы будем основываться на интегративном подходе конструктивизма и инструментализма в объяснительной модели потенциала конфликта. В соответствии с упомянутым подходом, рассматриваются следующие составляющие потенциала конфликта:

- политическая (активная) составляющая потенциала конфликта;
- общественная (инертная) составляющая потенциала конфликта;
- инструментальная (трансляционная или информационная) составляющая потенциала конфликта.

Политическая составляющая конфликта определяется теми общественными структурами, которые непосредственно влияют на процесс принятия политических решений, и обладают возможностью их реализации.

Анализ политического поля³² позволяет выявить механизмы управления конфликтом и, исходя из интересов акторов политического поля, определить направление векторов дальнейшего их воздействия на конфликтную ситуацию.

Анализ *политической составляющей* социального конфликта формируется, прежде всего, на основе анализа *политического интереса* акторов политической власти и интернализации ими конкретных целей при реализации тех или иных политических решений. Чем более велик политический интерес в поддержании или углублении конфликтной ситуации, тем более значим потенциал конфликта. На процесс формирования политического интереса влияет целый ряд как *эндогенных*, так и *экзогенных* факторов.

Общественная составляющая конфликта определяется теми общественными настроениями и действиями, приемлемыми в обществе, которые в дальнейшем могут служить основной для углубления конфликтной ситуации, ведущей через мобилизацию к активной фазе конфликта или напротив, к ослаблению конфликта. Это так называемая «инертная масса» потенциала конфликта, которая в результате управленческого и манипулятивного воздействия со стороны политического активного поля может включаться в процесс трансформации конфликтной ситуации, и может способствовать как эскалации конфликта, так и его элиминации, в зависимости от уровня социальной толерантности и общественного согласия, которые характерны для данного общественного поля. Таким образом, общественное поле обладает определенным потенциалом, который в некоторых условиях может служить катализатором политического воздействия, либо ему противостоять.

Общественная составляющая конфликта может быть охарактеризована тремя компонентами: *аффективной* (эмоциональной), *конативной* (поведенческой) и *когнитивной* (познавательной) компонентами.

Аффективная (эмоциональная) компонента характеризует эмоциональное отношение людей к конфликту и его составляющим, основана на системе общественных ценностей, установок и стереотипов. Может способствовать как эскалации конфликта, так и его элиминации.

Когнитивная компонента потенциала непосредственно связана со степенью интернализации представлений о конфликте и «образе врага», с

³² Здесь и далее термин «поле» будет рассматриваться по аналогии с концепцией Бурдьё, как «специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают», или иначе говоря «структурированные пространства позиций» в определенных областях жизнедеятельности общества (см. [1], стр.8).

осознанием конкретных интересов и конкретных целей акторов в конфликте.

Поведенческая (конативная) компонента характеризуется конкретными действиями, либо готовностью на определенные действия, направленными либо на углубление конфликта, либо на его элиминацию.

Степень напряженности поля, измеряемого степенью полярности оценок по указанным трем компонентам и степенью противоречивости между ними или уровнем корреляции между ними, определяет *величину, характер и устойчивость* потенциала конфликта.

Максимум общественной составляющей потенциала конфликта достигается при поляризации всех трех составляющих характеристик поля в направлении углубления конфликта при условии их значимой положительной корреляции. Минимальные значения рассматриваемого потенциала конфликта достигаются при поляризации всех трех составляющих характеристик поля в направлении элиминации конфликта также при условии их значимой положительной корреляции. Чем более значима связь между тремя компонентами, тем более устойчив потенциал конфликта. Нестабильную ситуацию с точки зрения потенциала конфликта характеризует отсутствие корреляции между указанными компонентами.

Измеряя три компоненты общественного потенциала, можем выделить ареалы внутренней непротиворечивости в коллективных представлениях. Эти ареалы рассчитываются исходя из интервалов шкал, где имеется тройная корреляция между шкалами когнитивной, конативной и аффективной компонент. Полярно противоположные этим ареалам – ареалы внутренней противоречивости, которые характерны тем коллективным представлениям, которые наиболее чувствительны к манипулятивным факторам. Такие ситуации наиболее опасны в процессе вероятного углубления конфликта, как наиболее непредсказуемые.

В итоге можем типологизировать ряд ситуаций, схематично характеризующих коллективные представления о социальном конфликте. Мы исходим из значимости положительных корреляций между тремя введенными в рассмотрение компонентами³³.

1. Ситуация, характерная для отношений, основанных на стереотипах, не проявляющихся в связанных с ними действиях; возникает при значимой корреляции только когнитивной и аффективной компонент.
2. Нестабильный эмоциональный всплеск, выражающийся ситуативными актами (например, вандализм, погромы и т.п.), обычно не-

³³ Приведенная типология ситуаций основана на типологии, представленной в работе [4].

долговременны; возникает при значимой корреляции только конативной и аффективной компонент.

3. Ситуации холодного обдуманного расчета, связанными с факторами интенциональной рациональности; возникают при значимой корреляции только конативной и когнитивной компонент.
4. Ситуация тройной корреляции между всеми компонентами, характеризующаяся внутренней непротиворечивостью представлений членов группы. Такие ситуации очень трудно поддаются трансформации.
5. Ситуация внутреннего противоречия в представлениях, характеризующиеся отсутствием каких-либо значимых корреляций между компонентами и характеризующиеся спонтанностью и непредсказуемостью в развитии конфликта.

Фактически, каждая ситуация характеризуется 2-мя основными характеристиками: величиной общественного потенциала конфликта и степенью стабильности ситуации.

Анализ общественной составляющей социального конфликта дает возможность охарактеризовать потенциальную *скорость* их возможных трансформаций, количество временных и экономических ресурсов, необходимых для реализации этих трансформаций. Исследование конфликтов в соответствии с рассмотренной схемой предполагает измерение и анализ соотношения всех трех компонент социального потенциала конфликта.

Инструментальная составляющая конфликта определяется объемом и характером той информации, которая транслируется в общественные массы через СМИ и служит средством манипулирования и трансформации общественного потенциала конфликта. Это поле служит связующим звеном между политической и общественной компонентами и является инструментом воздействия со стороны политических акторов на общественное сознание. Анализ транслируемой информации характеризует направление управленческого воздействия на общественную составляющую. На основании анализа этой компоненты можно судить о *степени структурированности* потенциала конфликта.

В этой связи можно выделить, по крайней мере, три характерные ситуации³⁴.

Во-первых, это *гиперструктурированная* ситуация, которую можно описать словами китайского мыслителя Сунь-Цзы: *"Путь — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он*

³⁴ Типология приведенных ситуаций рассмотрена по аналогии с работой [2].

не знает ни страха, ни сомнения»³⁵. Иными словами, такие социальные ситуации характеризуются институционализацией проявлений конфликтного потенциала в межличностных взаимодействиях на уровне всего общества. Такие гиперструктурированные ситуации могут соответствовать уровню конфликтного потенциала в обществе и поддерживаться, так сказать, «снизу», на уровне общественных взаимоотношений, а могут привноситься «сверху», не соответствуя общественным настроениям. В этом случае ситуации нестабильны, и структуры недолговечны.

Во-вторых, это – *гиперхаотическая* ситуация, которая в противовес гиперструктурированной ситуации характеризуется отсутствием упорядоченных структур во взаимодействиях по отношению к конкретному социальному конфликту, это состояние в обществе можно образно охарактеризовать поговоркой «каждый сам себе голова».

И, наконец, среднее, так сказать, «*мезоструктурированное*» состояние общества можно охарактеризовать как ситуацию, где нет макроструктурированности взаимодействий (т.е. на уровне всего общества в целом), но структурированность сохраняется на уровне отдельных семей, социальных групп, организаций. Эти категории могут быть прослежены при социологическом анализе содержания той информации, которая транслируется в общество посредством СМИ, включая также анализ данных в сети Интернет. В данном контексте актуальны как количественные, так и качественные методы анализа документов, применяемые не только к источникам официальной прессы, но и к источникам так называемой гражданской журналистики, реализуемой в основном в сети Интернет, а также к анализу индивидуальных мнений пользователей в комментариях к тем или иным материалам в сети по конкретной конфликтной ситуации.

Силами факультета социологии в течение последних 10 лет проводился ряд исследований населения Армении на предмет изучения социального конфликтного потенциала.

Одним из практических результатов подобного рода исследований может служить сравнительный анализ потенциалов различных конфликтов, их непротиворечивости и глубины для различных групп населения. В частности, анализировался потенциал этнических конфликтов в армянском обществе по отношению к этническим группам, проживающим на территории Армении. В результате исследования можно было заключить, что молодежь Армении требует более пристального внимания для привнесения и актуализации идей толерантности и сотрудничества. Группы населения, более других приверженные патриархальным устоям жизни, как правило,

³⁵ См. [3], стр. 201.

характеризовались относительно высоким общим потенциалом этнической конфликтности.

Основной потенциальной социальной опорой для уменьшения потенциала этнических конфликтов являются группы населения Армении, обладающие относительно высоким уровнем материальной обеспеченности. Роль подобных социальных групп в формировании общественного мнения значительна. Подобные группы населения и их роль в формировании общественного мнения заслуживают отдельного изучения. Отметим, что в целом потенциал этнических конфликтов в армянском обществе является невысоким.

Таким образом, социологический анализ величины социального потенциала конфликта указывает на факторы, которые имеют существенное влияние на развитие этнических конфликтов, тем самым давая возможность определять методы и векторы воздействия на эти конфликты. Предложенная модель анализа потенциала конфликта позволяет проанализировать возможные перспективы развития социального конфликта. Анализ соотношения компонент конфликтного потенциала позволяет судить о внутренней непротиворечивости существующих оценок и установок населения. Кроме того, упомянутый анализ позволяет охарактеризовать структуру населения с точки зрения глубины потенциала конфликтности, выделить основные факторы, определяющие его. Такой анализ может быть актуален с точки зрения возможностей управления конфликтом с применением дифференцированного подхода к различным группам населения.

Список литературы

1. **Бурдые П.** Социология политики: Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М.: SocioLogos, 1993. 336 с.
2. **Заславская М.И.** Проблемы восприятия идентичности в этнических конфликтах. Ежегодник факультета социологии 2007, Ереван: Изд-во ЕГУ, 2008, стр. 52-65.
3. **Сунь-Цзы.** Искусство стратегии. Эксмо-Пресс, М., 2006.
4. **Harutyunyan L.H., Zaslavskaya M.I.** Construction of conceptual model of social potential of an ethnopolitical conflict (on the basis of sociological researches data). Bulletin of Yerevan University, N 130.5, 2010, стр. 26-34.

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам социологического исследования)³⁶

*Любовь Внукова, кандидат политических наук, старший научный
сотрудник, Ростов-на-Дону, Россия*

THE RIGHT-WING IDEOLOGEMES AMONG YOUTH IN ROSTOV REGION (on materials of sociological studies)

*Lyubov Vnukova, PhD in political science, Senior Research Fellow,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The right-wing ideologemes and extremist views are analyzed in the minds of university students in Rostov-on-Don by means of the sociological survey. Respondents were asked to express to the events in Ukraine, to the idea of the "Russian world", the problems of migrants, historical events, and so on., as well as to directly compare assess their ideological and political views and values. Sources of political information were analyzed with the dependency of direction's education. There is a small group with established extremist nationalistic beliefs. Right-wing ideologemes are present in the minds of 30% of young people.

Keywords: Radical right-wing ideologies, student youth, Russian nationalistic beliefs.

В современном информационном обществе Интернет становится важнейшим инструментом воздействия на сознание молодежи с целью формирования ультрарадикального мировоззрения. Соответствующие материалы и пропаганда терроризма широко представлены в контенте сайтов международных террористических организаций более чем на сорока языках. Экстремистские радикальные националистические организации также работают в этом поле. Представители этих организаций активно пользуются новыми программными продуктами для шифрования трафика и обеспечения анонимности (прокси-серверы, TOR-сети, RDP- и HTTPS-протоколы и др.)³⁷.

³⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00302а "Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области".

³⁷ Седов А.С. Национальный опыт противодействия терроризму // Вестник национального антитеррористического комитета. 2015. №1 (12). С. 12.

В докладе «Центра экономических и политических реформ» «Борьба с экстремизмом в современной России: правоприменительная практика», опубликованном 5 мая 2016 г., говорится, что правовой термин «экстремизм» характеризует не единое социальное явление, а «целый конгломерат разнородных общественно-политических и социокультурных практик в разных сегментах общества»³⁸. Широкая трактовка, используемая в законодательстве, позволяет характеризовать многие действия как экстремистские. В одном из выводов этого документа перечисляются группы, к которым применяется уголовная часть антиэкстремистского законодательства. Прежде всего, это представители националистических организаций и группировок, а также радикальных исламистских движений в России. В последние несколько лет к этим группам добавилась ненационалистическая политическая оппозиция, проявившая себя в ходе украинского кризиса. В Докладе на основе статистических данных судебного департамента при Верховном суде РФ представлен социальный портрет осужденных. В совокупности по статьям главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (ст. 275-284.1) за 2015 год было осуждено 525 лиц. Только 4,6% из них – женщины. Более половины осужденных – молодежь до 25 лет (в возрасте 14-17 лет – 12,2%, 18-24 года – 42,5%, 25-29 лет – 15,6%, 30-49 лет – 25,1%, 50 лет и старше – 4,6%)³⁹.

Поскольку именно молодежь как социально-демографическая группа является наиболее уязвимой, в Ростове-на-Дону в рамках проекта РГНФ был проведен социологический опрос для выявления праворадикальных идей, настроений, националистических убеждений в сознании студенческой молодежи. Теоретическая основа данного исследования была представлена в статье «Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков»⁴⁰. Поцелуев С.П. и Константинов М.С. опираются на разработки Р. Гриффина, М. Фридена, А.А. Галкина и др. и выделяют в качестве базовых идеологем-концептов радикальный ультранационализм и идею посткризисного революционного возрождения (палинггенез), выражающуюся в возрождении «Великой России», воссоединении «искусственно разделённого русского народа» (великороссов, малороссов и белорусов). В качестве смежных концептов указываются: антилиберализм, антиконсерватизм, им-

³⁸ Борьба с экстремизмом в современной России: правоприменительная практика // <http://cepr.su/wp-content/uploads/2016/05/Борьба-с-экстремизмом.pdf> (дата обращения: 19.05.2016).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Поцелуев С.П., Константинов М.С. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014. №3. С. 70–90.

периализм, холизм и др. Периферийными концептами называются: культ личности, парамилитаризм, шовинизм, антисемитизм и др.

Рабочая гипотеза при разработке анкеты, основанная на других исследованиях, заключалась в том, что осознанно праворадикальные взгляды будут разделять около 3-5% молодых людей. Естественно, что напрямую спрашивать о таких порицаемых большинством вещах бессмысленно, поэтому цель анкеты состояла в выявлении разделяющих в той или иной степени радикальные националистические убеждения, т.е. носителей отдельных праворадикальных идеологем, через оценку событий на Украине, поскольку такие потрясения стимулируют рефлексию национальных вопросов и формируют воззрения. Кроме того, респондентам предлагалось выразить отношение к политическим и общественным деятелям, идее «русского мира», историческим событиям, проблемам с мигрантами и пр., а также для сравнения напрямую оценить свои идейно-политические взгляды и ценности.

Соцопрос на тему «Украинский кризис глазами студенческой молодежи» проводился с конца апреля по начало июня 2015 года в вузах Ростова-на-Дону: Южном федеральном университете, Ростовском государственном университете путей сообщения, Южно-Российском институте-филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Донском государственном аграрном университете, Донском государственном техническом университете. Всего было опрошено 718 человек (350 юношей, 368 девушек). В анкете был 41 вопрос, включая 8 паспортных. Структура выборки состояла из деления респондентов на 2 группы: студентов 1 курса и 3-5 (в основном был опрошен 4 курс), чтобы сравнить данные по первому и старшим курсам, также учитывалось направление обучения: гуманитарное, естественнонаучное, инженерно-техническое и сельскохозяйственное. Для правильной интерпретации результатов важно указать, что 69,6% в графе «Ваша национальность» собственноручно написали «русский(-ая)», 63,1% из Ростовской области.

Поскольку в рамках небольшой статьи не представляется возможным представить все результаты социсследования, сконцентрируемся на тех ответных позициях, которые напрямую маркируют наличие праворадикальных взглядов. Респондентам было предложено выразить свое отношение в форме симпатии/антипатии (неприязни) к отечественным и зарубежным политическим и общественным деятелям, всего 20 фамилий, среди которых были представлены и праворадикальные. Э.В. Лимонов набрал 3,8% симпатии, А.П. Баркашов – 3,5%, а А. Гитлер целых 6%! К «консерватору» А.Г. Дугину, взгляды которого смело можно идентифицировать как праворадикальные, проявляют симпатию 7,9%. Примечательно, что подавляющее бо-

льшинство просто не знают кто такие Баркашев и Лимонов, Дугин, т.е. затруднились ответить 86,6%, 79,8% и 80,2% соответственно (Таблица 1.)

Таблица 1. Какие из нижеперечисленных политиков и общественных деятелей вызывают у Вас чувство...?

	Политический деятель	симпатии	антипатии (неприязни)	затрудняюсь ответить
1	В. И. Ленин	45,1	19,5	35,4
2	В. В. Путин	83,0	6,1	10,9
3	В. В. Жириновский	42,2	30,5	27,3
4	И. В. Сталин	41,4	26,2	32,5
5	Р. А. Кадыров	43,5	23,4	33,1
6	Б. Е. Немцов	9,5	27,4	63,1
7	Э. В. Лимонов	3,8	16,4	79,8
8	А. Д. Сахаров	36,1	4,5	59,5
9	И. И. Стрелков (И. И. Гиркин)	10,4	8,8	80,8
10	А. Г. Дугин	7,9	11,8	80,2
11	А. П. Баркашов	3,5	9,9	86,6
12	М. Б. Ходорковский	12,4	26,7	60,9
13	А. А. Проханов	6,5	12,4	81,1
14	Марин Ле Пен	15,5	8,6	75,9
15	Эрнесто Че Гевара	54,3	9,2	36,5
16	Маргарет Тэтчер	39,7	20,8	39,6
17	Мао Цзэдун	38,2	14,3	47,5
18	Ангела Меркель	17,5	48,7	33,7
19	Адольф Гитлер	6,0	79,9	14,1
20	Усама бен Ладен	7,5	60,6	31,9

Среди предложенных 12 групп источников политической информации (телевизионные каналы, радио, газеты, Интернет-СМИ), 3,3% указали, что больше всего доверяют газетам: «Слово Русским», «Завтра», «Русский порядок», «Вести славян Юга России». Интересные результаты предоставляет анализ этого вопроса: «Какому из источников политической информации Вы доверяете больше всего?» и направленности образования, осуществленный с помощью z-стандартизации. Если значение Z заключено между -1 и $+1$, то наблюдаемое значение x_i представляет собой случайное отклонение от средней величины x . Если значение $Z > +1$ или $Z < -1$, то соответствующая наблюдаемая частота представляет интерес как не подчиняющаяся нормальному распределению или даже являющаяся выбросом за его значения (если больше $+2$ или меньше -2), т.е. данная наблюдаемая частота существенно отличается от среднего значения, которое может рассматриваться, по сути, как случайная величина. Рассматривая только эти значения z , можно сделать вывод, что гуманитарии не склонны использовать радио для

получения политической информации, среди них пользуются популярностью Телеканалы «Дождь» и «РБК», газеты «Ведомости», «Новая газета», «Коммерсантъ», гуманитарии предпочитают «быть в курсе политических событий», т.к. в меньшей степени выбирали ответ «не пользуюсь никаким» [источником]. Студенты естественнонаучной направленности образования наоборот не пользуются никаким источником политической информации. Единственной «популярной» категорией являются «Сети I2P, Tor, Darknet и др.», о которых подавляющее большинство населения просто не знают. Они распространены только «в узком кругу» профессионалов и людей, желающих скрывать свое присутствие в Интернете. Естественнонаучная направленность образования снижает интерес к центральной для нашего исследования категории «Слово Русским, Завтра, Русский порядок, Вести славян Юга России», а сельскохозяйственная, наоборот, значительно увеличивает – показатель выше трех, при нормальном распределении от -1 до 1. Также у с/х популярны радио «Русская служба новостей», «Маяк», «Звезда FM», «Радио России», а сети «Сети I2P, Tor, Darknet и др.» не распространены. Среди инженерно-технической направленности образования также популярны радио «Русская служба новостей», «Маяк», «Звезда FM», «Радио России», Интернет-порталы: «Слава России», «Великая Россия», «Правый взгляд» и социальные сети Мой Мир, ВКонтакте, Facebook, Одноклассники и Twitter. Как источники политической информации не пользуются популярностью у студентов инженерно-технической направленности телеканалы «Дождь», «РБК» и газеты «Ведомости», «Новая газета», «Коммерсантъ».

На вопрос «Как бы Вы оценили события на Юго-востоке Украины?» ответ «события на Донбассе – это начало исторического собирания русских земель и возрождение великой России» выбрали 3,2%. Это утверждение является отражением базового концепта в современной праворадикальной идеологии в России. «Высвечивает» радикальные националистические настроения просьба дать оценку событиям 2014 г. на Украине – 4,7% выбрали «Майдан 2014 – это жидомасонский заговор с целью разделения братских славянских народов». Много ли 3,2-3,8% людей с праворадикальными взглядами? На первый взгляд, кажется, что нет. Предложение выбрать наиболее подходящие утверждения относительно праворадикальных взглядов у окружения, наглядно отразило степень «близости» к праворадикальным группам от 3,5% вовлеченных, до 18,2% имеющих таких «знакомых», а почти треть (31,5%) респондентов сталкивались с проявлением подобных взглядов в повседневной жизни. Таким образом, малая группа распространяет свое влияние на треть общества.

В подтверждении этого тезиса, данные об осведомленности о национально-патриотических организациях праворадикального толка. Из предложенного списка самая «известная» – это «Русское Национальное Единство»

(РНЕ), её хорошо знают 12%, что-то слышали 26,7%, т.е. в сумме почти 39%. На втором месте – «Новая Русь» (9,1% и 26,3%), третье разделили «Национально-державная партия России» (8,2% и 20,3%) и «Движение против нелегальной иммиграции» (бывший «Славянский союз») 8,2% и 16,4%. Наименее известной организацией является «Союз православных хоругвеносцев – СПХ» 3,1% и 7,4%. Таким образом, более трети студентов в той или иной степени знакомы с национально-патриотическими организациями праворадикального толка.

Высокий уровень сопряженности 31% показывают ответы на вопросы об отношении к трудовым мигрантам и о наличии людей с радикальными националистическими взглядами среди знакомых. Ответные позиции «трудовые мигранты - это социальные паразиты, несущие угрозу русским как государствообразующей нации России» выбирали те респонденты, в среде которых «довольно много людей с радикальными националистическими взглядами». И наоборот, ответ «трудовые мигранты - это необходимая для российской экономики рабочая сила» указывали респонденты, в среде которых «практически нет людей с радикальными националистическими взглядами». Точно также высокий уровень сопряженности 32% показывают ответы на вопрос: «Если Вам станет известно о межнациональном конфликте с участием представителей Вашей национальности, поддержите ли Вы их?» респонденты с «националистическим» окружением выбирали ответ «да, однозначно займу сторону представителей моей национальности, поддержу их». Далее, если мы построим таблицу сопряженности для вопроса о приемлемых способах отстаивания своих интересов (распределение ответов представлено в Таблице 2.), и наличия знакомых с радикальными националистическими взглядами, то увидим, что те, у кого много таких «знакомых», предпочитают бороться за свои интересы любыми средствами, в том числе и с оружием в руках. Точно также, эта же категория проявляет крайнюю нетерпимость к нерусской речи.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какое из нижеприведенных суждений в наибольшей мере соответствует Вашему собственному мнению?»

Утверждение:	Частота	Процент
Свои интересы надо отстаивать средствами, дозволенными законом	241	33,6
За свои интересы надо бороться только мирными средствами	325	45,3
За свои интересы надо бороться любыми средствами, в том числе и с оружием в руках	95	13,2
Все образуется само собой, ничего не надо предпринимать	13	1,8
Затрудняюсь ответить	44	6,1

Подавляющее большинство студентов индифферентны к праворадикальным взглядам, однако выявленная малая группа представляет собой значимую силу, которая в потенциале способна насильственными методами повлиять на основы общества.

**ԵՐԵՒԱՅԻ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ԵՐԱՇԽԱՎՈՐՄԱՆ
ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ ՄԱՐԴՈՒ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ
ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ (ՀՕՖ-Ի ԵՐԵՒԱՆԵՐԻ
ԱԶԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆԻ ՓՈՐՁԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)**

Միրա Անտոնյան, *սոցիոլոգիական գիտությունների
թեկնածու, Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի սոցիալական աշխատանքի և
սոցիալական տեխնոլոգիաների ամբիոնի դոցենտ, Երևանի պետական
համալսարան*

**THE ISSUE OF CHILD SECURITY IN FRAME OF HUMAN
SECURITY CONCEPT
(on Example of Experience of FAR Children's Support Center)**

**Mira Antonyan, PhD, Associate Professor, Faculty of Sociology,
Department of Social Work and Social Technologies, Yerevan State University,
Armenia**

Abstract. The idea of child security as an essential part of child protection is relatively new and not yet grounded. This prevents the transition from declaratory texts to practical interventions and the guarantee of safety. This article addresses the connection between multifactorial risks of various needs levels and levels of resilience of children's families. The survey was conducted based on cases of children in difficult life situations at FAR Children's Support Center. Thus, the article highlights corresponding levels of interventions capable of reducing security risk. As an institutional context of guaranteeing children's security, the article highlights ideas that will allow the creation of a protection network for the family via early intervention and prevention. The article also discusses the latest developments in needs (and thus, the interventions) hierarchy, as well as the Armenian reality in this context.

Key words: *Human security, child protection, risks of abuse, need, levels of intervention, systems of intervention, vulnerability, resilience, family factors, poverty, multifactorial influence.*

Անվտանգություն հասկացության վերաբերյալ դատողություններն ու մեկնաբանությունները նոր չեն, սակայն երեխայի անվտանգության գաղափարը համեմատաբար նորաշունչ է՝ որպես երեխայի պաշտպանության անքակտելի մաս, և որպես այդպիսին, շարունակում է կրել համեմատաբար քիչ և ոչ լիարժեք փաստարկված լինելու իրողության ուղղակի ազդեցությունը: Երեխայի անվտանգության գաղափարին ուղղված փաստարկները հատկապես կաղում են, երբ խոսքը վերաբերում է ընտանեկան գործոններին և ծնողների անձնական հանգամանքներին՝ գործող ցանկալի, սակայն իդեալիստական այն միջի պատճառով, որն անվերապահորեն միայն ընտանիքին և «կենսաբանական» ծնողներին է վերապահում երեխայի կայուն զարգացման, անվտանգության և պաշտպանության միակ և անմիջական երաշխավոր լինելու հնարավորությունը: Երբեմն այդ հնարավորությունը մերկապարանոց կերպով վերագրվում է բացառապես «ծնողական պարտականություններին», ինչի իրագործման կամ ձախողման պատասխանատվությունը, դարձյալ, միայն ծնողներինն է: Այդպիսով, փաստացի անարձագանք է թողնվում իրենց՝ ծնողներին օգնելու կամ բացառելու տրամաբանական պահանջը: Վերը նշված միջը հարցականի տակ դնող փաստարկների սակավությունը հանգեցնում է ձևայնացված կառույցների ու ծառայությունների միջոցով հնարավոր փոխարինող-կառուցողական լուծումների անհարկի հետաձգմանը, ինչի հետևանքով առաջ եկող սոցիալական հիմնախնդիրների գինը ստիպված են վճարել բազում երեխաներ ամբողջ աշխարհում և այդ թվում՝ Հայաստանում:

Թեև Հայաստանը վավերացրել է «Երեխայի իրավունքների մասին» կոնվենցիան և միջազգային մի շարք այլ փաստաթղթեր, որոնցում ամրագրվում են երեխայի անվտանգության երաշխավորման հարցում պետության դերը և պարտավորությունները, դժվար է համարել, որ երեխաների անվտանգությունը, պաշտպանությունը և, ի վերջո, բարեկեցությունը Հայաստանում ստացել է համապատասխան կարգավորումներ և լուծումներ:

Ինչպես առաջադիմական և արդիական համարվող շատ գաղափարներն, անվտանգությունը ևս, որպես այդպիսին, օրյեկտիվ, սակայն նաև սուբյեկտիվ իրողությունների պատճառով ընկալվում և իրացվում է լավագույն դեպքում ֆիզիկական անվտանգության իմաստով:

Անվտանգության գաղափարը տևական ժամանակ նույնականացվում էր ֆիզիկական անվտանգության հետ, մինչդեռ սկսած 1980-ական

թվականներից՝ անվտանգության հայեցակարգը «հումանիզացվեց» և, ըստ այդմ, էականորեն ընդլայնվեցին անվտանգության ըմբռնման շրջանակները:⁴¹

Այսպես, անվտանգությունը կարելի է մեկնաբանել որպես համակարգի որոշիչ հատկություն, որը բնութագրում է նրա կողմից ամբողջականության, կայունության, հարաբերական ինքնուրույնության պահպանումը և ինքնագարգացման հնարավորությունը՝ որպես ապակառուցողական ներգործություններից համակարգի պաշտպանվածության արդյունք:⁴²

Ընտանիքը որպես համակարգ համապատասխանում է թե՛ այս, թե՛ մեկ այլ մոտեցման, համաձայն որի՝ «...անվտանգությունը ռիսկերից, վտանգներից, սպառնալիքներից և մարտահրավերներից պաշտպանվածության կամ օբյեկտի կայուն գոյության (գարգացման) վիճակ է, որի դեպքում նրա կենսագործունեության որևէ բնութագրի անցանկալի փոփոխման հնարավորությունը հասցված է նվազագույնի»⁴³, քանի որ երեխայի համար ռիսկերը նվազագույնի հասցնելու երաշխիքներ ապահովելու ամենակարողունակ համակարգը, թերևս, ընտանիքն է:

Մարդու անվտանգության հայեցակարգի համաձայն՝ անվտանգության օբյեկտը մարդն է, ով պետք է ազատ լինի վախից և կարիքից, կարողանա իրացնել իրեն վերապահված արժանապատիվ կյանքի իրավունքը: Ըստ այդմ, 1994թ.-ի «Մարդկային զարգացման զեկույցում» «ազատություն վախից և կարիքից» արտահայտությունը վերաիմաստավորեց «անվտանգություն» հասկացությունը՝ ֆիզիկական անվտանգության բաղադրիչը համադրելով և լրացնելով այլ բաղադրիչներով՝ տնտեսական անվտանգություն, առողջության անվտանգություն, միջավայրային անվտանգություն և այլն: Նշված հայեցակարգը երեխայի պաշտպանության կամ երեխայի անվտանգության հայեցակարգերում գտավ իր մեխանիկական արտացոլումը, մինչդեռ համատեքստի իմաստավորումն ու տրամաբանական կապվածությունը սոցիալական քաղաքականության հետ շարունակում է նման լինել հռչակագրային

⁴¹ Hideaki Shinoda, The Concept of Human Security: Historical and Theoretical Implications, 5-22, IPSHU English Research Report Series No.19 Conflict and Human Security: A Search for New Approaches of Peace-building, 2004

⁴² Տե՛ս Մարկոսյան Ա., Տնտեսական անվտանգության հիմնախնդիրները. մեթոդաբանություն և արդյունքն: Երևան, «Նորավանք» ԳԿՀ, 2005թ., էջ 19:

⁴³ Նույն տեղում:

տեքստի: Ուստի խնդիրներից առաջինը, որին բախվում է երեխայի պաշտպանության հայեցակարգը, գործնականի հետ թույլ կապն է, կամ դրա իսպառ բացակայությունը:

Երեխայի անվտանգության վերաբերյալ պատկերացումներն, ըստ էության, շարունակում են կադապարված մնալ ամենօրյա պատկերացումների սահմաններում և մեկնաբանվում են որպես երեխայի համար վտանգի կամ չարիքի բացակայություն (ինչը նման է Պլատոնի աշխատություններում մարդու անվտանգության մեկնաբանություններին)⁴⁴: Թեև ֆիզիկական անվտանգությունն արդեն իսկ «համեմված է» անվտանգության այլ երաշխիք-բաղադրիչներով՝ տնտեսականից մինչև հոգեհուզական, այնուամենայնիվ, «ապահով միջավայր» գաղափարը երեխաների պարագայում շարունակում է հիմնականում վերաբերել ֆիզիոլոգիական պահանջմունքների ապահով բավարարմանը: Երեխայի պաշտպանությունը որպես նրա իրավունքների իրացման երաշխավորում և «... որպես մարդու կյանքի պաշտպանություն բոլոր այն միջոցներով/եղանակներով, որոնք նպաստում են մարդու իրավունքների և ազատությունների ընդլայնմանն ու իրացմանը»⁴⁵ (ՄԱԿ-ի բանաձև), դեռևս կոտ հայեցակարգման կարիք ունի ոչ թե գաղափարի՝ լավ հիմնավորված չլինելու, այլ այն տեսակետից, թե ինչպես է այդ գաղափարը կառուցակցվում սովոր պրակտիկաների վարժված իրողությունների հետ: Այն դեպքում, երբ անվտանգության հայեցակարգը դիտարկվում է որպես անհատի բարեկեցության ժամանակակից ըմբռնում, որի հաջողությունը չափվում է «... անհատների և համայնքների սոցիալական, հումանիտար և միջավայրային իրավունքների խախտման ռիսկերին արձագանքելու կարողությամբ»⁴⁶, («Գլոբալ միջավայրային փոփոխություններ և Մարդու անվտանգություն» հետազոտական ծրագիր), վերը նշված կառուցակցման անհրաժեշտությունը խիստ արդիական հարցադրում է դառնում:

Թերևս վիճարկման առարկա չէ այն պնդումը, որ ընտանիքը համարվում է արտաքին և ներքին սոցիալական ու տարաբնույթ այլ աղետներով պայմանավորված ցնցումներից երեխային պաշտպանելու,

⁴⁴ St 'u Erickson, Chris. The Poetics of Fear: A Human Response to Human Security, Bloomsbury Academic, 2010

⁴⁵ Commission on Human Security, Human Security Now: Final Report, 2003, էջ 4:

⁴⁶ 'From Definitions to Investigating a Discourse', in M. Martin and T. Owen, Routledge Handbook of Human Security, Abingdon: 2013, էջ 34:

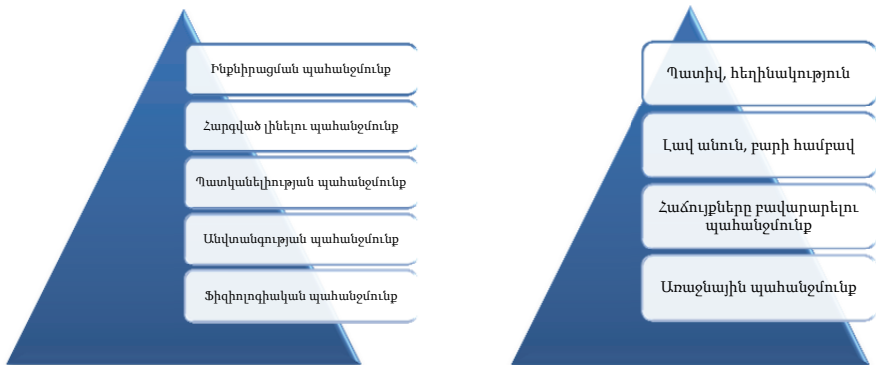
«նման ռիսկերին արձագանքելու լավագույն կարողությամբ» օժտված համակարգ, այլ խոսքով՝ երեխայի անվտանգության պահանջմունքի բավարարման հավանաբար ամենահուսալի աղբյուրը: Սակայն այն, թե ընտանիքն ինչպիսի բնութագրիչների պարագայում է ի գործու իրացնել այդ հուսալիությունը, առանձին քննարկման առարկա է:

Անվտանգության՝ վախից և կարիքից ազատ լինելու պահանջմունքների բավարարման հիերարխիայի բուրգը (Ա. Մասլոուի պահանջմունքների բուրգ)⁴⁷, դասական լինելով հանդերձ, Պինտոյի և Ժամանակակից այլ գիտնականների կողմից արդարացիորեն քննվում է հասարակության և անհատի ժամանակակից զարգացումների համատեքստում, մասնավորապես, երևույթի «խիստ անհատական, մշակույթի և կառույցների բազմազանության»⁴⁸ մեկնությունների օգնությամբ: Այլ խոսքով, կախված անհատի սեփական, անհատական մոտեցումներից (պրակտիկ-սպառողականից մինչև էքզիստենցյալ մակարդակի պահանջմունքներ), հասարակության կառուցվածքի բարդության մակարդակից (կոշտ, տոտալիտար վարքականոններից մինչև համակեցության ազատ, դեմոկրատական, փոխադարձ շահերի հաշվառման բարդ կառուցվածքներ) և սոցիալական-մշակութային բազմազանությունից (հոմոգեն միատարրությունից մինչև սեռային բազմազանության հանդեպ հանդուրժողականություն)⁴⁹ դասական բուրգի հիերարխիան ընդունում է տարբեր ձևաչափեր, ընդարձակումներ, երբեմն էլ՝ վերադասավորումներ: Համաձայն այս տեսության՝ Արևելյան Եվրոպայի տարածաշրջանի և, մեր կարծիքով, վերջինիս հարևանությամբ գտնվող երկրներին, ինչպիսին Հայաստանն է, հատուկ է բոլոր երեք չափումների՝ կառուցվածք, անհատականություն, մշակութային բազմազանություն, «ծայրաչափերի» միաժամանակյա գոյությունը: Սա հասարակական կյանքը դարձնում է պարզ ու կանխատեսելի, միաժամանակ նաև խրթին ու հակասական՝ օրեցօր բարդացող, չբացատրվող կանոններով, իսկ անհատի կյանքը դառնում է ավելի ու ավելի փոքրացող «ցանցային խտությամբ» և աստիճանաբար ինքնակենտրոնացող: Պինտոն Հայաստանի նման երկրների ներկա իրավիճակը բացատրում է 4 գործոնների տարբեր համադրությունների միջոցով, մասնավորապես՝ տնտեսական բարեկեցություն, կրոն, սոցիալական միջավայր, ան-

⁴⁷ Maslow, Abraham, "A Theory of Human Motivation," Psychological Review, Vol. 50, 1943

⁴⁸ www.davidpinto.nl, 13.10.2016, 8:54PM

ձի գենետիկ տվյալներ:⁴⁹ Համաձայն այս տեսության՝ այս չորս գործոններից յուրաքանչյուրի դեպքում Մասլոուի հայտնի բուրգում հնարավոր են փոփոխություններ ցանկացած ուղղությամբ: Հետաքրքրական է, որ նույնատիպ համադրությունների պարագայում անգամ կարող են դիտարկվել վարքի, հաղորդակցման, փորձի, ընկալման և այլնի որակական տարբեր դրսևորումներ: Ըստ նույն հեղինակի, նմանատիպ համադրությունների և կառուցվածքի պարագայում դրսևորվող տարբեր որակներն ուղղակիորեն կախված են 4 բաղադրիչների դասավորվածությունից ու համապատասխան բաղադրիչների խտությունից:⁵⁰ Ավելին, նա գտնում է, որ Մասլոուի բուրգը (նկար1) վերաբերում է արևմտյան հասարակությանը և «...չի կարող ճիշտ լինել ամբողջ աշխարհի համար»⁵¹ու առաջարկում պահանջմունքների մեկ այլ հիերարխիա (նկար 2):

Նկար 1. Մասլոուի բուրգ

Նկար 2. Պինտոյի բուրգ

Սույն հոդվածում շոշափվող էմպիրիկ տվյալները հիմնված են Հայ օգնության ֆոնդի Երեխաների աջակցության կենտրոնում վերջին երեք՝ 2013-2015թթ.-ի ընթացքում անվտանգության կոպիտ խախտումների պատճառով ապաստանված երեխաների և նրանց ընտանիքների իրավիճակի խորքային ուսումնասիրության վրա: Ուսումնասիրություն-

⁴⁹ Տե՛ս նույն տեղում:

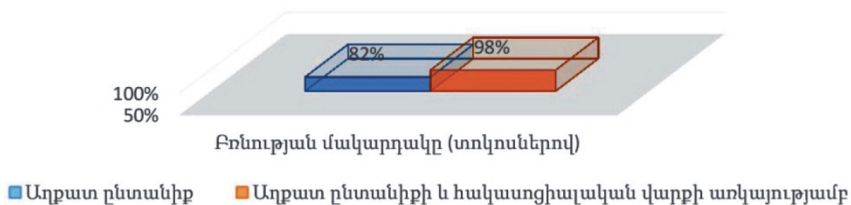
⁵⁰ Երևույթը հեղինակը նմանեցնում է ադամանդի և ածխի բաղադրության նմանությանն ու որակական տարբերություններին:

⁵¹ Նույն տեղում:

նը թույլ է տալիս Մասլոուի դասական բուրգի շրջանակներում ընդարձակումների գնալ, անգամ որոշ վերադասավորումների՝ ինչպես Պինտոյի բուրգն է հուշում: Այսպես, «ազատ՝ կարիքից» պնդումն այս հարցադրումների համատեքստում կարող է տարմեկնաբանվել որպես ֆիզիոլոգիական՝ քնի, հանգստի, սննդի, ջերմության և այլնի պարզ բավարարում, սակայն կյանքի «կանխատեսելիությունն», այնուամենայնիվ, անկախ տարիքից՝ ավելի կարևոր է, քան «այստեղ և հիմա» սկզբունքով պահանջմունքների բավարարումը: Կանխատեսելիությունը ծնողների՝ վարքագծի ընկալման հարցում հանձնառությունների ստանձնման կարողունակությունն է՝ համեմված սեփական կյանքի կառավարման հանձնառությամբ (պատվի, հարգանքի պահանջմունքի բավարարման նպատակով ընդունված նորմերի հանդեպ հանդուրժողականության մակարդակը):

Միառժամանակ գործող երկու գործոնների ազդեցության պատկերը, մասնավորապես, եկամտային աղքատությունն ու անապաստանությունը և ծնողի ասոցիալական վարքի պարագան (տարբեր «խտություններով») ուղղակիորեն բարձրացնում են երեխայի հանդեպ բռնությունների հավանականությունը (Գծագիր 1):

Գծագիր 1. Աղքատությունը և ծնողների հակասոցիալական վարքը՝ որպես երեխայի բռնության ենթարկվելու ռիսկի գործոն 2013-2015թթ. (տոկոսներով)

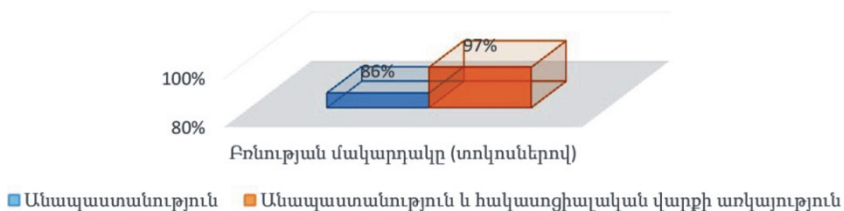

Ինչպես ցույց է տալիս Գծագիր 2-ը, բռնության ենթարկվելու հավանականությունը աճում է նաև, երբ ընտանիքը անապաստան է և ծնողները ցուցաբերում են հակասոցիալական վարք: Չնայած այս հասկանալի կորելյացիային՝ վերը նշված երկու բաղադրիչների համադրությունը ուղղակիորեն չի կրկնապատկում որևէ մեկ գործոնի ազդեցությունը: Սա նշանակում է, որ երեխայի անվտանգությանը սպառնող

գործոնները հանդիպում են ներընտանեկան այլ գործոնների, որոնք նվազեցնում են հավանականությունը՝ երեխայի արձագանքը ծնողների վարքագծին:

Այսպես, «ազատ լինել վախերից» պնդումը երեխաների պարագայում ավելի շատ վերաբերում է ծնողների սերը կորցնելու վախին: Ահա ինչու, երեխաները՝ չնայած քիչ հուսադրող իրավիճակներին, այնուամենայնիվ, անդավաճան են իրենց սիրո մեջ՝ մշտապես ձգտելով դեպի իրենց անգամ լքած ծնողները: Այս պատճառով անգամ բարդացած բռնարարքների պարագայում միայն փոքր թվով դեպքերում է տեղի ունենում երեխաների անջատումը ծնողներից: Ինչպես Մասլոուն է պնդում՝ այն հանգամանքը, որ անվտանգության պահանջմունքից բխող այս բոլոր արձագանքները կարելի է հեշտությամբ դիտարկել երեխաների շրջանում, գալիս են փաստելու, որ երեխաները մեր հասարակությունում չափազանց անպաշտպան են:⁵²

Գծագիր 2. Անապաստանությունը և ծնողների հակասոցիալական վարքը՝ որպես երեխայի բռնության ենթարկվելու գործոն (2013-2015 թթ.)

Վերականգնման և բռնության ենթարկվելու ռիսկերի նվազեցման հնարավորությունների դիտարկումը թույլ է տալիս նկատել, որ ռիսկերի ներքո գտնվելու տևողությունը էական գործոն է:

Այսպես, ապաստանված երեխաների և նրանց ծնողների 30%-ը նման ռիսկերի ներքո գտնվել է մինչև մեկ տարի, 50%-ը՝ մեկից երեք, իսկ մնացած 20%-ը՝ հինգ և ավելի տարիներ: Վերականգնման առավել մեծ հնարավորություններ ունեն այն երեխաները և ծնողները, որոնց համար ռիսկերը համաժամանակյա գործել են ավելի պակաս, քան մեկ

⁵² Տե՛ս նույն տեղում:

տարի: Օրինաչափ է նաև, որ բռնության կիրառված տեսակներն էլ համեմատաբար ավելի «մեղմ են», քան, օրինակ, հինգ և ավելի տարիներ տևող, քրոնիկ բնույթ կրող դեպքերում: Այս տվյալները հակասական են թվում, սակայն քրոնիկ դեպքերում, միննույն ժամանակ, մեծ է երեխայի՝ նոր իրավիճակներին հարմարվելու դիմադրողականությունը և ճկունության մակարդակը: «Թարմ» դեպքերի պարագայում բարձր է խոցելիությունն ու տագնապայնությունը:

Ծնողների վարքաձևերի դինամիկան իր հերթին հետևյալն է. մինչև մեկ տարի տարբեր ռիսկերի, մասնավորապես անապաստանության պայմաններում գտնվելու պարագայում մեծ է ցանկությունը և հավատը, որ իրենք ինքնուրույն կարող են փոխել իրավիճակը, մինչդեռ ավելի երկար տևողության պարագայում ավելի ու ավելի են հակված ապավինելու ֆորմալ կառույցների օգնությանը կամ ընդհանրապես չեն փնտրում օգնություն:

Մարդու անվտանգության հայեցակարգից բխող անվտանգության ապահովման երկու նախապայմանները երեխաների պարագայում վերաբերում են անհրաժեշտ օգնող-պաշտպանող կառույցներին ու ծառայություններին մի կողմից, մյուս կողմից՝ երեխայի՝ հնարավոր ռիսկերին դիմագրավելու կամ ճկունության աստիճանական աճի երաշխավորմանը:

Պահանջմունքների բավարարման դասական հիերարխիան հասարակության զարգացման ներկա համատեքստում ենթակա է ընդօրինակման, եթե հաշվի է առնվում բազմակոմպոնենտ ազդեցությունների դինամիկան և, մասնավորապես, ընտանիքներում ճկունության դրսևորումների խտությունն ու որակը:

Խնդիրն այն է, որ պահանջմունքների բավարարման հիերարխիան պարզ և հասկանալի է, երբ խոսքը գնում է, օրինակ, նոր ձևավորվող ընտանիքի մասին, ում պարագայում, կարծես հատուկ գծված պլանի համաձայն, տարբեր փուլեր հաջորդում են մեկը մյուսին. նախ մարդիկ կացարանի հարցն են լուծում, կահ-կարասիի, ապա երեխաներ են ունենում, սիրում և պաշտպանում են իրենց երեխաներին, այդպիսով, իրենց համար «երաշխավորելով» համապատասխան պատիվ և հարգանք հասարակության մեջ: Շատ ավելի խնդրահարույց է, երբ խոսքը վերաբերում է ընտանեկան կյանքի խաթարումներին այն պարագայում, երբ տեղի են ունեցել չկանխատեսված շրջադարձեր՝ աշխատանքի կորուստ, բնակարանի կորուստ անվճարունակության պատճառով, կե-

րակրողի մահ կամ բաժանում և այլն: Դատելով ապաստանած երեխաների և նրանց ընտանիքների պատմություններից, պահանջմունքների հիերարխիան կարիք կա լրացնել «ճկունության» գաղափարով, կամ խոցելիությանը զուգահեռ դիտարկել ճկունության մակարդակը (ինչպես է ընտանիքը արձագանքում նման սթրեսորներին): Ընտանեկան վարքագծերը շատ բազմազան են՝ սկսած ընտանիքի ներքին, պահպանված ռեսուրսների լրացուցիչ մոբիլիզացիայից մինչև ապակառուցողական տարբեր վարքաձևեր, որոնք երեխաների հանդեպ բռնությունների գործադրումից զատ ենթադրում են նաև ծնողների ինքնավնասման, ինքնամեկուսացման և ասոցիալ վարքի տարբեր դրսևորումներ:

Սովորաբար աղետի կամ մեկ այլ սթրեսորի ազդեցության ներքո ընտանիքի «չվնասված» ուժերը կռալիցիա են կազմում (ծնող-երեխա, ծնող-ծնող, ծնող-բարեկամներ, երեխա-ընկերներ և այլն) տարբեր համադրություններով և դիմակայում փորձությանը: Երբ աղետը բնական պատճառներով է՝ մահ, երկրաշարժ և այլն, ավելի հավանական է, որ տեղի կունենա աջակցող կռալիցիաների ձևավորմանն ուղղված մոբիլիզացիա, քան այն պարագայում, երբ իրադարձությունը «մարդածին» է՝ ուղեկցված ընտանիքի անդամներին պատճառած վիրավորանքով, հիասթափությամբ (խաղամոլություն, թմրանյութերի գործածում և այլն): Անհրաժեշտ է նշել, որ վերջին պարագայում նույնպես հանդիպում են ինքնակազմակերպվող և մոբիլիզացող ընտանիքներ, սակայն շատ ավելի քիչ, քան առաջինում:

Բազմագործոն ազդեցության վերլուծության տեսակետից Երեխաների կենտրոնի՝ բարձր ռիսկային գործոնների ներքո գտնվող ընտանիքները կարելի է դասակարգել ճկունության և դիմակայության հետևյալ չորս խմբերում.

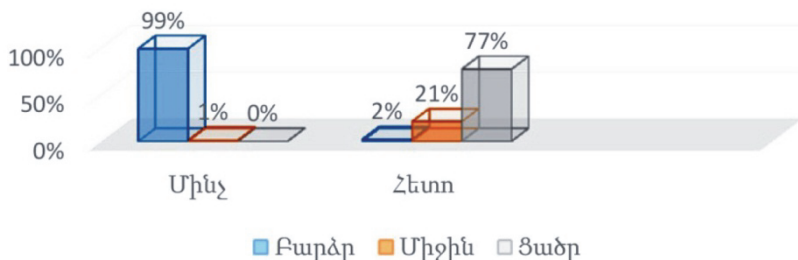
Ճկունության առաջին՝ թույլ մակարդակում այն ընտանիքներն են, որոնք տեղի ունեցած իրադարձությունների պատճառով կամ միաժամանակյա գործող գործոնների ազդեցության ներքո ինքնուրույնաբար չեն կարող լուծել խնդիրները, չեն կարող մոբիլիզանալ և, ըստ էության, «ընտանիքի ընդհանուր իրավասությունը թույլ է՝ առաջնորդող չունեն-

նալու պատճառով»⁵³, իսկ ներընտանեկան հարաբերությունները ամորֆ բնույթի են:

Ճկունության երկրորդ մակարդակում գտնվող ընտանիքների առաջնային պահանջմունքները թեև հիմնականում բավարարված են, սակայն դերերի բաշխումը, սահմանների հստակությունը, ներքին կառուցվածքն ու անցուղարձը հստակ սահմանված չեն: Բավարար հեղինակության և դերերի մոդելավորման նշված պակասը քառտիկ բնույթի հարաբերություններ է ստեղծում ընտանիքում:

Ճկունության՝ նշված երկու մակարդակների պարագայում էլ գործունենք այսպես կոչված՝ «կառուցվածքային-վերակառուցողական» միջամտություններ կատարելու անհրաժեշտության հետ, իսկ հենարանը էկոհամակարգերի աջակցության ցանցերն են, որոնց մոբիլիզացումը թույլ է տալիս բարելավել կազմակերպչական համակարգերը ընտանիքում:

Գծագիր 3. Երեխաների ռիսկայնության աստիճանը մինչև մասնագիտական միջամտությունը և դրանից հետո 2013-2015թթ. (տոկոսներով)

Գծագիր 3-ը վկայում է, որ մասնագիտական միջամտությունները, որպես արտաքին պաշտպանական համակարգերի ներգործություն, էականորեն կարող են փոխել ռիսկայնության մակարդակը, հատկապես եթե միջամտության համար ընտրված ռազմավարությունները

⁵³ Working with Families: An integrative Model by Level of Need, 5th Edition, Allie C. Kilpatrick, Thomas P. Holland, Chapter 1. Theory Base and Contextual Practice: Metatheories for Working with Families at Four Levels of Need, Pearson, 2009, էջ 121:

հաշվի են առել ճկունության համապատասխան մակարդակների հնարավորությունները:

Ճկունության երրորդ մակարդակին բնորոշ են «բարդ» ընտանիքները, որոնք “բարդ” են նախ կառուցվածքով՝ բազմասերունդ և ապա բազմաբնույթ «հատվող» էկոհամակարգերով ու աջակցության ցանցերով: Նման բազմազանության շնորհիվ ճկունության մակարդակն ավելի բարձր է, քանի որ ընտանիքը գործածում է գոյատևման և պայքարի տարբեր մեխանիզմներ՝ տարբեր համադրություններով: Հատկանշական է, որ այդ ընտանիքների հետ աշխատանքը միաժամանակ բավականին բարդ է, քանի որ արմատացած որոշակի ներքին մոդելներ չեն հանդուրժում որևէ միջամտություն:

Վերջին՝ չորրորդ մակարդակի ճկունություն ցուցաբերող ընտանիքներն առանձնանում են հետևյալ հատկանիշներով՝ հիմնարար պահանջմունքները բավարարված են, կառուցվածքային սահմանները համեմատաբար հստակ ու բավարար: Խնդիրները հիմնականում կենտրոնացած են “ընդլայնված իշխանություն” ձեռք բերելու պահանջմունքի շուրջ, իսկ մտայնությունը լիարժեք ապրելու և ընտանիքի յուրաքանչյուր անդամի ներուժի իրացումն է: Խնդիրներ կարող են ծագել պատկերացումների, ընտանիքի ներքին «կոալիցիաներում» հարաբերությունների որակի, ներքին բախումների, ներըմբռնման և հոգևոր պահանջմունքների բավարարման հետ կապված: Ի դեպ, չորրորդ մակարդակի ընտանիքները ամենաքիչն են հանդիպում կենտրոնի շահառուների թվում:

Հարկ է նշել, որ միջամտությունների ռազմավարության տեսակետից առաջին երկու մակարդակներում շեշտադրվում են առավելությունները՝ հաշվի առնելով հենարան ունենալու անհրաժեշտությունը, մինչդեռ ճկունության ավելի բարձր՝ երրորդ և չորրորդ մակարդակներում խնդիրները հստակ թիրախավորված են:

Առանց հավակնելու վերլուծության ենթարկել բազմագործոն ռիսկայնության և վտանգների հանդեպ ճկունության դրսևորումների ողջ ներկայանակը՝ ստացված տվյալների վրա կարելի է կատարել որոշ եզրակացություններ: Մասնավորապես, ընտանիքների բազմագործոն ռիսկային ազդեցությունների և ներքին ճկունության համադրման միջոցով միջամտությունների իրագործման ՀՕՖ-ի Երեխաների կենտրոնի փորձը թույլ է տալիս հետևություններ անել, որ ճկունության տարբեր մակարդակներում գտնվող ընտանիքների պահանջմունքների հիերա-

խիան դասական պատկերացումների պարզ վկայությունը չէ և վարքի, հաղորդակցման, փորձի, ընկալման և այլնի որակական տարբեր դրսևորումներ կարող է կրել: Հետևաբար, գրեթե ամեն ինչ խիստ անհատական է, ինչպես Պինտոն է համոզում, մարդիկ ավելի շատ կարևորում են հարաբերությունները, քան դրա «սուբստանցիան», իսկ բարձրագույն նպատակը ոչ թե ինքնիրականացումն է, այլ «պատիվն ու հարգանքը»⁵⁴: Ուստի, կարելի է եզրակացնել, թե ընտանիքի՝ ընդհանուր առմամբ, և մասնավորապես ծնողների՝ երեխայի անվտանգության ապահովման կարողունակության մասին դատողությունները հանգում են այնպիսի հարցերի պատասխանների որոնմանը, ինչպիսինն են, օրինակ՝ մտածելակերպի, գործելակերպի վրա որ նորմերը կամ օրենքներն են ազդում, որքանով են ասոցիալ վարք ունեցող ծնողների վերաբերյալ առկա կարծիքները տարբերվում փաստերից, և որոնք են երեխայի անվտանգության ապահովման հարցում հասարակության և ծնողների ընդհանուր շահերը: Ավելին, իմաստ ունի նաև հարց բարձրացնել՝ իսկ կա՞ն, արդյոք, համընկնումներ այդ շահերում:

Զուգահեռ գործող գործոնների և դրանց «խտության» կապը երեխայի անվտանգության երաշխավորման հետ, այսպիսով ակնհայտ է, իսկ պաշտպանիչ համակարգերի ստեղծման ներկա ձգձգումների վրա ազդող գործոնները, թվում է, պետք է փնտրել «ընդհանուր շահի» փոքր ծածկույթի կամ դրա բացակայության մեջ, ինչը այս ընտանիքներին աստիճանաբար դուրս է մղում հասարակության «մայրուղուց», իսկ երեխաներին ստիպում է ապավինել մեծմասամբ սեփական «բնական» ճկունությանը:

Վերադառնալով անվտանգության գաղափարի և երեխայի պաշտպանության համակարգի միջև կապի թերի փաստարկված լինելուն՝ կարելի է պնդել, որ հիմնական փաստարկը, ամենայն հավանականությանը, վերաբերում է պաշտպանության համակարգում երեխայի և ընտանիքների ռիսկայնության-խոցելիության և ճկունության-դիմադրողականության բազմագործոն ազդեցությունները հաշվի առնելուն և համադրելուն: Այդ համադրումը թույլ է տալիս խուսափել ընտանեկան պաշտպանության գործառույթները ձևայնացված կառույցներին փոխանցելը՝ փոխարենը ամրապնդելով ճկունությունն ու լրացնելով ընտանիքի գործառնական թերացումները: Նման կառուցողական մոտե-

⁵⁴ Նույն տեղում:

ցումների որդեգրումը խիստ արդիական է՝ երեխաների անվտանգության երաշխավորման պրակտիկ լուծումները հայաստանյան իրականություն ներմուծելու նպատակով:

Գրականության ցանկ

1. **Մարկոսյան Ա.**, Տնտեսական անվտանգության հիմնախնդիրները. մեթոդաբանություն և արդյունքն: Երևան, «Նորավանք» ԳԿՀ, 2005թ.
2. Commission on Human Security, Human Security Now: Final Report. New York, CHS, 2003
3. 'From Definitions to Investigating a Discourse', in M. Martin and T. Owen, Routledge Handbook of Human Security, Abingdon: 2013
4. Hideaki Shinoda, The Concept of Human Security: Historical and Theoretical Implications, 5-22, IPSHU English Research Report Series No.19 Conflict and Human Security: A Search for New Approaches of Peace-building, 2004
5. Maslow, Abraham. "A Theory of Human Motivation," Psychological Review, Vol. 50, 1943
6. Erickson, Chris. The Poetics of Fear: A Human Response to Human Security, Bloomsbury Academic, 2010
7. Working with Families: An integrative Model by Level of Need, 5th Edition, Allie C. Kilpatrick, Thomas P. Holland, Chapter 1.Theory Base and Contextual Practice: Metatheories for Working with Families at Four Levels of Need, Pearson, 2009
8. Դ. Պինտոյի տեսությունը և մեթոդը, www.davidpinto.nl, 13.9.2016, 20:43:

ԱԶԳԱԲՆԱԿԶՈՒԹՅԱՆ ՆԵՐԳՐԱՎՄԱՆ
ՈԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ
ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ԱՊԱՀՈՎՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ

Վլադիմիր Ավագիմյան, *նստիկանության
փոխգնդապետ, ՀՀ Ոստիկանության կրթահամալիրի
իրավաբանական ֆակուլտետի վարչական իրավունքի եվ
նստիկանության վարչական գործունեության ամբիոնի
ավագ դասախոս*

SATRATEGY OF POPULATION'S INVOLVEMENT IN THE
PUBLIC SECURITY

Vladimir Avagimyan, *Police Colonel Lieutenant,
Senior Lecturer at Chair of Criminal Procedure of
Police Educational Complex of the Republic of Armenia*

Abstract. The article discussed the modern approaches to be implemented by police forces and institutions in order to better involve target groups of population in cooperation towards safeguarding public security. The author criticizes lack of cooperation between police and population, demonstrating that lack of motivation of citizens to support police would bring to ineffective completion of security missions by police forces.

Key words: police, security, assistance, public involvement.

Ժողովրդավարական ուղին բռնած երկրներում, որպես անվտանգության կարևորագույն օբյեկտ, առանձնահատուկ նշանակություն է ստանում հասարակական անվտանգությունը, որն էլ հանդիսանում մեր կողմից ներկայացվող թեմայի հիմնական բովանդակությունը:

“Հասարակական անվտանգություն” հասկացությունը իրավաբանական գրականության մեջ մեկնաբանվում է տարբեր հատկանիշներով: Սակայն բովանդակային առումով եզրահանգումը մեկն է, այն հասկացվում է որպես՝

- 1/ իրավիճակ, երբ բացակայում է ցանկացած վտանգ հասարակության և նրա յուրաքանչյուր անդամի համար,
- 2/ այդ իրավիճակի ապահովման համար ձեռնարկվող միջոցառումներ, որոնք անձանց մոտ ստեղծում են անձնական անվտանգության զգացողություն:

Ակնհայտ է, որ յուրաքանչյուր անհատ միայն մասնակի կարող է ապահովել իր անձնական անվտանգությունը՝ գործելով օրենքի սահմաններում, չանտեսելով հասարակության և պետության շահերը: Հասարակական հիմունքներով գործող ոչ պետական կազմակերպություններն որոշ չափով կարող են ապահովել բնակչության առանձին խմբերի անվտանգությունը: Սակայն, կենսագործունեության անվտանգության ապահովման հիմնական գործիք կոչված է լինել պետությունը: Դա ոչ միայն նրա հիմնական խնդիրն է, այլև բացառիկ պարտականությունն ու առաքելությունը: Այդ իսկ պատճառով հասարակական անվտանգության համար անհրաժեշտ պայմանների ստեղծման ու անվտանգ միջավայրի պահպանման հիմնական դերակատարությունը պատկանում է պետական իշխանության համակարգին, առանձնապես իրավապահ մարմիններին⁵⁵:

Ոստիկանությունը պետական իշխանության՝ հանրային անվտանգության համար պատասխանատու ամենատեսանելի դրսևորումն է: Անժխտելի փաստ է, որ ամբողջ աշխարհով մեկ, գտնվելով հանցավորության աճող հոսքին և միջազգային ու ազգային անվտանգությանն ուղղված նոր՝ ներառյալ ահաբեկչական սպառնալիքներին դիմակայելու զգալի ճնշման տակ, ոստիկանությունը պետք է գործի տեղական և միջազգային օրենքների համաձայն՝ բոլոր ժամանակներում հարգելով մարդու հիմնարար իրավունքներն ու ազատությունները, ապահովելով անվտանգ միջավայրում ազգաբնակչության կենսագործունեությունը:

Ժողովրդավարական ոստիկանության հիմնական նախապայմանն է, որպեսզի այդ խնդիրների լուծման հարցում **ընդլայնվի հանրության, համայնքի մասնակցության մակարդակը, քանի որ ոստիկանությունը միայնակ, առանց բնակչության վստահության ու աջակցության, չի կարող լուծել իր առջև դրված անվտանգության խնդիրները:**

Ոստիկանության նկատմամբ հասարակության ունեցած հավատն ու վստահությունը՝ ոստիկանության գործունեության արդյունավետությունն ապահովող նախադրյալներն են: Առանց այդ վստահության հասարակությունը չի ցանականա աջակցել ոստիկանությանը հասարա-

⁵⁵ Ազգային անվտանգության հիմնախնդիրներ: Դասախոսություններ / Վ.Կ. Աթոյան.-Եր.: «Տնտեսագետ» հրատարակչություն, 2014, 13 էջ/:

կական կարգին ու անվտանգությանը սպառնացող իրավիճակների հաղթահարման գործում:

Մի շարք երկրներում օբյեկտիվ և սուբյեկտիվ գործոնների ազդեցության հետևանքով հասարակությունը մեկուսացվում է ոստիկանությունից, իսկ վերջինս էլ իր հերթին կորցնելով բնակչության աջակցությունից և անվտանգության ապահովման վստահությունը՝ զրկվում է նրա աջակցությունից ու հանցավորության դեմ պայքարում մնում միայնակ: Օրինակ, ԱՄՆ-ում 1960-1970-ական թվականներին հանցավորության դեմ պայքարում միայն մասնագիտացված ոստիկանի հնարավորությունների օգտագործումը՝ առանց հանրության մասնակցության և բնակչության վերահսկողության՝ հանգեցրել էին հանրության և ոստիկանության մեկուսացման գագաթնակետին: Նրանք այնքան էին առանձնացել իրարից, որ որոշ համայնքներում ոստիկանության և համայնքի անդամների միջև իշխում էր “մենք ընդեմ նրանց” վերաբերմունքը: Ոստիկանությունը դարձել էր թշնամության թիրախ⁵⁶:

Վերլուծաբանները նշում են այն հիմնական գործոնները, որոնք նպաստում են ոստիկանության և հանրության միջև անվստահության մթնոլորտի ձևավորմանը: Նորանկախ պետություններում տնտեսական ճգնաժամերի, արտաքին ու ներքին բախումների, դրանցից բխող ցնցումների պայմաններում ոստիկանությունը օգտագործվելով որպես ռեպրեսիայի գործիք, բնակչության հետ հարաբերություններում հանդես է գալիս հիմնականում ուժի դիրքերից, օրենքի կիրառման զուտ հարկադրանքի մեթոդներով, անտեսելով իր հիմնական առաքելությունը՝ ծառայել ժողովրդին: Բնականաբար նշված իրավիճակներում խորանում է ոստիկանության և հանրության միջև առկա անջրպետը:

Հանցավորության աճի պայմաններում սոցիալական ճահճացման և հանցավորության դրդապատճառները հաղթահարելու համար չունենալով անհրաժեշտ /ռեսուրսներ և զրկված լինելով հանրության աջակցությունից՝ ոստիկանությունը ստիպված գնում է հանցագործության դեպքերի չհաշվարկելու /թաքցնելու/ ճանապարհով, ստեղծելով “կայուն և պատշաճ” հասարակական կարգի պատրանք, ինչն էլ ավելի է խորացնում նրա նկատմամբ անվստահությունը:

⁵⁶ Տեա. Ջեկ Լեոն, „Համայնքային ոստիկանություն և խնդիրների լուծում,“, ԱՄՆ, Կանգապի Համալսարան, 2007 թ.

Եվ, վերջապես, ոստիկանական համակարգը իր ամբողջ ուշադրությունը կենտրոնացնում է միայն լուրջ և հասարակական մեծ հնչեղություն ունեցող դեպքերի վրա, անտեսելով առաջին հայացքից աննշան թվացող իրավախախտումները, որոնք հետագայում կարող են վերածվել լուրջ դեպքերի և ստանալ մասսայական բնույթ:

Նշված և մի շարք այլ գործոնների առկայությունը շատ երկրներում բացահայտեց ոստիկանության անկարողությունը միայնակ հաղթահարելու հասարակական կարգի պահպանման և անվտանգության ապահովման ոլորտում առաջացած ճգնաժամը:

Բազմաթիվ հետազոտությունների և փորձնական ծրագրերի իրականացման արդյունքում ոստիկանությունում բարեփոխումների պատասխանատուները եկել են այն եզրահանգման, որ ազգաբնակչության հետ ամուր կապերի ստեղծումը այն կարևորագույն հանգրվանն է, որի վրա հիմնվելով միայն կարելի է հաղթահարել առաջացաց ճգնաժամը, վերացնել ոստիկանության նկատմամբ բնակչության անվստահությունը, վերականգնել հավատը: Այդ իսկ նպատակներով աշխարհի մի շարք երկրների ոստիկանությունում սկսած անցյալ դարի 80-ական թվականներից, ներդրվեց համայնքային ոստիկանության գաղափարախոսությունը:

Հայաստանի Հանրապետությունում համայնքային ոստիկանության ներդրման գործընթացը սկսվել է 2007 թվականից, սկզբնական շրջանում որպես պիլոտային ծրագիր, իսկ 2012 թվականից արդեն որպես հիմնական ծառայություն:

Համայնքային ոստիկանությունն ինչպես գաղափարախոսություն է /մտածելու ձև/, այնպես էլ կազմակերպչական ռազմավարություն, ստրատեգիա /գաղափարախոսությունը կյանքի կոչելու ձև/, որը թույլ է տալիս ոստիկանությանը և համայնքին աշխատել միասին այնպիսի նոր եղանակների ուղղությամբ, որոնք կստեղծեն պայմաններ լուծելու անվտանգության խնդիրները՝ համայնքի յուրաքանչյուր անդամի կյանքի որակը բարելավելուն պատակով⁵⁷:

Գաղափարախոսությունը կառուցված է այն համոզմունքի վրա, որ նշված խնդիրների իրականացման գործում անհրաժեշտ է ընդլայնել համայնքի մասնակցության մակարդակը, դրանով իսկ շահագրգռելով

⁵⁷ Տես՝ «Համայնքային հիմունքներով ոստիկանության գաղափարախոսությունը և սկզբունքները», SEESAC, Բելգրադ 2006, էջ 8: /

ազգաբնակչությանը ունենալու իր պատասխանատվության չափը իրավակարգի պահպանման և ամրապնդման գործում: Իր իսկ անվտանգության նպատակով ոստիկանության կողմից իրականացվող գործընթացին միանալով՝ ազգաբնակչությունը իր վրա է վերցնում համայնքում կարգ ու կանոնի ապահովման իր բաժինը և ոստիկանության հետ դառնալով գործընկեր՝ միասնաբար լուծում է տալիս համայնքում ծագող խնդիրներին: Ազգաբնակչության շրջանում վստահություն ձեռք բերելու նպատակով ոստիկանությունը պետք է իրականացնի կազմակերպչական մի շարք միջոցառումներ, որոնք անվանվում են **համայնքային ոստիկանության ռազմավարություններ:**

Ոստիկանություն-հասարակություն գործընկերային հարաբերությունների հաստատմանը համայնքային ոստիկանությունը հասնել կարող է միայն այն դեպքում, եթե օրենքով իրեն վերապահված գործառույթները իրականացնի հետևյալ նպատակաուղղվածությամբ՝

1. Հաշվետու լինի օրենքի և հանրության առջև:

2. Բնակչության առջև հանդես գա որպես ծառայություն, այլ ոչ թե որպես ուժ:

Որպես ժողովրդավարական ոստիկանության արտահայտություն համայնքային ոստիկանությունը իր գործառույթները իրականացնելիս պետք է բացառի դաժան, կամայական և խտրական վերաբերմունքը, ֆիզիկական և բարոյական բռնությունները, օրենքով իրեն վերապահված խնդիրներն իրականացնի կիրառելով հիմնականում համոզման մեթոդը: Եվ միայն օրենքով նախատեսված դեպքերում, կարգով և սահմաններում գործադրի հարկադրանք՝ պահպանելով իրավաչափության և համաչափության սկզբունքները:

3. Իր գործառույթները իրականացնի համաձայնության, այլ ոչ թե միայն պարտադրանքի ուժով:

Ոստիկանության գործառույթները նպատակաուղղված են և կարևորն շանակություն ունեն ոչ միայն ոստիկանական գործողությունների արդյունավետության բարձրացման, այլ որ գլխավորն է՝ համայնքի կողմից դրանք ընդունվելու և ընկալելի լինելու տեսանկյունից: Համայնքային ոստիկանության հիմնական առանձնահատկությունը ամփոփված է ոստիկանության կողմից մատուցվող ծառայությունների՝ հանրության համաձայնությամբ իրականացվող գաղափարի մեջ: Քանի որ ոստիկանությունը չի կարող ընդունել, որ միշտ գործում է բոլոր քաղաքացիների համաձայնությամբ, նա պետք է մշտապես աշխատի իր

կողմից իրականացվող ծառայություններում հանրության մեծամասնության աջակցությունը ստանալու ուղղությամբ: Առանց հանրության հետ խորհրդակցելու նրան ծառայություն մատուցելը դառնում է անտրամաբանական, ստացվում է, որ ոստիկանությունը բնակչությանը հարկադրում է իր ծառայությունները՝ անտեսելով նրան հուզող անվտանգության խնդիրները՝ չարձագանքելով նրանց:

4. Հանդես գա որպես համայնքի մաս, այլ ոչ թե անջատ լինի նրանից:

Համայնքային ոստիկանության հաջողությունը չափվում է ելնելով համայնքի կարիքների բարելավմանն ուղղված իր ձեռքբերումներով: Իսկ այդ արդյունքները կախված են նրանից, թե ինչ չափով է ոստիկանը ներգրավված համայնքի կյանքում, ինչքանով է կենտրոնացված համայնքի կարիքների վրա և իրազեկված բնակչությանը հուզող խնդիրներին, ինչ աստիճանի է տիրապետում վստահված տեղամասի օպերատիվ իրավիճակին, ինչ միջոցառումներ է իրականացնում հասարակական կարգի և անվտանգության ապահովման ուղղությամբ:

5. Համայնքի հետ մեկտեղ բացահայտի նրա կարիքները:

Անվիճելի է այն փաստը, որ սպասարկվող տեղամասի օպերատիվ իրավիճակի վերաբերյալ անհրաժեշտ տեղեկությունների զգալի մասը կարելի է ստանալ միայն բնակչությունից: Դրա համար պարտադիր պայման է սերտ և վստահության վրա հիմնված համագործակցությունը համայնքի հետ:

6. Տեսանելի և հասանելի լինի հանրությանը:

Հիմնական նպատակներից մեկը ոստիկանության ծառայողների տեսանելիության ու հեշտությամբ հասանելիության ապահովումն է համայնքի ողջ բնակչության համար, որը կարող է ապահովվել միայն բնակչության հետ ամենօրյա շփումների և հաղորդակցվելու միջոցով: Ընդ որում այդ շփումները չպետք է կապված լինեն միայն կոնկրետ միջոցառումների իրականացման կամ գործառույթային պարտականությունների կատարման հետ: Բնակչության կողմից վստահության ձեռք բերան առաջնահերթ նախապայմանը ոչ թե միայն արտակարգ դեպքերին կամ բնակչության ահազանգերին արձագանքումն է, այլ սովորական պայմաններում, անմիջական և ոչ սպառնալից, ինտերակտիվ շփումները: Իսկ հասանելիության ապահովումը վերաբերվում է ոչ միայն խնդիր ունեցող բնակչի կողմից տարածքը սպասարկող տեսուչին անմիջապես գտնելով, այլ բնակչի այն համոզվածությամբ և վստա-

հույսամբ, որ առաջացած խնդիրներին տեսուչը ցանկացած իրավիճակներում կարձագանքի արագ և կտա իր համար բարենպաստ լուծումներ: Խոսքը հիմնականում գնում է մտուցվող ծառայությունների հասանելիությանը:

7. Ճանաչի և ճանաչված լինի հանրության կողմից:

Սա նշանակում է, որ *բնակիչները պետք է ճանաչեն իրենց տարածքը սպասարկող ոստիկանին*: Համայնքային ոստիկանության տեսուչի ճանաչված լինելը ապահովվում է հիմնականում անձնական ու անմիջական շփումներով, ոստիկանության կայքում տեղադրված համապատասխան էջով, սպասարկվող տեղամասի բնակչությանը տրամադրած այցեքարտերով, հենակետի տեսանելի տեղում ամրացված ցուցատախտակի վրա նշված տվյալներով և այլ միջոցներով:

Միևնույն ժամանակ համայնքային ոստիկանը պետք է **լինի ճանաչված** իր որակական հատկանիշներով, ինչպիսիք են՝ բնակչության հետ շփվելու և հաղորդակցվելու ունակությունները, մասնագիտական պատրաստականությունը, ծագած խնդիրներին արագ և որակյալ լուծումներ տալու և ինքնուրույն որոշումներ կայացնելու կարողությունները, կրթական մակարդակը, օրինակելի և վստահություն ներշնչող արտաքին տեսքը, վարքագիծը և այլն:

8. Ներգրավի և մոբիլիզացնի համայնքի օրինապահ բնակչությանը:

Ոստիկանության գործունեության արդյունավետությունն էականորեն է պայմանավորված հասարակության, նրա յուրաքանչյուր անդամի կողմից ցուցաբերվող աջակցությունից, վստահությունից: Համայնքային ոստիկանության ծառայողների ռազմավարության հիմնական առանձնահատկությունը կայանում է նրանում, որ համայնքային ոստիկանության մոդելի պարագայում քաղաքացիներն ակտիվ մաս են կազմում և որոշակի պատասխանատվություն կրում իրենց սեփական համայնքում կարգ ու կանոնի պահպանման հարցում՝ համագործակցելով ոստիկանության հետ:

9. Լինի հանրության առջև բաց և թափանցիկ:

Որպես ժողովրդավարական ոստիկանության գործունեության կազմակերպման առաջնահերթ ուղղվածություն և հիմնական նպատակ առանձնացվում է ոստիկանության գործունեության թափանցիկության ապահովումը: Թափանցիկության և հաղորդակցության ապահովման միջոցներով հանրությունը ներգրավվում է համագործակցության գործընթացին:

10. Լինի նախաձեռնող և կանխարգելիչ:

Ոստիկանությունը պետք է ցուցաբերի նախաձեռնողական, այլ ոչ թե միայն արձագանքող մոտեցում քաղաքացիների խնդիրների հանդեպ: Նախաձեռնություն ցուցաբերող ոստիկանությունը կենտրոնացնում է պրոբլեմների պատճառների, այլ ոչ թե հետևանքների վրա: Նախաձեռնող ոստիկանության ռազմավարությունն է՝ նվազեցնելով դրդապատճառները՝ նվազեցվում են ոստիկանության առջև դրված խնդիրները և ավելացվում հնարավորությունները ոստիկանության բոլոր տեսակի ծառայությունների համար: Թիրախը այսպիսով դառնում է խնդրի ազդակը, այլ ոչ թե ազդանշանը:⁵⁸

Եզրափակելով, մեկ անգամ ևս նշվենք, որ հասարակական անվտանգության ապահովման գործընթացում ոստիկանության և հասարակության միջև համագործակցություն կարող է ձեռք բերվել միայն այն դեպքում, երբ երկու կողմերի միջև հաստատվի փոխադարձ վստահություն և հավատ: Իսկ դրանկարելի է հասնել, եթե ոստիկանությունն օրենքով իրեն վերապահված գործառնությունները իրականացնելիս և առաջնորդվի անհատի հիմնարար իրավունքների և ազատությունների պաշտպանության ու դրանց նկատմամբ հարգալից վերաբերմունքի սկզբունքով:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Ազգային անվտանգության հիմնախնդիրներ: Դասախոսություններ /Վ.Կ. Աթոյան.-Եր.: «Տնտեսագետ» հրատարակչություն, 2014
2. «Համայնքային հիմունքներով ոստիկանության գաղափարախոսությունը և սկզբունքները», SEESAC, Բելգրադ 2006
3. Պիտեր Ռիլսոն, «Համայնքային ոստիկանության ծառայողների ուսումնական պահանջները» ԵԱՀԿ փորձագետ, Երևան, 2007 թ.
4. Ջեկ Լեոն, «Համայնքային ոստիկանություն և խնդիրների լուծում», ԱՄՆ, Կանզասի Համալսարան, 2007

⁵⁸ Տես՝ Պիտեր Ռիլսոն, «Համայնքային ոստիկանության ծառայողների ուսումնական պահանջները», ԵԱՀԿ փորձագետ, Երևան, 2007 թ., էջ 10

ՀՀ ԲՆԱԿԶՈՒԹՅԱՆ ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ ՏԻՄ-ԵՐԻ ԴԵՐԱԿԱՏԱՐՄԱՆ
ՍՈՑԻՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՍՈՂԵԼԻ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ
ՆԿԱՐԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ

Եվգինե Վարդանյան, ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի սոցիալական
աշխատանքի և սոցիալական տեխնոլոգիաների ամբիոնի դասախոս

GENERAL DESCRIPTION OF THE SOCIOLOGICAL MODEL OF
LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES' ROLE IN THE SOCIAL
PROTECTION SYSTEM OF POPULATION IN ARMENIA

Yevgine Vardanyan, *lecturer at the Department of Social Work and Social
Technologies, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia*

Abstract. The local self- government system of Armenia was established in 1996 after the first election of the representatives of local self-government bodies. Since that period a lot of reforms have been conducted in order to promote effective functioning of those bodies and provide them necessary bases for distribution of community services. But even those reforms haven't had real impact on the problems that local self-government bodies face in their everyday functioning. This situation refers also to the activities of those bodies in the social protection system of population. Though this issue is very actual for our country it hasn't been studied accurately yet.

This article is based on the results of sociological researches that have been conducted in 2014-2015 for studying the role of local self-government bodies in that system. But it doesn't limited only with provision or analyses of the researches' results. The article is also aimed to provide description of the sociological model of the role of local self-government bodies in the social protection system of Armenia. The type of the model is a structural-functional and it's creation is based on the methodologies of T. Parsons, M. Weber, M. Wartofski.

Keywords: Local self-government bodies, social protection system of population, social security, sociological modeling, structural-functional model.

«Բնակչության սոցիալական պաշտպանություն» հասկացությունը մեկնաբանելու նպատակով մասնագիտական գրականության մեջ ձևավորվել են բազմաթիվ մոտեցումներ, որոնք ներկայացնում են այդ հաս-

կացության տարբեր մեկնաբանություններ: Այսպես, բնակչության սոցիալական պաշտպանության մեկնաբանման ընդգրկուն տարբերակն առաջարկում է այն դիտել որպես սոցիալական, իրավական, տնտեսական երաշխիքների և դրանց իրագործման միջոցառումների ամբողջություն, որն ուղղված է բնակչության բոլոր խմբերի համար բավարար կենսապայմանների ապահովմանը և նրանց բնականոն կենսագործունեության նախադրյալների ստեղծմանը⁵⁹: «Սոցիալական պաշտպանություն» հասկացության մեկնաբանության նեղ տարբերակն այն նույնացնում է բնակչության կարիքավոր խմբերին տրամադրվող սոցիալական աջակցության ձևերի և մեխանիզմների հետ⁶⁰:

Սոցիալական պաշտպանության սահմանումը կապվում է նաև բնակչության տարբեր խմբերին սպառնացող սոցիալական և տնտեսական ռիսկերի կարգավորման գործընթացների հետ: Այսպես, սոցիալական պաշտպանությունը դիտվում է որպես սոցիալական համակարգ, որի գործառույթն ուղղված է բնակչությանը սոցիալական ռիսկերից պաշտպանելուն, իսկ ավելի ստույգ՝ սոցիալական ռիսկերի հաղթահարմանը, կանխարգելմանը և բնակչության կենսագործունեության վրա ունեցած բացասական ազդեցությունների մեղմմանը⁶¹:

Սոցիալական պաշտպանության համակարգը, նպատակ ունենալով հասնել բնակչության օրենսդրորեն ամրագրված սոցիալական իրավունքների և երաշխիքների իրացմանը ու դրանով ապահովել նրանց պաշտպանվածությունը սոցիալական տարաբնույթ ռիսկերից, գործառում է հանրային կառավարման բոլոր մակարդակներում: Այն ներկայանում է որպես իշխանության տարբեր օղակների համախմբված գործունեություն⁶² և ենթադրում է բոլոր մակարդակների «փոխկապվածություն»⁶³:

⁵⁹ St'u Yemtsov R. The World Bank and Social Protection Overview.

http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Event/safetynets/1.%20Yemtsov%20_Overview_SSN%20Course_2013.pdf, 23.03.2015, ժամը՝ 13:15:

⁶⁰ St'u՝ նույն տեղում:

⁶¹ St'u Crouch C. Governing Social Risks in Post-Crisis Europe. Cheltenham, Elgar Publishing Limited, 2015, էջ 12:

⁶² St'u Нечуйкина Е. Социальная защита: понятие, категории, терминология.-Санкт Петербург: Гос. Университет гражданской авиации, 2005, էջ 145:

⁶³ St'u Аствацатуров С. Социальная защита в системе экономических и социальных координат//Изменяющееся общество. Теория и практика, 1,2, 1997, էջ 41:

Հիմք ընդունելով այդ հանգամանքն՝ առանձնացնում են սոցիալական պաշտպանության պետական, տարածաշրջանային և համայնքային մակարդակները⁶⁴:

Մարդու իրավունքներն ու ազատություններն իրագործվում են առաջին հերթին այնտեղ, որտեղ նա բնակվում է և ծավալում իր կենսագործունեությունը: Համայնքում է իրացվում նաև սոցիալական երաշխիքների մի զգալի հատված՝ ապահովելով համայնքի բնակիչների սոցիալական պաշտպանվածությունը, հատկապես, երբ այդ երաշխիքները վերաբերում են սոցիալական ռիսկերի կանխարգելմանը, սոցիալական պլանավորմանը, համայնքային զարգացմանը, համայնքի անդամների սոցիալական վերականգնմանը և հարմարմանը⁶⁵: Համայնքային մակարդակում բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգը գործառնում է երկու տարբերակով՝ *ոչ ինստիտուցիոնալ*, որը ներառում է բնակիչների փոխօգնության նպատակով ձևավորված մեթոդներն ու պրակտիկաները, և *ինստիտուցիոնալ*, որը գործառնում է կառավարման պաշտոնականացված մեխանիզմների միջոցով⁶⁶: Ոչ ինստիտուցիոնալ սոցիալական պաշտպանության ենթահամակարգը ներառում է պաշտպանության այն ձևերը, որոնք առանձնացվում են համայնքային հարաբերությունների տարբեր շերտերում: Դրանք ընդգրկում են ընտանեկան-բարեկամական կապերը, ընկերական, հարևանական և աշխատանքային-արտադրական հարաբերությունները⁶⁷: Իսկ ինստիտուցիոնալ սոցիալական պաշտպանության ենթահամակարգի գործառնումն ապահովվում է տեղական ինքնակառավարման մարմինների միջոցով:

Հայաստանում ի սկզբանե կարևորվել է չձևայնացված հարաբերությունների դերը համայնքի կարիքավոր անդամներին օգնելու գործում: Պետականության բացակայության պայմաններում այդ պարտականությունը ստանձնել և իրականացրել են ընտանիքը, համայնքը և եկեղեցին: Սակայն հայաստանյան մերօրյա հասարակությունում զգալի է տվյալ ինստիտուտների և համայնքային հարաբերությունների թու-

⁶⁴ St' u Хамидуллин Н. К вопросу о понятиях “социальная политика” и “социальная защита населения”//Вестник ОГУ #7 (168), 2014, էջ 47:

⁶⁵ St' u Local Government and Social Protection: Making Service Delivery Available for the Most Vulnerable/ UNDP, UNCDF, 2011, էջ 51:

⁶⁶ St' u Лазарев В. Социальная организация местного самоуправления.-Орел, 2005, էջ 2:

⁶⁷ St' u նույն տեղում:

լացումը⁶⁸, ինչպես նաև դրանց դերի նվազումը համայնքներին պատու-
հասած սոցիալական հիմնախնդիրների լուծման գործում: Նման իրա-
վիճակը նախ պայմանավորված է 1991 թվականից ստեղծված և մինչ
օրս իրենց ազդեցությունն ունեցող սոցիալ-տնտեսական ծանր պայ-
մաններով, ինչպես նաև հասարակության փոխակերպման գործընթաց-
ներով: Արդյունքում համայնքային մակարդակում ոչ ինստիտուցիոնալ
սոցիալական պաշտպանության ձևերին փոխարինելու են գալիս սո-
ցիալական ծառայությունները, որոնց միջոցով ՀՀ-ում կերտվում է սո-
ցիալական պաշտպանության նոր համակարգ: Այդ համակարգի հիմ-
նական դերակատար են դառնում տեղական ինքնակառավարման
մարմինները (ՏԻՄ):

ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում
ՏԻՄ-երի դերակատարումը վերլուծելու նպատակով նախ անհրաժեշտ
է քննարկել մեթոդաբանական որոշ հարցեր: Քանի որ ուսումնասիրու-
թյան օբյեկտն այս պարագայում համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատա-
րումն է, ապա դրա վերաբերյալ դատողություններ անելու համար
անհրաժեշտ է վերլուծել *դերատակարման նպատակը, խնդիրները,
սկզբունքները, միջոցները, հիմքերը կամ նախապայմանները, դերակա-
տարումն ապահովող գործառույթները, դերակատարման հնարավոր և
փաստացի ազդեցությունները սոցիալական պաշտպանության ու
տեղական ինքնակառավարման համակարգերի գործառման վրա և
բնույթը սոցիալական պաշտպանության առանձին ենթահամակարգե-
րում*: Բացի դրանից, քանի որ սոցիոլոգիայում սոցիալական համակար-
գի գործառման և դրա ակտորների դերակատարման վերլուծության
նպատակով կիրառելի է Ս. Պարսոնսի սոցիալական գործողության հա-
մակարգային վերլուծությունը, ապա այդ նույն մոտեցումը նպատակա-
հարմար է կիրառել նաև ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանու-
թյան համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման, մասնավորապես՝
գործառույթների վերլուծության ընթացքում: Սակայն ելնելով մեր առջև
դրված խնդրից, այն է՝ *իրականացնել ՀՀ բնակչության սոցիալական
պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման սոցիոլո-
գիական մոդելավորումը*, միայն վերլուծությամբ չենք կարող սահմա-

⁶⁸ Տե՛ս Սահակյան Վ.: Համայնքի և համայնքականության դրսևորումները և զարգացման
միտումները Հայաստանում. սոցիոլոգիական վերլուծություն: Երևան, ԵՊՀ, 2002, էջ 58:

նափակվել: Սոցիոլոգիական մոդելավորումը ենթադրում է տեսական կառույցի՝ մոդելի ստեղծում, որի միջոցով հնարավոր կլինի իրականացնել հետազոտության օբյեկտի ուսումնասիրությունը⁶⁹: Այդ մոդելը Ս. Պարսոնսը բնորոշում է որպես տեսական համակարգ⁷⁰, իսկ Մ. Վեբերը՝ իդեալական տիպ, որն իրականում գոյություն չունենալով, հնարավորություն է տալիս պատկերացում կազմելու, թե ինչպիսին է էմպիրիկ համակարգը, և ինչպես կարելի է բնորոշել դրա գործառույթը⁷¹: Քանի որ մոդելը ներկայացնում է ուսումնասիրության օբյեկտի կառուցվածքային բնութագրիչներն ու գործառույթի առանձնահատկությունները, ապա այն իր բնույթով կառուցվածքագործառութային է և ձևավորվում է օբյեկտի հետ կառուցվածքի և գործառութների նմանության սկզբունքի հիման վրա:

Այդպիսով, ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման սոցիոլոգիական մոդելավորման համար առաջարկվող մեթոդաբանությունը հիմնվում է Ս. Պարսոնսի սոցիալական գործողության համակարգի վերլուծության, Մ. Վեբերի իդեալական տիպի, օբյեկտի հետ կառուցվածքային և գործառութային համապատասխանության կապերի հիմքով մոդելի մշակման մեթոդաբանությունների վրա: Մեթոդաբանությունը համալրվում է նաև բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգի ապակենտրոնացման, ֆունկցիոնալ համարժեքության սկզբունքների և համակարգի *կայուն, հավասարակշռված ու ամբողջականացված* գործառույթի վերաբերյալ վերլուծություններ կատարելու համար կիրառվող մեթոդներով: Առաջարկվող մոդելը հիմնված է նաև սոցիոլոգիական հետազոտությունների էմպիրիկ տվյալների վրա⁷²:

⁶⁹ Տե՛ս Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание.-М.: Прогресс, 1988, էջ 33:

⁷⁰ Տե՛ս Парсонс Т. Социальные системы/ Вопросы социальной теории, Том II. Вып. 1(2).-М.:2008, էջ 38:

⁷¹ Տե՛ս Вебер М. Избранные произведения/Пер. с нем. Давыдова Ю.Н.-М.:1990, էջ 349:

⁷² ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման վերաբերյալ էմպիրիկ տվյալների ձեռքբերման նպատակով 2014-2015 թվականների ընթացքում ՀՀ 45 համայնքներում իրականացվել է սոցիոլոգիական հետազոտություն: Համայնքների ընտրությունն իրականացվել է ըստ մշակված չափանիշների՝ հաշվի առնելով համայնքի բնակչության թվաքականը, աշխարհագրական դիրքը, բնակլիմայական պայմանները, ռեսուրսներով համալրվածությունը, սահմանամերձ լինելու հանգամանքը և այլն: Իրականացվել են հարցազրույցներ առանցքային տեղեկատուների հետ: Որպես առանցքային տեղեկատուներ հանդես են եկել ընտրված համայնքների ղեկավար-

ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման մոդելը մշակելու համար նախ անդրադառնանք այդ համակարգի նպատակների իրագործման ուղղությամբ ՏԻՄ-երի դերակատարման բնույթին: Առհասարակ, սոցիալական պաշտպանության համակարգի գործառնական հիմնական նպատակը բնակչության *սոցիալական պաշտպանվածության ապահովումն է*⁷³: Սոցիալական պաշտպանվածությունը սահմանվում է որպես մարդու տնտեսական, քաղաքական, սոցիալական և մի շարք այլ իրավունքների ու ազատությունների օրենսդրական ապահովում, որոնք ուղղված են մեղմելու կամ հարթելու արտադրական, հանրային ռեսուրսների բաշխման գործընթացների, սոցիալ-տնտեսական ճգնաժամերի բացասական ազդեցությունները մարդկանց բնականոն կենսագործունեության վրա⁷⁴: Սոցիալական պաշտպանվածությունը մեկնաբանվում է նաև որպես քաղաքացիների՝ օրենսդրորեն սահմանված երաշխիքներից օգտվելու հասանելիության աստիճան⁷⁵: Բնակչության սոցիալական պաշտպանվածության առումով կարևորվում են սոցիալական այն երաշխիքները և միջոցառումները, որոնք միտված են ապահովելու սոցիալական տարաբնույթ ռիսկերից բնակչության համապատասխան խմբերի պաշտպանությունը: Մասնագիտական գրականության մեջ ընդունված է առանձնացնել այդպիսի երաշխիքների և դրանցից բխող միջոցառումների հետևյալ տեսակները՝ *ապահովագրող, պաշտպանիչ, նախաձեռնողական*⁷⁶: Ապահովագրող միջոցառումներն ուղղված են ապահովելու բնակչության տարբեր խմբերի զբաղվածու-

ները, վազգանու անդամները, համայնքի ղեկավարի աշխատակազմի քարտուղարները և/կամ համայնքային ծառայողները: Հետազոտության շրջանակներում իրականացվել են նաև փորձագիտական հարցումներ ոլորտում պետական քաղաքականության մշակման համար պատասխանատու կառույցների ներկայացուցիչների, ակտիվ գործունեություն ծավալող հասարակական կազմակերպությունների մասնագետների և տեղական ինքնակառավարման հիմնախնդիրներով զբաղվող միջազգային կազմակերպությունների անդամների հետ:

⁷³ Տե՛ս Нечуйкина Е. Социальная защита: понятие, категории, терминология.-Санкт Петербург: Гос. Университет гражданской авиации, 2005, էջ 148:

⁷⁴ Տե՛ս նույն տեղում:

⁷⁵ Տե՛ս Յարմալյան Մ.: Բնակչության սոցիալական պաշտպանվածությունը հետխորհրդային Հայաստանում//Բանբեր Երևանի համալսարանի. Սոցիոլոգիա, տնտեսագիտություն, 2016, #1 (19), Երևան, 2016, էջ 4:

⁷⁶ Տե՛ս Воронцова М., Макаров В. Социальная защита и социальное обслуживание населения.-Таганрог, 2015, էջ 13:

թյան և բնականոն կենսագործունեության համար անհրաժեշտ պայմանները և երաշխավորելու նրանց նվազագույն բավարար կենսամակարդակ սոցիալական, տնտեսական, բնապահպանական, ժողովրդագրական և մի շարք այլ ռիսկերի կամ ճգնաժամերի առկայության դեպքում:

Պաշտպանիչ միջոցառումների խնդիրը բնակչության՝ կյանքի դժվար իրավիճակներում հայտնված կամ նման վտանգի ներքո գտնվող խմբերի բավարար կենսամակարդակի երաշխավորումն է, որը ենթադրում է առնվազն կենսական պահանջմունքների բավարարման համար անհրաժեշտ հնարավորությունների տրամադրում:

Նախաձեռնողական միջոցառումների մեջ ընդգրկվում է տվյալ երկրի ողջ բնակչությունը, քանի որ դրանք ուղղված են մարդկային կապիտալի զարգացմանը ներանձնային, ներընտանեկան, համայնքային, հասարակական ռեսուրսների համախմբման և մեկնարկային հավասար պայմաններ տրամադրելու միջոցով:

Սոցիալական պաշտպանվածության համար անհրաժեշտ երաշխիքների ապահովման և համապատասխան միջոցառումների իրացման գործում առանցքային դեր ունեն հանրային կառավարման բոլոր մարմինները: Սակայն մեր երկրում դրանց ապահովման մենաշնորհային դիրքը պատկանում է պետությանը, որն այդ իրավասությունն իրագործում է ազգային և մարզային մակարդակներում: ՏԻՄ-երը որևէ էական մասնակցություն կամ կարևոր ներդրում չեն ունենում համայնքային մակարդակում սույն երաշխիքների սահմանման կամ իրացման ընթացքում: Դրանք միանշանակորեն մեկուսացված են սոցիալական պաշտպանության համակարգի նպատակի իրագործումից, իսկ ներգրավման փորձերը մինչ օրս ձախողվում են: Դա իր հերթին բերում է *ֆունկցիոնալ համարժեքության սկզբունքի* խախտմանը, ինչը նշանակում է, որ սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երն իրենց դերակատարմամբ չեն նպաստում այդ համակարգի նպատակների իրագործմանը:

Բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ունեցած դերակատարման միջոցով ապահովվում է ՏԻՄ-երի մասնակցությունը նաև *սոցիալական անվտանգության* համակարգում:

«Սոցիալական անվտանգություն» և «սոցիալական պաշտպանություն» հասկացությունների միջև կապն անքակտելի է, բայց միևնույն ժամանակ՝ վերջնականապես չհստակեցված: Սոցիալական անվտան-

գության մեկնաբանության համար ձևավորված մոտեցումները այն դիտում են սոցիալական ռիսկերից պաշտպանության, անձնական անվտանգության, տնտեսական, քաղաքական, սոցիալական կայունության ապահովման համատեքստում⁷⁷: Մոտեցումների մյուս շարքը սոցիալական անվտանգության նպատակները կապում է սոցիալական ոլորտի կայուն, ներդաշնակ հարաբերությունների խրախուսման հետ⁷⁸:

Մասնագիտական գրականության մեջ ձևավորված՝ բավականին տարբեր և բազմաբնույթ մեկնաբանությունների ընդհանրությունն այն է, որ բոլորի դեպքում սոցիալական անվտանգությունը դիտվում է որպես ավելի ընդգրկուն հասկացություն՝ ներառելով նաև բնակչության սոցիալական պաշտպանությունը: Վերջինս համարվում է սոցիալական անվտանգության ենթահամակարգերից մեկը, որի գործառույթն ուղղված է բնակչության սոցիալական խնդիրների լուծմանը, սոցիալական ռիսկերից նրանց պաշտպանելուն:

Ինչպես և բնակչության սոցիալական պաշտպանությունը, սոցիալական անվտանգության համակարգը ևս գործառույթ է տարբեր մակարդակներում⁷⁹: Համայնքային մակարդակում առանցքային դերատակարումը վերապահված է տեղական իշխանություններին: Այն ենթադրում է համայնքի բնակչության կենսական նշանակության պահանջ-մունքների բավարարում, կյանքի որակի շարունակական բարձրացում, անձի սոցիալականացման ադեկվատ ընթացքի ապահովում, անձնի զարգացման, ինքնիրացման համար հնարավորությունների տրամադրում և այլն:

ՀՀ սոցիալական անվտանգության համակարգում ՏԻՄ-երի ունեցած մասնակցության առումով եզրակացությունը միանշանակ է. ՏԻՄ-երը գործուն դերակատարում չունենալով ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում, էական մասնակցություն չունեն նաև սոցիալական անվտանգության համատեքստում: Փաստացիորեն, այն բոլոր գործոնները, որոնք պայմանավորում են սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի պասիվ դերակատարումը,

⁷⁷ St' u Лига М. Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ// Ученые записки ЗабГУ.-Чита, Забайкальский государственный университет, 2013, էջ 170-171:

⁷⁸ St' u Костина Е. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества// UNIVERSUM: Общественные науки, 2015.# 6.- Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 2015, էջ 5:

ազդում են նաև սոցիալական անվտանգության համակարգում դրանց մասնակցության բնույթի վրա:

ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման վերաբերյալ դատողություններ անելու համար կարևոր է վերլուծել նաև այդ դերակատարման խնդիրները, որոնք ենթադրում են համապատասխան գործառույթների իրականացում հետևյալ ուղղություններով⁸⁰.

1. սոցիալական ռիսկերի կանխարգելում, հաղթահարում կամ դրանց ազդեցության նվազեցում բնակչության տարբեր խմբերի կենսագործունեության վրա,

2. բնակչության համապատասխան խմբերի սոցիալական կարիքների բավարարում,

3. այդ նպատակների իրագործման հարցում հասարակական տարբեր ուժերի, միավորումների ջանքերի և կարողությունների համախմբում:

Այս տեսանկյունից ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարումն ապահովվում է միայն բնակչության սոցիալական կարիքների բավարարման խնդրի մասնակի իրագործման միջոցով: Ի սպառ բացակայում են ՏԻՄ-երի դերակատարումը մյուս խնդիրների իրականացման պրակտիկաներից, ինչպիսիք են, համայնքներում սոցիալական ռիսկերի կանխումը, հաղթահարումը և սոցիալական համագործակցության ապահովումը: Ավելին, այդ խնդիրները չեն իրացվում նաև տարածքային կառավարման մարմինների կողմից, որոնք նույնպես ընդգրկված են բնակչության սոցիալական կարիքների մասնակի բավարարմանը միտված ծրագրերի իրականացման գործընթացներում: Արդյունքում ստեղծվում է մի իրավիճակ, որը բնութագրվում է որպես ***ինստիտուցիոնալ քառս***: Այն ենթադրում է սոցիալական ինստիտուտների՝ նոր պահանջներին համապատասխանելու անկարողություն, գործող ինստիտուտների գործառույթների միջև հակասությունների, վերածածկերի առկայություն, չհստա-

⁸⁰ St'u Norton A., Conway T., Foster M. Social Protection Concepts and Approaches: Implications for Policy and Practice in International Development. London, 2011, էջ 23:

կեցված և չիրականացվող գործառույթներ, որոնց իրականացման պահանջարկը, սակայն, տվյալ հասարակությունում բավականին մեծ է⁸¹:

Համաձայն Տ. Պարսոնսի սոցիալական գործողության վերլուծության սխեմայի՝ յուրաքանչյուր համակարգ, որպեսզի պահպանի հավասարակշռությունը, ամբողջականությունը և շարունակի գործառել, պիտի իրականացնի այնպիսի գործառույթներ, ինչպիսիք են՝ *հարմարման, նպատակադրման, ներառման և մշակութային նմուշների պահպանման գործառույթները*: Եթե տեղական ինքնակառավարումը դիտենք որպես սոցիալական համակարգ, իսկ ՏԻՄ-երի դերակատարումը բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում՝ այդ երկու համակարգերի միջև կապի դրսևորման կամ փոխհարաբերման ձև, ապա անհրաժեշտ է, որ տեղական ինքնակառավարման մարմինների դերակատարումը սոցիալական պաշտպանության համակարգում ենթադրի այդ գործառույթների իրականացումը:

Սույն համատեքստում հարմարման գործառույթ նշանակում է ՏԻՄ-երի դերակատարման փոփոխություն և հարմարեցում բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգի պահանջներին, զարգացման կարիքներին: ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում իրականացվող բարեփոխումների նպատակների և խնդիրների վերլուծության արդյունքում կարող ենք եզրակացնել, որ համակարգի զարգացման հիմնական ուղղությունը բնակչության սոցիալական պաշտպանվածության մակարդակի բարձրացումն է ծառայությունների ընդլայնման, բնակչության սոցիալական կարիքներին համարժեք ծառայություններ տրամադրելու և սոցիալական պաշտպանության սուբյեկտների ակտիվ գործառումն ու համագործակցությունն ապահովելու միջոցով⁸²: Բնականաբար, իրականացվող բարեփոխումները միտված են նաև համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման ակտիվացմանը, սակայն այդ ուղղությամբ որևէ նշանակալի քայլ չի իրականացվում: ՏԻՄ-երն, առանց հաղորդակից լինելու սոցիալական պաշտպանության համակարգում տեղի ունեցող բարեփոխումների գաղափարներին և նպատակներին, շարունակում են գործառել այն պրակ-

⁸¹ Sté u Institutions and Change// Democratising Management, EURAM Conference, 2013, http://www.euram2013.com/userfiles/file/7_%20ABSTRACT%20FINAL%20XAVIER%20DEROY.pdf, 08.08.2015, ժամը՝ 14:13:

⁸² Sté u «ՀՀ 2014-2025 թթ. հեռանկարային զարգացման ռազմավարական ծրագիր», Երևան, 2014, էջ 117:

տիկաների միջոցով, որ վաղուց արդեն ձևավորվել են և արմատացել: Միևնույն ժամանակ, հարմարման պահանջներն առավելապես դրվում են արտաքին միջավայրի, մասնավորապես՝ պետության կողմից, և կրում են ՏԻՄ-երին՝ նման դերակատարմանը դրոշմ-խրախուսող բնույթ: Սակայն խրախուսման համար պետությունը չի նախաձեռնում անհրաժեշտ քայլեր, չի ստեղծում համակարգում ՏԻՄ-երի գործուն դերակատարման համար կարևոր նախադրյալներ, և բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգը մնում է պետության կենտրոնացված կառավարման ներքո:

Պարսոնայան տեսության համաձայն, մյուս գործառույթը, որի իրագործումն առաջնային է համակարգի կայունության և հավասարակշռության համար, նպատակադրման և այդ նպատակների իրականացման գործառույթն է: Ենթադրվում է, որ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երը պետք է ունենան համապատասխան իրավասություններ սեփական դերակատարման մասին որոշումներ կայացնելու և նպատակներ սահմանելու համար: Սակայն հիմք ընդունելով այն հանգամանքը, որ այդ մարմինները ներկայումս որևէ մասնակցություն չունեն համակարգի գործառման, զարգացման վերաբերյալ կայացվող որոշումներին, և դրանց տրված է միայն համայնքի սոցիալական զարգացման շրջանակներում որոշակի նպատակներ պետության կողմից սահմանված գերակայություններին հարմարեցնելու իրավասություն, ապա կարող ենք փաստել, որ սոցիալական պաշտպանության համակարգում *ՏԻՄ-երը նպատակադրման գործառույթ չեն իրականացնում*: Այդ գործառույթի իրականացումն ամբողջությամբ պետական լիազոր մարմինների պատասխանատվության ներքո է, չնայած որոշակի քայլեր նախաձեռնվում են ՏԻՄ-երին նման գործառույթներ փոխանցելու ուղղությամբ⁸³:

ՏԻՄ-երի դերակատարումը ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում խնդրահարույց է նաև ներառման գործառույթի իրագործման տեսակյունից: Համաձայն Տ. Պարսոնսի կողմից ներկայացված վերլուծական սխեմայի՝ ներառման գործառույթը ենթա-

⁸³ Այդ մասին է վկայում «Սոցիալական աջակցության մասին» նոր օրենքը, որի համաձայն ազգային և տարածքային մակարդակներում սոցիալական համախմբվածության և համակարգված գործունեության ապահովման նպատակով նախատեսվում է կնքել սոցիալական համագործակցության համաձայնագրեր, որոնց մեջ կարևորվում է նաև ՏԻՄ-երի ներառումը:

դրում է համակարգի հիմնական բաղադրիչների կամ ակտորների հարաբերությունների կանոնակարգում, համակարգված գործառնական ապահովում: Եթե նախորդ երկու գործառնականները կապված են համակարգի արտաքին միջավայրի հարաբերությունների հետ, ապա սույն գործառնականն առավելապես վերաբերում է ներհամակարգային գործընթացների ու հարաբերությունների կարգավորմանը, որի իրագործումը, սակայն ՏԻՄ-երի համար կրկին դառնում է բավականին խնդրահարույց: Դա դրսևորվում է այն հանգամանքի միջոցով, որ համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարումն ապահովող ակտորների (համայնքի ղեկավար, ավագանի, համայնքային ծառայողներ, համայնքային ենթակայությանը գործող սոցիալական ծառայություններ և այլն) միջև հարաբերությունները մեծամասամբ կարգավորված չեն, կարգավորման դեպքում էլ առկա են բազմաթիվ բացթողումներ, թերություններ: Արդյունքում՝ այդ հարաբերություններում հաճախակիորեն ծագում են հակասություններ և կոնֆլիկտներ, որոնք ՏԻՄ-երը հարթել կամ լուծել չեն կարողանում:

Սոցիալական համակարգի գործառնականները բնութագրում են ներհամակարգային գործընթացները և համակարգի արտաքին կապերն ու հարաբերությունները, որոնց միջոցով հնարավոր է դառնում դատողություններ իրականացնել համակարգի *կայուն, ամբողջական և հավասարակշռված գործառնական մասին*⁸⁴: Սույն պարագայում կարող ենք փաստել, որ ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարումը *անկայուն է և չհավասարակշռված*, քանի որ չի ենթադրում համակարգի կայունության և հավասարակշռության պահպանման տեսանկյունից անհրաժեշտ գործառնականների իրականացում:

Ինչ վերաբերում է համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման *միջոցներին*, ապա նշենք, որ դրանց վերլուծության համար կիրառելի է ամերիկացի հեղինակներ Ն. Ջիբերթի և Փ. Թերելլի կողմից սոցիալական պաշտպանության քաղաքականության և սոցիալական ծառայությունների վերլուծության սխեման, համաձայն որի վերլուծությունն իրականացվում է ըստ սոցիալական ծառայությունների (1) բաշխման հիմքերի, (2) մատակարարման եղանակների, (3) տրամադրվող ծառա-

⁸⁴ St' u Парсонс Т. Социальные системы/Пер. Николаев В.Г.// Вопросы социальной теории, Том II. Вып. 1(2).-М.:2008, էջ 38:

յությունների բնույթի, (4) ֆինանսավորման աղբյուրների: Ինչպես փաստում են ուսումնասիրությունները, ՏԻՄ-երը ներկայիս պայմաններում ի գործու չեն համայնքի բնակչությանը տրամադրել նրանց կարիքներից բխող և հիմնախնդիրների լուծմանն ուղղված սոցիալական ծառայություններ: Տեղական մակարդակում մատուցվող գրեթե բոլոր ծառայությունները կազմակերպում է պետությունը, իսկ համայնքների՝ սոցիալական ծառայություններ մատուցելու կարողությունները խիստ սահմանափակ են⁸⁵: Համակարգում ՏԻՄ-երն իրենց դերակատարումն ապահովում են լոկ սոցիալական բնույթի որոշ միջոցառումներով, որոնք ենթադրում են *բազմագործունային ընտրությանն ուղղված ընթացակարգերի առկայություն*: Սակայն ՏԻՄ-երը չեն կիրառում նման ընթացակարգեր, չունեն դրա համար նախապես մշակված մեթոդաբանություն կամ հստակ սահմանված չափանիշներ, իսկ միջոցառումները հիմնականում ունեն դրամական և բնամթերային աջակցության բնույթ: Սոցիալական ուղղվածություն ունեցող միջոցառումների ֆինանսավորման աղբյուրը, չնայած պաշտոնապես համարվում է համայնքի բյուջեն, սակայն փաստացիորեն պետական բյուջեն է, քանի որ համայնքային բյուջեները մեծամասամբ կազմվում են կառավարության կողմից ֆինանսական համահարթեցման սկզբունքով հատկացվող դրամական միջոցների հաշվին:

Այն միջոցները, որոնք ապահովում են ՏԻՄ-երի գործառումը ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում, ոչ թե բխում են այդ համակարգի նպատակների կամ խնդիրների իրագործման անհրաժեշտությունից և/կամ բնակչության կարիքներից ու խնդիրներից, այլ ձևավորվել են *(1) համակարգում գործառելու համար օրենսդրորեն ՏԻՄ-երին տրված իրավասությունների շրջանակներում, (2) արդեն իսկ ձևավորված և ՏԻՄ-երի համար քիչ թե շատ ընդունելի համարվող պրակտիկաների հիման վրա, (3) ՏԻՄ-երի ունեցած հնարավորությունների շրջակայքում*: Այն պատկերացումները, որ ՏԻՄ-երն ունեն համակարգում իրենց դերակատարման վերաբերյալ, նույնպես էական ազդեցություն են ունենում դերակատարման միջոցների ընտրության և կիրառման վրա: Բնավ, այդ պատկերացումները չեն համապատասխանում բնակչության սոցիալական պաշտպանության համա-

⁸⁵ Տե՛ս «Տեղական ժողովրդավարությունը Հայաստանում» զեկույց: Տեղական իշխանությունների պալատ, Ստրասբուրգ, 2014, էջ 2:

կարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման հնարավոր ձևերին և նպատակներին, այլ զգալիորեն շեղվում են դրանցից: Նրանք սոցիալական պաշտպանությունը և, համապատասխանաբար, նաև իրենց դերակատարումն այդ համակարգում դիտում են որպես դրամական օգնության բաշխման ընթացակարգերի ամբողջություն, որոնց իրականացումը պահանջում է միայն ֆինանսական համապատասխան միջոցների առկայություն: Այդպիսով, ՏԻՄ-երի համար համակարգում իրենց դերակատարման նպատակները մնում են չհստակեցված:

Քանի որ սոցիալական պաշտպանության ենթահամակարգերի՝ *սոցիալական ապահովագրության, սոցիալական աջակցության, սոցիալական երաշխիքների, սոցիալական ծառայությունների* կազմակերպումն ու գործառնական ապահովումը պետական կառավարման ներքո են, ապա ՏԻՄ-երի դերակատարումն էական չէ նաև այդ ենթահամակարգերում: Դրանց բավականին արհեստականորեն տրված են լոկ սահմանափակ թվով և բովանդակությամբ լիազորություններ⁸⁶ *միայն սոցիալական աջակցության ենթահամակարգում*: Միննույն ժամանակ այդ ենթահամակարգերում ՏԻՄ-երի գործուն դերակատարման համար բացակայում են իրավական, կադրային, ֆինանսական, վարչակազմակերպական անհրաժեշտ և բավարար հիմքերը, ինչը դառնում է այն հիմնական *խոչընդոտը*, որը բերում է համակարգում ՏԻՄ-երի *պասիվ և չհամակարգված դերակատարմանը*:

Դա պայմանավորում է նաև սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի ներառվածության ցածր մակարդակը: Սոցիալական պաշտպանությունը՝ որպես համակարգ, միավորում է իր ենթահամակարգերը՝ ոչ միայն ապահովելով դրանց փոխազդեցությունը, այլև նպաստելով միմյանցից գործառնական կախվածության ձևավորմանը, որը պայմանավորում է համակարգի ամբողջականությունը⁸⁷: Երբ հա-

⁸⁶ Ընդհանրապես, ՏԻՄ-ի «գործառնայ» և «լիազորություն» հասկացությունների մեկնաբանության նպատակով ձևավորվել են բավականին տարբեր մոտեցումներ: Սույն համատեքստում նպատակահարմար ենք գտնում կիրառել «ՏԻՄ-ի լիազորություն» հասկացության սահմանման հետևյալ տարբերակը. այն ՏԻՄ-ին օրենքով վերապահած իրավունքների և պարտականությունների համակարգն է, որն ուղղված է տեղական ինքնակառավարման նպատակների և խնդիրների իրագործմանը: Լիազորությունը բխում է ՏԻՄ-ին տրված գործառնայություններից և իրականացվում հստակորեն սահմանված ընթացակարգերի ու գործողությունների միջոցով:

⁸⁷ Տե՛ս Аствацатуров С. Социальная защита в системе экономических и социальных координат//Изменяющееся общество. Теория и практика, 1,2, 1997, էջ 41:

մակարգում ապահովված չէ դրա կառուցվածքային բաղադրիչների փոխհամաձայնեցված գործառույթը, ցածր է դրանցից մեկի կամ մի քանիսի ներառվածության մակարդակը, ապա վտանգված է լինում համակարգի ամբողջականությունը և հավասարակշռված գործառույթը: Դա է բնորոշ ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգին ՏԻՄ-երի դերակատարման առումով:

Այս պարագայում հարց է առաջանում, թե որքանով է ապակենտրոնացված ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգը:

Ապակենտրոնացման մակարդակի մասին դատողություններ անելուց առաջ նախ նշենք, որ ապակենտրոնացման հիմնարար սկզբունքներն ամրագրված են «Տեղական ինքնակառավարման մասին» եվրոպական խարտիայում (Հոդված 4), համաձայն որի հանրային կառավարման լիազորությունների մեծ մասը, որպես կանոն, պետք է վերապահվի քաղաքացիներին ավելի մոտ կանգնած իշխանության մարմիններին: Իսկ ապակենտրոնացման իրական մակարդակը որոշելու համար մասնագիտական գրականության մեջ շրջանառվում է հետևյալ մեթոդաբանությունը⁸⁸.

- ✓ որոշել, թե իշխանության որ մակարդակն է իրականացնում համապատասխան գործառույթների նորմատիվ-իրավական կարգավորումը, ըստ այդմ՝ որոշում հանրային ծառայությունների ծավալի, որակի և մատչելիության նկատմամբ պահանջները, ծախսերի մակարդակը, կառուցվածքը,
- ✓ իշխանության ո՞ր մակարդակն է հատկացնում ծառայությունների մատուցման կամ հանրային կառավարման գործառույթների իրականացման համար անհրաժեշտ ֆինանսական միջոցները,
- ✓ ո՞ր մակարդակն է պատասխանատվություն կրում գործառույթների կատարման և ծառայությունների մատուցման համար:

Հիմք ընդունելով այն հանգամանքը, որ սոցիալական պաշտպանության համակարգի նորմատիվ-իրավական կարգավորման, ծառայությունների կազմակերպման, գնահատման, մատուցման գործառույթներն ամբողջությամբ գտնվում են պետության կարգավորման ենթակա-

⁸⁸ Տե՛ս Օրդյան Է.: Ապակենտրոնացում. հայեցակարգային հիմնադրույթներ: Երևան, «Օր-Դար», 2007, էջ 13:

յութամբ, իսկ ՏԻՄ-երը հարաբերականորեն ինքնուրույն են միայն կամավոր լիազորության շրջանակներում, այն էլ դրանց իրազորման ֆինանսավորման մեծ մասը համահարթեցման սկզբունքով ստանալով կառավարությունից, եթե նաև հաշվի առնենք, որ սոցիալական պաշտպանության համակարգի գործառնական առնչվող որոշումները կայացվում են պետական լիազորված մարմինների կողմից, ովքեր էլ պատասխանատու են դրանց իրազորման համար և որևէ կերպ դրանք չեն համաձայնեցնում ՏԻՄ-երի հետ, անգամ համակարգում ՏԻՄ-երի մասնակցության առումով, ապա կարող ենք փաստել, որ ապակենտրոնացման մակարդակը սոցալական պաշտպանության համակարգում ցածր է, ավելին՝ հասցված է նվազագույնի, ՏԻՄ-երին վերապահելով համակարգում ***պասիվ և մնացորդային դերակատարում:***

ՏԻՄ-երի պասիվ դերակատարումն իր ազդեցությունն է ունենում նաև տեղական ինքնակառավարման համակարգի վրա, քանի որ վերջինիս գործառնական արդյունավետության ցուցանիշներից մեկն այն է, թե որքանով են տեղական ինքնակառավարման մարմիններն ապահովում բնակչության սոցիալական պաշտպանվածությունը համայնքային մակարդակում⁸⁹: ՏԻՄ-երն, իրենց ներկայիս դերակատարմամբ չունենալով որևէ էական ներդրում այդ գործում, բերում են նրան, որ տեղական ինքնակառավարման համակարգի գործառնական արդյունավետությունը մեր երկրում կտրուկ նվազում է: Դա իր հերթին ազդում է նաև տեղական ինքնակառավարման և բնակչության հարաբերությունների բնույթի վրա: Այդ հարաբերությունները բնութագրելու համար ռուս գիտնական Լազերեն առաջարկել է դրանք տիպաբանել՝ ըստ տեղական ինքնակառավարման գործընթացներում տեղի հանրույթի ներառվածության մակարդակի: Հիմք ընդունելով այդ չափանիշը՝ հեղինակն առանձնացնում է տեղական հանրույթի և ՏԻՄ-երի հարաբերությունների *տարածքային ինքնակազմակերպման, նույնալ, ինտեգրված ինքնակազմակերպման, ավտոնոմ ինքնակազմակերպման և իրական տեղական ինքնակառավարման* տիպերը: Դրանց հիմնական բնութագրիչներն ուսումնասիրելով՝ կարող ենք եզրակացնել, որ Հայաստանում տեղական հանրույթի և ՏԻՄ-երի հարաբերությունների տիպը *նույնալ է*, ինչը նշանակում է, որ, չնայած տեղական ինքնակառավարման մարմինները ձևավորվում են քաղաքական ընտրությունների արդյունքում և

⁸⁹ Ст'ю Лазарев В. Социальная организация местного самоуправления.-Орел, 2005, էջ 36:

փաստացիորեն կան ու գործում են, սակայն բնակչության հետ, կարծես, գտնվում են տարբեր «ուղեծրերում»⁹⁰: Դա դրսևորվում է այն հանգամանքի միջոցով, որ տեղի բնակչությունը տեղական ինքնակառավարման գործընթացներում գրեթե չի ներառվում կամ բավականին պասիվ է այդ հարցերում, ՏԻՄ-երի հետ նրանց շփումները հազվադեպ են, իսկ փոխազդեցությունները թույլ՝ երբեմն նույնիսկ կրելով կոնֆլիկտային բնույթ. սույն իրավիճակը մեծապես պայմանավորված է (այդ թվում) նրանով, որ ՏԻՄ-երը ներկայումս չեն կարողանում ադեկվատ կերպով արձագանքել համայնքների բնակիչների սոցիալական հրատապ խնդիրներին և կարիքներին:

Այդպիսով, ՀՀ բնակչության սոցիալական պաշտպանության համակարգում ՏԻՄ-երի դերակատարման կառուցվածքագործառնության մոդելը ներկայանում է համապատասխան կատեգորիաների միջոցով այդ դերակատարումը բնութագրող վերլուծությունների և եզրակացությունների ամբողջության տեսքով, որը տեսական կառույց լինելով, ունի էմպիրիկ հիմքեր և պրակտիկ նշանակություն սոցիալական իրականության մեջ կիրառվելու համար:

Գրականություն

1. ՀՀ 2014-2025 թթ. հեռանկարային զարգացման ռազմավարական ծրագիր, Երևան, 2014:
2. Տեղական ժողովրդավարությունը Հայաստանում. զեկույց: Տեղական իշխանությունների պալատ, Ստրասբուրգ, 2014:
3. Յարմալոյան Մ.: Բնակչության սոցիալական պաշտպանվածությունը հետխորհրդային Հայաստանում//Բանբեր Երևանի համալսարանի. Սոցիոլոգիա, տնտեսագիտություն, 2016, #1 (19), Երևան, ԵՊՀ, 2016:
4. Մահակյան Վ.: Համայնքի և համայնքականության դրսևորումները և զարգացման միտումները Հայաստանում. սոցիոլոգիական վերլուծություն: Երևան, ԵՊՀ, 2002:
5. Օրդյան Է., Մանուկյան Հ.: Աղքատության նվազեցման հիմնախնդիրները ՀՀ համայնքներում: Եր., ՄԻԺԻ հրատարակություն, 2001:
6. Օրդյան Է.: Ապակենտրոնացում. հայեցակարգային հիմնադրույթներ: Երևան, «Օր-Դար», 2007:
7. Аствацатуров С. Социальная защита в системе экономических и социальных координат//Изменяющееся общество. Теория и практика, 1,2, 1997.

⁹⁰ Տե՛ս նույն տեղում, էջ 30:

8. Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание.-М.: Прогресс, 1988.
9. Вебер М. Избранные произведения/Пер. с нем. Давыдова Ю.Н.-М.:1990.
10. Воронцова М., Макаров В. Социальная защита и социальное обслуживание населения.-Таганрог, 2015.
11. Костина Е. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества// UNIVERSUM: Общественные науки, 2015.# 6.- Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 2015.
12. Лазарев В. Социальная организация местного самоуправления.-Орел, 2005.
13. Лига М. Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ// Ученые записки ЗабГУ.-Чита, Забайкальский государственный университет, 2013.
14. Нечуйкина Е. Социальная защита: понятие, категории, терминология.-Санкт Петербург: Гос. Университет гражданской авиации, 2005.
15. Парсонс Т. Социальные системы/ Вопросы социальной теории, Том II. Вып. 1(2).-М.:2008.
16. Хамидуллин Н. К вопросу о понятиях “социальная политика” и “социальная защита населения”//Вестник ОГУ #7 (168), 2014.
17. Crouch C. Governing Social Risks in Post-Crisis Europe. Cheltenham, Elgar Publishing Limited, 2015.
18. Local Government and Social Protection: Making Service Delivery Available for the Most Vulnerable/ UNDP, UNCDF, 2011.
19. Norton A., Conway T., Foster M. Social Protection Concepts and Approaches: Implications for Policy and Practice in International Development. London, 2011.
20. Yemtsov R. The World Bank and Social Protection Overview. http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Event/safetynets/1.%20Yemtsov%20_Overview_SSN%20Course_2013.pdf , 23.03.2015, джүүл` 13:15:

**Բաժին 2. Անվտանգություն, տեղեկատվություն և
հաղորդակցություններ**
Раздел 2. Безопасность, информация и коммуникации
Chapter 2: Security, Information and Communications

**COMMUNICATION POLICIES AND INTELLECTUAL
PROPERTY TRANSFER: EFFICIENCY AND SECURITY IN THE
POST-MODERN INFORMATION SOCIETY**

Marina Ababkova, *PhD in Economics, Associate Professor, Peter the Great
Saint-Petersburg Polytechnic University (Russia),*

Nadejda Pokrovskaja, *PhD in Economics, Doctor of Social Sciences, Professor
at International Business dept., Saint-Petersburg State University of Economics
(Russia)*

Abstract. The dilemma “efficiency – security” reflects the deep contradictory mechanisms from the economic, social and technological points of view. The consumption society is opposite in its essential ideas to the context of the Hellenistic harmony of stratified society and personality’ development, this opposition reflects the dichotomy between the linear system of reasoning within the protestant ethics of capitalism – and the behavioral models of the “leisure class” within the linear model of an individual’ positioning in the social hierarchy.

In the digital economy’ context, the efficiency is based on the transparency and an accelerated access to data and information, to innovative technologies and equipments, according the perfect competition and market principles. But, the real human behaviour distinguishes from the economic modelling and represents the fundamental motivations, the heuristic paths of making decision and the protection of the essential basic values. The security of the human beings and of the societies requires specific mechanisms of regulation with a monopoly – of a State governor (governance’ body) or a moderator (in a network). This regulation needs a set of competencies to be built, the skills and abilities to communicate with different actors from multi-cultural environments.

Today, the efficiency is more complex and needs to take into consideration not only the market logics of the low costs, but also the conformity with cultural norms (from different cultures). At the same time, the efficiency can be based on the monopoly of a resource, including the intellectual property, but in some cases, it is based on the free access, and the result is increasing when the resource is totally opened for everyone. The virtual space networks change the concept of the security within the information and communication technologies (ICT), from the protection of data and of intellectual property, towards the improvement of the creative and innovative processes.

The security issues in this post-modern society require new approaches to the regulation on from the highest (macro) level and until the individual and group autonomous mechanisms of imposing rules of communication.

Keywords: Communication, efficiency, knowledge transfer, intellectual property, strategy, security, governance, post-modernity, information society.

Post-modern society sets the complex multi-facet intentional context of the search for harmonic combination between efficiency and security. The sociological and economic analysis of the efficiency is based on the human beings' competences and motivation. The information and communication technologies (ICT) emphasize the efficiency of data management and of regulation of the information flows. The obsession with efficiency was undermined by the civilization and culture shocks, expressed in the terrorism driven by fundamental values.

The linear western mentality oriented to the growth and performance was locked in with the erosive effect of the needs' evolution that is inherent in the saturated consumption. The "lock-in" effect⁹¹ demonstrated the path dependency on the level of the whole societal system: the linear reasoning is opposed to the creative innovation' model of growth. By consequence, the efficiency' logics leads to the lack of the results, and even the strategy of low cost is no more able to help to achieve the previous scale of outcome for a company, due to the close embeddedness of the demand in the wage and in the organisation culture, and due to the marketing ruse associating "quality – price" in the customers' perception.

The human capital' concept related to the investment logics is in contradiction to the intellectual products' creation and knowledge' transfer model, to ethics⁹² and experience' economy⁹³ principles. The data transfer is organized in efficient way by the technological means, but the content' creation and the new vision of the previous situation can not be yet accomplished even by the intelligent things⁹⁴ and even the Internet of things.

The collision between the very deep roots of the psychology of human behavioural models, constructed on the basis of a concrete representative system (cultural, religious, ideological, etc.), with the profit-oriented maximizing

⁹¹ Arthur W.B. (1989) Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *The Economic Journal*, 1989, vol. 99: pp. 116–131.

⁹² Абабкова М.Ю. (2014) Этические конфликты в маркетинговой и рекламной деятельности // *Конфликтология*. – 2014. – Т. 1. – С. 136-148.

⁹³ Pine, B.J., Gilmore, J.H. (1999) *The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage*. – Harvard Business Press, 1999.

⁹⁴ Покровская Н.Н. (2016) Ограничения и возможности инструментов когнитивного Анализа поведенческих моделей: big data и умные вещи // *Повышение открытости отечественной статистики: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику – Дню работника статистики*. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. – 220 с. . – С. 137-143.

function led to the breaking out of the struggles and battles, until the cyber-attacks and terrorism. The problematic field of the physical and psychological, emotional and intellectual security is enrooted in the communication failures on the macro- and micro- levels.

The communication is the core process in the economy of knowledge and of experience. The communicative skills determine the adequate perception of the interlocutor. Within the up-to-date development of the virtual space, the abilities of negotiating are transformed into a specific set of competencies of communicating with use of different technologies, gadgets and smart devices.

The presented paper analyses the communication competencies as personal capabilities and as organisational policy. The security issues concern the substantial aspect of communication within the process of mutual understanding and ability to find a solution conforming to the interests of all partners, and the technological facet of the management of data flows and safety of intellectual property.

Since the middle of the XXth century, the information plays the important role as key resource for the efficient macro- and micro- governance:

- on the scale of the national or regional regulation, the core aim is to assure the substantial edge of the content of intellectual products - the cultural and symbolic influence on motivation and on behavioral models' choice by the individuals and groups, the economic and social agents;
- on the scale of corporate management, the key information security concerns are concentrated on the technologies of knowledge transfer, value creation' chains or networks, of communication inside the corporate unit and outside, the transfer of organizational culture towards the environment.

The representation of this complex set includes the N dimensions, e.g.:

- the dimension of the pressure of the influencing and controlling tools: the different combinations of the "soft" regulative mechanisms - and the "hard" direct management;
- the macro-level' societal concerns, - and the micro-level of individuals and groups;
- substantial aspect (content of communication) – and the methods and techniques used to communicate the information;
- forms and levels of the information, from data to knowledge, the understanding of sense and the vision of potential prospective evolution and influence on external environment;
- the penetration of the intelligence into the creative process – from graphic design software toward the tools (e.g., "Prizma" application for treating pictures);

- subjects of the carrying out the communication process – human beings or intelligent tools (such as OK google, intelligent search engines, smart devices and Internet of things, etc.);

- the positions of the participants into the communication process: the equal interlocutors in the negotiation process, on the one edge, and the transfer of technologies, with the relationship on purchase of items which are transferred from author to client against the financial flow of payment, within the contract's obligations and strict requirements, on the other edge of the axe;

- the openness of the communication, including the space from the severe procedures to control the access to an information or data, technology, concept model, – until the total availability, with the phenomena of the “club filtering” and “collaborative” strategies⁹⁵ (in the theory of the gift-exchange economy), when the intellectual product is presented on the open sources, and every customer decides about payment or contribution, e.g., the newest songs and albums are accessible for fans, who pay the discretionary amounts according their free will to compensate the authors' efforts and to reward the pleasure got by the user;

- the human being' physical and psychological safety of the techniques and equipment used, including the threat of some marketing and advertising' hooks, i.e., the Freud' seeking for danger and risk that can push especially the young people to imitate any dangerous ploys from car' or snacks' advertising. This concern of safety includes also the physiological influence of the colors and frequency of a signal (line-locked frequency, critical flicker frequency), the forms and the dynamic movements in visual spot or the vibrations' rate in the audio announcements or communication;

- the marginal cost of the spread of communication' message, on the axe from the “zero” cost to communicate a message at a social media (twitter, fb, vc, etc.) to the logistics of information on the inaccessible territories (on small islands, during a walk in mountains, or to address people in poor countries or countries with severe political regime, especially, if they have no devices to access the whole internet, i.e., the Great Firewall of China);

- the combination of elements of monopoly controlling and market expansion dynamics. This aspect of security reflects the search for compromise between a creative chaos of market with an impeding function of the protection. The security has usually the close connection with the braking activity of a physical, social, political, economic or technological mechanism.

The representation can be simplified to the 2 axes:

⁹⁵ Sarwar B., Karypis G., Konstan J., Riedl J. Item-Based Collaborative Filtering Recommendation Algorithms // University of Minnesota, Minneapolis / WWW10, Hong Kong, 2001, May 1-5. – P. 285-295.

- the process – creation and production, innovation of the results of R&D, communication of new vision and knowledge to customers and partners;
- the level of the openness – the dichotomy from the intellectual property protection to the data flows’ transparency and efficiency at the digital era of economy and society development.

The theoretical base, description, security concerns and examples are classified in the table:

Table 1. Classification and description of the dilemma efficiency-security concerning the phases of a communication process:

	Creation, R&D, producing	Communication, transfer
Open	Self-actualization concept of motivation, mechanisms of collaborative strategy and social (collective) intelligence. Engineers, programmers or other specialists are invited to take part to solve a technical problem or to improve a computing process. Free contribution produces low cost of the final result. The security has a technical nature: the improved process or machine, or technology must have been checked before the mass implementation. E.g., open source (Firefox, Linux), the Russian car-producing of “ë-mobile”	Gift-exchange economy concept, mechanisms of collaborative filtering, reverse rule of payment (post-factum). Efficiency is based on the transparency to the background. Cultural and intellectual products are available for all consumers as a basis for the further human personality’ or activity’ development. The security issues concern the cultural influence (needs for simplifying myths) and the psychological well-being. Societal censure or moderators are needed. E.g., advertising, songs and albums in open sources,
Limited	Copyright on original works of authorship. Profit-driven linear logics. Efficiency is based on the monopoly: Patent and trade-secret protection limits the getting profit to a restrained number of commercial agents who have given resources for the intellectual creation. The security issues are centered on the protection of key-actors (inventors, corporate modeling departments, etc.) E.g., Industrial and military R&D, pharmaceuticals	h2h Economy model; knowledge-driven reasoning. Patents and technologies are transferred without the implicit knowledge and competencies that, to be efficient, require to invite the authors or experienced actors to interpersonal communication. Security is assured within the controlling of data flows, of access procedures, etc. and is performed with ICT. E.g., trade of patents and contracts of accompanying their implementation.

The dichotomy of “speed – brake” logics in the construction of the post-modern society has a huge wave of tools, psychological and physiological (cognitive and affective impact, NLP, myths, meta-programming and suggestive design, etc.), of cybernetics and computing science (big data and analysis of human behavioral model, modeling of spatial and social-economic processes, etc.), with technological and engineering nature (ingenious protection systems to avoid errors and prevent intentional destroying actions), etc.

This problematic field sets three-fold system of goals for efficient corporate governance and regional regulation of the communication process:

1) to stimulate the intellectual production – the creative and innovative process, to involve more actors into the activity of the changing world. This element includes the safety of the rewarding system – the protection of intellectual property and the guaranteed compensation for the R&D or creation costs;

2) to prevent monopoly and to avoid conflicts;

3) to assure the evolution, leadership of a company or of a region in the global economic system.

The individual, corporate or national communication policies in the post-modern open regime of cultural and intellectual production, are to be built within the analysis of consequences of the transferred knowledge in the context of collective intelligence and cognitive mechanisms.

References:

1. Arthur W.B. (1989) Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *The Economic Journal*, 1989, vol. 99: pp. 116–131.
2. Pine, B.J., Gilmore, J.H. (1999) *The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage*. – Harvard Business Press, 1999.
3. Sarwar B., Karypis G., Konstan J., Riedl J. Item-Based Collaborative Filtering Recommendation Algorithms // *University of Minnesota, Minneapolis, WWW10, Hong Kong*, 2001, May 1-5. – P. 285-295.
4. Абабкова М.Ю. (2014) Этические конфликты в маркетинговой и рекламной деятельности // *Конфликтология*. – 2014. – Т. 1. – С. 136-148.
5. Покровская Н.Н. (2016) Ограничения и возможности инструментов когнитивного анализа поведенческих моделей: big data и умные вещи // *Повышение открытости отечественной статистики : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику – Дню работника статистики*. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. – 220 с. – С. 137-143.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ)

*Армен Саакян, Доктор социологических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории и истории социологии ЕГУ, Армения*

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF APPROACHES TO INFORMATION SECURITY (ON EXAMPLE OF THE STATE OF ISRAEL)

*Armen Sahakyan, Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of
theory and history of sociology, Yerevan State University, Armenia*

Abstract. Sociological analysis of the specific features of the information security of the State of Israel reveals the deep elements enrooted in the history of the State. The organizational structure and the socio-cultural background determine the voluntary board, the participation of the hackers for the State information security and the intensive involvement of the private companies into the IT-security business and the R&D for the security regulation.

Keywords: information, security, cybersecurity, Israel, system.

Актуальное общественное мнение, в условиях активизации терроризма и конфликтов различной природы, склоняется в пользу значимости обеспечения системы информационной безопасности и повышения эффективности ее деятельности. Одним из весьма интересных примеров выступает построение информационной безопасности в Израиле – стране, изначально созданной и построенной на основе глубокого культурного и идеологического единства, что делает Израиль специфическом объектом социологического исследования.

Создание 14 мая 1948 г. государства Израиль привело к наполненной конфликтами истории развития системы государственной безопасности. С момента своего возникновения, государство Израиль столкнулось с необходимостью постоянно отстаивать право на существование и легитимное функционирование⁹⁶. Сегодня безопасность государства Израиль обеспечи-

⁹⁶ Кацуба В.И. Система обеспечения внутренней безопасности Государства Израиль / дис... 12.00.14, канд. юр. наук. – М.: ФГКУ ВНИИ МВД РФ, 2013. – с. 4.

вается на основе функционирования целой группы структур⁹⁷, включающей как государственные органы, такие как ШАБАК (Общая служба безопасности, аналогичная ФСБ в РФ) и Министерство обороны, Национальная полиция Израиля в рамках Министерства общественной безопасности, так и организации добровольных помощников полиции (Гражданская Гвардия)⁹⁸. Структура системы обеспечения безопасности является результатом уникального исторического развития еврейского государства.

В конце XX в. система национальной безопасности дополнилась необходимостью защиты информации, как в рамках передачи и хранения данных, так и в контексте поддержки репутации и противостояния пропаганде уже не только в физическом, но и виртуальном информационном пространстве⁹⁹. Несмотря на существенные различия и национальные особенности систем информационной безопасности, подходы к обеспечению информационной и инфраструктурной безопасности в Израиле представляет собой один из наиболее тщательно проработанных и выверенных практикой образцов.

Информационную безопасность, как правило, понимают в двух основных разрезах – по форме и по содержанию:

1) как безопасность информационных систем, т.е. обеспечение защиты данных и надежности перемещения потоков информации (этот аспект изучается в дисциплинах информационно-телекоммуникационных технологий, вычислительных систем, кибернетики, виртуализации и цифровой экономики, и т.п.). Данный, формальный, технологический, аспект представляет собой предмет изучения и эффективного функционирования коммерческих предприятий отраслевой принадлежности, успешно обслуживающих любые информационные потоки с большими объемами и сложностью данных¹⁰⁰. Частные предприятия организационно и экономически

⁹⁷ Райан М., Мэнн К., Стилзуэлл А. Энциклопедия сил специального назначения / Пер. с англ. А. Гришина; Под ред. С. Дробязко. – М.: Эксмо, 2004. – С. 109.

⁹⁸ Быков А.В., Кикоть-Глуходедова Т.В. Полицейская система современного демократического государства: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – С. 257.

⁹⁹ Марков А.А., Покровская Н.Н., Смирнов П.Д. Развитие социального института массовой коммуникации в информационном обществе и правовое поле личной и корпоративной информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2015. – №2 (74). – С. 27-40.

¹⁰⁰ D'Ascenzo F., Pokrovskaja N.N. The education in Quality and Innovation Economy as a competitive advantage for High technology clustering in industry and ITC-sector // Российско-Итальянское стратегическое сотрудничество в области передачи знаний: сборник материалов международной научно-практической конференции «Качество и Инновации как эффективные инструменты в экономике знаний» (Quality and innovation performance in

рентабельны, поскольку их продукт (защита данных) необходим и успешно продается на рынке как корпоративным клиентам (например, безопасность как защита от промышленного шпионажа), так и поставляется государственным структурам (с учетом их специфики);

2) как безопасность воздействия ценностных и репрезентативных систем, которые составляют движущую силу для людей, граждан страны, региона или цивилизационной общности. При этом, институты государства включают как ценностно-нормативную регуляцию, так и воплощающие принятую в стране систему ценностей структурные элементы, систему учреждений и организаций. Так, ниже будет показано, что глубоко укорененное в сознании населения государства Израиль представление о необходимости широкого участия каждого гражданина в обеспечении информационной безопасности, воплощается не только в активном и эффективном функционировании добровольных структур, но и во взаимодействии групп израильских хакеров и компаний частного бизнеса с правительственными структурами в рамках обеспечения информационной безопасности.

Предметом социологического анализа является само содержание и механизмы его воздействия на поведенческие модели людей, получающих нацеленные на них потоки информации, а также институциональная среда, обеспечивающая воспроизводство социально-культурной системы государства¹⁰¹. В связи с этим, например, среди объектов критической инфраструктуры, обеспечение безопасности которой сегодня является актуальной задачей в Израиле, первым признаком для отнесения объекта к инфраструктуре, носящей критический характер, является «символическое значение инфраструктуры»¹⁰². Объекты культурного наследия включают в себя такие памятники культуры, как музеи, культовые сооружения, архивы и иные места общественной памяти и значимости, именно эти объекты в Израиле имеют право на первоочередную защиту и классифицируются в качестве критической инфраструктуры.

Следует отметить, что Государство Израиль является поликонфессиональным, причем значительную часть населения составляют арабские граждане, носители «враждебно настроенной» культуры, что составляет

knowledge-driven Economy) (7-8 апреля 2016, Санкт-Петербург) / на англ. яз. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 80 с. – С. 43-49.

¹⁰¹ Margulyan Y. A., Pokrovskaya N. N. Migration as a factor of social security in the modern society // Вестник Ереванского университета. Социология, Экономика. (Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics). – 2015. – №1 (16). – С. 3-18.

¹⁰² Гриняев С. О взгляде на проблему безопасности критической инфраструктуры в государстве Израиль. – [Электронный ресурс] URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=6516 (дата обращения: 27.05.2016).

существенную сложность и требует тонкого государственного регулирования и управления вопросами информационной безопасности.

Кроме того, к первой группе объектов критической инфраструктуры, имеющей первостепенную значимость с точки зрения обеспечения их безопасности, относятся и те информационные источники, которые позволяют обеспечивать контроль над развитием ситуации со стороны государства и населения, прежде всего, речь идет о центральных СМИ, а также об информационных системах государственных ведомств, министерств и служб. При этом рассматривается вопрос не только о доступе к информации или о возможностях предоставления контролируемой информации, но критическим является и влияние подобных хакерских атак или иных негативных воздействий на имидж государства и правительства Израиля, на восприятие как своими гражданами, так и потенциальными противниками его способности контролировать происходящие в информационной среде процессы.

Социологический анализ данного типа воздействия затрагивает, по меньшей мере, два элемента: 1) собственно, репутация и имидж государственных органов и механизмов, которая может пострадать в краткосрочной перспективе; и 2) долгосрочный эффект, угрожающий эффективности государства при утрате или снижении уровня доверия¹⁰³ граждан к органам административного аппарата и государственного управления.

Ежедневное противостояние культур внутри государства Израиль приводит к тому, что социокультурные основания, ценностные шкалы и репрезентативные схемы отражения действительности для граждан государства Израиль достаточно четко определены, и каждый гражданин, по своей воле или нет, формирует сравнительно ясную самоидентификацию.

В Израиле наиболее одаренные специалисты в области информационных технологий отбираются для структур безопасности. Взаимодействие с неправительственной хакерской группой "Гилад тим", возникшей в 2009 г. и имеющей существенный опыт вторжения в информационные системы и "взлома" правительственных сайтов Турции, Ливана и ряда исламских организаций, отражает эффективное взаимодействие между государственными органами и инициативными организациями, в случаях, когда речь идет о национальной информационной безопасности.

В целом, в государстве Израиль принято мнение, что отсутствие международных правовых механизмов, ограничивающих использование

¹⁰³ Марков А.А., Покровская Н.Н. Некоторые гипотезы анализа социально-технологического подхода к формированию системы управления информационной безопасностью // Комплексная безопасность бизнеса в условиях экономической нестабильности: материалы науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 151 с. – С. 38-42.

программно-аппаратных средств для поражения компьютерных систем, позволяет применять их без согласования с международными организациями и иностранными государствами¹⁰⁴.

При этом, активность в области информационной безопасности осуществляют не только правительственные структуры и административные органы, но и частные компании, интенсивно занимающиеся производством интеллектуальных продуктов в сфере информационной безопасности и постоянно и мобильно комбинирующие свои компетенции для повышения позиции на рынке. Так, генеральный директор крупной компании Check Point Software Technologies Ltd Г. Швед отметил: «Инновации в технологиях безопасности должны опережать развитие угроз»¹⁰⁵. Эта точка зрения отражает общественное признание наступательной концепции противодействия угрозам в информационном пространстве, реализуемой государством Израиль. В отличие от, например, оборонительной позиции Китая¹⁰⁶, в государстве Израиль применяется наступательная концепция в области информационной безопасности.

Говоря о структурно-институциональной среде в области обеспечения информационной безопасности в Израиле принято мнение о необходимости защиты граждан и государственных органов Израиля от угроз в кибер-пространстве «любыми средствами», включая активное противостояние потенциальному противнику, включая планирование и реализацию мероприятий по нарушению функционирования объектов информационной и телекоммуникационной инфраструктуры потенциальных враждебных сторон¹⁰⁷.

Легитимация активных наступательных действий опирается на слова главы правительства государства Израиль Биньямина Нетанияху: «Впервые человечество столкнулось с уникальной проблемой: современному миру противостоит средневековый мир исламского радикализма во главе с

¹⁰⁴ Государственные стратегии кибербезопасности года [Электронный ресурс] // Сайт

SecurityLab by Positive Technologies. – [Электронный ресурс] URL:

<http://www.securitylab.ru/analytics/429498.php> (дата обращения: 12.06.2016).

¹⁰⁵ Check Point приобретает стартап Hyperwise / InfoSecurity, 24.02.2015. – URL:

http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=103945 (дата обращения: 14.06.2016).

¹⁰⁶ Димлевич Н.Р. Информационные войны в киберпространстве – Китай и Индия [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2011. 3 февраля. – [Электронный ресурс]

URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=614> (дата обращения: 11.06.2016)

¹⁰⁷ Димлевич Н.Р. Информационные войны в киберпространстве – Великобритания и

Израиль // Фонд стратегической культуры. – [Электронный ресурс] URL: <http://www.fondsk.ru/news/2010/11/08/informacionnye-voyny-v-kiberprostranstve-velikobritanija-i-izrail-873.html> (дата обращения: 11.06.2016).

Ираном и "Исламским государством"»¹⁰⁸. Таким образом, вторжение в информационные пространства других стран или организаций воспринимается в условиях постоянного ведения военных конфликтов как оправданное и легитимное.

В обеспечении информационной безопасности страны активно задействованы и комбинированные структуры, в которых сочетаются частная инициатива и государственный ресурсный потенциал, прежде всего, в области университетского образования и научных исследований. Так, в марте 2016 г. было объявлено о том, что эксперты из Института информационной безопасности Check Point при Тель-Авивском университете и Университета Аделаиды разработали метод атаки, позволяющий извлечь ключи шифрования при помощи электромагнитных волн, испускаемых смартфонами¹⁰⁹. Таким образом, деятельность как в области предотвращения кибер-атак и создания программного обеспечения, способного к анализу, поддержанию и профилактике нарушений безопасности, так и в области организации собственной активной деятельности по нарушению стабильности информационных систем других социальных, политических и экономических агентов, опирается на активное взаимодействие научных организаций и промышленных компаний.

В 2010 г. Тель-Авив принял решение о формировании специализированного подразделения, деятельность которого направлена на противодействие кибертерроризму и проведение специальных операций в информационном пространстве, а также в информационных сетях правительственных, силовых, финансовых и других структур потенциального противника. Командование вооруженных сил Израиля применяет как кибер-атаки, так и физическое воздействие, направленное на нарушение функционирования информационно-телекоммуникационных систем сопредельных государств, для чего используются боевые самолеты и беспилотные летательные аппараты ВВС Израиля, оснащенные современными станциями радиоэлектронного подавления.

Для защиты национального информационного пространства в Государстве Израиль при Министерстве финансов функционирует специальное подразделение Tehila, на которое возложены задачи обеспечения защищенного обмена данными через Интернет между государственными ведомствами; создание безопасных программно-аппаратных платформ для веб-сайтов

¹⁰⁸ Электрическая сеть Израиля подверглась кибератаке / NEWSru.co.il: новости Израиля, 26 января 2016. – [Электронный ресурс] URL: http://newsru.co.il/israel/26jan2016/elec_005.html (дата обращения: 14.06.2016).

¹⁰⁹ Эксперты взломали шифрование, используемое при проведении мобильных платежей / InfoSecurity, 21.03.2016. – [Электронный ресурс] URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=109269 (дата обращения: 14.06.2016).

и ресурсов правительственных организаций; пресечение распространения через Интернет противоправной информации; координация усилий заинтересованных ведомств по противодействию кибератакам. Оперативное отражение нападения на национальные компьютерные сети, если алгоритм компьютерной атаки известен, в Tehila обеспечивает дежурная группа. В случае выявления нестандартной схемы действий противника к работе подключается группа экспертов, которая проводит всесторонний анализ ситуации и вырабатывает инструкции для дежурного персонала.

Кибернетическая мощь государства (cyberpower) рассматривается как способность использовать глобальное информационное пространство для создания в нем преимуществ и влияния на ситуацию в других операционных средах (военной, военно-политической, экономической, информационной)¹¹⁰. В связи с этим, группа Tehila наделена полномочиями проводить наступательные акции на зарубежные компьютерные системы¹¹¹.

В 2011 г. Национальной кибернетической экспертной комиссией в составе ведущих ученых и практиков, работающих под эгидой Национального совета по исследованиям и разработкам в Министерстве науки и технологий Израиля, были сформулированы основные ориентиры выстраивания новой национальной стратегии кибербезопасности¹¹². В принятом постановлении нашли отражение ключевые приоритеты национальной политики информационной безопасности. Использование интеллектуальных ресурсов нации для формирования технологий противостояния угрозам опирается на социокультурные основания для легитимации активных действий в области обеспечения информационной безопасности страны.

Проведенный анализ обеспечения информационной безопасности в Израиле отражает уникальный опыт данного государства и может быть полезен для развития и совершенствования деятельности по обеспечению информационной безопасности в мире и в других национальных государствах и интеграционных объединениях, таких как ЕАЭС.

¹¹⁰ Cyberpower and national security / Ed. by F.D. Kramer, S.H. Starr, L.K.Wentz. Washington, D.c.: National Defense University Press; Potomac Books, 2009.

¹¹¹ Казарин О.В., Тарасов А.А. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность", издательство РГГУ (М.). – 2013. – № 15. – с. 58-74.

¹¹² Гриняев С. О взгляде на проблему безопасности критической инфраструктуры в государстве Израиль. – [Электронный ресурс] URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=6516 (дата обращения: 27.05.2016).

Литература

1. Быков А.В., Кикоть-Глухodedова Т.В. Полицейская система современного демократического государства: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 303 с. – С. 257.
2. Государственные стратегии кибербезопасности года [Электронный ресурс] // Сайт SecurityLab by Positive Technologies. – [Электронный ресурс] URL: <http://www.securitylab.ru/analytics/429498.php> (дата обращения: 12.06.2016).
3. Гриняев С. О взгляде на проблему безопасности критической инфраструктуры в государстве Израиль. – [Электронный ресурс] URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=6516 (дата обращения: 27.05.2016).
4. Димлевич Н.Р. Информационные войны в киберпространстве – Великобритания и Израиль [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. – [Электронный ресурс] URL: <http://www.fondsk.ru/news/2010/11/08/informacionnye-voyny-v-kiberprostranstve-velikobritanija-i-izrail-873.html> (дата обращения: 11.06.2016).
5. Димлевич Н.Р. Информационные войны в киберпространстве – Китай и Индия [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2011. 3 февраля. – [Электронный ресурс] URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=614> (дата обращения: 11.06.2016).
6. Казарин О.В., Тарасов А.А. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность", издательство РГГУ (М.). – 2013. – № 15. – с. 58-74.
7. Кацуба В.И. Система обеспечения внутренней безопасности Государства Израиль / дис... 12.00.14, канд. юр. наук. – М.: ФГКУ ВНИИ МВД РФ, 2013. – с. 4.
8. Марков А.А., Покровская Н.Н. Некоторые гипотезы анализа социально-технологического подхода к формированию системы управления информационной безопасностью // Комплексная безопасность бизнеса в условиях экономической нестабильности: материалы науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 151 с. – С. 38-42.
9. Марков А.А., Покровская Н.Н., Смирнов П.Д. Развитие социального института массовой коммуникации в информационном обществе и правовое поле личной и корпоративной информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2015. – №2 (74). – С. 27-40.
10. Райан М., Мэнн К., Стилуэлл А. Энциклопедия сил специального назначения / Пер. с англ. А. Гришина; Под ред. С. Дробязко. – М.: Эксмо, 2004. – С. 109.
11. Эксперты взломали шифрование, используемое при проведении мобильных платежей / InfoSecurity, 21.03.2016. – [Электронный ресурс] URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=109269 (дата обращения: 14.06.2016).
12. Электрическая сеть Израиля подверглась кибератаке / NEWSru.co.il: новости Израиля, 26 января 2016. – [Электронный ресурс] URL: http://newsru.co.il/israel/26jan2016/elec_005.html (дата обращения: 14.06.2016).
13. Check Point приобретает стартап Hyperwise / InfoSecurity, 24.2.2015. – [Электронный ресурс] URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=103945 (дата обращения: 14.06.2016).

14. Cyberpower and national security / Ed. by F.D. Kramer, S.H. Starr, L.K. Wentz. Washington, D.c.: National Defense University Press; Potomac Books, 2009.
15. D'Ascenzo F., Pokrovskaya N.N. The education in Quality and Innovation Economy as a competitive advantage for High technology clustering in industry and ITC-sector // Российско-Итальянское стратегическое сотрудничество в области передачи знаний: сборник материалов международной научно-практической конференции «Качество и Инновации как эффективные инструменты в экономике знаний» (Quality and innovation performance in knowledge-driven Economy) (7-8 апреля 2016, Санкт-Петербург) / на англ. яз. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 80 с. – С. 43-49.
16. Margulyan Y.A., Pokrovskaya N.N. Migration as a factor of social security in the modern society // Вестник Ереванского университета. Социология, Экономика. (Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics). – 2015. – №1 (16). – С. 3-18.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМИДЖА ЕВРОПЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ¹¹³

Нвард Мелконян, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальных технологий Факультета социологии Ереванского государственного университета, Армения

THE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF EUROPE IN THE ARMENIAN MASS MEDIA AND IN SOCIAL PERCEPTIONS

Nvard Melkoyan, PhD, Associate Professor, Department of Social Work and Social Technologies, Yerevan State University, Armenia

Abstract. The article is dedicated to the issue of the construction and representation of the image of Europe in the Armenian online media.

Nowadays, mass media has become a significant player in politics. The repetitive information in mass media about this or that country, region or territory contributes to the formation of a constructive or deconstructive image, thus, conditioning positive or negative attitude both within and outside the society.

The image of Europe is regional, which is defined as a complexity of sustainable valuing semantic features formed in the result of targeted informative activities of mass

¹¹³ Статья подготовлена при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках совместного проекта Государственного комитета по науке Министерства образования и науки РА и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) N15PG-20 по теме «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)».

media. The article presents the outcome of content analysis of the Armenian online media in the time period of 2015-2016 and focus group discussions conducted with various social groups.

The objective of the above-mentioned complex research was to study the peculiarities of the context and the interpretation of the concept “Europe” as well as the mode of its representation and the content of the information coverage about Europe. It also aimed at defining myths, stereotypes, and associations widespread in mass media and the context in which the knowledge about Europe is built or rebuilt.

Keywords: image, region, Europe, Europeans, Mass Media, values, perceptions.

В современных обществах средства массовой информации не только реагируют на политические события, но и воздействуют на них. Они – часть политики: СМИ создают повестку дня, становятся посредником и инструментом внутренней и внешней политики, формируя, корректируя и изменяя общественное мнение.

Никлас Луман описывает масс-медиа как одно из ключевых познавательных систем современного общества, посредством которого общество конструирует иллюзию его собственной реальности. Реальность масс-медиа позволяет обществам обрабатывать информацию без дестабилизации социальных ролей или перегрузки социальных актеров. Луман разработал теорию коммуникации, в которой коммуникация видится не как акт специфического сознания, не как средство интегральных социальных норм, а как простые технические коды, через которые систематические операции организуют и увековечивают сами себя (Luhmann, 2000, 154).

Коммуникативное действие, которое известный немецкий философ Юрген Хабермас описывает как поиск согласия между акторами, создается как свободный дискурс, формирующий социальную сферу и нормы в обществе. Однако, в эпоху коммерциализации, медиа коренным образом меняет характеристики, так как СМИ становятся просто инструментом для политических манипуляций, направленных преимущественно на удовлетворение требований рекламодателей, читателей и источников информации, например, правительства (Хабермас, 2000, 380).

По мнению Мануэля Кастельса, основой информационного развития человечества являются источники производства и распространения знаний, обработки информации и символической коммуникации. Это говорит о том, что представленность и конкурентоспособность территории, страны, региона фактически предопределены их возможностями распространения, обработки и эффективного использования информационных ресурсов, которыми они располагают. Глобальное информационное пространство появилось, благодаря увеличению влияния общественного мнения на внешнюю и внутреннюю политику (Кастельс, 2000, 606).

П. Гуревич акцентирует тот факт, что только благодаря медиа, мы знаем о том, что происходит не только в мире, но и в нашей стране. Основываясь на информации, полученной от различных СМИ, мы формируем свое мнение о происходящем. Кроме того, для современного общества является типичным, что в политических системах медиа стали главным каналом передачи информации и трансформации общественного мнения. Именно поэтому в процессе создания имиджа региона, становится важным, какая информация о регионе будет освещаться в медиа, т.к. в эпоху информационного влияния именно средства массовой информации формируют основные представления о регионе (Гуревич, 2009, 191-192).

Имидж¹¹⁴ региона можно определить как относительно устойчивую и воспроизводящуюся в массовом и/или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных, рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу особенностей региона, складываются на основе всей информации, полученной о регионе из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений. Имидж региона – не только результат ряда факторов развития региона (политического, экономического, социально-культурного и т.д.), но и активный инструмент государственного управления, используемый с целью изменения, повышения статуса и престижа территории, ее инвестиционной привлекательности.

Также имидж региона являет собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на личном опыте и наблюдениях людей, на слухах, информации, полученной из средств массовой информации. Имидж региона, в основном, формируется именно усилиями средств массовой информации (правительственными, оппозиционными, независимыми, местными, федеральными и зарубежными) (Важенина, 2006, 108).

Понятие «имидж» имеет довольно сложную структуру и включает в себя также множество других понятий, таких как стереотипы, мифы и т.д.

Миф - это устойчивая система стереотипов, основанных преимущественно на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном течении жизни (Шаповалов, 2000, №1, 51-67).

¹¹⁴ В Социологическом энциклопедическом словаре даны сразу два определения:

1. имидж определяется «внешний образ, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других»;
2. имидж – «совокупность свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, пред-
рассудками, традицией и т.д. объекту с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему» (Социологический энциклопедический словарь / [на русском, английском, немецком, французском и чешском языках; редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов]. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2000. — С. 97.)

Мифы легко воспринимаются и запоминаются – они наделены определенным значением, которое отражает важные особенности региона. Коллективный миф выражает устойчивые представления определенной общности людей о ее особенностях, месте в мире и об отношении к другим общностям. Социальный стереотип – это упрощенный, схематизированный образ социальных объектов, который разделяют достаточно большое число членов социальных групп. Согласно Липпману, стереотипы это упорядоченные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права (Липпман, 2004, 95). Информация о том или ином регионе, стране или территории, целенаправленно конструируемая и повторяющаяся в средствах массовой информации, как внутри, так и вне общества, создает конструктивный или деструктивный имидж, обуславливая благоприятное или неблагоприятное отношение к ним.

Имидж Европы - это имидж региона, который в контексте нашего исследования, мы определяем как совокупность устойчивых оценочно-семантических особенностей, формирующихся в результате целенаправленной информационной деятельности СМИ.

Политическая составляющая европейского имиджа целостная, эмоционально окрашенная систематичная картина региона, сформированная на основе политически значимых событий, происходящих в этом регионе (Петрова, 2004, 106).

Юрген Хабермас в книге «Расколотый Запад» (Хабермас, 2008) размышляет о том, что европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. «Дискурс, начатый в масштабах Европы, необходимо задает направление, стимулирующее процессы самопонимания». Европа состоит из национальных государств, которые дистанцируются друг от друга, конкурируют и спорят. Национальное сознание, отечканенное в национальном языке, национальной литературе и истории, долго действовало и как подрывная сила. Но Хабермас видит не различия, а уже достигаемую общность. В ответ на разрушительную силу национализма сформировался, считает он, тот образец ориентации, который придает современной Европе с ее уникальным культурным многообразием, даже на взгляд неевропейцев, собственное лицо в нынешнем мире (Хабермас, 2008, 43).

Характер и контекст интерпретации концепта Европы в средствах массовой информации постсоветских стран, в частности формирование и транслирование имиджа Европы в СМИ этих стран является актуальной и малоизученной проблемой исследования.

Как средства массовой информации представляют понятие Европы своей аудитории? Каков характер представления этого концепта? Является ли медиа-контент скорее рациональным, чем эмоциональным или, наоборот, в освещении Европы? Какие мифы, стереотипы, ассоциации распространяются в СМИ по отношению к Европе? Наконец, каков контекст, в котором конструируется (реконструируется) знание о Европе? Наиболее полное представление о роли СМИ в формировании сведений о Европе требует не просто осмысления медиа-контента, а скорее - управления дискурсом, в котором эти сведения возникают.

Анализ воздействия СМИ на общественное мнение предполагает комплексный подход, что обусловлено их сложной природой. С одной стороны, это институционализированные образования, с деятельностью, организованной в специальных структурах, регламентируемой различными нормами. С другой стороны, СМИ производят продукты - контент, особым образом отражающий действительность и участвующий в ее преобразовании, конструировании особой символической реальности, в которой имиджевые конструкции являются основными. А восприятие подобного символического контента обществом влияет в той или иной мере на сознание и поведение.

Эмпирическим материалом для данного анализа послужило пилотное социологическое исследование, проведенное в Армении в 2015 – 2016 гг., направленное на определение проблемной ситуации и обоснование необходимости исследования в рамках проекта Государственного комитета по науке Министерства образования и науки РА и Российского государственного гуманитарного фонда (15РГ-20) по теме «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)».

Целью исследования репрезентации и восприятия имиджа Европы была интерпретация, понимание, спецификация характеристик, которые составляют "имидж" Европы в средствах массовой информации Армении и их восприятия со стороны различных целевых групп.

Исследовательской группой были проведены: 1) качественное социологическое исследование особенностей восприятия имиджа Европы со стороны различных целевых групп, проведенное методом фокус-групп и 2) контент-анализ медиатекстов, направленный на выявление особенностей репрезентации характеристик, имиджа Европы в армянских СМИ.

Задачи исследования:

- ✓ Выявление характеристик понятия «Европа» в средствах массовой информации РА,
- ✓ Определение рациональных/эмоциональных аспектов содержания публикаций о освещающих европейскую тематику: контекст, в котором те-

ма Европы чаще всего затрагивается, характер сообщений, включая тон, использование сравнений, ассоциации в статьях об отношениях РА с европейскими структурами, странами и т.д.;

✓ Выявление мифов и стереотипов, используемых для описания Европы при ее освещении, место понятия «Европа» в контексте бинарной оппозиции «свой-чужие»;

✓ Изучение стереотипов и представлений относительно имиджа Европы, существующих в общественном сознании в данный период.

Чтобы получить наиболее полную информацию о восприятии имиджа Европы в г. Ереване было проведено 6 фокус групп по 10 – 12 человек. Отбор респондентов в Ереване проводился по принципу целенаправленной выборки, на основании определяющей характеристики - по статусным группам. В случае целенаправленной выборки единицы исследования избираются на основе особых характеристик, что в свою очередь дает возможность детально исследовать и понять поднятые исследователем ключевые вопросы.

Были выбраны следующие группы респондентов:

1. Пенсионеры
2. Молодежь
3. Безработные
4. Служащие – государственный сектор
5. Служащие – частный сектор
6. Научная и творческая интеллигенция.

В каждой группе респонденты были равнопредставлены по следующим характеристикам:

- Пол
- Возраст
- Образование (высшее; среднее специальное и среднее)

С помощью применения метода контент-анализа были выявлены ключевые категории, которые отражают как основные элементы имиджа Европы, так и характер информации. В результате их концептуализации и сопоставления были выделены различия в имидже Европы, представленном в армянских электронных медиа. Выборка электронных СМИ была сформирована на основе рейтингов онлайн СМИ. Данные взяты с сайта www.alexa.com, который вычисляет рейтинг веб-ресурсов, основываясь на количестве посетителей, имеющих индивидуальный IP адрес. www.alexa.com является международным веб-сайтом, который собирает статистические данные для всех стран. Данные alexa.com были подвергнуты перекрестной проверке с данными сайта similarweb.com.

Согласно alexa.com, по состоянию на 1 апреля 2016 года наибольшее число посетителей имели следующие армянские электронные СМИ:

1. News.am

2. Tert.am
3. Aravot.am
4. Armlur.am
5. 168.am

Были рассмотрены публикации на армянском языке, опубликованные в период с 1 июня 2015 года по 30 Мая 2016 года.

Аналізу подлежали статьи, связанные с Европой, европейскими структурами или организациями, их отношениями с РА. Отбор статей проводился на основе специальных поисковых ключевых слов и выражений, таких как: *Европа, европейские страны, объединенная Европа, ОБСЕ, Евро-союз (ЕС) и т.д.*

В общей сложности были рассмотрены 18 427 статей.

В числе рассмотренных статей за исследуемый период публикаций с упоминанием понятия “Европа” в том или ином контексте всего 2014.

При этом характер упоминания данного концепта в онлайн медиа однозначно нейтральный (97%). Лишь 1% (22 статьи) имеет явно отрицательный характер. Положительные упоминания в 33 публикациях (Таблица 1).

Таблица 1. Характер упоминания понятия Европа.

	Итого (в единицах)		
Общее количество рассмотренных материалов	2184		
Частота упоминаний	Характеристика упоминаний		
	положительные	отрицательные	нейтральные
2184	33	22	2129

График 1. Характер публикаций о Европе в онлайн СМИ Армении.

Для сравнения сопоставим эти данные с общим количеством публикаций и характером упоминаний в армянских электронных СМИ США и России (См. Графики 2 и 3).

График 2. Характер публикаций о США в онлайн СМИ Армении.

Как видим, в общем числе публикаций с упоминанием США – 5162, также преобладают статьи нейтрального характера, однако в этом случае количество статей с положительными упоминаниями преобладает над отрицательными (121 и 78 соответственно).

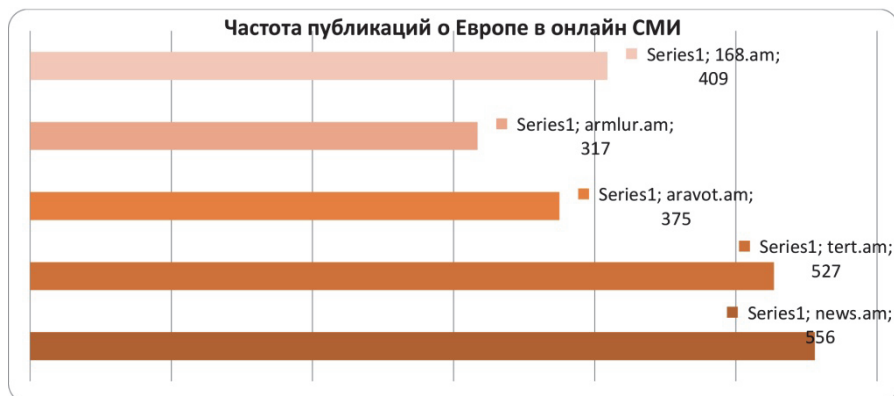
В случае же публикаций о РФ, при сохранении явного преобладания нейтральных публикаций (3414), тем не менее, публикаций негативного характера, пусть и незначительно, (140), но больше, чем положительных (113).

График 3. Характер публикаций о России в онлайн СМИ Армении.

К европейской тематике из исследованных СМИ наиболее часто обращались рейтинговые онлайн медиа: news.am (556 статей) и tert.am (527 статей).

График 4. Частота публикаций о Европе в онлайн СМИ Армении.

За последнее время участвовавшие случаи многочисленных террористических актов в Европе потрясли весь мир. В армянских электронных СМИ основная часть статей относительно Европы и европейских стран в 2015-2016 гг. была посвящена проблемам террористических актов и миграционного кризиса.

«...Наплыв беженцев создает дополнительные риски с точки зрения проникновения криминальных элементов, тем более, если учесть тот

*факт, что у большинства мигрантов нет оснований для получения убежища».*¹¹⁵

*«...Растущее число иностранных боевиков создает новые вызовы для стран-членов ЕС».*¹¹⁶

В условиях сирийского противостояния, миграционный поток в Европу резко возрос, и эти события стали основными пунктами повестки дня армянских СМИ о Европе и европейских странах (Таблица 2, пункты 1 и 2).

Таблица 2. Основная тематика публикаций о Европе.

<i>Основная тематика публикаций о Европе</i>	1. Европа как жертва терроризма 2. ЕС и миграционный кризис 3. Карабахский вопрос и ОБСЕ 4. Геноцид армян и Европа 5. Армения-ЕС встречи и сотрудничество 6. Европа как защитник прав человека и европейские ценности
---	---

При этом, необходимо отметить, что тематика статей о Европе в контексте европейской интеграции, а также тема международных отношений и дипломатии с европейскими странами для СМИ Армении имеют меньшую актуальность, чем проблема национальной безопасности, прежде всего в контексте карабахского конфликта.

Карабахский конфликт является одной из наиболее актуальных тем публикаций, в которых упоминается Европа, в частности аспекты деятельности Минской группы ОБСЕ. (Таблица 2, пункт 3).

Посвященные 100-летию Геноцида армян информационные поводы и мероприятия в различных странах Европы (выступления политических и религиозных лидеров, общественных деятелей и деятелей культуры, шествия, посещения делегаций европейских стран Армении и т.д.) актуализировали обращения к европейской тематике в СМИ. Характерно, что в данном случае, исходя из наиболее чувствительного для РА контекста, публикации носили преимущественно позитивный характер. (Таблица 2, пункт 4).

Внимания заслуживает тот факт, что проблемы безопасности, сотрудничества в этой сфере и тема признания Геноцида армян являются актуаль-

¹¹⁵ Куда идет Европа: террористические акты, исламистские проповедники, беженцы, <http://ru.aravot.am/2016/03/31/205154/>, 31.03.16.

¹¹⁶ ИГ планирует крупномасштабные теракты в Европе – Европол, <http://www.tert.am/ru/news/2016/01/25/interpol/1910766>, 25.01.16.

ными темами и для репрезентации образов России и США (См. Таблица 3, пункты 3-4). Однако в случае России, на данную тематику “наслаивается” чувствительная и актуальная проблема продажи Россией оружия Азербайджану, сотрудничество в формате ОДКБ, российская военная база в Гюмри, что конструирует преимущественно негативный дискурс в отношении России.

Таблица 3. Основная тематика публикаций о России и США

Основная тематика публикаций о России	Основная тематика публикаций о США
1. Митинги против повышения цен на электроэнергию 2. Продажа Россией оружия Азербайджану 3. 100-летие Геноцида 4. Карабахский вопрос и ОБСЕ 5. ЕАЭС и ОДКБ 6. Трагедия в Гюмри и Российская военная база	1. Армяно-американские отношения 2. Сотрудничество в сфере безопасности 3. 100-летие Геноцида 4. Карабахский вопрос и деятельность Минской группы ОБСЕ

В контексте политической составляющей Европейского регионального имиджа главную роль играют Организации объединенной Европы, такие как Европейский Союз, Европейский Парламент, ОБСЕ, различные общеевропейские финансовые структуры, Европейский Банк и т.д.. Сотрудничество Армении с Европейским Союзом всегда являлось одним из ключевых направлений внешней политики РА. Это сотрудничество в основном служит углублению политических и торгово-экономических отношений с ЕС, а также целям улучшения и совершенствования в Армении институтов демократического и правового государства.

*«...Между Арменией и Евросоюзом есть полное взаимопонимание не только относительно настоящего и перспектив будущего, но и вокруг таких проблем, как вопросы региональной безопасности, карабахский конфликт и отношения Армения-Турция».*¹¹⁷

Экономические и промышленные характеристики играют очень важную роль в европейском региональном имидже. Эта составляющая имиджа поддерживается не только репутацией экономически устойчивого производителя, но и значимого инвестора в экономику других стран. Тема парт-

¹¹⁷ Депутат: Европарламент призвал к созвучности с заявлениями Минской группы ОБСЕ, <http://news.am/rus/news/307528.html>, 21.01.16.

нерских отношений с этими структурами, совместные проекты, финансирование инициатив и программ развития, дипломатические встречи и мероприятия зачастую являются основным тематическим фоном для упоминания и репрезентация имиджа Европы (Таблица 2, пункт 5).

«...За последние 8 лет большая часть грантов – около 51%, было получено от Евросоюза, стран-членов Евросоюза, или же европейских банков и организаций».¹¹⁸

В электронных СМИ Армении, безотносительно к основной тематике публикаций, Европа представлена преимущественно в роли учителя, примера, - кого-то, кто достоин особого уважения. Здесь специальный акцент делается на европейских социальных ценностях, к которым стремится и наша страна (Таблица 2, пункт 6).

Однако, необходимо отметить, что в медиа замечают и довольно болезненный факт, - эта система трансформируется, ломается, и это может привести к потере ценностного ориентира и для армянского общества.

«...Европа уже не христианская. Нужно поменять наши концепты и модели, чтобы достичь политических успехов».¹¹⁹

Несмотря на некоторые различия в представлении имиджевых характеристик Европы армянскими интернет - СМИ, в целом, можно увидеть, что Европа в основном представлена в качестве торгового партнера, ориентира, авторитета и приоритета в национальной политике РА. Наиболее четко прослеживается тенденция в репрезентации имиджевой концепции «Европа - пример, к которому нужно стремиться».

Рассмотрим, как влияет представление в СМИ подобного символического контента на общественное восприятие и сознание.

По мнению участников фокус-групп, Европа - это прежде всего регион с богатой и своеобразной культурой.

«В Европе есть страны, которые имеют большую ценность. Каждая европейская страна, каждый город, здание представляет уникальную

¹¹⁸ В 2007-2014 годах ЕС и США предоставили Правительству РА грантов на сумму 450 миллионов долларов США, <http://ru.aravot.am/2015/08/31/192586/>, 31.08.15.

¹¹⁹ Азат Ордукхян: Армении нужны новые концепты - Европа уже не христианская, <http://news.am/rus/news/293660.html>, 31.10.15.

культуру. Они тот благословенный аристократический пример, к которому нужно стремиться всем».

Фокус-группа, молодежь.

Вместе с тем, участники фокус-групп выражали серьезную обеспокоенность участвовавшими террористическими актами в Европе и наплывом мигрантов-мусульман. Конфессиональная принадлежность мигрантов и их большая численность вызывали у респондентов тревогу с точки зрения смещения цивилизационного вектора. Исламизация Европы, по их словам, это, прежде всего, утрата создаваемых веками норм и ценностей, которые характеризуют Европу и являются центральными для ее имиджа.

Характерно, что эта проблема является актуальной и для медиа-повестки:

*«...Это связано со вторжением ислама в Европу, и распространение националистических сил однажды приведет к соответствующим последствиям. В Европе начинается серьезное движение и Европа разгребает заваренную ее же силами кашу, и разгребать ее будут и другие».*¹²⁰

*«...между Западом и исламским миром происходит столкновение цивилизацией и культурных представлений, или иными словами – существуют различия между религиозными и светскими подходам».*¹²¹

Не менее важен и фактор потери чувства стабильности и безопасности, которые ассоциировались с европейскими странами, признавались одними из основных характеристик.

«Люди уже привыкли к тому, что в восточных странах, каждый день совершается большое количество террористических актов, но Европа стала шоком, террористический акт в такой стране мечты как Франция - Париж — это вызов всему цивилизованному миру».

Фокус группа, частный сектор

По мнению участников фокус-групп, сегодня понятие «Европа» перестало быть всего лишь названием части света, оно стало политическим

¹²⁰ Европа разгребает заваренную ее же силами кашу – Карен Кочарян о распространении в Европе националистических сил, <http://www.tert.am/ru/news/2016/03/24/karen-qocharyan/1972387>, 24.03.16.

¹²¹ Атака на «Charlie Hebdo» была предсказуемой, <http://ru.aravot.am/2015/01/17/186147/>, 17.01.15.

термином, который широко воспринимается как новая модель общности стран, а европеец - член этого сообщества.

Большинство участников групповых дискуссий считают, что место Армении в близкой нам европейской системе ценностей.

Говоря о европейских ценностях, респонденты особенно важным считают демократию и свободу, отмечая, что для армян свобода (“независимость от захватчиков”) исторически была одной из фундаментальных ценностей, формирующих национальную и государственную идентичность.

Обсуждая важность демократических ценностей, респонденты особо отмечали гарантированность и возможность реализации права на свободу мысли и слова в Европе.

«С точки зрения свободы слова Европа сегодня является единственной альтернативой».

Фокус группа, безработные.

Европа, по мнению участников фокус-групп, является местом, где права каждого человека соблюдаются и защищаются. Это является результатом правильно проводимой политики, так как по мнению респондентов, в европейских странах действуют эффективные социальные лифты и созданы равные возможности для любого члена общества. Здесь, благодаря собственным стараниям и трудолюбию, можно достичь огромных успехов.

В процессе исследования, респондентами часто выражалось мнение, что, противопоставление Европы и России, создает огромные проблемы для конструирования собственной национальной идентичности и самовосприятия. С одной стороны, в контексте безопасности и экономического сотрудничества (отмечался также фактор большого процента трудовой миграции армян в РФ), респонденты отмечают практически безальтернативность партнерства РА и России, однако, по их мнению, после вступления Армении в ЕАЭС и объявления ЕС о невозможности подписания Соглашения об Ассоциации по причине несовместимости положений о глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли и Таможенного союза, Армения потеряла исключительную возможность для эффективного развития страны и выхода из политического кризиса.

«ЕС тоже в какой-то степени является искусственным союзом, но он имеет гораздо больший потенциал для жизни, он намного устойчивей. ЕС что-то уже сделал для Восточной Европы и Балкан, если сейчас

взглянуть на страны Восточной Европы, которые примерно 20 лет назад были, как и мы, советскими странами. Сейчас они не подлежат сравнению, между нами и ими огромная пропасть, потому что в эти страны вкладываются огромные инвестиции, происходят большие изменения, то есть эти страны мало по малу равняются с западными европейскими странами. Здесь все же есть предпосылки для развития, а с Россией мы идем в противоположном направлении».

Фокус группа, частный сектор

Рассматривая место концепта «Европа» в бинарной оппозиции «свои - чужие», «мы - они» в восприятиях участников групповых дискуссий, можно увидеть довольно парадоксальную картину. Восприятие Армении производится неизменно по схеме: «мы – это Европа», в качестве обоснования приводятся конфессиональные, культурно - цивилизационные факторы, тем не менее, по мнению большинства участников фокус-групп, Европа, безусловно, выступает в контексте «они», при этом не позиционируется в качестве врага, а скорее, - далекой цели, к которой надо стремиться. Но, что важно, в данной оппозиции, по мнению опрошенных, от Армении дистанцируется сама Европа, не видя целесообразности в партнерстве с РА.

«Армения не имеет ценности для Европы, из чего следует, что бессмысленно ожидать определенных шагов от этой части Запада».

Фокус группа, интеллигенция.

«Мы для них страна второго, третьего сорта, они в нас не видят свою выгоду, мы им и даром не нужны».

Фокус группа, государственный сектор.

Интересно, что мнения о самодистанцировании Европы от стран постсоветского пространства можно встретить и в онлайн СМИ Армении:

«...С европейской стороны, как говорят, «нет прежнего энтузиазму». Прежде всего, у самой Европы множество «забот», которые для нее важнее, чем судьба 6 постсоветских стран Восточного партнерства».¹²²

Обобщая результаты данного комплексного исследования, можно сделать выводы:

¹²² Почему переговоры Армения-ЕС пока безрезультатны? <http://ru.aravot.am/2016/03/09/202879/>, 09.03.16.

✓ В электронных СМИ Армении, несмотря на то, что большая часть публикаций с упоминанием названия региона носит нейтральный характер, имидж Европы в обществе в целом конструируется в позитивном контексте.

✓ Национальная безопасность является самой важной и обсуждаемой проблемой в армянских онлайн медиа, и наиболее часто обсуждаемой в публикациях, связанных с Европой.

✓ Основным имиджевым фактором, характеризующим Европу в глазах респондентов и в публикациях СМИ, – это система демократических ценностей: прав и свобод, которые в европейских странах соблюдаются и защищаются. Здесь, по мнению респондентов, действуют эффективные социальные лифты и созданы равные возможности для любого члена общества, гарантирована возможность реализации права на свободу мысли и слова.

✓ Несмотря на некоторые различия в представлении имиджевых характеристик Европы армянскими интернет СМИ, прослеживается тенденция в репрезентации имиджевой концепции «Европа-пример, к которому нужно стремиться». И в СМИ, и по мнению большинства участников фокус-групп, Европа в бинарной оппозиции «свои - чужие», «мы - они» выступает в контексте «они», однако при этом не позиционируется в качестве врага, а скорее далекой цели, к которой надо стремиться.

✓ В то же время необходимо отметить, что представления о Европе, ее имидж в армянском обществе меняется. Респонденты отмечали, что европейская система ценностей, как совокупность культурно – цивилизационных, социально - политических традиций и норм, в данное время трансформируется под воздействием множества факторов. Участвовавшие в террористических актах в Европе, наплыв мигрантов-мусульман вызывают у респондентов тревогу с точки зрения смещения цивилизационного вектора. Исламизация Европы воспринимается как утрата создаваемых веками норм и ценностей, которые характеризуют регион и являются центральными для его имиджа. Не менее важен и фактор потери чувства стабильности и безопасности, которые ассоциировались с европейскими странами, признавались одними из основных имиджевых характеристик.

Литература

1. Важенина И.С. Теоретико-методологические основы определения сущности репутации территории / И.С. Важенина // Научное издание. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006.
2. Гуревич П.С. Имидж России в процессе глобализации / П.С. Гуревич // Век глобализации – 2009, №2(4).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Михаэль Кастельс; [пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Липпман, Уолтер. Общественное мнение/Пер. с англ. Т.В. Барчуновой Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Luhmann N. The Reality of the Mass Media (Cultural Memory in the Present), Stanford, California: Stanford University Press, 2000.
6. Петрова, Е.А. Имидж Москвы – имидж столицы России / Е.А. Петрова // Имиджеология-2004: состояние, направления, проблемы. – М., 2004. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас; (пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова). — СПб.: Наука, 2000.
8. Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008.
9. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность / В.Ф. Шаповалов // Общественные науки и современность. – М., 2000. – №1.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Марина Теленьга, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения
и дипломатии Кубанского государственного университета, Россия

MASS MEDIA AS INSTRUMENT OF PUBLIC OPINION FRAMING

Marina Telenga, teacher for department of foreign region studies
and diplomacy, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Summary. The article deals with the role of mass media in political sphere of a state and its influence as a method of public opinion forming. Public opinion is exposed to an influence because of its nature. The phenomenon of someone's opinion forming is its conscious and unconscious integral parts, and includes statements of common sense as well as prejudices. An individual has no possibility to be a witness on news' events, thereby mass media is the main "news deliver".

Keywords: society, public opinion, mass media, policy, state.

В начале XXI века процесс перехода индустриально развитых государств на информационную стадию ознаменовался повышением роли средств массовой информации (далее – СМИ) в жизни социума. По мнению американского социолога Д. Маккуэйла, в современном обществе информация – самый ценный продукт. Влияние государства на информационное пространство и на СМИ в частности играет исключительную роль в современном постиндустриальном обществе, в условиях трансформации некоторых государственных институтов¹²³. Развитие СМИ оказало огромное влияние на эффективность использования информации и усовершенствования технологий управления общественным сознанием.

Остановимся подробнее на том, что есть СМИ. Они представляют собой учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам¹²⁴. СМИ являются основным поставщиком сообщения, воспринимая которое аудитория осознаёт происходящее, формирует своё мнение о текущих событиях¹²⁵. В результате чего сформировалась двувекторная природа масс-медиа: СМИ являются как возможностью выгодного освещения события, так и способом порождения негативной информации. Сегодня СМИ через воздействие на социум воздействует на каждого человека в отдельности, формируя определённые одинаковые эмоции и действия. Таким образом, СМИ играет важную роль в формировании общественного сознания – состояния массового сознания, заключающегося в скрытом или явном отношении различных социальных общностей к проблемам, событиям действительности в современном обществе¹²⁶. Одновременно с этим, масс-медиа занимают главное место в политической жизни общества, имея непосредственное отношение к его жизнедеятельности и выполняя репродуктивную и креативную функции¹²⁷. По мнению М. Паренти, СМИ отби-

¹²³ Тутарашвили Р.Ю., Гушина Л.В. Манипуляции общественным мнением в рамках политического дискурса: роль СМИ в манипулировании общественным сознанием, основные виды манипулятивных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. – № 3-2 (34)/2015. – С. 86.

¹²⁴ Багдасарян Е.Г. Институт массовых средств информации. Роль СМИ в изменении общественного мнения. Использование СМИ как идеологического оружия // The Russian Academic Journal. - №1/том 23/2013. – С. 38.

¹²⁵ Мамиева Б.Ю. Манипулятивный потенциал современных СМИ при освещении военных конфликтов // Фундаментальные исследования. - № 6-4/2014. – С. 860.

¹²⁶ Болокова М.А. Общественное отношение в государственном и муниципальном управлении // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - № 4/2012. – С. 44.

¹²⁷ Бритков В.Б., Дубовской С.В. Информационные технологии в национальном и мировом развитии // Общественные науки и современность. – № 1/2000. – С.34.

рают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций¹²⁸.

Общественное мнение подвержено манипулированию в силу того, что складывается не только сознательно, но и подсознательно, включая и своё содержание как суждение здравого смысла и предрассудки, мифы. Индивид не имеет возможности стать очевидцем всех событий, происходящих на мировой арене, в связи с чем приоритетность СМИ становится главным источником информации.

Логично полагать, что СМИ имеет определённый вес при формировании имиджа государства за рубежом. В 1974 году М. Маккомсом и Д. Шоу была предложена теория влияния новостных СМИ на общественную повестку дня: сформированная повестка дня в СМИ становится идентичной тому, что общественность предпочитает ставить на первое место. В результате проведённого исследования учёные пришли к выводу, что представления о событиях формируются именно СМИ. «Теория установления, или формирования повестки дня (Agenda-Setting Theory), описывает воздействие масс-медиа, заставляющее индивидов считать некоторые явления и события, с которыми они знакомятся через прессу или телевидение, более важными, чем другие»¹²⁹.

«Целью воздействия медиа является именно массовое сознание как сознательно формируемое через информационную политику, с одной стороны, а с другой — уже обладающее набором некоторых качеств»¹³⁰. В настоящее время СМИ становится информационным аналогом действительности и в значительной мере определяет мнение общества, и в какой-то степени моделирует поведение индивидов. Таким образом, мы можем говорить о факте манипулирования как способа воздействия с целью модификации её представлений, вкусов, поведения в направлении, заданном манипулятором.

Одна из основных манипулятивных технологий, используемых СМИ для влияния на общественное мнение и формирования повестки — это особый способ подачи информации, так называемый концепция оформления (framing). Основной смысл концепции состоит в манере визуальной подачи информации. Было дано несколько определений этому понятию. Так Дж. Танкард дал следующее: «медийное оформление — центральная органи-

¹²⁸ Паренти М. Демократия для немногих. — М., 1990. — С. 216.

¹²⁹ Черных А.И. Власть демократии — власть медиа. — М.: ГУ ВШЭ, 2007. — С. 13.

¹³⁰ Там же, С. 17.

зующая идея новостного контента, которая предоставляет контекст и определяет, в чем заключается проблематика, посредством селекции, акцентирования, опущения и уточнения информации»¹³¹. Наиболее существенное событие по мнению лидирующих СМИ будет помещено на первой полосе. Следовательно, в зависимости от необходимости обратить или, наоборот, уменьшить внимание к какой-либо информации будет использоваться различное оформление. Исследователи обращают внимание на атрибутивный компонент новостного сообщения, то есть восприятие аудиторией акторов и событий через приписываемые им атрибуты.

Таким образом, можно говорить о сформировавшейся медиа-политической системе, которая в данном случае представляет собой совокупность политических и медийных институтов, управляющих информационными потоками и каналами коммуникации, целью которой является формирование общественного мнения по тем или иным вопросам¹³².

Приведём пример действия и влияния СМИ на общественное мнение на лидере в публичной и информационной политике, США, который сумел создать механизм, обеспечивающий информационную поддержку своих интересов во всех регионах мира. В государственном департаменте США официально действует так называемый центр быстрого реагирования. Его задача – корректировка образа США, в случае, если он неверно, с точки зрения официального Вашингтона, подаётся в зарубежных СМИ.

Проведено большое количество исследований в США для определения влияния СМИ на общественное мнение. Уделим внимание исследованию, которое касается формирования мнения о стране через призму масс-медиа. Гипотеза этого исследования состоит в том, что мнение общественности о той или иной стране зависит от количества и направленности публикаций (репортажей) в средствах массовой информации. Это исследование было проведено в 1998 году Г. Голаном и У. Уантом. Оно заключалось в контент-анализе четырех телевизионных каналов ABC, CBS, CNN, NBC. Результаты данного исследования подтверждают тезис, что количество материалов в СМИ может повлиять на то, как американская общественность воспринимает другое государство. С другой стороны, они также указывают на другую зависимость: важность и громкость информационных поводов в определенный момент, если в другое время было меньше

¹³¹ Образ России и политиков от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина / под ред. Е.Б. Шестопаля. - М.: Роспект, 2007. – С. 286.

¹³² Харламова Ю. СМИ как инструмент реализации государственной политики // Власть. - № 8/2012. – С. 42.

количество материалов, может превалировать при формировании интереса аудитории к теме положения в другой стране.

В своей работе «Закат Европы» О. Шпенглер писал: «В ближайшем будущем три или четыре мировых газеты будут направлять мысли провинциальных газет и с их помощью – «волю народа»¹³³. В настоящий момент мы являемся свидетелями данного процесса. Общество, получая информацию ежеминутно и находясь в окружении неё постоянно, оказывается перед проблемой невозможности контролировать своё мнение и формировать собственную точку зрения на события, происходящие в мире. Сами по себе масс-медиа не могут быть инициаторами или субъектами изменений в сознании общества. Их позитивная или негативная роль определяется тем, какими именно социальными силами и с какой целью они используются. Поэтому зачастую СМИ называются оружием массового поражения¹³⁴.

Литература

1. Тутарашвили Р.Ю., Гущина Л.В. Манипуляции общественным мнением в рамках политического дискурса: роль СМИ в манипулировании общественным сознанием, основные виды манипулятивных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. – « 3-2 (34)/2015. – С. 86.
2. Багдасарян Е.Г. Институт массовых средств информации. Роль СМИ в изменении общественного мнения. Использование СМИ как идеологического оружия // The Russian Academic Journal. - №1/том 23/2013. – С. 38.
3. Мамиева Б.Ю. Манипулятивный потенциал современных СМИ при освещении военных конфликтов // Фундаментальные исследования. - № 6-4/2014. – С. 860.
4. Болокова М.А. Общественное отношение в государственном и муниципальном управлении // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - № 4/2012. – С. 44.
5. Бритков В.Б., Дубовской С.В. Информационные технологии в национальном и мировом развитии // Общественные науки и современность. – № 1/2000. – С.34.
6. Паренти М. Демократия для немногих. – М., 1990. – С. 216.
7. Черных А.И. Власть демократии – власть медиа. - М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 13.
8. Там же, С. 17.
9. Образ России и политиков от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. - М.: Роспен, 2007. –С. 286.
10. Харламова Ю. СМИ как инструмент реализации государственной политики // Власть. - № 8/2012. – С. 42.
11. Шпенглер О. Закат Европы <http://www.litmir.co/br/?b=102667> <14/09/2015>.
12. Маевский Д.Р. В сражения мирных дней. – М., 2002. – С. 26.

¹³³ Шпенглер О. Закат Европы <http://www.litmir.co/br/?b=102667> <14/07/2016>.

¹³⁴ Маевский Д.Р. В сражения мирных дней. – М., 2002. – С. 26.

THE CONCEPT OF “SOFT POWER”: THEORETICAL DRAWBACKS AND UPDATES

Narek Minasyan, *PhD Student, Faculty of International Relations,
Department of Political science, Yerevan State University, Armenia*

In the changing global security environment various countries to keep their power and the area of influence use all possible tools – from military force to the latest means technology. However, this difficult competition makes the theorists of international relations, the policymakers to search for most effective ways, tools of using force, which on one hand would be more productive, on the other hand, relatively more affordable.

In this regard, many experts focus their attention on the theory of soft power, which, given the pace and trends of the development of modern societies, is gradually strengthening its position in the arsenal of the main players of international relations.

The roots of the concept of "soft power" date back to ancient times. However, as such soft power theory is the re-interpretation of the perceptions of “traditional power” of mid 1980s.

The concept of "soft power" in science was first circulated by American researcher, co-founder of neo-liberalism theory in international relations, the Dean of Government school at Harvard University after J. Kennedy, Joseph Nye, in his work "Bound to Lead: The Changing Nature of American Power" written in 1990. In fact, the work was not so much addressed to George H. W. Bush administration, but more to his counterparts, particularly to the theorists of political realism, who, according to him, should stop making hard power as something absolute in global politics, given the collapse of the bipolar world.

The author compares the concept of power with weather, on which everything depends, but the influence of which is not always subject to rational explanation or mathematical calculation. Based on this fact he highlights the role of those tools and resources that enable players of international relations to achieve the set goals.

Later Nye developed the concept of soft power in his works - “The Paradox of American Power: Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone”¹³⁵,

¹³⁵ Joseph Nye, *The Paradox of American Power: Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone*, Oxford University Press, 2002

“Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization”¹³⁶, “Soft Power: The Means to Success in World Politics”¹³⁷, “The Power Game: A Washington Novel”¹³⁸, as well as in other works.

In his works Nye puts forward the idea of the hegemony of the US not only from the perspective of military or economic power, but also in regard with its influence on international relations via non-violent means. This is what Nye calls “soft power.”

According to Nye, soft power is an indirect way to exercise power, as a state can obtain the results it wants, because other countries’ willing to follow it and borrow its experiences and techniques, emulate its example, admire its values and traditions, seek to achieve its level of development and prosperity.

In regard with soft power resources of a state, Nye identifies three main sources: its culture (in places where it is attractive to others), its political values (when it lives up to them at home and abroad), and its foreign policies (when they are seen as legitimate and having moral authority.)¹³⁹ First two sources are connected with the historical heritage of the nation, and the third source has more subjective nature and depends on the qualities of the power.

Nye differentiates three main means for getting a result in international relations:

1. Coercion (sticks)
2. Inducement (carrots),
3. Attraction (culture, principles, ideas).

While “hard power” rests on threats (sticks) and inducements (carrots), “soft power” relies on the ability to shape the agenda in world politics, based on one’s principles and ideas. Power can be exercised either by using “sticks” (threats, coercion) or by “carrots” (inducements, payment) in order to influence other nations. However, none of them are effective and soft power can be an essential means to influence other nations. It is an ability to co-opt and attract. Nye believes that using “soft” tools, it is possible to solve problems regarding which resources of “hard power” are powerless. Moreover, results of violent intervention are always short lived. Therefore it is necessary to spend large sums on their retention or repeated achievement.¹⁴⁰

¹³⁶ Joseph Nye, *Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization*, Routledge, 2004

¹³⁷ Joseph Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, 2006,

¹³⁸ Joseph Nye, *The Power Game: A Washington Novel*, Jr. Public Affairs, 2004,

¹³⁹ Joseph Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, 2004, pp.16-17

¹⁴⁰ Tysha Bohorquez, *Soft Power - The Means to Success in World Politics*. / UCLA International Institute, 2005, URL: <http://www.international.ucla.edu/asia/article/34734>

"Attraction is always more effective than compulsion, and values such as democracy, human rights and individual capabilities are quite attractive." "When you can make others want what you want, then sticks and carrots are needed for moving people in the right direction, cost cheap."

According to Nye, hard and soft powers are related because they are both aspects of the ability to achieve one's purpose by affecting the behavior of others. The distinction between them is both in the nature of the behavior and in the tangibility of the resources. Command power—the ability to change what others do—can rest on coercion or inducement. Co-optive power is the ability to shape what others want. It can rest on the attractiveness of one's own culture and values or on the ability to manipulate the agenda of political choices in a way that makes others fail to express some preferences because they seem to be too unrealistic.¹⁴¹

Joseph Nye describes world politics as "a chess game conducted at three levels while the player can win only in case he moves not only horizontally, but also vertically".¹⁴² In other words, traditional international relations with the states as main actors are constructed in the horizontal way, while world politics focuses on vertical interactions between multinational corporations, non-governmental organizations and other actors. Thus, the three levels mentioned above present the relations in military, economic and transnational spheres. For the efficient implementation of different actions and policies at the first two levels it is enough to possess military or economic power. However, in order to solve problems concerning active involvement in the world politics of new actors, "soft power" is required.

Today, it can be argued that soft power is seen as an integral part modern geopolitics and the policy of ensuring security and it complements the hard power. However, in the recent years continuous growth of the role of soft power in international relations and in the foreign policy of various countries is seen. Several factors contribute to strengthening the positions of soft power.

Here are some of them:

1. The strengthening of global and first of all regional economic cooperation and international infrastructure, as a result of which any conflict or crisis has its impact on the global and first of all on the region's economy.

2. The rising interdependence - there is an obvious process of strengthening of political, social and economic ties around the world, which results in the decline of utility of hard power. In such an interdependent environment coercive methods, punishing or threatening other nations is tantamount to self-punishment. All these motivate the policymakers to move

¹⁴¹ Joseph Nye, *Soft Power*, Jr. Foreign Policy, No. 80 (1990), pp7

¹⁴² Joseph Nye, *Soft Power: The means to success in world politics*, Public Affairs, 2005, p 72

from force and coercion to cooperation in order to optimize national wealth and influence.

3. Unprecedented increase of the quality and destruction of the potential of weapons. The nuclear revolution changed the global security system and raised the costs of war. In other words, any conflict between nuclear-weapon states could turn into a negative-sum game for all parties

4. The process of informatization - after the information revolution we have a new world with ever greater speed and magnitude in receiving and transmitting information. Moreover, the rapidly developing technologies are creating new mechanisms for exerting influence.

5. Short effect of the military power - the experience of the last two decades shows that military power even in case of success cannot completely solve any serious crisis or conflict. After short-term success, the possibility of a new escalation arises or the crises is transforming to a new type of confrontation (for example terrorism). Best examples of these are NATO's military interventions in Afghanistan (2001), Iraq (2003), Libya (2011), etc.

6. International organizations - after WWII the strengthening of international organizations they became an important arena for cooperation of the states, co-optive networks with their norms and laws. In such an environment unilateral actions that disregard these institutions became far more costly.

Soft power has become a universal tool of foreign policy, which is available to all actors of international relations (states, international organizations, transnational corporations, etc.), but each of them have their typical features, as well as restrictions. Soft power as a latent tool of influence is used both on the public consciousness and towards a targeted country with the aim of desired transformation.

Soft power tools are used on a targeted society by the subjects of international relations. Those tools are a unity of internal and external factors, which gives an opportunity to influence on the development process of the object – the society, which sometimes does not meet the national interests of that country, people.

Giulio M. Gallarotti, Professor of Government at Wesleyan University, USA, marks out two general sources of “soft power”: international sources that are foreign policies and actions and domestic sources, with multiple sub-sources within each.¹⁴³ As domestic sources we can mention internal politics, the ideology, the quality and the level of life, values, culture (theatre,

¹⁴³ Giulio Gallarotti, *Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions under which it can be effectively used.* / Division II Faculty Publications, Paper 57, 2011, pp.20-25
URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57>

cinematography, show business), etc. All of them promote a positive image of a state that attracts other nations, and consequently, the influence of such state in the world politics increases.

As for the international sources, they include foreign policy, the role of a state in international relations, its civilizational role, respect for alliance commitments and treaties, a model of political and economic development, etc.

It is noteworthy that no matter how much effort has been made for the attractiveness of a country, its internal policy can become a serious obstacle for becoming attractive. For example, although China is consistently carrying out its strategy of soft power, its effectiveness periodically appears under the risk. The positive effect of the Olympic Games in 2008 was depreciated by the persecution of human rights defenders; Shanghai Expo 2010 was followed by the court verdict of the Nobel Peace Prize winner Liu Xiaobo, etc.

Attractive image formation is an indispensable condition for effective impact on other societies through soft power.

By convincing others in your own effectiveness and being an exemplary through clearly planned and targeted actions you will be given an opportunity to reduce possible opposition to the policies implemented by the state.

The use of soft power for guiding the process of the development of an object in terms of methodology can conditionally be divided into two parts:

1. Superficial or external - this takes place in the models of clothing, style, food, entertainment, manner and other factors,
2. Deep or inner - impact on consciousness and sub-consciousness, stereotypes of thinking, which leads to changes.

Superficial effect is quite easily accepted by an object. However, it does not promote creation of culture, to a new quality of mentality and therefore this does not lead to change in behavior. Especially it does not affect its stance in foreign policy. As for the deep impact, then it is a result of a fairly complex process, and, given its effectiveness and long-term maintenance of effect, it is always preferable for any player in international relations.

The theory of soft power brought forward by Nye has already appeared in the center of attention of both different theorists and policymakers. However, detailed study of Nye's concept during the time revealed its some shortcomings. To overcome them the very theorists brought forward a series of theoretical approaches that on the one hand further strengthened the theory of soft power and on the other hand enriched it. Among them such theorist can be identified as Janice Bially Mattern, Takeshi Matsuda, Geun Lee, Todd Hall, and others, whose aim was to be criticize and analyze the concept of soft power from different frameworks and perspectives.

Janice Bially Mattern, (Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politic)

Professor at National University of Singapore, considers soft power as a continu-continuation of hard power, but by different means. Being guided with sociolinguistic constructive approach she promotes the idea that the “attraction” is not natural but being created by the force which she calls “representational force”.¹⁴⁴ Under that she understands a form of power that operates through the structure of the speaker’s narrative representation of the “reality” appealing to other’s. In comparison to Nye, who doesn’t pay attention to the origin of the attraction, Mattern rejects natural attraction and assumes that attraction is a socially produced reality. In this regard Mattern highlights the role of “communication strategy” as an essential component of soft power policy.

Japanese scholar, Takeshi Matsuda, Vice President and Professor of American History at Osaka University of Foreign Studies, (Soft Power and its perils: US cultural Policy in earl Postwar Japan and Permanent Dependency) supposes that soft power is not one-sided. What refers to the deep influence then it is the result of a rather complicated process and taking into consideration its productiveness and continuous effect, it is more preferable for any player in international relations. It contributes to the change in thinking and consciousness of the target audience. It also contributes to the change in its worldview and to the formations of its followers, who are in some cases labeled as “fifth column.”¹⁴⁵

Todd Hall, political science professor at University of Toronto, in his article “An Unclear Attraction: A critical Examination of Soft Power as an Analytical Category” pays attention to ambiguity of the soft power concept and the problem of attraction. He is skeptical of the “attraction” and particularly argues that cultural values cannot become a viable instrument to soft power tools. With regard to the political values, Hall believes that a nation adopts only specific values which later become a part of nation’s identity, national political culture. Hall states that if a nation emulates some political values, it doesn’t necessarily mean attraction. Moreover, the real motivators for the states’ attraction are their interests focused on material gain.¹⁴⁶

Geun Lee, professor from Seoul National University, has a huge input in soft power concept and in overcoming some of shortcomings in Nye’s theory. Lee’s approach, which he calls “resource-based theory of soft power,” is based on the soft power definition, categorization and the concepts of soft power

¹⁴⁴ Janice Bially Mattern, Why ‘Soft Power’ Isn’t So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics, *Millenium - Journal of International Studies*, 2005, v. 33, page 583-585

¹⁴⁵ Ольга Леонова, “Мягкая сила”: инструменты и коэффициенты влияния. *Обозреватель-Observer*, №3, 2004, с. 18-28

¹⁴⁶ Todd Hall, An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category, in the *Chinese Journal of International Politics*, Vol. 3, 2010, pp 202-204

dilemma and soft power synergy. He defines soft and hard power according to their resources: soft power uses soft, non-material resources, and hard power – hard, material resources. Furthermore, soft power is not always created by soft resources, for example attracting others by military weapons.

Lee offers 5 categories of soft power according to the policy goals the actors want to achieve:

1. Soft power to improve external security environment by projecting peaceful and attractive images of a country;

2. Soft power to mobilize other countries' support for one's foreign and security policies;

3. Soft power to manipulate other countries' way of thinking and preferences;

4. Soft power to maintain unity of a community or community of countries;

5. Soft power to increase approval ratings of a leader or domestic support of a government.¹⁴⁷

Lee's categorization aims to reveal the motivation of the state to shape their attractiveness and the influence they want to exert on others. Geun Lee points that the soft power exercised by a country can work on two categories (Lee borrowed two-level games theory proposed by Putman)¹⁴⁸ and the relationship between that two categories can be described as soft power synergy or soft power dilemma. If a country succeeds in both levels, it produces soft power synergy, and when government focuses on getting positive response on one category, it could lead to soft power dilemma.¹⁴⁹

A good example of soft power synergy is the formation of the US-led coalition against ISIS, since it strengthened the country's image in international relations and produced positive response in domestic politics. Example of the soft power dilemma can be the inclining position of Turkish government on reinstatement of the death penalty after the failed coup attempt (July, 2016). Referring to the reintroduction of death penalty, Recep Tayyip Erdoğan, the president of Turkey, pleased the domestic audience (more precisely his supporters) but brought negative effect on Turkey-West and especially to Turkey-EU relations.

¹⁴⁷Geun Lee, A theory of soft power and Korea's soft power strategy, Korean Journal of Defense Analysis, Jun2009, Vol. 21 Issue 2, page 207-208

¹⁴⁸Robert D. Putnam, Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games, International Organization Vol. 42, No. 3 (Summer, 1988), The MIT Press, pp. 427-460

¹⁴⁹Geun Lee, The Clash Of Soft Powers Between China And Japan: Synergy And Dilemmas At The Six-Party Talks, Asian Perspective Vol. 34, No. 2 (2010), pp 122-123

Besides the theorists mentioned, many other specialists also seriously studied separate components of the soft power theory trying to strengthen it as much as possible ensuring its viability towards critics.

In parallel to theoretical improvements and strengthening of the soft power theory, today many theorists and political actors try to estimate the role of soft power in the context of international relations and its influence on the use of soft power as well as the priority of soft and hard powers.

The international developments prove that hard power has not yet lost its core role in the world where states try to protect their independence in every way, while no-state groups, for example terrorist groups, are ready to turn to violence to fulfill their goals. On the other hand the trends in international developments prove the rise in the meaning of soft power in the balance of all state powers, naturally enough for each of them in accordance with their abilities. It is conditioned by the fact that even the most developed countries face the limits of resolving internal and external problems exceptionally by the use of power.

Though, as Joseph Nye claims, "soft power" is an important reality today¹², implementation of its tools does not guarantee absolute success and incredible power or authority as other states can turn to cultural resistance and do not accept the imposed norms, values and institutions. In other words, it is not a comprehensive one-fits-all solution as there are limitations to its application and effectiveness.¹⁵⁰

It is interesting to note that Nye was not for overestimation of the soft power's role. "Of course soft power cannot resolve all the problems. Even if the leader of North Korea, Kim Jong-il, loves watching Hollywood movies, it will hardly impact its plan to produce nuclear weapon. Similarly by means of soft power it was not possible to make Taliban refuse to assist Al-Qaeda in the 90s of the 20th century. To put an end to that alliance it was necessary to use military power. However, such goals, as contributing to the development of democracy and human rights are utmost easy to achieve via soft power. Democratization by force has its limits."¹⁵¹

Although the theory of soft power brought forward by Nye and his theoretical additions give a completely new image in relation to international domination and in general to the relations among different entities on the international arena, it still has some vulnerable sides which need a consistent theoretical and methodical studies. As such the following weak sides of the soft power theory can be identified:

¹⁵⁰ Joseph Nye, *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, NY: Basic Books, 1991 p.25

¹⁵¹ Joseph Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Jr. Public Affairs, 2004, p. 91

1. The impossibility of precise planning- taking into consideration fast enough pace of international processes and in some cases their unpredictability, it becomes more than obvious that the possibility of the failure of each soft power strategy is rather high conditioned by objectively unpredictable behavior. The development of effective soft power mechanisms and their effective use assumes long enough process, which in its turn raises the possibility of its failure at any stage.

2. Some resources of soft power are not subject of control by a state and direct policymakers. Thus it is very hard for the government to maneuver with the latter; while in case of hard power it is easier to do. Consequently, the result of soft power, as compared to, for example, to economic sanctions and military actions, is more amorphous and hard to predict. In this regard, Colin S Gray, an expert from Strategic Studies Institute /US Army War college/ argues that Soft power cannot be domesticated and even becomes a dangerous concept.¹⁵²

3. The difficulty of measuring effectiveness – taking into consideration long term and in some cases non-overt nature of the soft power use, it is hard enough to measure its effectiveness. Moreover, it is hard to say whether any change in object's behavior is a result of soft power used toward it or there are other factors in place. Interestingly enough today some organizations try to somehow measure soft power. However, they measure it not in terms of its effectiveness but in terms of the country's soft power potential. The publication about the first steps of soft power measurements via complicated index was done by Institute for Government and Monocle media agency in 2010.¹⁵³

The media company Portland in 2015 published The Soft Power 30 with a foreword by Joseph Nye. It is a ranking of countries' soft power based on "the quality of a country's political institutions, the extent of their cultural appeal, the strength of their diplomatic network, the global reputation of their higher education system, the attractiveness of their economic model, and a country's digital engagement with the world."¹⁵⁴

4. Effective use of soft power resources – each country has some potential of soft power with a corresponding resource base, which is peculiar for each country. However one thing is to have resources another thing is to effectively use them. As such counter example Russia is brought after the collapse of the SSSR when it almost ineffectively exhausted the great part of its soft power

¹⁵² Colin S. Gray, *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century*, US, Strategic Studies Institute: 2011, pp. 50-51

¹⁵³ Jonathan McClory, *The new persuaders: an international ranking of soft power*. Institute Institute for Government, 2010, p.13 URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf

¹⁵⁴ *The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power*, 2015 URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#2015>

inherited.¹⁵⁵ To be objective it should be stated that that Russia's potential was essential in terms of Russia's information-cultural impact on CIS countries, easy enough dissemination of Russia's TV and movie production in those countries, the attraction of Russia's universities and the market of its books for them, the wide usage of the Russian language in CIS area etc.

Those mentioned are only some of the weak points of the soft power concept. However it should be stated once more that different components of soft power are in the center of attention of some theorists, who try to suggest concrete solutions, theoretical updates taking into consideration also the practical experiences of different countries.

Conclusion. The complicated and multicomponent nature of international relations and the deepening cooperation among countries make policymaker find tools and approaches to effectively deal with emerging new challenges and threats. Today many countries among them also rather conservative ones, try to insure that effectiveness via the tools of soft power even adopting precisely developed strategies. The concept brought forward by Joseph Nye, however being relatedly news theory, is still at the stage of being established which is accompanied both by grounded criticism and theoretical updates. Being criticized a lot soft power theory also has been developed and perhaps improved to some extent, the proof of which is its growing importance in the field of international relations. Nevertheless the theoretical input of various scholars in the theory of soft power, it is more than obvious that there is a need for further rational assessment with new approaches, to achieve better theoretical understanding.

Bibliography

1. Bohorquez Tysha, Soft Power - The Means to Success in World Politics. / UCLA International Institute, 2005, URL: <http://www.international.ucla.edu/asia/article/34734>,
2. Gallarotti Giulio, Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions under which it can be effectively used. / Division II Faculty Publications, Paper 57, 2011 URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57>,
3. Gray Colin, Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century, US, Strategic Studies Institute: 2011, p. 60,
4. Hall Todd, An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category, Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010,
5. Lee Geun, A theory of soft power and Korea's soft power strategy, Korean Journal of Defense Analysis, Jun2009, Vol. 21 Issue 2,

¹⁵⁵ Юрий Давыдов, Мягкая сила в международной политике: особенности национальных стратегий, // США. Канада. Экономика - политика - культура. 2007, N 1, стр. 3-24

6. Lee Geun, The Clash Of Soft Powers Between China And Japan: Synergy And Dilemmas At The Six-Party Talks, *Asian Perspective* Vol. 34, No. 2 (2010),
7. Mattern Janice Bially, "Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics", *Millenium - Journal of International Studies*, 2005, v. 33,
8. McClory Jonathan, The new persuaders: an international ranking of soft power". Institute for Government, 2010, p. 15,
URL:http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf
9. Nye Joseph, Soft Power, *Foreign Policy Journal*, No. 80, 1990,
10. Nye Joseph, The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone, Oxford University Press, 2002, p. 240,
11. Nye Joseph, Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization, Routledge, 2004, p.240,
12. Nye Joseph, Soft Power: The Means to Success in World Politics, PublicAffairs, 2004, p.191,
13. Nye Joseph, The Power Game: A Washington Novel, Public Affairs, 2006, p.256,
14. Nye Joseph, Bound to Lead: The Changing Nature of American Power ", NY: Basic Books, 1991 p.25
15. Putnam Robert, Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games, *International Organization*, Vol. 42, No. 3 (Summer, 1988), The MIT Press, p. 433
URL: <http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/Putnam-The-Logic-of-Two-Level-Games.pdf>
16. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power, 2015 URL:
<http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#2015>
17. Давыдов Юрий, Мягкая сила в международной политике: особенности национальных стратегий, // США. Канада. Экономика - политика - культура. 2007, N 1,
18. Леонова Ольга, Мягкая сила: инструменты и коэффициенты влияния. *Обозреватель-Observer*, № 3, 2014.

РОЛЬ СМИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Екатерина Иванова, Магистрант I курса ОФО, КубГУ, Россия

THE ROLE OF MASS MEDIA IN INFORMATION SECURITY: ACTUAL PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

Ekaterina Ivanova, MA student, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract: The article characterizes the main threats to information security. Analyzes the influence of media on public life. Today, the media are not the only "weapon" in the information war, but also one of the main objectives in order to achieve excellence in the information space. Information security today is placed equal basis with national security. It is a determining factor of progress in all spheres of activity, it has a significant impact on the political, economic, defense and security. This requires the development of new measures to ensure the safety of media information. Thus, identifies the main vectors in the sphere of information and national security by facilities the media.

Key words: mass-media, information security, information war, national security.

На сегодняшний день, в рамках проведения внешней и внутренней политики, государством все больше используется информационный ресурс. В условиях глобализации процветает феномен информационной войны. Для её ведения используется как информация, так и дезинформация, а также действия, направленные на повреждение информационных военных и гражданских систем. Основное внимание уделяется интернет пространству и телерадиокомпаниям. Трансляции оказывают влияние не только на своего противника, но и на своих граждан. Данное воздействие на население государства ведется путём распространения нужной информации или дезинформации.

Проблема информационной безопасности приобретает с каждым днем все большую актуальность, так как информационные потоки могут влиять на психическое здоровье, интеллектуальное и нравственное развитие молодого поколения. Опасность информации или дезинформации, доступ к которой сейчас открыт для всех, заключается в теле-радио и интернет ресурсах. Но все зависит не только от того, кто подает информацию, но и как она преподносится и с какой стороны показывается ситуация.

Информационные потоки можно разделить на три группы: государственные, оппозиционные, альтернативные. Каждая группа подает ин-

формацию в том ключе, в котором будет выгодно для «заказчика». В таком случае, можно проследить, как население будет плавно дробиться на такие же три группы. Чаще всего субъект каждой из групп не задумывается о том, насколько информация достоверна, не является ли это дезинформацией, и не старается посмотреть на ситуацию с другой стороны. Информационный посыл доходит до получателя, который воспринимается им, чаще всего его не нужно домысливать, стоит только принять. Таким образом, субъекту навязывается чужая точка зрения. Данное информационное воздействие может привести к деструктивным последствиям, которые могут разрушить политический строй государства, или же наоборот укрепить позиции правящей структуры. Учитывая современные средства подачи информации, она имеет высокую скорость распространения и получения. Это предполагает мгновенное реагирование на новые факты. Но при этом существует проблема восприятия информации, за счет кардинального различия в социальных слоях общества и принятия им информационного потока. Разными частями населения могут обосновываться разные критерии «опасного» и «безопасного», это зависит от социокультурных, идеологических установок и состояния ментальности группы. Так, в одной группе может быть сформирован «иммунитет» к восприятию «вредной» информации (дезинформации), существующий социокультурный селектор ограничивает данное информационное влияние. В другой социальной группе, этот же фактор может оказать отрицательное воздействие, что в дальнейшем может привести к негативным последствиям. В каждой социальной среде данная угроза будет иметь разное влияние. Сейчас это наглядно показано ситуацией складывающейся в борьбе с экстремизмом.

Сегодня СМИ, также как и органы, обеспечивающие государственную безопасность, могут участвовать в обеспечении информационной безопасности, реализуя и выполняя свои права и обязанности, установленные информационным законодательством. Процесс предоставления и получения информации, в таком случае, не будет радикально искажен, а уровень дезинформации снизится. Установленная законодательством ответственность СМИ поможет избежать новых угроз информационной безопасности. Средства массовой информации должны обеспечивать массовую информационную безопасность за счет предоставления необходимых, полезных информационных потоков, защищая их от дезинформации, которая распространяется оппозиционными, или западными телерадиокомпаниями и Интернет-ресурсом.

Информационная безопасность главным образом зависит от информационного обеспечения социума, высокий уровень которого достигается за счет всесторонней информированности общества. Информационная безопасность сегодня ставится наравне с национальной безопасностью. Она

является определяющим фактором прогресса во всех сферах деятельности, оказывает существенное влияние на состояние политической, экономической, оборонной безопасности.¹⁵⁶ Проблема информационной безопасности весьма острая, от решения которой зависят пути развития молодого поколения. Возрастание угроз информационной безопасности обуславливается новыми подходами к формированию национальной безопасности требующими новой информационной политики.

На сегодняшний день важно информационное сопровождение СМИ внутривнутриполитической и внешнеполитической деятельности государств. Для того чтобы каждый человек был предельно информирован как, какими средствами отстаиваются национальные интересы государства, какую роль оно играет на международной арене, что сегодня отвечает этим интересам, а также полная информированность о политической, экономической и социальной ситуации в стране.

В условиях информационного воздействия, современное общество должно владеть такими основными качествами, как умение анализировать информацию, делать выводы, давать объективную оценку фактам. Это все связано с самостоятельным критическим мышлением, чтобы удостовериться в надежности предлагаемой информации. Для этого необходимо её рассматривать не только с одной стороны, стоит сопоставить некоторые факты с другими, излагаемыми иными источниками. Таким образом, при получении информации из одного источника, не стоит этим ограничиваться. Периодически, нужно менять или совмещать два или несколько источников, чтобы рассмотреть проблему с разных сторон. После этого, стоит подвергнуть анализу некоторые факты, во избежание дезинформации, которые в некоторых случаях могут не совпадать. Тогда стоит обратиться к Интернет-ресурсам (сводки новостей, научные статьи, мнение экспертов). Постепенно все больше стали появляться апробированные научным сообществом ресурсы с лицензионной аккредитацией, так например сайт института РАН.¹⁵⁷ Создаются коллективные базы данных, которые вмещают в себя научные публикации по любой проблематике.¹⁵⁸ Только после тщательного анализа всех изученных источников, проблема раскрывается полностью. Чаще всего, некоторые факты скрываются, преувеличиваются или же могут быть неправильно трактованы и использованы против

¹⁵⁶ Богачев В.Я., Редин В.В. Информационная безопасность как составная часть национальной безопасности Российской Федерации // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования № 2. Т. 2., М., 2012 URL: <http://ores.su/ru/journals/strategiya-grazhdanskoy-zaschityi-problemyi-i-issl/> (Дата обращения 3.06.2016)

¹⁵⁷ <http://www.igh.ru/> (Дата обращения 29.02.2016)

¹⁵⁸ Интернет ресурсы ИВИ – РАН // URL: <http://www.igh.ru/links/> (дата обращения 29.02.2016)

государства и его граждан. Самое главное это информационная грамотность общества. В обстановке информационной войны, разрастания все большего числа конфликтов и доминирования сетевых, и теле и радиоисточников, недоверие большинства населения земного шара сменяется восприимчивостью к эффектным, фальсификационным историческим фактам и открытиям. В настоящее время можно наблюдать, что информационное пространство использует растущий интерес общественности к разрастанию политических противоречий. Если большинство населения будет самостоятельно осуществлять анализ информационных и дезинформационных потоков, то будет в большей степени решена проблема правильного восприятия информации в условиях работы современных источников.

Сегодня молодое поколение все больше зависит от информационного потока. Негативное информационное влияние может пагубно сказаться на развитии и здоровье всего поколения. Поэтому в современной образовательной программе значимое место занимает не только профессиональная подготовка и эрудированность, но и информационная образованность – анализ информации. На сегодняшний день, это достаточно важный аспект, учитывая, что телевидение, интернет и социальные сети широко проникли не только в быденную жизнь народонаселения, но и в образовательную систему. Данное явление накладывает свой отпечаток на грамотность и начитанность современной молодежи. Учитывая новую систему образования, реформация образовательного процесса привела к упрощению получения знаний. Все больше перестают играть важную роль системность и анализ. Для массового сознания изучаемые факты все чаще обобщаются, так как это не требует интеллектуальных усилий и больших временных затрат. Вхождение в образовательную программу (такие предметы как обществознание, история) анализа информации помогло бы сформировать информационную грамотность населения. Ведь за счет возрастающих угроз информационной безопасности и некачественной работы СМИ будет расти неграмотность, незаинтересованность народонаселения в развитии внутригосударственного сектора экономики и социального обеспечения, а также размываться культурная идентичность, возрастать экстремистские настроения и др. негативные факторы.

Для того чтобы успешно противостоять внешним информационным угрозам необходима внутривполитическая стабильность общества. Таким образом, требуется усиление влияния государства в информационной сфере с целью защиты своих интересов; доброкачественная работа средств массовой информации; информационная грамотность граждан страны, что включает в себя анализ фактов, объективный взгляд на получаемую информацию, а также сравнение различных информационных источников во из-

бежание дезинформации, которая в дальнейшем может дестабилизировать политическую обстановку.

Список использованных источников и литературы:

1. Богачев В.Я., Редин В.В. Информационная безопасность как составная часть национальной безопасности Российской Федерации // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования № 2. Т. 2., М., 2012 URL: <http://ores.su/ru/journals/strategiya-grazhdanskoj-zaschityi-problemyi-i-issl/> (Дата обращения 3.06.2016)
2. Головин Ю.А., Орлов А.Н. Возрастание роли СМИ в обеспечении информационной безопасности. // Знание. Понимание. Умение. №2. М., 2013 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozrastanie-rol-i-smi-v-obespechenii-informatsionnoy-bezopasnosti> (Дата обращения 3.06.2016)
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/> (Дата обращения 4.06.2016)
4. <http://www.igh.ru/> (Дата обращения 29.02.2016)
5. Интернет ресурсы ИВИ – РАН. // URL: <http://www.igh.ru/links/> (дата обращения 29.02.2016)

**Բաժին 3. Անվտանգություն, ժողովրդագրություն, ինքնություն և
արդի միգրացիոն գործընթացներ**

**Секция 3: Безопасность, демография, идентичность и
современные миграционные процессы**

**Chapter 3: Security, Demography, Identity and Modern Migration
Processes**

**МОТИВАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА КАК
ДЕТЕРМИНАНТА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ**

Анна Багирова, д.э.н., профессор, заместитель директора по науке и
инновациям ИГУП Уральского федерального университета, Россия
Анжелика Ворошилова, помощник заместителя директора по науке и
инновациям ИГУП Уральского федерального университета, Россия

**PARENTAL LABOR MOTIVATION AS A DETERMINANT OF
RUSSIAN DEMOGRAPHIC SECURITY**

Anna Bagirova, *Doctor of Economics, Professor at the Chair for Sociology and
Technologies of Public Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia*
Anzhelika Voroshilova, *assistant at the Chair for Sociology and Technologies of Public
Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia*

Abstract. This paper considers few methodical approaches to the demographical security measurement for a given territory. A totality of demographic baselines and sociological indicators of population's behavior is proposed. A way to estimate the demographic security for a given territory from index indicators is given. Parental labor motivation is shown as a special factor for demographical security level measurement. Parental labor is a process of parenthood implementation by the human capital development. This activity is governed by the rules and specifics of motivation structure for parental labor subjects as well as structural features of research object. The paper shows that existing factors and conditions for parental labor in Russia do not foster positive parenthood image. This reduces the effectiveness of demographic policies and creates a set of threats not only on population level, but also in economics, information and sociocultural spheres.

Keywords: parental labor, demographic security, motivation, sociological indicators of behavior.

Интерес научного сообщества к исследованию вопросов безопасности возникает всякий раз, когда наступает угроза привычному, традиционному

состоянию общества. Такая угроза стабильности в демографической сфере российского общества наступила в конце XX века, когда начал резко снижаться уровень рождаемости на фоне повышения уровня смертности. Так, за период с 1990 по 2000 гг. уровень суммарного коэффициента рождаемости в России снизился на 37 % (с 1,892 до 1,195), общий коэффициент смертности, напротив, вырос на 37 % (с 11,2 до 15,3), естественный прирост упал с 2,2 до -6,6 на 1000 чел. населения¹⁵⁹. Неопределенно и демографическое будущее. Согласно официальному прогнозу Росстата, в 2020 г. величина естественной убыли населения составит -1,4 промилле, а в 2030 г. - -3,1 промилле¹⁶⁰. Известно, что динамика демографических показателей напрямую влияет на состояние экономической, политической, социально-культурной сфер любого общества.

На этом негативном фоне российские ученые и практики неизбежно должны были поднять проблемы необходимости поиска путей возвращения к стабильности демографических показателей. С 2000 г. Стали появляться первые научные публикации, так или иначе связанные с вопросами демографической безопасности России и ее отдельных регионов. В течении последующих полутора десятилетий интерес ученых к этой проблематике заметно вырос, что отразилось в резком росте числа подобных публикаций (рис. 1).

Тематика демографической безопасности междисциплинарна. Она изучается социологией, экономикой, политологией, социальной психологией, юриспруденцией, философией. С социологической точки зрения интересно рассмотрение демографической безопасности как элемента социальной безопасности, демографической безопасности как социального процесса, отношения к нему различных социальных групп общества.

¹⁵⁹ Регионы России: социально-экономические показатели – 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 11.07.2016).

¹⁶⁰ Демографический прогноз до 2030 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата доступа: 13.07.2016)

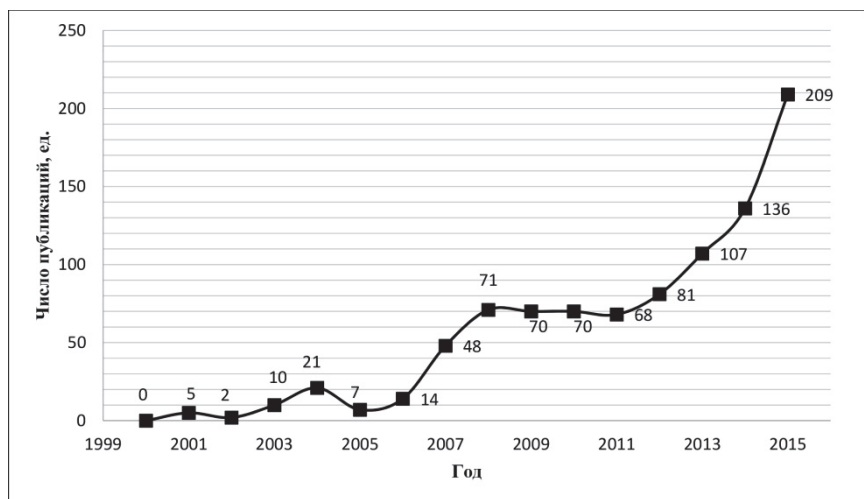

Рисунок 1. Динамика числа публикаций по проблемам демографической безопасности в РИНЦ¹⁶¹

Актуальными для целого ряда наук являются вопросы измерения уровня демографической безопасности страны и ее отдельных регионов – тем более, что в качестве ее индикаторов, на наш взгляд, следует рассматривать совокупность как объективных демографических показателей, так и показателей, полученных в ходе социологических опросов различных групп населения. В качестве других принципов оценки уровня демографической безопасности можно выделить сочетание количественных и качественных ее измерителей, необходимость использования данных в динамике. Одной из методологических задач изучения уровня демографической безопасности должна стать задача построения ее интегрального индекса, обеспечивающего сравнимость ее уровней по регионам и во времени.

Безусловно, что к показателям, напрямую детерминирующим уровень демографической безопасности, относятся ключевые показатели рождаемости, смертности, миграции, брачности и разводимости, собираемые официальной статистикой различных стран мира. Оценка уровня демографической безопасности по группе этих демографических показателей может строиться, например, на основе их индексов. Групповой индекс может

¹⁶¹ Рассчитано по данным Российского индекса научного цитирования. URL: Elibrary.ru (дата обращения: 10.07.2016).

предполагать различные веса, присвоенные индексам переменных, с целью учета специфики той или иной территории (отметим, что сравнение значений групповых индексов за разные периоды времени возможно только в случае полной сопоставимости весов у индексов одних и тех же величин):

$$I_{dem} = \sqrt[l]{\alpha_1 \frac{1}{i_{1dem}} \times \alpha_2 \frac{1}{i_{2dem}} \times \alpha_3 i_{3dem} \times \dots \times \alpha_k i_{kdem} \times \alpha_l \frac{1}{i_{ldem}}}, \quad (1)$$

где I_{dem} – групповой индекс демографической безопасности, рассчитанный на основе демографических индикаторов;

$i_{3dem}, \dots, i_{kdem}$ – индексы демографических показателей, рост которых свидетельствует о повышении уровня демографической безопасности территории (например, уровни рождаемости);

$\frac{1}{i_{1dem}}, \dots, \frac{1}{i_{ldem}}$ – индексы демографических показателей, снижение

которых свидетельствует о повышении уровня демографических безопасности территории (например, уровни смертности);

$\alpha_1, \alpha_2, \dots$ – весовые коэффициенты демографических показателей.

Для примера рассчитаем групповой индекс демографической безопасности Уральского федерального округа РФ, используя формулу (1). В таблице 1 отражены ключевые демографические показатели этой территории.

Таблица 1 – Динамика основных демографических показателей Уральского федерального округа за 2010-2014 гг.

Демографические показатели	2010	2014	Индекс
Общий коэффициент рождаемости	14,1	15,1	1,071
Общий коэффициент смертности	13,0	12,4	0,954
Общий коэффициент брачности	9,4	9,0	0,938
Общий коэффициент разводимости	5,3	5,6	1,057

При равенстве весов демографических индикаторов групповой индекс составит:

$$I_{dem} = \sqrt[4]{1.071 \times 1.048 \times 0.938 \times 0.946} = 0.999$$

Безусловно, что само по себе значение данного индекса не позволяет сказать ничего определенного об уровне демографической безопасности. Его необходимо использовать в сравнении.

На наш взгляд, для оценки уровня демографической безопасности необходимо использовать и вторую группу показателей – данные социологического изучения демографического поведения. Оценка уровня демографической безопасности по группе этих социологических показателей также может строиться, например, на основе их индексов (результатов нескольких исследований):

$$I_S = \sqrt[l]{i_{1s} \times \frac{1}{i_{2s}} \cdots i_{ms} \times \frac{1}{i_{ls}}}, \quad (2)$$

где I_S – групповой индекс демографической безопасности, рассчитанный на основе социологических индикаторов;

i_{1s}, i_{ms} – индексы социологических индикаторов, рост которых свидетельствует о повышении уровня демографической безопасности территории (например, показатели идеального, желаемого, ожидаемого чисел детей);

$\frac{1}{i_{2s}}, \frac{1}{i_{ls}}$ – индексы социологических индикаторов, снижение

которых свидетельствует о повышении уровня демографических безопасности территории (например, ориентация на сохранение вредных привычек).

Особую роль в этой группе индикаторов должны играть показатели, связанные с рождаемостью и родительским трудом. Первое связано с количественным измерением процессов воспроизводства населения, второе – с качественными характеристиками его человеческого капитала. Под родительским трудом мы понимаем процесс реализации родительства и родительских функций посредством конкретной, целенаправленной деятельности, регламентированной сложившимися институциональными нормами, спецификой мотивационной структуры субъектов родительского труда и особенностями объекта родительского труда¹⁶². Субъектом родительского труда может быть человек или социальная группа, выполняющие

¹⁶² Ворошилова А. И. Человеческий капитал как результат родительского труда: опыт социологического осмысления / Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 32-43.

родительские функции, а объектом – личностные качества детей и другие составляющие их человеческого капитала.

По ряду особенностей трудовая деятельность в сфере родительства существенно отличается от других видов трудовой деятельности. К этим особенностям относятся: сложность измерения результатов труда, их отложенность во времени; отсутствие связи результатов родительского труда с его оплатой; нерагламентированность и непрерывность трудового процесса; творческий, эмоционально окрашенный характер труда и т. д. И, несмотря на то, что признаки трудовой деятельности вполне обнаруживаются в деятельности по рождению и воспитанию детей, в реальности сами субъекты родительского труда не всегда относятся к этой деятельности как трудовой. Соответственно, мотивация и организация данного вида труда имеют ряд специфических особенностей.

Рассмотрим их сквозь призму многоуровневой мотивации – подхода, предложенного А. Г. Здравомысловым и В. А. Ядовым для изучения трудовой мотивации в целом¹⁶³. Согласно этой концепции, на *микроуровне* трудовая мотивация зависит от индивидуальных особенностей индивида (потребностей, интересов, мировоззрения и т. д.), наложенных на его функциональные характеристики (пол, возраст, семейное положение и т. д.). Трудовые мотивы формируются в процессе рефлексии субъектом своей деятельности на основе соотнесения с собственной системой ценностей, исходя из чего оценивается целесообразность деятельности и возникает уровень удовлетворенности трудом. Мотивация родительского труда на этом уровне является очень индивидуальной и относится к сфере изучения психологических наук.

Мезоуровень трудовой мотивации формируется под воздействием двух групп факторов: факторов, напрямую воздействующих на субъект труда (условия труда, содержание труда, методы стимулирования, инструменты реализации трудовой деятельности и т. д.), и косвенных факторов-механизмов трансляции конкретных практик реализации трудовых функций (система образования, воспитания, СМИ и т. д.). Проведенные нами исследования¹⁶⁴ показали, что основным источником социального опыта родительства и конкретных практик реализации родительского труда является родительская семья. В результате анализа было установлено, что позитивный опыт отношений с родителями формирует модель родительства, ориенти-

¹⁶³ Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

¹⁶⁴ Сбор информации проводился в Уральском регионе в июне 2014 г. В исследовании приняли участие 147 респондентов (N=147) – студентов университетов, написавших биографические эссе.

рованную на копирование (полное или частичное, с внесением небольшого числа изменений) полученного позитивного социального опыта. Полученный в родительской семье негативный опыт либо формирует отношение «работа над ошибками» (повторение модели с существенными «доработками») либо же вообще нивелирует желание заводить семью, формируя отношение к феномену детско-родительских отношений как к явлению негативному и нежелательному в принципе.

Сформированное на мезоуровне отношение к родительству накладывается на психологические особенности человека и формирует его внутреннюю мотивацию. Все это, в свою очередь, интегрируется в существующие на *макроуровне* условия формирования мотивации родительского труда – одобряемую и поощряемую модель родительского труда, социально принимаемый образ родительства. На эти процессы влияют существующий или несуществующий в обществе престиж родительства, уровень социального статуса, который гарантируется человеку через родительство. Социально-экономические условия реализации родительства в России способствуют, как отмечают наши респонденты, пониманию того, что дети являются скорее фактором экономического риска, нежели инструментом повышения социального статуса. В связи с высоким экономическим риском многодетность воспринимается скорее не как подвиг, а как безрассудное и безответственное по отношению к собственным детям поведение. В случае, когда массово пропагандируется образ экономически успешного человека, родительство (особенно многодетное) является чертой, противоречащей этому образу.

Это подтверждается данными контент-анализа записей социальных сетей¹⁶⁵. Наши результаты показывают, что транслируемый на макроуровне социально-культурный образ родительства содержит в себе определенные противоречия. Образ матери с младенцем все еще остается устойчивым культурным символом родительства, однако в современных условиях он приобретает некоторые созвучные эпохе черты. Образ современной матери – это образ модной и ухоженной юной девушки, фактически плохо сочетающийся с представлениями о многодетной матери и хозяйке. Современная женщина – это прежде всего женщина, успешно реализовавшаяся и в отношениях, и в профессиональном труде, и лишь только в дополнение к

¹⁶⁵ По результатам контент-анализа записей сообществ социальной сети «ВКонтакте» за 2015 год: число подписчиков выбранного для анализа крупнейшего сообщества по семейной тематике «Современная мама» – 2 063 619 чел. Использована серийно-гнездовая выборка записей для анализа: генератором случайных чисел было выбрано 5 недель (10% от 52 недель года, N=1473 записи).

этому являющаяся матерью. Образ многодетности вообще нехарактерен для современной молодежи.

Соответственно, несмотря на усилия государства в сфере поддержки и развития многодетности, на всех трех уровнях формирования мотивации родительского труда сегодня четко прослеживаются основания для ориентации на малодетность:

1. Макроуровень. Происходит массовая трансляция однодетности (малодетности) на фоне приоритетности достижения экономических благ как показателя престижа. Материнство показывается в качестве атрибута успешности женщины, но ровно настолько, чтобы не нарушать ее женственность и карьерную самореализацию;

2. Мезоуровень. Закрепление одно- и двухдетной модели семьи, произошедшее после развала СССР;

3. Микроуровень. На рациональном уровне личностного восприятия родительство постепенно воспринимается как социально-экономический риск. На эмоциональном уровне воспринимается культивируемый в СМИ образ «успешной», социально одобряемой семьи, которой хочется подражать.

Комплекс мотивационных факторов, закрепляющих малодетность как норму репродуктивного поведения и родительского труда, фактически сводит к минимуму эффективность точечных мер демографической политики, направленной на расширенное воспроизводство населения. Это не только усиливает риск депопуляции, но и несет в себе угрозу демографической безопасности страны в целом. Усиливается и ряд косвенных угроз – экономической стабильности (ввиду неэффективного расходования средств на меры государственной поддержки), информационной угрозы (создание деструктивного образа репродуктивного поведения), угрозы ценностям традиционной культуры за счет навязывания через СМИ ложных ценностей.

На основе групповых индексов демографических и социологических индикаторов может быть рассчитан интегральный показатель демографической безопасности:

$$I_{s,dem} = \sqrt{I_s \times I_{dem}} \quad (3)$$

Предложенный подход к измерению уровня демографической безопасности достаточно универсален. Это обеспечивается, с одной стороны, включением в расчет и объективных, и субъективных индикаторов, с другой – использованием динамических, а не статических их значений. При этом приведенные данные опросов о мотивации родительского труда и образа родительства как его детерминанты позволяют уверенно говорить о том, что учет мнений, оценок, ориентаций социальной общности молодежи

при измерении уровня демографической безопасности территории повышает уровень достоверности исследований, делая эту оценку комплексной и функциональной.

Список литературы:

1. Ворошилова А. И. Человеческий капитал как результат родительского труда: опыт социологического осмысления / Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 32-43.
2. Демографический прогноз до 2030 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата доступа: 13.07.2016)
3. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.
4. Регионы России: социально-экономические показатели – 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 11.07.2016).
5. Российский индекс научного цитирования. URL: Elibrary.ru (дата обращения: 10.07.2016).

IMMIGRATION AND PERCEPTION OF THREAT: ATTITUDES TOWARDS NON-WESTERN IMMIGRATION IN CONTEMPORARY BRITAIN

Marina Shapira, *PhD, Lecturer in Quantitative Research Methods, School of Applied Social Science, University of Stirling, Great Britain*

The race and ethnic prejudice and anti-immigration sentiments are running high across Europe. The recent EU-referendum in the UK and its outcome were heavily influenced by these anti-immigration sentiments.

How are these sentiments being constructed? Are they distributed evenly across the nation? How can they be explained? Are anti-immigration sentiments vary by the country of immigrant origin? Are people mostly concerned that immigrants threaten their economic prosperity and undermine the welfare state? Or perhaps the main concern is about a threat to national security? To what extent people believe that immigrants undermine British culture and social cohesion and what role this believes play in shaping anti-immigration sentiments? This paper addresses these questions through exploring attitudes towards European and non-Western immigration in contemporary British society using the nationally representative data from the 2009-2016 British Social

Attitudes surveys. The study draws on the Competitive Threat or Ethnic Competition theories (e.g. Bobo, and Hutchings 1996) and hypothesizes that anti-immigration attitudes (AIA) cannot be understood as an uni-dimensional phenomenon and subsequently they cannot be measured on a single scale, but instead these sentiments have a number of dimensions. This paper develops multi-dimensional measures of AIA, and use these measures further to explore the determinants of anti-immigration attitudes in Britain and to identify social-demographic groups of British population whose attitudes towards immigrants develop along one or more of these dimensions. In particular this study examines (i) the extent to which the AIA have self-interest foundations as they are grounded on perceived competition between migrants and natives for limited (material and symbolic) resources, and hence on a “rationalization” of potential threat to one’s wellbeing and living standards, and (ii) the extent to which one’s attitudes towards immigrants are being shaped by the socio-psychological factors and ideational factors, which are being expressed through prejudice and stereotypes towards the immigrants, as well as through the perceived social distance between the immigrants and the native population (e.g. Schneider, 2008).

Findings

Descriptive findings show that similarly to the previous research a majority of the UK population believes that immigration enriches cultural life, but by contrast, a majority of the respondents is concerned effects of immigration on jobs and on the level of crime (Side and Citrin 2007).

The study was conducted in two stages. At the first stage the principle component analysis of twelve measures of AIA was employed to test the hypotheses derived from the Competitive Threat or Ethnic Competition theories about the multidimensional nature of AIA. The next stage of the study used each of the obtained principal components as dependent variables in the regression analyses in order to examine the socio-demographic characteristics of the respondents whose AIAs are being developed along these components.

The principle component analysis revealed three main dimensions in anti-immigration attitudes. The first dimension could be described as perceptions of a threat from immigrants to one's economic well-being. The findings from the regression analysis shown that human capital related characteristics (education, labor market status, social class) explain 27% of the variance of the negative attitudes towards immigrants, which are impacted by perceptions of economic/welfare threat from immigrants. The second dimension is related to prejudice and stereotypes that shape anti-immigration sentiments. This dimension is not explained well by socio-demographic characteristics but is better explained by attitudinal socialization variables (9% of the variance of the negative attitudes to immigrants measured along this dimension is explained by

the latter variable). The third dimension of anti-immigration attitudes can be best described as a socio-physiological distance between the native and immigrant populations, and it is again poorly explained by socio-demographic characteristics, but is better explained by attitudinal /socialization variables (6.5% the variance of the negative attitudes to immigrants measured along this dimension is explained by the latter variable).

For a summary, this study found empirical support for the Competitive Threat or Ethnic Competition theories that combine elements of both realistic conflict theories and social identity explanations. Rational and symbolic dimensions of AIA are both co-exist and are complementary (orthogonal) to each other. Rational dimension of AIA based on a perception of threat from immigration to well-being of individuals (through assessment of the potential impact of immigrants on jobs, their claim on public funds, their impact on social cohesion and national culture). This dimension of AIA is well explained by human capital characteristics of individuals. Attitudinal values also play important role in explaining this dimension. Two other dimensions of AIA are well accounted for by symbolic explanations. These two dimensions are explained well by individuals' underlying predispositions, beliefs, values and identities. Human capital characteristics of individuals play a very small role or no role in shaping the symbolic dimensions of AIAs.

References:

1. Bobo, L. 1983. "Whites' Opposition to Busing: Symbolic Racism or Realistic Group Conflict." *Journal of Personality and Social Psychology*, 45: 1196–1210.
2. Bobo, L. and V. L. Hutchings (1996) 'Perceptions of Racial Group Competition: Extending Blumer's Theory of Group Position to a Multiracial Social Context'. *American Sociological Review*, Vol. 61, No. 6 (Dec., 1996), pp. 951-972
3. Schneider, S.L. 2008. "Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat." *European Sociological Review*, 24: 53-67.
4. Sides, J. and Citrin, J. 2007. "European Opinion about Immigration: The Role of Identities, Interests and Information." *British Journal of Political Science*, 37: 477-504.
5. Semyonov, M., Rijman, R. and Gorodzeisky, A. 2006. 'The Rise of Anti-Foreigner Sentiment in European Societies, 1988-2000.' *American Sociological Review*, 71.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Олег Молодов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН), Россия

FORMATION OF NEW IDENTITIES IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: A COMPARATIVE ASPECT

Oleg Molodov, PhD, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS, Vologda, Russia

Abstract. Designing of the new identity is an important problem in the post-Soviet countries. The need to identify residents of new sovereign states appeared after the collapse of the Soviet Union, where regardless of nationality and religion formed a unified "Soviet identity". The article presents a comparative analysis of the formation of new identities on the example of Armenia and Central Asian states. The author notes the various degrees of intensity of the efforts of the authorities in this area of public relations, as well as the dependence of the processes of identity formation from the national composition and the degree of integration of these countries with the Russian Federation.

Keywords: identity, national identity, religious identity, post-Soviet space.

В течение последней четверти века на постсоветском пространстве происходят коренные преобразования форм и содержания общественной жизни, её институциональной сферы, норм и ценностей. В условиях социальных трансформаций проблема идентичности приобретает особое значение. Общество переходного типа остро нуждается в адекватной национальной и гражданской идентичности своих членов. От того, как люди воспринимают свою идентичность, зависит их сознание, поведение и степень консолидации. Сплочение нации вокруг общезначимых ценностей, политических лидеров и исторических персонажей может обеспечить стабильность и безопасность государства и общества.

Основной предпосылкой поиска и формирования новых идентичностей в суверенных государствах, ещё недавно имевших статус республик в составе СССР, стал распад данного союзного государства. Власти Союза ССР пытались развивать два противоположных направления национальной политики: фактическую интеграцию общества в гражданскую нацию («единый советский народ») и саморазвитие малых этносов до наций, включая создание союзных и автономных республик. Результатом этой политики

стало формирование «советской» идентичности, имевшей надэтнический характер. Тогда все ощущали себя в рамках повседневности и в редких зарубежных поездках в первую очередь как советские люди, а затем уже как представители конкретной нации. В бытность СССР этнические различия преподносились под видом декларативного уважения к правам «малых наций»¹⁶⁶.

Миграционные процессы на территории СССР привели к повышению доли русскоязычного населения на национальных окраинах и, как следствие, к усилению роли русского языка и культуры отчасти в ущерб национальным традициям. Происходила русификация топонимики, и в республиках появились города, населённые пункты и улицы, поименованные в честь деятелей Октябрьской революции и советского государства. Кроме того, советская идеология предусматривала светский характер государства и предполагала постепенное отмирание «религиозных предрассудков», считая их уделом уходящих поколений. В течение всего советского периода проводились мероприятия по атеизации населения, включавшие, кроме антирелигиозной пропаганды, репрессии духовенства и верующих, разрушение храмов и изъятие церковных ценностей.

Распад СССР в 1991 году положил начало новым процессам во всех сферах общественной жизни. Ранее закрытые «железным занавесом» территории в полной мере ощутили на себе последствия глобализации, началась масштабная миграция населения, в том числе целых народов на свои исконные земли. По выражению М.И. Заславской, «этнодифференцирующие маркеры приобрели небывалую значимость», а также способствовали возникновению ряда этнополитических конфликтов¹⁶⁷.

Стал заметным отток русскоязычного населения и представителей некоренных народов на территорию России и в страны Европы. Например, с 1989 по 2014 год численность русских среди населения Казахстана сократилась более чем на 2,5 млн. чел., немцев – на 776 тыс. чел., украинцев – на 595 тыс. человек. При этом доля казахов – титульной нации страны – возросла на этот период с 40 до 66% (на 4,7 млн. чел.)¹⁶⁸. Сходные процессы были характерны и для соседних стран Центральной Азии¹⁶⁹. Кроме мигра-

¹⁶⁶ Заславская М.И. Особенности трансформации этнической идентичности в контексте миграционных процессов // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 68.

¹⁶⁷ Заславская М.И. Особенности трансформации этнической идентичности в контексте миграционных процессов // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 69.

¹⁶⁸ Агентство Республики Казахстан по статистике. Серия 15. Демография. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 г. Астана, 2014.

¹⁶⁹ Молодов О.Б. К вопросу об идентификации населения Кыргызстана // Комплексный подход к изучению природы, общества и человека: сб. Докладов междунар. науч. конф. Бишкек, 2015. С. 63-69; он же. Трансформация этнолингвистического пространства со-

ции происходила естественная смена поколений, постепенное уменьшение доли людей с советской ментальностью и увеличение доли тех, для кого новые суверенные государства постсоветского пространства являются единственным отечеством¹⁷⁰.

В настоящее время наиболее значительная доля русского населения по-прежнему остаётся в Казахстане (21%), где оно продолжает играть заметную роль во всех сферах общественной жизни. В вопросах конструирования новой идентичности русская элита находится на одном полюсе и стремится к сохранению прежней «казахстанской» идентичности, а казахская элита выступает за «казахскую»¹⁷¹.

Важным маркером идентичности является язык. В Казахстане и Кыргызстане русский язык признан вторым официальным языком, в Таджикистане – языком межнационального общения. Его реальный статус в этих государствах по-прежнему довольно высок – им пользуются в делопроизводстве, повседневном общении и в научно-образовательной сфере. При этом среди казахов существует мнение о необходимости повышения роли языка титульной нации в противовес сложившемуся двуязычию¹⁷², а также проходит дискуссия о перспективе перехода к 2015 году на латинский алфавит.

Именно в Казахстане нами выявлены наибольшие усилия государства по формированию новой идентичности своих граждан. Там идёт поиск новых опорных точек для идентификации: его позиционирование как страны «Великой Степи», наследника кочевых империй средневековья (в первую очередь, Золотой Орды), одного из фундаментов тюркского мира. В последние годы идёт активная дискуссия о тюркском происхождении Чингисхана – основателя великой империи монголов.

Одним из факторов консолидации населения в странах Центральной Азии выступает традиционный ислам, принятый большинством населения данного региона только в XIX веке. Несмотря на надэтничность ислама как мировой религии в массовом сознании казахов произошло отождествление этнической и конфессиональной идентичностей («казах, значит мусульма-

временного Таджикистана // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 82-85.

¹⁷⁰ Нарбекова Г. Национальное строительство и культурная идентичность Казахстана // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №3 (53). С. 46.

¹⁷¹ Кадыржанов Р. Проблемы исследования этнокультурного символизма и национальной идентичности Казахстана // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №3 (53). С. 40.

¹⁷² Сабит М. Казахский язык как государственный: реалии и действительность // Адам әлемі = Мир человека. 2016. №1 (67). С. 34-42.

нин») ¹⁷³. Вместе с тем, отмечаются попытки противопоставления традиционного ислама и этнонационализма, основанного на неоязыческих идеях «номадизма» и «тенгрианства» ¹⁷⁴, активной евангелизации местного населения сторонниками протестантизма ¹⁷⁵.

В современном Казахстане власти стремятся увязать исламские ценности с национальной традицией, представить религию как важную составляющую истории народа. Кроме того, поддержка религиозного возрождения связывается с необходимостью идеологически обеспечивать политику расширения межгосударственных связей с мусульманскими странами Центральной Азии, Азербайджаном и Турцией ¹⁷⁶.

В отличие от новых суверенных государств, где конструирование идентичности идёт наиболее активно, населению Армении удалось сохранить свои «духовные скрепы» в течение столетий. Этому способствовали древние традиции собственной государственности, уникальный алфавит и язык, национальная церковь (Армянская апостольская церковь), позднее – борьба за признание международным сообществом факта Геноцида армян 1915 года ¹⁷⁷. Осознание себя «древней нацией» и «первой нацией, принявшей христианство» является важным условием сохранения идентичности, в том числе вдалеке от исторической родины ¹⁷⁸.

Особенностью Армении является её мононациональный характер, который усилился за годы суверенитета. В межпереписной период (с 1989 по 2011 год) не произошло существенных изменений в национальном составе населения республики: доля армян увеличилась с 93 до 98%, а русских – уменьшилась с 1,6 до 0,4% (в абсолютном выражении – с 52 до 12 тыс. человек). Несмотря на отсутствие официального статуса русского языка, он продолжает играть существенную роль как средство коммуника-

¹⁷³ Шайкемелев М. Религиозная идентификация в структуре казахской идентичности // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №1 (51). С. 61.

¹⁷⁴ Козырев Т.А. Ислам в Казахстане: идентичность, общество, государство // GLOBAL-Turk. 2015. № I-II. С. 89-105.

¹⁷⁵ Бурова Е.Е. Казахстан: феномен «навязанной» идентичности // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №1 (51). С. 94-115.

¹⁷⁶ Джалилов З.Г. Возрождение ислама в контексте новых реалий Казахстана // Үлкен Алтай Әлемі = Мир Большого Алтая. 2016. №2 (1.1). С. 27-28.

¹⁷⁷ Молодов О.Б. Проблемы консолидации армянских диаспор // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26-28 мая 2015 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 54-60.

¹⁷⁸ Шахназарян Г.Н. Стратегия сохранения и развития идентичности в условиях социальной неопределённости // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 89-102.

ции, в том числе в научно-образовательной сфере. Он был и остаётся важнейшим языком после родного¹⁷⁹.

Общей тенденцией на постсоветском пространстве стала «национализация» (по существу, «десоветизация» и «дерусификация») символики и топонимики. В Казахстане и Кыргызстане государственные символы стали иметь ярко выраженное этническое содержание, отражающее кочевое происхождение титульных наций (элементы юрты – жилища кочевников, солнце, голубое небо, хищная птица как символ степных просторов). Символами этничности являются отдельные местности и водоёмы (Алтай, Алатау, Арал, Иссык-Куль, Каспий), исторические персонажи и деятели культуры (Абылай-хан, Манас, Абай, Шакарим, Ш. Уалиханов, Ч. Айтматов и др.), национальные музыкальные инструменты¹⁸⁰. В Армении традиционными символами являются гора Арарат и озеро Севан – своеобразные «рекордсмены» среди своих природных аналогов; музыкальный инструмент дудук, музыка которого признана шедевром Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Что касается топонимики, большинство стран проводят сходную политику в данной сфере. Повсеместно ушли в прошлое географические названия, связанные с идеологическими символами СССР (коммунизм, комсомол, Октябрьской революцией, целиной) и деятелями советской эпохи (В.И. Лениным, С.М. Кировым, М.В. Фрунзе). Некоторые наименования городов и иных населённых пунктов были переведены на национальный язык, а большинству из них возвращены исторические названия.

Исследование показало, что в государствах постсоветского пространства с различной степенью интенсивности происходит формирование новых идентичностей, опирающихся на национальные ценности: язык, религию, достижения и деятелей истории и культуры. Процесс их конструирования длителен, сложен и противоречив. Желание властей его форсировать не может привести к немедленным результатам. На интенсивность идентификации определённое влияние оказывают интеграционные связи государств постсоветского пространства с Российской Федерацией в рамках СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и Таможенного союза, а также общая история новых суверенных государств в рамках СССР и Российской империи. В связи с этим поиск и формирование новых идентичностей проходит в обстановке, когда принятие властями решений может привести к обострению межнациональных и межгосударственных отношений. Примерами последних

¹⁷⁹ Золян С. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья. СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013. С. 84.

¹⁸⁰ Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. №6 (50). С. 99-100.

месяцев может служить дискуссия о геноциде казахов, переходе на латиницу, а также героизация деятелей национальной истории и культуры (в частности, установка памятника Гарегину Нжде в Ереване). В ходе этого процесса каждая страна балансирует между своими национальными и геополитическими интересами и общими задачами по поддержанию стабильности и безопасности в регионе.

Список литературы

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Серия 15. Демография. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 г. Астана, 2014. – 22 с.
2. Бурова Е.Е. Казахстан: феномен «навязанной» идентичности // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №1 (51). С. 94-115.
3. Джалилов З.Г. Возрождение ислама в контексте новых реалий Казахстана // Үлкен Алтай Әлемі = Мир Большого Алтая. 2016. №2 (1.1). С. 23-32.
4. Заславская М.И. Особенности трансформации этнической идентичности в контексте миграционных процессов // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 67-73.
5. Золян С. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья. СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013. С. 61-84.
6. Кадыржанов Р. Проблемы исследования этнокультурного символизма и национальной идентичности Казахстана // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №3 (53). С. 34-42.
7. Козырев Т.А. Ислам в Казахстане: идентичность, общество, государство // GLOBAL-Turk. 2015. № I-II. С.89-105.
8. Молодов О.Б. К вопросу об идентификации населения Кыргызстана // Комплексный подход к изучению природы, общества и человека: сборник докладов Международной научной конференции. Бишкек: Российский центр науки и культуры, 2015. С. 63-69.
9. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. №6 (50). С. 95-102.
10. Молодов О.Б. Проблемы консолидации армянских диаспор // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26-28 мая 2015 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 54-60.
11. Молодов О.Б. Трансформация этноконфессионального портрета Республики Казахстан // Үлкен Алтай Әлемі = Мир Большого Алтая. 2015. №1 (4). С. 356-364.
12. Молодов О.Б. Трансформация этнолингвистического пространства современного Таджикистана // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа: Полиграфдизайн, 2015. С. 82-85.
13. Нарбекова Г. Национальное строительство и культурная идентичность Казахстана // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №3 (53). С.43-50.

14. Сабит М. Казахский язык как государственный: реалии и действительность // Адам әлемі = Мир человека. 2016. №1 (67). С. 34-42.
15. Шайкемелев М. Религиозная идентификация в структуре казахской идентичности // Адам әлемі = Мир человека. 2012. №1 (51). С. 61-69.
16. Шахназарян Г.Н. Стратегия сохранения и развития идентичности в условиях социальной неопределённости // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 89-102.

HYBRID IDENTITY IN "TRADITIONAL" AND "NEW" ARMENIAN DIASPORA COMMUNITIES. COMPARATIVE ANALYSIS (CASE STUDY OF THE ARMENIAN COMMUNITY OF ARGENTINA)

**Merry Zohrabyan, MA, *Conflict and Migration Studies,*
YSU Faculty of Sociology**

The issues of diaspora and identity has been the subject of many academic researches and of political and social debates in various fields. Some of the contributions to be mentioned are in the field of sociology¹⁸¹, social identity theory¹⁸², anthropology and cultural studies¹⁸³ as well as social and ethnic psychology¹⁸⁴ etc. The ongoing processes in the Armenian Diaspora and the relations with the homeland are particularly important for a country like Armenia with such a small population; therefore, the loss of identity, assimilation, and the increase of new migration flows are one of the priority concerns of the national security.¹⁸⁵

Modernization processes have caused changes in traditional /post-Genocide/ Armenian communities such as the transformation of the diasporic identity and the formation of new values and inner structure. Parallel to this process, due to war and post-war social and economic factors, numerous

¹⁸¹ Portes, Alejandro and Ruben G. Rumbaut. 2001. "Legacies: The story of the immigrant second Generation". Berkeley: University of California Press.

¹⁸² Tajfel, Henri, and John C. Turner. 1986. "The social identity theory of inter-group behavior". Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall

¹⁸³ Vertovec, Stephen. 2001. "Transnationalism and identity". Journal of Ethnic and Migration Studies 27 (4); Eriksen, Thomas Hylland. 2001. "Ethnic identity, national identity and intergroup conflict: The significance of personal experiences". Oxford: University Press

¹⁸⁴ Phinney, Jean S. 1992. "The multigroup ethnic identity measure: A new scale for use with diverse groups". Journal of Adolescent Research (7); Kim, Sandra S., and Michele J. Gelfand. 2003. "The influence of ethnic identity on perceptions of organizational recruitment". Journal of Vocational Behavior -63

¹⁸⁵ National Security Strategy (English version) may be noted (placed on the www.mil.am)

migratory outflows occurred in 1990s, which according to the network theory mainly advanced in the communities where the Armenian communities had already been formed in the 20th century with their traditional community life and social, educational and political institutions. Social structures increase the availability of resources and information, thus, the composition of networks, which consist of a multiplicity of social structures, as well as the configuration of linkages, is of paramount importance to examine the fundamentals that define and maintain the cross-border linkages in which migrants are involved.¹⁸⁶

Armenian Diaspora has never been homogeneous: besides distinct categorizations of the Armenian Diasporas into “traditional” and “new” classifications, there are also multiple layers and different features and characteristics attached to each generation of both groups. It is of vital importance to mention that the terms “traditional” and “new” diaspora are not the innovation of this article since many authors have previously mentioned about this categorization. For instance, French sociologist Laurence Ritter explains the specifics of the Armenian Diaspora formed after the 1915 Genocide and the remodeling of Armenian identities between the Diaspora and Armenia, from victims to individuals.¹⁸⁷ Another source on this categorization is the ethno-sociological survey “Migration and Armenian New Diaspora”.¹⁸⁸

The essence of this research is to reveal not only the chronological differences or the reasons of the formation of these Diasporas, rather to understand their qualitative and radical differences. Hence, among the plentiful disparities existing in two Diasporas, diasporic hybrid identity was chosen as an indicator in this research. To distinguish the differences of the components of the hybrid identity of “new” and “traditional” Armenian Diasporas numerous theories about hybridity, ethnicity, nation, state, diaspora and identity types have been studied to create the measuring tool for the comparative analysis¹⁸⁹.

¹⁸⁶ Jean-Pierre Cassarino.2004. “Theorizing Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited.” *International Journal on Multicultural Societies*, 6, no. 2. UNESCO, Paris, p. 253-279.

¹⁸⁷ Laurence Ritter. 2014. “Armenian Identity in the Diaspora: Between Modernity and Preservation” <http://repairfuture.net/>

¹⁸⁸ Karapetyan R. S. 2013. “Migration and Armenian New Diaspora”. RA Institute of Archaeology and Ethnography. Gitutun. Yerevan

¹⁸⁹ Sheffer G. 2006. “Transnationalism and ethnonational diasporism” *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. University of Toronto Press; Cohen R. 2008. “Global Diasporas: an introduction” First published 2008 by Routledge: OX14 4RN; Tölölyan K. 1991. “The nation-state and its others: in lieu of a preface” *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 1 (1); Hobsbawm E.1992. “Nations and Nationalism since 1780 Programme, Myth, Reality” Cambridge University Press; Safran W. 1991. “Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return” *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, Volume 1, Number 1.

Although the term diaspora was initially only applied to cases of historical dispersion, it is now more widely used to apply to any population that has spread beyond its borders. Diasporas become divorced from the homeland as they spread to new lands. Yet the diaspora remains tied to a border via their shared national identity¹⁹⁰. As members of diasporized groups attempt to fit in within their new homeland, they might be more likely to adopt a hybrid identity. Alternatively, they might be less likely to adopt a hybrid identity as they attempt to cling to their identity that is tied to the homeland. Alternatively, more likely, they become different from those who remain in the homeland as they adopt elements of the society they now live within “the ways in which forms become separated from existing practices and recombine with new forms in new practices”¹⁹¹. Individuals occupying a hybrid space simultaneously experience a doubleness and cultural intermixture. Hybridity encompasses partial identities, multiple roles, and pluralistic selves. The individual occupying a hybrid space navigates between two cultural groups and occupies space within both cultural groups. Where communication, negotiation, and translation bridge societies, a new space emerges. The third space is a product of the negotiations, interface, and exchange across cultural boundaries.¹⁹²

Tajfel, H. and Turner, J. proposed that there are three mental processes involved in evaluating others as “us” or “them” /“in-group” and “out-group”/. These take place in a particular order. The first is categorization; we categorize objects in order to understand them and identify them. In a very similar way we categorize people (including ourselves) in order to understand the social environment. In the second stage of social identification, we adopt the identity of the group we have categorized ourselves as belonging. There is an emotional significance to your identification with a group, and your self-esteem will become bound up with group membership. The final stage is social comparison. Once we have categorized ourselves as part of a group and have identified with that group we then tend to compare that group with other groups.¹⁹³

McMillan and Chavis put forward the notion of sense of community, which includes four main components: Membership: this implies group identification, sense of belonging, existence of the boundaries with the other groups, including through common symbol systems. Influence: the members of the community

¹⁹⁰ Ang, Ien. 2003. “Together in Difference: Beyond Diaspora, Into Hybridity.” *Asian Studies Review* 27: 141–154.

¹⁹¹ Iyall Smith, Keri E. and Leavy Patricia. 2008. “Hybrid Identities: Theoretical and Empirical Examinations”. Leiden, The Netherlands: Brill Publishers:pp.17-19

¹⁹² Bhabha, Homi.1990. “The third space: Interview with Homi Bhabha”, London: Lawrence and Wishart, pp.207–22

¹⁹³ Tajfel, H., Turner, J. C. 1986. “The social identity theory of intergroup behavior”. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall. pp. 7–24

need to feel that they have power to influence the group and simultaneously the community has power to influence them. Integration and fulfillment of needs: the participatory stance of the community members and any kind of reward for their participation is also of essential importance for a distinct community sense. Shared emotional connection: this is considered a crucial element for the efficient activities of the community and implies efficient cooperation. The latter is regarded successful when the members participate in events that are significant, understandable for them and have more or less predictable result; whereas cooperation on an uncertain basis hinders group's solidarity.¹⁹⁴

"Reviewing studies and works on identity-related issues from various research traditions, Ashmore et al. identify a number of distinct individual-level elements that the construct of 'collective identity' encompasses. These are evaluation (positive or negative attitudes); importance (centrality and salience of group membership in the individual's overall self-concept); attachment (emotional involvement with the group); social embeddedness; behavioral involvement (actions that implicate the collective identity category) and content and meaning (ideology and narrative).¹⁹⁵ Phinney¹⁹⁶ combines the three elements evaluation, importance, and attachment to ethnic commitment, which is defined as the strength of one's ties with a particular group. Based on these components Daniel Naujoks proposed three diasporic identity types. With regard to the country of origin, distinct memberships can be discerned, which could be labeled as ethnic, national, and civic, depending on whether we consider the individual in his or her capacity as:

(a) a member of the ethnic community in the country of residence (diasporic-ethnic);

(b) having bonds with the home society as a nation and the people living in the country of origin (diasporic-national) or

(c) being a part of the state of origin with rights and responsibilities also towards the government/political/state institutions (diasporic-civic).¹⁹⁷

The aforementioned types and theories served a basis for remodeling and creating another model as a tool for empirical research. Thus, in the period of two years 2014-2016, the sociological study was conducted to find out the

¹⁹⁴ Chavis, D.M., Pretty, G. 1999. "Sense of community: Advances in measurement and application". *Journal of Community Psychology*, 27-6

¹⁹⁵ Ashmore, Richard D., Kay Deaux, and Tracy McLaughlin. 2004. "An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality". *Psychological Bulletin* 130, pp. 80-114

¹⁹⁶ Phinney, Jean S. 2004. *Ethnic Identity: Developmental and Contextual Perspectives*. California State University, Los Angeles. Notre Dame University.

¹⁹⁷ Daniel Naujoks .2010. "Diasporic Identity. Reflections on Transnational Belonging" *Diaspora Studies* 3(1)pp.3-5

qualitative differences between new and traditional diaspora in the aspect of hybrid diasporic identity. This study sought to evaluate hybrid identity by applying ethnic communal, ethnic-Armenian, national- Armenian, ethnic Argentinian and national Argentinian attributes to each group of traditional and new Diasporas in emotional, cognitive, behavioral and evaluative fields where applicable. In lieu of the research purposes and objectives, a qualitative sociological survey was carried out including thirty in-depth Skype interviews and six expert interviews in Armenian and Spanish languages that were implemented for applied research. The respondents were selected due to three parameters: age (young, middle aged, senior), sex, birthplace (Argentina, Armenia). Argentina was selected as the country of the case study because the Armenian diasporic community of Argentina is made up of two Diasporas in chronological sense (post-Genocide – early 20th century, and post-independence of Armenia – late 20th – early 21st century) being a convenient basement for the implementation of the comparative analysis.

ETHNIC-COMMUNAL DIASPORIC IDENTITY

Traditional Diaspora: First, we need to discuss as to how ethnic identity is expressed among the generations of traditional community. Survey results confirms the existence of the generation of traditional communal identity, but we should note the important fact that only a small part of the Armenian community of Buenos Aires consisting of 95 thousand people is active. In the march of Genocide centennial, the number of participants reached 10,000 people that had been registered as the biggest unprecedented event. According to the expert, the community core contains two to three thousand members. To state this statistics more specifically a quantitative research need to be performed; nevertheless, upon communicating with 30 participants and 6 experts via various media, the picture reveals that a very little part of the traditional generation has active community involvement. Moreover, the middle ages representatives /2nd 3rd generation/ are more active in community life than young people /4th and 5th generation/. In the emotional field, the active core is emotionally connected with the community and the community has a sense of responsibility for community development. They trust the community members and their trust is expressed by formation of various business and marriage bonds and cooperation. In the cognitive field, the community members are well aware of the history of foundation and development of the community since they have heard numerous stories from their ancestors and family members and Armenian schools' teachers. According to their ideas about the community dynamics, it becomes clear that the community is getting weaker due to various reasons. First, some conflicts within the community have always existed and still exist among different Armenian political institutions with distinct ideologies. To the question concerning the existing conflicts in the community, all responders without any

exception, were concerned about the organization of the genocide march. They stated that commemoration of the genocide march is highly fragmented by reasoning that there is only one Genocide, one nation; nevertheless, each small institute organizes its own march with its own flag. Each unit has its political newspaper, choir, dance group, school and intercommunal relations. In the behavioral field, despite a certain fragmentation, each political and social organization, institute is very active within its narrow circle. They participate in various cultural events, concerts, screenings of documentary and theatrical performances, as well as political discussions, marches and meetings with experts and politicians. In the evaluative field, it is worth to mention that the members of the community value the role and the importance of the community in terms of efficiency and development of Republic of Armenia and the Armenian nation of the world. Their notion of the community members has mainly positive attributions; such as Armenian is kind, noble, hardworking, dedicated to family, helpful and hospitable.

New Diaspora: Unlike traditional Diaspora, new Diaspora was formed after the migration flows in 1990s and does not have ethnic communal identity or has less than the traditional members of the Diaspora have. In the emotional field, new Diaspora's representatives are emotionally attached more to the Armenians from Republic of Armenia-Hayastantsi) rather than the traditional Diaspora members. They highlight that they have come from absolutely another world with different language and different habits and lifestyle. Moreover, it is necessary to mention the typical generational differentiation inside the new diaspora: for instance, the first generation of new diaspora members who have been on average age when leaving the country, are more connected to the life of the community. Being Armenian (Armenianness)¹⁹⁸ is of more importance for them than for young people, since the latter group's socialization passed in Argentina and they are more integrated in the Argentinian culture. In the behavioral field, RA left-citizens are not actively involved in community life. There are exceptions, but this activity is due to various characteristics: for example, this group's representatives are mostly people who have children aging from pre-school to higher educational institutions. Logically, the children who have gone to school later become an active member of the community, but those who have mostly left for socio-economic reasons and try to work and live do not have time and do not wish to cooperate. In the cognitive field, they are aware of the history of the community superficially, but they do not have a lot of information about internal fragmentation and features of the community. Besides the fact that the members of two Diasporas come from different cultures, some stereotypes exist which also hampers the integration in community life. One of

¹⁹⁸ The term is put in use first time by the author.

the mentioned opinions is that “new Armenians” are accustomed to the Soviet Union system when due to the communistic ideology people are used to get help from the state or from others and expect that on their arrival many things should be readily served. The myth of diaspora member is always the return to homeland: home is a holly place for them, and they easily accuse new diaspora members of leaving their homeland. In the evaluative field new Diaspora members consider that the community is closed and do not see any prospects for development. The problem is that the traditional diaspora members have been establishing themselves for generations and they do not have to be concerned about finding a shelter and employment. Thus, they have the luxury of being actively involved in the issues of preservation of national identity. In contrast, new community does not raise the issue of keeping the identity, since they are the first or second generations and they consider themselves Armenians who need to solve the task of achieving socio-economic wellbeing. Enrolling children to Armenian schools is the logical continuation of financial status in the community since the schools mainly have high tuition fees which new immigrants often cannot afford paying.

ETHNIC –ARMENIAN- DIASPORIC IDENTITY

Traditional and New Diaspora: Armenian Diaspora ethnic identity is the level that is special to both traditional and new Diasporas; of course, each has its own certain peculiarities and nuances. In this section, the traditional diaspora will be mainly discussed, since the new Diaspora’s generations logically still do not have the burden or problem of keeping their ethnic identity since they have not yet reached the point to forget their roots or to feel ethnic Argentinian. First, in the emotional field, the desire of being Armenian is strongly highlighted among senior and middle-aged members of traditional diaspora. Being Armenian and keeping Armenian identity abroad and in their opinion is not only possible, but also is the most logical thing, since everything is focused on the sensation of feeling Armenian and on the bearing of the components of ethnic identity.

"I consider myself an Armenian, I am Armenian from my father's side, my mother is Italian, but I have always felt like an Armenian. My grandmother spoke only Armenian, she was telling me tales, she was very sweet, I was eager to hear Armenian language, she was also telling very sad stories about the Genocide; my heart grew up hearing these sad and noble stories. I went to the school at the age of four; I started to dance, to sing in Armenian. My blood is mixed with Italian blood, but my soul is Armenian".

Representative of the third generation of the traditional Diaspora, 48-year-old woman, Buenos Aires

The greatest place that is distinguished in the perception of an “Armenian” is to be a child of the Armenian Genocide, Armenian blood that is inherited, the reproduction of sad stories of their parents' memories of the years of exile and

orphanages. All senior and middle-aged members mention that they are the bearers of the bitter fate of the Armenians, which is the core that unites all Armenians as a hinge. Among the mentioned components of being Armenian, they have mentioned their roots of where they come from, Armenian blood, Ararat, church, school, patriarch, Gregory Illuminator, flag colors, the feeling, the pride of being Armenian. In the cognitive field, it is also important to note that they know only very few pages of our history, for example, historical western Armenia, the genocide, adoption of Christianity in Armenia and Soviet past history. Those who did not go to schools have very vague idea about Armenian history. It is also interesting to note the widespread lack of knowledge of the Armenian language, only very few members of traditional diaspora members speak western Armenian. The reasons of this problem date back to the first generation, as many of the first generation migrants spoke Turkish. Moreover, the schools were not yet built when the children were born in the second generation since the first school of the church Saint Gregory was only founded in 1939. Later, when the 3rd generation members went to school, classes of the Armenian language were not satisfactory and the history, religion and other subjects were taught in Spanish. As a result, even during the marches and demonstrations, the posters and speeches are in Spanish. In the behavioral field, Armenian cuisine has a very important place in the components of traditional ethnic identity. Posters of the meals are always pictured next to the flag and pictures of Mount Ararat. There are plenty of Armenian restaurants in the Armenian blocks of Buenos Aires; Palermo district is especially popular in Armenian kitchen. Many members point out that if the language is difficult to keep the kitchen is easier and is a very good "Armenian business card" to the Argentine society, since the customers of the restaurants are not only Armenians, but also many Argentineans who know the community mainly through Armenian dance, cuisine and Genocide. The members who are the active members of the institutions also celebrate traditional festivals, whereas the marginal and passive members do not celebrate Armenian holidays. However, some differences still exists in this aspect too, for instance the Socialist Union does not recognize and celebrate the day of independence of RA, while the Armenian Revolutionary Federation celebrates heroic battles for the independence of Armenia. New members of the diaspora celebrate the holidays of RA and follow the festivities that are celebrated in their homeland, for example, they do not celebrate Catholics Christmas and instead they celebrate New Year of Apostolic church of Armenia. There is also some fragmentation in religious sense, because besides the Armenian Apostolic Church, there are also followers of Catholic and Evangelical churches. In any case, the church continues to be one of the main actors of the community and often plays the role of the consolidating ring among fragmented different social and political structures. In the evaluative field, it is

very important the pride of being Armenian, everybody has answered that they would like to be born Armenian again because of its ancient history and the spirit of survival. One of the respondents even mentioned that while he was school, he was confident that God, Noah, Adam and Eve were all Armenians, which gave him that strong sense of pride.

NATIONAL –ARMENIAN-DIASPORIC IDENTITY

Traditional and New Diaspora: There are two completely different notions about the Republic of Armenia (RA) of two Diasporas; Traditional Diaspora's perception of RA is a small part of the homeland of their ancestors and they are mostly alienated from the Armenian society and politics. Unlike the passive participation of the traditional Diaspora and scarce information, New Diaspora has a sense of belonging to the RA and Armenian society. New members of the Diaspora perceive Armenia both as a homeland and as a state and they continuously monitor all the events taking place here. In the emotional field, the notion of the RA varies from generation to generation. The first generation members considered their homeland Western Armenia, since they were exiled Marash, Hajn, Aintab, Kharberd eagerly to build their new homes in Argentina. Later, second and third generations had much debate about the image of Soviet Armenia that had given rise to many debates among different political institutions and for about 70 years, Armenia was not perceived as an independent state. Traditional Diaspora's fourth or fifth generation members consider their home and homeland Argentina and Armenia is a country of their ancestors and their roots. There is no sense of belonging and identification with the RA as a state; it is rather a holy place to make a pilgrimage like a dream. In the cognitive field, they often do not have information about Armenia's foreign and domestic policies, socio-economic situation or cultural life. They follow the news local community newspapers that are mainly written in Spanish for the language problems since the RA media practically does not have sectors for Spanish translations. As a result, the responsibility for Armenia's development has decreased due to a number of factors. Firstly, because of the lack of information, they have an idea that the RA is a very poor post-soviet country with abandoned factories and when they visit Armenia, they are surprised to see that their image on mind was exaggerated. Secondly, the reduction of the sense of responsibility directly depends on the community's socio-economic situation and generally on unstable political and economic situation in Argentina. Many of the members mention that now the diaspora cannot help the way they used to, since they barely survive today in Argentina. In the behavioral field, there are practically no relatives and bonds with the Armenians of the RA and nobody from any generation mentioned any possibility of returning for permanent living. However, the visits are organized by the institutes, by schools, by families with

touristic visits. In the evaluative field, the RA is a “very good homeland, but a bad state” in the perceptions of traditional generation.

“I often do not know what is going on there/ in the RA/, my job, my life is here, Armenia is the land of my roots, but I do not really know about your external, internal politics. Many people do not have information about the government that you have there. I only know that there are many empty factories and there are not jobs Armenia. It makes me sad”.

Representative of the fourth generation of the traditional Diaspora, 28-year-old man, Buenos Aires

They are aware of the insecurity of the population, socio-economic situation, the number of migration and human rights abuse and violation. Among the positive qualities of Armenians from Armenia they point out the attributes of being hard-working, dedicated, patriotic, strong and from negative perception they indicate that women in the RA are mistreated, discriminated and people have Soviet mentality, patriarchal discourse that is present in everyday life and culture.

New Diaspora: In contrast to all these, national identity of the new Diaspora and the attitudes toward the RA is radically different from the perceptions of all generations in the traditional Diaspora. In the emotional field, unlike the passive participation of the traditional Diaspora and scarce information, they have a sense of belonging towards the RA and its society. New members of the Diaspora perceive Armenia both as a homeland and as a state and they continuously monitor all the events taking place here. In the cognitive field, they are well aware of Armenian history, language, national holidays and traditions, as they went to school and spent most of life in the RA. They do not have that many stereotypes and are more realistic connected to the actual situation of the RA in all the aspects. In the behavioral field, they not only actively follow news; rather they participate in online social networks discussions on various public policy issues and public debates since they do not have language barriers. They have Internet access or cable television channels, which enables them to follow different programs. The members of the first generation have social networks and capital in the RA that always keep them in touch with Armenian society members. In the evaluative field, both Diasporas have similarities in the way of thinking and this is the only field where the old and new Diaspora representatives are crossing the line; both in their perceptions of whether the RA is good state live in. They all indicate high unemployment level, electoral frauds, and violation of human and civil rights. However, regarding Armenia's positive aspects, the most mentioned feature is people's hospitality, warmth, sense of care towards each other and the most highlighted feature is the sense of physical security and safety as opposed to Argentina.

ETHNIC ARGENTINIAN- DIASPORIC IDENTITY

Traditional Diaspora: The first generation had a sense of gratitude to-towards Argentina for giving them place and shelter, but there was no self-identification with Argentinians. It was a priority and a major task the preservation and creation of Armenian institutions. However, the members of the second generation who attended schools in Argentina and grew up there, started to feel stronger attachment and sense of belonging to Argentinian culture and Argentinian state. It is necessary to distinguish between the traditional Diaspora Armenians whose identification is with Argentina only as a citizen and those who consider themselves as Argentinians with Armenian roots with all the features and layers of Argentine ethnicity. In the emotional field, they feel about Argentina as their home, they love Argentina, care about it and want to defend it from external enemies. Many young people from the fourth and fifth generations mention that they are of Argentine origin and they are already a member of a generation, the home of whose father and grandfather has been Argentina. In addition, they also have lived all their life there and it is sometimes more convenient to combine both identities: for example, the majority of them say that they will not send their children to Armenian schools for numerous reasons; however, they will try to transfer them Armenian spirit and some knowledge of history lessons and pride of Armenian blood. In the cognitive field, they are not only very well aware of the history of Argentina, but they actively follow socio-cultural, political and economic life of Argentina. In the future, the traditional diaspora members want to reside there permanently; moreover, they do not think the next generations will come back to Republic of Armenia. In the behavioral field, they have active civic involvement with participation in demonstrations and elections. They speak Spanish and Argentinean cuisine is a natural part of everyday life. The symbols of the state such as national anthem, flag colors are very important to all private and public schools and public and the involvement in all the state events is mandatory for all children started from kindergarten. In addition, they celebrate Argentinian national celebrations, Santa Maria day, San Martin day, Race day. The question of mixed marriages used to be very difficult for the first generations that caused harsh conflict in the past; however now it is very acceptable practice and according to the members of the community, seven people from ten marry today with non-Armenians. In evaluative field, in contrast with the sentiment of pride of being Armenian, most of the members are ashamed of the situation that Argentina has reached in terms of numerous murders, robberies, insecure government and unsafe situation. This is another indicator that the traditional diaspora members have a beautiful idea of another example of civic Armenia as a homeland and neutrality towards Armenia as a state. From the instrumental approach of the identity use, it is also beneficial in Argentina having Armenian origin and last name, as Armenians have a very good reputation. They are considered as noble and hardworking people with a

strong desire of human justice and with a very well organized community. There are many well-known Armenian surnames in different professional fields in Argentina.

NATIONAL- ARGENTINIAN DIASPORIC IDENTITY

New Diaspora: Both generations of new Diaspora representatives have national Argentinian identity, which is based on the citizenship and not on ethnicity like it is in traditional Diaspora's case. In the emotional field, especially the first generation does not have a strong attachment with being and feeling Argentinian. In contrast to traditional Diaspora, they do not consider Argentina as their homeland rather a host country with what they have strong ties connected to citizenship. In the cognitive and behavioral field, there are still differences between two generations, unlike first-generation members, their children attend both Armenian and Argentinean public schools and learn Spanish language, the history of Argentina, its art and cultural achievements. As a result, on the one hand they adopt the new lifestyle and are integrated in the new culture; on the other hand, they live in families where the first generation members of new diaspora continue the traditions and customs of RA. They speak in two languages, celebrate national holidays of both countries, use both cousins and live in two cultures at the same time. However still due to the upbringing and first generation way of living and thinking, they are still more connected to RA customs, holidays and lifestyle: for example, Armenian New Year is still more important for them to celebrate than san martin's day. In the evaluative field, Argentina is more appreciated as a country where there is a prospect of development, such as the existence of consciousness to fight for their civic free access to education and generally favorable social conditions. They have also mentioned that it is very probably that they will never go back to RA, since they imagine their future in Argentina. They are not even sure whether they will send their children to Armenian schools or not, it will depend on the quality, on financial conditions and many other factors, but they will visit RA from time to time, and will try to teach the history, the roots. That is the same path that the generations of traditional diaspora have gone through is waiting for the second and soon the third generations of newly formed diaspora if nothing serious is changed in diaspora and homeland strategy and policy . Consequently, we will have both traditional and new Diasporas alienated from RA as a state, from double citizenship with the concentration on symbolic ethnic Armenian identity and with the danger of total assimilation.

As a **conclusion**, this confirms the existence of two types of the Armenian Diaspora, traditional and new, which are different from each other not only in the cause of their occurrence or in chronological parameters, but on plenty of

qualitative features and characteristics of having various diasporic hybrid identity components. Hybrid Identity of Traditional /post-Genocide/ Diaspora of Argentina is composed of Ethnic-Armenian, Ethnic Communal, Ethnic Argentinian and National Argentinian identities. Meanwhile, Hybrid Identity of New /post-independence/ Diaspora is composed of Ethnic-Armenian, National Armenian, National Argentinian identities. This discovery is important from the perspective of the Armenian national security and the modern migration issues in the sense of the development of the political strategies that are responsible for the enforcement of Diaspora- Homeland relations.

References:

1. Ang, Ien (2003). "Together in Difference: Beyond Diaspora, Into Hybridity." *Asian Studies Review* (27)
2. Ashmore, Richard D., Kay Deaux, and Tracy McLaughlin (2004). "An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality". *Psychological Bulletin* (130)
3. Bhabha, Homi (1990). "The third space: Interview with Homi Bhabha", London: Lawrence and Wishart
4. Chavis, D.M., Pretty, G. (1999). "Sense of community: Advances in measurement and application". *Journal of Community Psychology* (27)
5. Cohen R. (2008). "Global Diasporas: an introduction". Routledge; OX14 4RN
6. Daniel Naujoks.2010."Diasporic Identity. Reflections on Transnational Belonging" *Diaspora Studies* 3(1)
7. Eriksen, Thomas Hylland (2001). "Ethnic identity, national identity and intergroup conflict: The significance of personal experiences". Oxford: University Press
8. Hobsbawm E. (1992). "Nations and Nationalism since 1780 Programme, Myth, Reality" Cambridge University Press
9. Iyall Smith, Keri E. and Leavy Patricia (2008). "Hybrid Identities: Theoretical and Empirical Examinations". Leiden. The Netherlands: Brill Publishers
10. Jean-Pierre Cassarino (2004). "Theorizing Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited." Paris. *International Journal on Multicultural Societies* (2)
11. Karapetyan R. S. (2013). "Migration and Armenian New Diaspora". RA Institute of Archaeology and Ethnography. Gitutun. Yerevan
12. Kim, Sandra S., and Michele J. Gelfand (2003). "The influence of ethnic identity on perceptions of organizational recruitment". *Journal of Vocational Behavior* (63)
13. Laurence Ritter (2014). "Armenian Identity in the Diaspora: Between Modernity and Preservation" <http://repairfuture.net/>
14. Portes, Alejandro and Ruben G. Rumbaut (2001). "Legacies: The story of the immigrant second Generation". Berkeley: University of California Press
15. Phinney, Jean S. (1992). "The multi group ethnic identity measure: A new scale for use with diverse groups". *Journal of Adolescent Research* (7)

16. Phinney, Jean S. (2004). *Ethnic Identity: Developmental and Contextual Perspectives*. California State University, Los Angeles. Notre Dame University.
17. Safran W. (1991). "Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return" *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, Volume 1, N. 1
18. Sheffer G. (2006). "Transnationalism and ethnonational diasporism". *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. University of Toronto Press
19. Tajfel, Henri and John C. Turner (1986). "The social identity theory of inter-group behavior". *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall
20. Tölölyan K. (1991). "The nation-state and its others: in lieu of a preface" *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 1 (1)
21. Vertovec, Stephen (2001). "Transnationalism and identity". *Journal of Ethnic and Migration Studies* 27 (4)

ՀԱՅ ՊՅՈՒՂԱՅՈՒ ԻՆՔՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԱՐՏԱԳԱՂԹԸ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ

Արեմ Մկրտչյան, ԵՊՀ Կիրառական սոցիոլոգիայի ամբիոնի
ասպիրանտ

ARMENIAN RURAL IDENTITY AND EMIGRATION IN CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Arem Mkrtchyan, PhD student, Department of Applied Sociology, YSU

Abstract. One of the most urgent problems of modern armenian society is the population shift out of the country. In last years, the national security threats posed by the massive emigration from Armenia has become the subject of wide discussion. Mass migration causes security problems especially in border villages. In the same time, the reasons for the mass migration cannot be explained only by the high level of unemployment, as such an important factor, as the identity of the decision-maker is central to the causal chain of migration. Especially important is the social identity of the villagers. By understanding the structure of social identity in rural communities, it's possible to determine the main causes that lead to migration. Emigration for the majority of migrants has always been a seeming solution of the problem as it is temporary: changing a problematic situation with another one is not a solution to the problems. In their host countries most of the armenian immigrants never becomes a member of a foreign social group. Unsatisfied social identity contributes to the transformation of traditional social networks to transnational migration networks, which are in many cases the same as transnational family networks.

Keywords: rural community, identity, security, Armenia, emigration.

Հայաստանի Հանրապետությունից բնակչության զանգվածային արտագաղթի պատճառով առաջացած ազգային անվտանգության սպառնալիքները վերջին տարիներին դարձել են լայն քննարկման առարկա գիտական, հասարակական-քաղաքական, զանգվածային լրատվության միջոցների շրջանակներում: Մատնանշելով պաշտոնական և ոչ պաշտոնական վիճակագրական տվյալները՝ հաճախ մտահոգություն է հնչում Հայաստանի «դատարկվելու» և «անպաշտպան մնալու» մասին, և իրավամբ, բնակչության տեղաշարժերն հանրապետությունից դուրս արդի հայ իրականության ամենահրատապ խնդիրներից են:

Հայաստանի Հանրապետությունից զանգվածային արտագաղթի ժամանակաշրջան են համարվում 1992-1994 թվականները: Դա պայմանավորված էր ընթացող պատերազմով, շրջափակմամբ, էներգետիկ ճգնաժամով և Հայաստանի տնտեսության խոր անկմամբ, բնակչության գործազրկության բարձր մակարդակով և աղքատացմամբ, կենսամակարդակի կտրուկ նվազեցմամբ: Ըստ փորձագիտական գնահատման՝ հանրապետության բնակչության արտահոսքը կազմել է շուրջ 980-990 հազ. մարդ, ներհոսքը՝ 370 հազ. մարդ, հետևաբար բացասական մնացորդը՝ մոտ 610-620 հազ. մարդ հանրապետության բնակչության թվա-կազմի գրեթե 1/5-ն է¹⁹⁹:

Ըստ ակադեմիկոս Վ. Խոջաբեկյանի հաշվարկների՝ 1991-2000 թթ.-ին՝ 1 մլն. 250 հազարից մինչև 1 մլն. 300 հազ. մարդ հեռացել է հանրապետությունից²⁰⁰: ՀՀ ազգային վիճակագրական ծառայության տվյալներով, 2011-2014 թթ. Հայաստանից մեկնած և դեռևս չվերադարձած 15 և բարձր տարիքի միգրանտների միջին տարեկան գնահատականը կազմել է շուրջ 28.2 հազ. մարդ²⁰¹: ՀՀ 2011թ. Մարդահամարի տվյալներով՝ Հայաստանի առկա և մշտական բնակչության տարբերությունը կազմել է 147 083 մարդ²⁰²:

¹⁹⁹ Տե՛ս, Միգրացիա և մարդկային զարգացում. Հնարավորություններ և մարտահրավերներ, Մարդկային զարգացման ազգային զեկույց, Հայաստան 2009, էջ 39:

²⁰⁰ Տե՛ս, Խոջաբեկյան Վ., Հայաստանի բնակչության վերադարձությունը և տեղաշարժերը XIX-XX

դարերում, XXI դարի շեմին, Ե., 2001, էջ 308:

²⁰¹ Տե՛ս, http://www.armstat.am/file/article/demog_2015_7.pdf, 11. 09. 2016:

²⁰² Տե՛ս, http://www.armstat.am/file/article/1_bajin_1_182-311.pdf 11. 09. 2016:

Էմիգրացիոն նմանատիպ ցուցանիշները, Հայաստանի Հանրապետության նման համեմատաբար փոքր ազգաբնակչություն ունեցող երկրի համար վկայություն են մի շարք ռիսկերի, այդ թվում՝ դեմոգրաֆիական և անվտանգության: Հաշվի առնելով ՀՀ անվտանգությանը սպառնացող մի շարք արտաքին գործոններ, առաջին հերթին Ղարաբաղյան հակամարտության չլուծված լինելը, ՀՀ-ից էմիգրացիայի նման չափերն ուղղակի սպառնալիք են երկրի ազգային անվտանգությանը: Զանգվածային միգրացիան անվտանգության խնդիրներ է առաջացնում հատկապես սահմանամերձ գյուղերում, որտեղ «ոչ պատերազմ, ոչ խաղաղություն» իրավիճակն այդ միգրացիան պայմանավորող գործոններից է: Այդ իրավիճակով պայմանավորված անձնական անվտանգության փնտրտուքը շատ դեպքերում լուծվում է երկրից արտագաղթելու միջոցով, ինչը կրկին սրում է անվտանգության խնդիրներն ազգային մակարդակում: Բայց նաև այլ գյուղերի բնակչության նվազումն ինքնին խոչընդոտում է ազգային անվտանգության պատշաճ ապահովումը, հատկապես, երբ գյուղացիները հեռանում են այլ երկրներում մշտական բնակություն հաստատելու նպատակով: Բանն այն է, որ տարածական սփռվածության պատճառով գյուղական բնակչությունն իր ուրույն տեղն ունի ազգային անվտանգության համակարգում:

Արտագաղթի պատճառները չի կարելի հանգեցնել լոկ գործազրկությանը, ինչպես դա երբեմն արվում է տնտեսագիտական հետազոտություններում: Գործազրկություն-արտագաղթ սխեման հիշեցնում է բիհեվիորիզմից քաջ հայտնի ազդակ-ռեակցիա պարզունակ սխեման: Անգամ տնտեսագիտական մոտեցման պարագայում խնդիրը բազմաշերտ է, շատ դեպքերում գործ ունենք աշխատանքային գործունեությունը չխթանող վարձատրության կամ էլ անընդունելի աշխատանքային պայմանների, առաջխաղացման հեռանկարների բացակայության և այլնի հետ: Ոչ պակաս կարևոր են սոցիալ-տնտեսական իրավիճակի սուբյեկտիվ ընկալումներն ու գնահատումը, այդ իրավիճակից ելքի, դրա փոփոխության վերաբերյալ համապատասխան որոշումների ընդունման և իրականացման գործընթացները: Որոշումներ կայացնողների ինքնությունը սոցիալ-տնտեսական բնության և ընդհանրապես այլ բոլոր վանող գործոնների և արտագաղթի պատճառահետևանքային շղթայում կենտրոնական տեղ է զբաղեցնում: Հետևաբար, երբ մեր ազգային անվտանգության համար ունեցած տնտեսական և ժողովրդագրական հետևանքների տեսանկյունից մասնագետները քննարկում են

միգրացիայի վերաբերյալ տարբեր վիճակագրական տվյալներ, պետք է ներառեն սոցիալ-հոգեբանական և մշակութաբանական մի շարք դիտանկյուններ ևս: Միգրացիան շատ բարդ երևույթ է, կարիք ունի բազմաչափ միջառարկայական ուսումնասիրության:

Իսկ սոցիոլոգիայի տեսակետից որպես համեմատաբար կայուն և երկարաժամկետ գործոն հատկապես կարևոր է սոցիալական ինքնությունը, որը մարդու ինքնության բազիսային շերտ է: Եվ սոցիալական ինքնության հետազոտության միջոցով հնարավոր է բացահայտել այն հիմնական պատճառները, որոնք հանգեցնում են արտագաղթի, այդ թվում նաև շատ մեծ չափերի հասած ՀՀ գյուղական բնակչության պարագայում: Բացի դրանից, միգրացիայի երևույթը դիտարկելիս հարկավոր է քննարկել ոչ միայն այն հետևանքներն ու երևույթները, որոնք անմիջապես առնչվում են հենց միգրանտներին, այլ նաև այն ազդեցությունները, որոնք կան նրանց շրջապատում, հատկապես գյուղական համայնքներում: Արտագաղթը զուտ անհատական որոշում և գործողություն չէ, այն հասարակական ֆենոմեն է: Հայ գյուղացու սոցիալական ինքնության համակարգում կարևոր տեղ ունի համայնքային ինքնությունը, և արտագաղթը պայմանավորող գործոնների թվում պետք է դիտարկել նաև գյուղացու սոցիալական ինքնության կառուցվածքային տարրերը, որոնք անվտանգությանը սպառնացող իրավիճակի պայմաններում և՛ սնվում են տվյալ իրավիճակից, և՛ հարմարվում դրան:

Փաստ է, որ այդ տարրերը որոշակի ազդեցությունների են ենթարկվել Հայաստանի անկախության ժամանակաշրջանում, պայմանավորված խորհրդային կայսրության փլուզմամբ, Ղարաբաղյան պատերազմով, համատարած սեփականաշնորհմամբ և նախկին սոցիալ-տնտեսական, ինչպես նաև կրթական համակարգերի վերացմամբ, մշակութային կյանքի կազմալուծմամբ, նոր հասարակական ինստիտուտների ներդրմամբ, աշխարհի գլոբալացմամբ, նոր ԶԼՄ-ների, ինտերնետի ազդեցությամբ, միգրացիայով, սերնդափոխությամբ ընդհանրապես և մի շարք այլ գործոններով: Այդ տեսակետից կարող ենք խոսել հայ գյուղացու նոր ինքնության մասին, հատկապես, եթե նկատի ունենանք երիտասարդ գյուղաբնակներին: Եվ դիտարկելով հայ գյուղացու սոցիալական ինքնության կառուցվածքային տարրերը միգրացիայի համատեքստում՝ կպարզենք դրանց դերն ու նշանակությունը մեր ազգային անվտանգության համար:

Եվ իրոք, 2016 թ. գարնանը կատարված սոցիոլոգիական հարցման արդյունքների վերլուծությունը բացահայտում է սոցիալական ինքնության և արտագաղթի կապը²⁰³: Բայց նախ սահմանենք «սոցիալական ինքնություն» եզրույթը: Ինքնությունը անձի նույնականացումների ամբողջություն է, իսկ սոցիալական ինքնությունը նույնականացում է սոցիալական խմբի հետ (տվյալ դեպքում գյուղացիության), որն արտահայտվում է իմացական, հուզական, արժեքային, վարքային դրսևորումներում²⁰⁴: Ի տարբերություն սոցիալական ինքնության տեսության հիմնադիր համարվող Հենրի Թեյֆելի, ով սոցիալական ինքնությունը նույնացնում էր ընդհանրապես մարդու կոլեկտիվ ինքնության հետ, տարբերակելով այն անձնային ինքնությունից, սոցիալական ինքնությունն այստեղ մենք սահմանում ենք որպես ներհասարակական խմբային նույնականացումների ամբողջություն: Բանն այն է, որ անձնային ինքնությունը սոցիալականացման արդյունքում է ձևավորվում, այն նույնպես սոցիալական է բառի լայն իմաստով: Մյուս կողմից, լայն իմաստով այն ընդգրկում է նաև ազգային ինքնությունը: Ստացվում է, որ ցանկացած ինքնություն սոցիալական է, ինչը նվազեցնում է եզրույթի մեթոդաբանական հստակության արժեքը:

Ուստի և մենք տարբերում ենք սոցիալական ինքնությունը թե՛ անձնային ինքնությունից, թե՛ ազգային (համահասարակական) ինքնությունից: Այսպիսի սահմանումը թույլ է տալիս արտահայտությունների օպերացիոնալ մակարդակում ուսումնասիրել հայ գյուղացու սոցիալական ինքնության խնդիրը և առանձնացնել սոցիալական ինքնության տարբեր տիպեր²⁰⁵: Այդ օպերացիոնալացումն ու տիպաբանությունն իրականացնելու համար կոնստրուկտիվիզմի տեսական հենքի վրա մշակվել է և կիրառվել տարբերակիչ գույգ կատե-

²⁰³ Հարցումն իրականացրել է ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի Կիրառական սոցիոլոգիական հետազոտությունների լաբորատորիան, որի աշխատակիցն է նաև սույն հոդվածի հեղինակը, ով հետազոտության բոլոր փուլերում (գործիքի մշակում և քննարկում, դաշտային աշխատանքների իրականացում, ստացված տվյալների վերլուծություն) ակտիվ մասնակցություն է ունեցել:

²⁰⁴ Հմմտ. Turner, J. C., & Tajfel, H., The social identity theory of intergroup behavior, էջ 7-24 // S. Worchel & L. W. Austin (Eds.), Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986, էջ 15-16:

²⁰⁵ Մարքսյան տեսության շրջանակներում գյուղացիությունը համարվում է սոցիալական դասակարգ, հետևաբար գյուղացու սոցիալական ինքնությունը նույնանում է դասակարգային ինքնության հետ:

գործիաների միջոցով դիտարկման մեթոդաբանական սկզբունք, որը պահանջում է սոցիոլոգիական հարցման արդյունքները վերլուծելիս դասավորել և այնուհետև համեմատել դրանք ըստ հականիշների սկզբունքի՝ օգտագործելով զույգ կատեգորիաներ (օրինակ՝ դրական-բացասական, բավարարված-չբավարարված, անցյալում-ներկայում, ավանդական-արդիական (մոդեռն), հիմնախնդրի իրական լուծում-հիմնախնդրի թվացյալ լուծում, անկախության սերունդ-խորհրդային սերունդ, եսակենտրոն-կոլեկտիվիստ) և դիտարկելով դրանց փոխադարձ խաչման տիրույթները: Նման մեթոդաբանական մոտեցումը թույլ է տվել առանձնացնել տարբերակիչ հատկանիշներ, որոնց հիման վրա էլ իրականացվել է հայ գյուղացու սոցիալական ինքնության տիպաբանությունը, վերլուծության արդյունքների կոնցեպտուալացումը:

Դիտարկման սխեմայի կիրառման արդյունքում հնարավոր եղավ առանձնացնել հայ գյուղացու սոցիալական ինքնության հետևյալ իդեալական տիպեր. ավանդական կոլեկտիվիստական սոցիալական ինքնություն, ավանդական եսակենտրոն սոցիալական ինքնություն, մոդեռն եսակենտրոն սոցիալական ինքնություն, մոդեռն կոլեկտիվիստական սոցիալական ինքնություն: Առաջին տիպին բնորոշ է «գոյատևել», հարմարվողականությունը (կոնֆորմիզմ), որը հաճախ հանգեցնում է «աղքատության մշակույթի» ձևավորմանը: Երկրորդ տիպը թեև ձգտում է անբարենպաստ վիճակի փոփոխության, բայց այդ ձգտումները նեղ ընտանեկան կամ գուտ անձնական շրջանակներից դուրս չեն տարածվում: Այդ տիպի մարդիկ քաղաքականապես պասիվ են: Երրորդ տիպի շատ մարդիկ փորձում են փոփոխել իրենց անձնական վիճակը, հաճախ դիմելով ոչ ինստիտուցիոնալ միջոցների և նույնիսկ անթույլատրելի հնարքների. «գցել», շորթել, գողանալ, կոռուպցիոն սխեմաներում ներգրավվել և այլն: Չորրորդ տիպի մարդկանց մոտ առկա է քաղաքացիական դիրքորոշում, երկրի անբարենպաստ դրությունը համատեղ ջանքերով բարեփոխելու ձգտում, որն էլ հենց կարող է հանգեցնել հիմնախնդիրների իրական լուծմանը:

Իսկ արտագաղթը, երկրից ընդմիջտ հեռանալը միգրանտների մեծամասնության համար միշտ էլ եղել է և կա հիմնախնդիրների թվացյալ լուծում, քանի որ ժամանակավոր է, մի պրոբլեմային իրավիճակը մեկ այլ պրոբլեմային իրավիճակով փոխելով, խնդիրներն ըստ էության չեն լուծվում, ի հայտ են գալիս նոր սպառնալիքներ (աշխատուժի որակագրկում, սոցիալական առաջխաղացման հեռանկարների բացակա-

յություն, երեխաների ասիմիլյացիայի վտանգ, կյանքի իմաստի կորուստ և այլն): Նշենք, որ սոցիոլոգիական հետազոտության տվյալների վերլուծության արդյունքում պարզվել է, որ արտագաղթելուն առավել հակված են եսակենտրոն ինքնությամբ մարդիկ, ընդորում, եթե ավանդական ինքնության պարագաններում այդ մարդկանց միգրացիոն մտադրությունները «խուպան գնալու» հետ են կապված, այսինքն խոսքը սեզոնային միգրացիայի մասին է, ապա եսակենտրոն մոդելն սոցիալական ինքնության դեպքում միգրացիոն ռազմավարությունները Հայաստանից ընդմիջտ հեռանալու նախագիծ են:

Գյուղերում ավանդականությունն անգամ երիտասարդների ինքնության կառուցվածքում ավելի մեծ տեղ ունի, քան արդիականությունը, և մեր հետազոտությունը բացահայտել է դա:

Գյուղաբնակ երիտասարդ ռեսպոնդենտների 90,2 տոկոսը գտնում է, որ *փորձված թանը անփորձ մածունից լավ է*: այսինքն տուրք է տրվում ավանդական զգուշավորությանը կտրուկ որոշումներ կայացնելու ժամանակ: Չափահաս երիտասարդների մեծ մասը, 59,4 տոկոսը, առանց ծնողների չի կայացնում որոշումներ: Իսկ այնպիսի ճակատագրական որոշում կայացնելու հարցում, ինչպիսինն է ամուսնու/կնոջ ընտրությունը, ընտանիքի համաձայնությունը կարևորում է հարցվածների 82,6 տոկոսը (տարիքի հետ այդ թիվը մի քիչ նվազում է): Մեր երիտասարդների 89,1 տոկոսը համամիտ է, որ *ջուրը փոքրին է, խոսքը մեծինը*: Ակնհայտ է ավանդական հարգանքը տարիքով մարդկանց նկատմամբ: Գյուղաբնակ երիտասարդների 47,4 տոկոսի մոտ առկա է նաև ավանդական ինքնությանը բնորոշ դիրքորոշում, որ ամուսնանալ պետք է միմիայն սեփական ազգի ներկայացուցչի հետ: Հարցվածների 64,4 տոկոսը համաձայն է, որ կյանքում ամեն ինչ կախված է ճակատագրից, ինչը նույնպես ավանդական մտածելակերպի արտահայտություն է:

Նման ավանդական դիրքորոշումները պայմանավորող մի կարևոր գործոն կա. գյուղական տնային տնտեսություններում տատիկ/պապիկի ներկայությունը (յոթ և ավելի անդամ ունեցող տնային տնտեսությունների քանակը գյուղում 20%-ից ավել է, իսկ քաղաքում շուրջ 8% է), որը մեծ դաստիարակչական նշանակություն ունի: Նրանք անմիջապես երրորդ սերնդին են փոխանցում իրենց սերնդի հին ավանդույթները, ապահովելով դրանց վերարտադրությունը: Ուստի և հասկանալի է, թե ինչու երիտասարդ գյուղաբնակ ռեսպոնդենտների միայն 11,4 տոկոսն է

նշել, որ իրենց քաղաքական հայացքները բոլորովին չեն համապատասխանում ծնողների հայացքներին: Հատկանշական է, որ հարցված երիտասարդների 28 տոկոսը միանշանակ բավարարված չէ ՀՀ ժողովրդավարության աստիճանով: Այն հարցին, թե ո՞ր քաղաքական կուսակցության համար կքվեարկեիք, եթե ՀՀ Ազգային Ժողովի ընտրությունները լինեին հիմա, ռեսպոնդենտների 22,1 տոկոսը նշել է, որ չի մասնակցի քվեարկությանը:

Երիտասարդ ռեսպոնդենտների մեծամասնությունը իր քաղաքական հայացքների տեսակետից ավելի շատ «ձախ» է, քան «աջ»: Նրանց 41,9 տոկոսը միանշանակ պնդում է, որ հասարակության հարստությունը պետք է հավասար բաշխվի, ևս 15,5 տոկոսը այս կամ այն չափով հարում է այդ կարծիքին: Էլ ավելի շատ են (51,1 տոկոս) նրանք, ովքեր միանշանակ կարծում են, որ պետությունը պիտի ավելի մեծ պատասխանատվություն կրի մարդկանց սոցիալական ապահովության համար (ևս 11,2 տոկոս հարում են այդ կարծիքին):

Կարելի է եզրակացնել, որ ավանդականությունը չի կորցրել իր նշանակությունը նաև այսօրվա երիտասարդ գյուղաբնակ սերնդի համար:

Բայց այլ հարցերին պատասխանելիս մեր ռեսպոնդենտներից շատերը սոցիալական ինքնության ավելի արդիական գծեր են արտահայտել. 50,5 տոկոսը մրցակցությունը շատ լավ բան է համարում, 20,4 տոկոսը այս կամ այն չափով հարում է այդ կարծիքին: Որպես արդիական նույնականացում կարելի է հասկանալ այն փաստը, որ երիտասարդների 53,2 տոկոսի համար ամենակարևոր արժեքն իրենց կյանքում անձնական արժանապատվությունն է: Նոր բնապահպանական գիտակցության վկայություն է, որ հարցմանը մասնակցած գյուղաբնակ երիտասարդների 51,8 տոկոսը Հայաստանի համար հրատապ հիմնախնդիր է համարում շրջակա միջավայրի աղտոտումը, կլիմայի գլոբալ փոփոխությունը շատ հրատապ է 19,9 տոկոսի համար:

Դիտարկման սխեմայում որպես տարբերակիչ գույզ տեղադրելով կոլեկտիվ-եսակենսորոն նույնականացումը կարող ենք վերլուծության միջոցով երիտասարդ գյուղացիների պատասխաններից դուրս բերել նաև կոլեկտիվիստական ինքնության և էսակենսորոն ինքնության տարրեր:

Ռեսպոնդենտների 76,9 տոկոսի համաձայնությունը կարծիքին, որ *ընկերովի մահը հարսանիք է* հայի մեջ եղած կոլեկտիվիզմի աղավաղված դիրքորոշումների դրսևորում է, որը երիտասարդները ժառանգել

են ավագ սերնդի խորհրդային մտածելակերպից: Մյուս կողմից էլ, հարցման մասնակիցների 86,5 տոկոսը հակված է ընդունելու հետևյալ ժողովրդական խոսքը. *եղունգ ունես, գլուխդ քորի*, ինչը հայի եսակենտրոն գծերի դրսևորում է: Մարդկանց օգնության հասնել՝ անկախ անձնական շահից հնացած արժեք է գյուղաբնակ երիտասարդների 21,6 տոկոսի համար: Այս եսակենտրոն դիրքորոշումը նկատի ունենալով պարզ է, թե ինչու հարցման մասնակիցների միայն 17,7 տոկոսն է վերջին 12 ամիսներին կամավոր կերպով իրականացրել չվճարվող աշխատանք: Ուշագրավ է նաև, որ կամավորական աշխատանքներում ներգրավված երիտասարդների միայն 57,3 տոկոսն է որպես այդ աշխատանքներն իրականացնելու հիմնական պատճառ նշել այլոց օգնելու ցանկությունը:

ՀՀ քաղաքացի լինելը հարցվածների միայն 4,8 տոկոսի համար է ամենա առաջնային ինքնանույնացում, 3,8 տոկոսի համար այն երկրորդ տեղում է, 6,4 տոկոսի՝ երրորդ: Դա անշուշտ կարող է մարդկանց տանել դեպի քաղաքացիական անտարբերություն: Այստեղից էլ հասկանալի է, թե ինչու քաղաքացիական նախաձեռնությունների մասնակցելը հարցվածների միայն 29,5 տոկոսն է համարում արդիական և ինչու երկրի տնտեսական վիճակի բարելավման համար ՀՀ քաղաքացիների առաջնային պատասխանատվությունը նշում է ռեսպոնդենտների միայն 1.6 տոկոսը:

Հարցման մասնակիցների 63,8 տոկոսը գտնում է, որ ընդունելի է *որտեղ հաց, այնտեղ կաց* սկզբունքով արտահայտված կենսափիլիսոփայությունը: Նրանց 39,5 տոկոսը ցանկանում լքել հարազատ բնակավայրը՝ տեղափոխվելով Հայաստանի այլ քաղաք կամ գյուղ: Հայաստանից հեռանալու պատրաստվող գյուղաբնակ երիտասարդները 24,1 տոկոս են: Միգրացիային հակված երիտասարդ ռեսպոնդենտների 2 տոկոսն ակտիվորեն շփվում է արտասահմանցիների հետ, 7,9 տոկոսը կապ է հաստատել հնարավոր գործատուների հետ, ևս 4 տոկոսը արդեն կապի մեջ է համապատասխան դեսպանատան հետ, 2 տոկոսը կապ է հաստատել արտերկրյա համապատասխան համալսարանների հետ:

Այսպիսով, տիպականացման արդյունքում ստացված սոցիալական ինքնության չորս մոդելները տարբեր պատճառահետևանքային կապեր են արտահայտում արտագաղթի հավանականության տեսանկյունից: Իրականացված հետազոտության տվյալների վերլուծությունից բխում է, որ ինչքան մեծ է սոցիալական ինքնության կառուց-

վածքում եսակենտրոն նույնականացումների մասնաբաժինը, այնքան մեծ է արտագաղթելու հավանականությունը: Թեև Ժամանակակից հայ գյուղացու սոցիալական ինքնությունը մնում է զգալի չափով ավանդական, նորագատական արժեքների տարածումը գյուղում ձևավորելով համապատասխան եսակենտրոն դիրքորոշումներ և վարքային հակվածություններ, սնում է արտագաղթը: Ժամանակի ընթացքում արտագնա սեզոնային աշխատանքի մեկնելը սկսում է կրել քրոնիկ բնույթ կամ ինքնության փոփոխության, նոր արտագաղթի դրդող նորմերի և արժեքների ի հայտ գալու արդյունքում վերածվում է մշտական միգրացիայի:

Հարկ է ընդգծել, որ անկախ այն բանից՝ միգրացիան սկսվել է որոշակի առաջնային մակրոգործոնների ազդեցության, մակրոփոփոխությունների, աշխատաշուկաների, տնտեսական համակարգերի անհամասեռ զարգացման և ձևավորվող ռիսկերին դիվերսիֆիկացված արձագանքների անհրաժեշտության արդյունքում, թե անհատական գործունեության շարունակականության անհնարինության համատեքստում, ուսումնասիրությունները բազմիցս վկայում են՝ միգրացիոն հոսանքները մեկ անգամ, անկախ նախնական պատճառներից սկսվելով, հատկություն ունեն շարունակաբար ընդարձակվելու, ներառելով նորանոր անդամներ, աշխարհագրական վայրեր, տնտեսական նոր նիշաներ և այլն, նույնիսկ եթե նախնական դրդապատճառներն այլևս չկան կամ խիստ վերափոխված են: Համաձայն պատճառական պայմանավորվածության տեսության, միգրացիայի յուրաքանչյուր ակտ բերում է հնարավոր միգրանտների մոտիվացիայի, սոցիալական պայմանների, մշակութային առանձնահատկությունների, ինքնության և այլն անվերադարձ փոփոխությունների, որոնք Ժամանակի ընթացքում կուտակվելով առավել հավանական են դարձնում միգրացիայի նոր հոսքերը: Դ. Մասսեյն դա անվանում է միգրացիայի կուտակային պատճառականություն,²⁰⁶ Ջ. Ռեյչերթը՝ միգրանտի սինդրոմ²⁰⁷:

Միգրանտները, երկար տարիներ մեկնելով հանրապետությունից արտագնա աշխատանքի, ապրելով, աշխատելով և այլ էթնիկ միջավայրում ինտենսիվ շփվելով տեղի բնակչության հետ, կրում են նաև մշակութային ազդեցություն: Այսինքն՝ միգրացիան համարվում է մշակույ-

²⁰⁶ St' u, Reichert Joshua, The Migrant Syndrome: Seasonal U.S. Wage Labor and Rural Development in Central Mexico. Human Organization: Spring 1981, Vol. 40, h. 1, էջ 56-66:

²⁰⁷ St' u, Douglas S. Massey and others, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, էջ 431-466 // Population and Development Review, 1993, h. 3:

թի տարածման կարևոր միջոց, երբ տեղափոխված մարդկանց խումբը կամ ընդունում է տվյալ տարածքի մշակութային առանձնահատկությունները, կամ էլ կիսով չափ է ընդունում՝ ստեղծելով իր ենթամշակույթը: Միգրացիայի հետևանքով այդ տարածքում ապրողները կրում են նաև միգրանտների մշակութային ազդեցությունը²⁰⁸: Բացի դրանից, նրանք այլ էթնիկ միջավայրում ձևավորում են նոր հարաբերություններ և ներգրավվում են նոր, այդ թվում ոչ միայն հայկական էթնիկ, որոնք միավորում են հարազատներին, ընկերներին, բարեկամներին, հայրենակիցներին²⁰⁹, այլև տեղի սոցիալական ցանցերում: Սոցիալ-մշակութային առումով կարևոր է նրանց ընտանիքների վրա այդ երևույթի ունեցած ազդեցության բացահայտումը, քանի որ միգրանտները երկար ժամանակով կամ տարվա մի մասը գտնվում են հանրապետությունից դուրս, իսկ ընտանիքները մնում են տեղում: Նրանց համար բնութագրական է «հեռավորության վրա ձևավորված» ընտանիք հասկացությունը՝ դրանից բխող հետևանքներով²¹⁰: Այսպիսի փոփոխությունները պարունակում են մեծ ռիսկեր, որոնք ազգային անվտանգության տեսանկյունից կարող են ուշադրություն գրավել, մասնավորապես ընտանիքի ինստիտուտի փոխակերպումների գործընթացի անվերահսկողությունը կարող է հանգեցնել ընտանիքի ինստիտուտի թուլացմանը, որն էլ ուղղակի սպառնալիք է հասարակության վերարտադրությանը:

Այսպիսով, հաշվի առնելով ասվածը՝ կարող ենք պնդել, որ մասնավորապես վերագգային միգրացիան ինքնավերարտադրվող, ներքին պոտենցիալ ունեցող և անվտանգության խնդիրներ առաջացնող հասարակական գործընթաց է: Առավելապես պարբերական, ինչպես նաև մշտական միգրացիայի շարունակական ծավալման պարագայում առաքող համայնքները այլևս չեն վերադառնում իրենց նախամիգրացիոն պայմաններին: Միգրացիոն նախնական ակտը բերում է անձնական մոտիվացիաների, սոցիալական, տնտեսական և այլ այն տեսակի փոփոխությունների առաքող համայնքում, որոնք իրենց հերթին առավել հավանական են դարձնում հետագա միգրացիաները:

²⁰⁸ Տե՛ս, Шостак С. Механизмы культурной диффузии, http://www.i-soc.com.ua/journal/07_Shostak.pdf, 11.06.12

²⁰⁹ Տե՛ս, Фирцов Е., Кривышина В. К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры (по материалам полевых исследований локальных групп Владимирской области) //Диаспоры, М., 2004, 1, էջ 10:

²¹⁰ Տե՛ս, Մկրտչյան Ա., Թումանյան Գ., Աթանեսյան Ա., Զապալակյա Մ., Հայկական միգրացիոն ցանցերի ձևավորման և գործառնման որոշ հարցեր. - Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2015, էջ 31:

Սոցիալական ինքնության մյուս հնարավոր տիպաբանությունը բավարարված-չբավարարված տարբերակիչ գույգի միջոցով ենք իրականացնում: Խաչաձև դիտարկման արդյունքում ստանում ենք սոցիալական ինքնության նոր իդեալական տիպեր. բավարարված ինքնություն - չբավարարված ինքնություն: Առաջինի դեպքում, ըստ Թեյֆելի, գործ ունենք դրական սոցիալական ինքնության հետ, երկրորդի դեպքում՝ բացասական: Մարդկանց բնորոշ է ձգտումը ունենալ դրական ինքնություն, և երբ միջխմբային համեմատությունները դրական արդյունք չեն ապահովում, նրանք կարող են լքել սեփական խումբը, փորձելով դառնալ մեկ այլ, ավելի բարձր կարգավիճակ ունեցող խմբի անդամ²¹¹: Հայկական վերազգային ցանցերի ուսումնասիրությունը, սակայն, փաստում է, որ հայ միգրանտների մեծամասնությունը չի դառնում արտերկրյա սոցիալական խմբի անդամ, սեփական խումբը մնում է որպես ռեֆերենտ խումբ, փոխվում են միայն միգրանտի տեղն ու դերը այդ խմբում: Այսինքն, չբավարարված սոցիալական ինքնությունը նպաստում է հայ ավանդական սոցիալական ցանցերի փոխակերպմանը վերազգային միգրացիոն ցանցերի, որոնք շատ դեպքերում վերազգային ընտանեկան ցանցեր են:

Ձևավորված սոցիալական վերազգային ցանցը մաքսիմալացնում է նոր միգրանտների ի հայտ գալու հավանականությունը²¹²: Այս, առավել հարմար, քիչ ռիսկային պայմաններում ծավալվող միգրացիան իր հերթին փոխում է առաքող հանրության, հասարակության մշակութային համատեքստը: Միգրացիան տեղի ունի արդեն և գլխավորապես ոչ տնտեսական գործոնների ազդեցության շնորհիվ: Ժամանակի ընթացքում նման շրջապատույթը, որը ներառում է մարդկանց, նյութական ռեսուրսներ, ֆինանսներ, ինֆորմացիա, նորմեր և այլն, թափանցիկ է դարձնում վաղեմի հստակ սահմանազատված հանրությունների սահմանները, ձևավորելով ինքնավերարտադրող նորը՝ վերազգայինը: Վերջինս պարունակում է թե՛ առաքող, և թե՛ ընդունող հասարակությունների, հանրությունների, խմբերի մշակութային ձևեր, արժեքներ, սպասումներ, ճաշակ, սպառողական առանձնահատկություններ:

Վերոնշյալ սոցիալական գործընթացներն իրենց բնույթով ոչ միայն փոխակերպում են հայաստանյան հասարակության, մասնավորապես

²¹¹ Sté u, Salzborn, S., *Klassiker der Sozialwissenschaften*, Wiesbaden: Springer, 2014, էջ 296-297:

²¹² Sté u, Taylor J. E., *Differential Migration, Networks, Information and Risk*, էջ 147-171 // *Migration Theory, Human Capital and Development*/ ed. by O. Stark, Greenwich. CT: JAI Press, 1986:

գյուղական համայնքների ներքին սոցիալական կապերն ու հարաբերությունները՝ դրանցում ընդգրկելով Հայաստանից դուրս գտնվող հին և նորաստեղծ հայկական համայնքներ, այլև վկայում են հայաստանյան հասարակությունում առկա այնպիսի հիմնախնդիրների հրատապության մասին, ինչպիսիք են՝ ազգային անվտանգությանը սպառնացող սոցիալական կապերի և հարաբերությունների թուլացումն ու խեղվածությունը, հասարակության անդամների միջև վստահության մշակույթի ձևափոխումը, գյուղական համայնքների անդամների կողմից իրենց սոցիալ-տնտեսական խնդիրների լուծման փորձը միգրացիոն ցանցի՝ Հայաստանից դուրս փնտրվող կապերի և հարաբերությունների ստեղծման միջոցով:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Միգրացիա և մարդկային զարգացում*. Հնարավորություններ և մարտահրավերներ // Մարդկային զարգացման ազգային զեկույց, Հայաստան 2009:
2. *Մկրտչյան Ա., Թումանյան Գ., Մթանեսյան Ա., Զատլավսկայա Մ.*, Հայկական միգրացիոն ցանցերի ձևավորման և գործառնման որոշ հարցեր. - Եր.: ԵՊՀ հրատ., 2015
3. *Խոջաբեկյան Վ.*, Հայաստանի բնակչության վերաբաշխվածությունը և տեղաշարժերը XIX-XX դարերում, XXI դարի շեմին, Ե., 2001:
4. http://www.armstat.am/file/article/demog_2015_7.pdf, 11. 09. 2016:
5. http://www.armstat.am/file/article/1._bajin_1_182-311.pdf 11. 09. 2016:
6. *Turner, J. C., & Tajfel, H.*, The social identity theory of intergroup behavior, էջ 7-24 // *S. Worchel & L. W. Austin (Eds.), Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986:
7. *Reichert Joshua*, The Migrant Syndrome: Seasonal U.S. Wage Labor and Rural Development in Central Mexico. *Human Organization*: Spring 1981, Vol. 40, h. 1:
8. *Douglas S. Massey and others*, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, էջ 431-466 // *Population and Development Review*, 1993, h. 3:
9. *Шостак С.* Механизмы культурной диффузии. http://ecsocman.hse.ru/data/125/784/1219/07_Shostak.pdf, 12. 09. 2016:
10. *Фирцов Е., Кривышина В.*, К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры (по материалам полевых исследований локальных групп Владимирской области) // *Диаспоры*, М., 2004, h. 1:
11. *Salzborn, S.*, *Klassiker der Sozialwissenschaften*, Wiesbaden: Springer, 2014:
12. *Taylor J. E.*, Differential Migration, Networks, Information and Risk, էջ 147–171 // *Migration Theory, Human Capital and Development/ ed. by O. Stark*, Greenwich. CT: JAI Press, 1986:

Բաժին 4. Անվտանգության սպառնալիքներն արդի աշխարհում
Секция 4. Угрозы безопасности в современном мире
Chapter 4: Security Threats in the Modern World

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА
(1970-Е ГГ. – СЕНТЯБРЬ 2001 Г.)**

Олег Ратушняк, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой,
нашей истории и международных отношений
Кубанского государственного университета, Россия

**US FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF THE
DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TERRORISM
(1970-Sept. 2001)**

Oleg Ratushnyak, PhD in History, Associate Professor of the Department of
Modern, Contemporary History and International Relations,
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The main purpose of this report is analysis of US foreign policy in the context of the development of international terrorism. Chronological framework of the study is restricted to the 1970-ies – September 2001. Start date is determined by the fact that in the early 1970s, Washington was announced as the urgent tasks and important areas of its internal and foreign policy of active struggle against international terrorism. The end date associated with the tragic events of September 11, 2001, appeared a new phase in US foreign policy and the new frontier in the international community's fight against international terrorism.

Keywords: international terrorism, US foreign policy.

Основная цель статьи – анализ внешней политики США в контексте развития международного терроризма. Хронологические рамки исследования ограничены 1970-ми гг. – сентябрем 2001 г. Начальная дата определена тем фактом, что именно в начале 1970-х гг. Вашингтон объявил в качестве насущной задачи и важного направления своей внутренней и внешней политики активное противодействие международному терроризму. Конечная дата связана с трагическими событиями 11 сентября 2001 г., явившимися новым этапом во внешней политике США и новым рубежом в борьбе международного сообщества с международным терроризмом.

Начало созданию официальной правительственной структуры для противодействия международному терроризму было положено 25 сентября

1972 г. (после трагического инцидента на Олимпиаде в Мюнхене), когда президент США Р. Никсон санкционировал формирование комитета и рабочей группы *ad hoc*. Ко времени вступления на пост президента Дж. Картера в США насчитывалось около 30 правительственных ведомств и учреждений, занятых борьбой с терроризмом. При этом ни одно из них не имело необходимых полномочий расследовать все случаи терроризма и проводить официальную политику государства в этой области.

Постепенно на протяжении 1970–1980-х гг. в Соединенных Штатах формируется целостная государственная система по борьбе с терроризмом (в том числе и международным).

В 1983 г., после произошедшего в Бейруте террористического акта, Вашингтоном была принята специальная программа борьбы с терроризмом, предусматривавшая: как открытые, так и тайные операции по прогнозированию, недопущению террористических актов и реагированию на них; дипломатические усилия по укреплению международного сотрудничества в борьбе с терроризмом; различные меры давления на режимы, помогающие террористическим организациям; совершенствование американской законодательной антитеррористической базы; военные операции возмездия против организаций или государств, ответственных за террористические нападения на американских граждан.

В ноябре 1983 г. в Конгрессе США был ратифицирован закон, предоставивший Государственному департаменту право на осуществление Федеральной программы помощи в вопросах МТ (Antiterrorism Training Assistance Program – АТАР), которая считается одной из наиболее действенных инициатив, способствовавших координации антитеррористических мероприятий с правительствами другими государствами.

В апреле 1984 г. Р. Рейган подписал директиву национальной безопасности № 138. В ней, в частности, обращалось внимание на необходимость перехода в борьбе с международным терроризмом «от реагирующего образа действия» к активным упреждающим шагам.

Во второй половине 1980-х гг. завершается формирование американской системы по борьбе с терроризмом. Основное внимание в это время уделяется профилактике и предотвращению технологических видов терроризма и обеспечению ядерной безопасности.

В апреле 1990 г. был подготовлен доклад Государственного департамента США «О характере деятельности международного терроризма». В нем отмечалась эффективность действий по противостоянию международному терроризму как мирового сообщества в целом, так и отдельных стран. При этом политика США подавалась как один из ключевых факторов,

сыгравших важную роль в снижении деятельности международных террористических организаций²¹³.

В то же время, анализируя политику Соединенных Штатов в 1970–1980-е гг., невольно приходишь к выводу, что она имела как анти-, так и протеррористическую направленность. Одной из причин этого на первый взгляд противоречивого явления было противоборство между США и СССР в условиях «холодной войны». В рамках данного противоборства Вашингтон формулирует концепцию «конфликтов низкой интенсивности», которая рассматривалась в качестве основного инструмента «сдерживания коммунизма» и обосновывала поддержку Соединенными Штатами антиправительственных выступлений в некоторых развивающихся странах²¹⁴.

В рамках концепции «низкой интенсивности» получала прагматическое обоснование такая специфическая сторона взаимодействия США и международного терроризма, как участие Вашингтона в формировании и поддержке групп боевиков, выступавших в качестве военной оппозиции революционным режимам (например, афганских моджахедов и никарагуанских «контрас»).

После провозглашения Демократической Республики Афганистан (ДРА) и прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), полностью поддержанной СССР и получавшей от него масштабную экономическую помощь, Вашингтон был весьма обеспокоен нарушением равновесия сил в Юго-Западной Азии в пользу социалистического блока. 9 апреля 1979 г. Специальным координационным комитетом Совета национальной безопасности США была принята резолюция о поддержке моджахедов, и уже в мае в Вашингтон прибывает делегация афганских повстанцев во главе с С. Моджадди. Со второй половины 1979 г. Соединенные Штаты начинают оказывать афганской оппозиции помимо политической финансовую и военную помощь. Конкретным осуществлением этой политики занималось ЦРУ. Именно усилиями ЦРУ в 1980 г. был создан «Фронт исламского союза за свободу Афганистана». При этом боевикам было разрешено организовать представительские учреждения на территории США.

После ввода в Афганистан так называемого ограниченного контингента советских войск помощь моджахедам со стороны Вашингтона стала расти в прямой прогрессии: 30–50 млн дол. в течение 1980–1983 гг., 130 млн дол. в 1984 г., 250–280 млн дол. в 1985 г. (более 80% расходов ЦРУ на

²¹³ Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилова А.А. США и международный терроризм. Н. Новгород, 1999. С. С. 94, 106–107.

²¹⁴ Цит. по: Евстафьев Д.Г. Конфликты низкой интенсивности и оборонная политика России // США. Экономика, политика, идеология. 1993. № 3. С. 34.

тайные операции), 470 млн дол. в 1986 г., 660 млн дол. в 1987 г. К 1988 г. вся предоставленная Соединенными Штатами военно-финансовая помощь моджахедам оценивалась уже более чем в 2 млрд дол.. При этом, если до 1986 г. США экспортировали боевикам в основном обычное стрелковое оружие, то с 1986 г. номенклатура поставляемого вооружения расширилась до эффективных портативных зенитно-ракетных комплексов – английских «блюпапсов» и американских «стингеров»²¹⁵. Для подготовки афганских боевиков, обучения их различным методам ведения партизанской войны в Пакистан и Афганистан было направлено значительное число американских военных советников и специалистов.

Таким образом, США вложили немало сил и средств, сколачивая оппозицию кабульскому режиму в 1979–1991 гг. Значительная часть этой помощи послужила фактически усилению различных террористических организаций, действующих на территории Афганистана и соседних государств.

В действиях США против Никарагуа прослеживается уже не только помощь правоохранительным силам, но и элементы международного государственного терроризма. Первоначально в ходе противостояния никарагуанским сандинистам Вашингтон пытался действовать через структуры Организации американских государств, настаивая, в частности, на отправке в Манагуа межамериканских сил по поддержанию мира. Однако не получив поддержки, США приступили к самостоятельным действиям, ссылаясь на пассивность союзников.

С 1981 г. Вашингтон начал применять против Никарагуа экономические меры воздействия. Сначала США затормозили выделение никарагуанскому правительству займов в размере 15 млн дол. на продовольственные закупки, что привело к острой нехватке хлеба в государстве. Затем в 1983 г. Вашингтон на 90 % уменьшил импорт сахара из страны. Это значительно нарушило бюджет Никарагуа и тяжело отразилось на ее экономическом положении. Параллельно США усилили свое давление на международные финансовые организации с целью добиться от них отказа предоставления кредитов никарагуанскому правительству²¹⁶.

Начало тайным поставкам оружия и финансов никарагуанским «контрас» было положено так называемой программой «Демократия» (точнее, ее секретной частью). В январе 1983 г. Р. Рейган подписал секретный указ,

²¹⁵ Иващенко А.С. Афганская вооруженная оппозиция в американской политике // США. Экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. 100 – 101; Ирангейт: зеркало политики и морали Вашингтона / В. Вербенко, Л. Енютин, П. Романов и др. М., 1987. С. 73; Вчера Вьетнам, Лаос, Кампучия. Сегодня Гренада, Ливан. Завтра... / Сост. Д.М. Погоржельский. М., 1985. С. 250–251.

²¹⁶ Крылов Н. На весах Фемиды (США и международное право). М., 1986. С. 129.

который разрешал Совету национальной безопасности координировать межведомственную деятельность в целях осуществления данной программы. При этом на организацию оппозиции сандинистам планировалось выделение 19 млн дол. Параллельно ЦРУ вербовало боевиков и проводило их обучение. Именно агенты ЦРУ готовили операцию по минированию никарагуанских территориальных вод и портов, в результате чего был нанесен ущерб торговым судам Японии, Голландии, СССР, Панама. Данные действия, посягающие на суверенное право государства осуществлять свободу судоходства и нарушающие Женевскую конвенцию об открытом море 1958 г. и Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., вполне укладываются в определение международного государственного терроризма.

Для понимания внешней политики США важен факт прикрытия Вашингтоном достижения своих «национальных интересов» ссылкой на защиту и проведение в жизнь высших идеалов и ценностей либерализма. Дж. Картер, став президентом США, заявил о своем намерении добиваться уважения всеми государствами норм морали в их американском понимании. При этом Картер подчеркнул, что Соединенные Штаты призваны устанавливать моральные нормы и моральные стандарты для всего мира. Р. Рейган в своей доктрине пошел дальше. Он сделал попытку соединить вместе принципы защиты прав человека и права на самооборону и тем самым подвести правовой фундамент под агрессивные внешнеполитические действия США. Оправдывая вмешательство во внутренние дела Никарагуа, Р. Рейган заявлял: «Поддержка борцов за свободу является самообороной и целиком соответствует международному праву»²¹⁷.

Вообще для внешней политики США периода президентства Р. Рейгана характерна гиперболизированная идеологизация международных проблем. Объявив СССР «империей зла», рейгановская администрация заявила о защите «жизненно важных интересов США» по всему земному шару. Только сквозь призму такого подхода к анализу внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов может быть объяснена их агрессия против Гренады в 1983 г.

Практически сразу же после прихода к власти в Гренаде прокоммунистического президента М. Бишопа (март 1979 г.) американские спецслужбы начали разработку планов его свержения. Несмотря на попытки М. Бишопа наладить добрососедские отношения с США, администрация Р. Рейгана заняла позицию дистанцирования от Гренады и фактически взяла курс на ее дипломатическую и экономическую изоляцию. При этом использовались традиционная для США политика силового давления и провоцирование конфронтации проведением военных маневров в непосредственной бли-

²¹⁷ Лукашук И.И. Международное право. М., 1997. С. 146, 252.

зости от острова. Убийство М. Бишопа и последующая дестабилизация политической обстановки в Гренаде дали повод для вторжения на остров. На заседании Группы по особым ситуациям в качестве основных целей интервенции были определены: 1) эвакуация американских студентов; 2) восстановление демократии; 3) устранение советско-кубинского влияния²¹⁸.

Анализ последующих событий подтверждает вывод о том, что на самом деле агрессия США против Гренады определялась не чем иным, как характерной для американо-советского противостояния в годы «холодной войны» доктриной «сдерживания» и концепцией «конфликтов низкой интенсивности». При этом американское правительство (впрочем, как и советское) пыталось увязать это противостояние с борьбой против международного терроризма. В январе 1981 г. Государственный секретарь США А. Хейг четко обозначил позицию правительства: «Явление, представляющее собой главную угрозу и главный источник озабоченности для всех свободных стран, – это взрыв международного терроризма и связанные с ним случаи незаконного вмешательства – так называемые национально-освободительные войны, которые ведут Советский Союз и его подставные лица»²¹⁹. Тем самым было заложено оправдание действиям США в Афганистане, Никарагуа, Гренаде, Ливане...

Опираясь на тезис о способствовании Советским Союзом распространению международного терроризма, Р. Рейган, в частности, обосновывал перед американской общественностью вооруженное вторжение США в Гренаду. Сославшись на оказание Москвой поддержки международному терроризму, он заявил о стремлении СССР превратить Гренаду в укрепленный плацдарм для распространения коммунизма и террора на страны Карибского бассейна²²⁰. Данный факт подтверждает, что провозглашенная Вашингтоном борьба против международного терроризма была крайне идеологизирована и политизирована и зачастую служила удачным оправданием борьбы США с СССР.

Постепенно в недрах внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов вызывает концепция превентивных действий для защиты своих «национальных интересов». Государственный секретарь США Дж. Шульц в 1984 г. писал: «Пришло время... задуматься о необходимости... укрепления безопасности через превентивное использование силы. Одним из эффективных факторов, сдерживающих террористов, является уверенность,

²¹⁸ Конышев В.Н. Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и конгресса США (1982–1991 гг.). СПб., 1999. С. 68, 70.

²¹⁹ Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилова А.А. Указ. соч. С. 21.

²²⁰ Конышев В.Н. Указ. соч. С. 72.

что против них будут применены решительные и быстрые меры»²²¹. Однако подобная практика была неоднократно использована Соединенными Штатами для прикрытия откровенного вмешательства в дела суверенных государств под предлогом защиты национальной и мировой безопасности перед угрозой международного терроризма.

Таким образом, на протяжении 1970–1980-х гг. США придерживались политики «двойного стандарта». Они громкогласно осуждали международный терроризм и призывали к борьбе с ним, но в то же время готовы были не только закрывать глаза, но и поддерживать террористические организации, лишь бы только сохранить свои позиции в том или ином регионе. При этом сами Соединенные Штаты порой выступали как международный террорист.

Не изменилась в плане «двойных стандартов» политика Вашингтона и в 1990-е гг. Правда, ситуация в данный период значительно изменилась: произошел распад Организации Варшавского договора и Советского Союза, новый мощный всплеск международного терроризма постепенно вышел за рамки противостояния США и СССР и стал самостоятельным значимым фактором международных отношений.

В свете нового витка эскалации терроризма Б. Клинтон в июне 1995 г. подписал директиву № 39 «Политика США в области борьбы с терроризмом», согласно которой в составе Государственного департамента Соединенных Штатов была сформирована Специальная оперативная группа поддержки в чрезвычайных ситуациях за рубежом (Foreign Emergency Support Team – FEST). Данная группа может быть направлена в любое государство по просьбе американского посла в данной стране для разрешения кризисной ситуации. Для противодействия международному терроризму на территории США были созданы Особая оперативная группа в составе ФБР (Domestic Emergency Support Team – DEST) и Межведомственная группа реагирования по чрезвычайным ситуациям. В указанной директиве подчеркивалось, что Соединенные Штаты будут сотрудничать с государствами и оказывать помощь правительствам союзных и дружественных стран, противодействующих международному терроризму²²².

В тоже время политика «двойных стандартов», проводимая США в разрешении косовского кризиса, привела к созданию в Европе еще одной базы международного терроризма в лице Освободительной армии Косово. При этом уже тогда были созданы предпосылки для создания на Балканах исламского фундаменталистского государства.

²²¹ Цит. по: Евстафьев Д.Г., Чекалина В.И. Опыт борьбы с терроризмом в США и интересы безопасности России // США. Экономика, политика, идеология. 1993. № 12. С. 6.

²²² Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилова А.А. Указ. соч. С. 111–114.

В целом, характер участия Соединенных Штатов в боснийском и косовском кризисах дает основание расценивать их действия как проявление международного государственного терроризма, способствующего к тому же расширению в целом базы международного терроризма.

Анализ внешней политики США показывает, что на протяжении 1970–1990-х гг., являясь одним из главных борцов с международным терроризмом, Соединенные Штаты в то же время всячески способствовали его развитию, а порой и сами выступали в качестве государства-террориста. Если в 1970–1980-е гг. подобная политика американского правительства определялась (и оправдывалась) логикой «холодной войны», то в 1990-е гг. основным движущим фактором служит стремление США изменить сложившуюся ялтинско-потсдамскую систему в свою пользу.

Список литературы

1. Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилова А.А. США и международный терроризм. Н. Новгород, 1999. С. С. 94, 106–107.
2. Цит. по: Евстафьев Д.Г. Конфликты низкой интенсивности и оборонная политика России // США. Экономика, политика, идеология. 1993. № 3. С. 34.
3. Иващенко А.С. Афганская вооруженная оппозиция в американской политике // США. Экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. 100 – 101; Ирангейт: зеркало политики и морали Вашингтона / В. Вербенко, Л. Енютина, П. Романов и др. М., 1987. С. 73; Вчера Вьетнам, Лаос, Кампучия. Сегодня Гренада, Ливан. Завтра... / Сост. Д.М. Погоржельский. М., 1985. С. 250–251.
4. Крылов Н. На весах Фемиды (США и международное право). М., 1986. С. 129.
5. Лукашук И.И. Международное право. М., 1997. С. 146, 252.
6. Конышев В.Н. Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и конгресса США (1982–1991 гг.). СПб., 1999. С. 68, 70
7. Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилова А.А. Указ. соч. С. 21.
8. Конышев В.Н. Указ. соч. С. 72.
9. Цит. по: Евстафьев Д.Г., Чекалина В.И. Опыт борьбы с терроризмом в США и интересы безопасности России // США. Экономика, политика, идеология. 1993. № 12. С. 6.
10. Грачев С.И., Колобов О.А., Корнилова А.А. Указ. соч. С. 111–114.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

*Эрнест Григорьян, доктор философских наук,
профессор, кафедра философии и логики Армянского государственного
педагогического университета им. Х. Абовяна, Ереван, Армения*

INSTITUTIONAL THREAT TO SECURITY OF THE SOCIETY

*Ernest Grigorian, Doctor of Philosophy, Professor,
Department of philosophy and logic,
Armenian state pedagogical University after K. Abovyan, Yerevan, Armenia*

Abstract. Each fractal is generating at each moment of self-similar and derived from the root structures. Scrapie entire institutional structure is a set of bridges stretched between the institutions, the relationships, ensuring the interaction between them, and, ideally, reflecting public demand integrity, its integrative, consolidative and continued existence. The same requirements expressed at the individual level in the form of concepts – are the protection of freedom, dignity, livelihood and acceptable conditions, etc. They also form a fractal, providing the interests of society and having their fractal configuration, which are imposed on institutional ligature. Under normal conditions, society as a fractal structure is embodied in the state, providing all of the above qualities quite independently and autonomously from the other institutions. As required by market relations, the ties between the institutions are ripping, each goes to a separate course of action, independent from the public fractal. As a consequence, the activities of the institutions gradually ramps up to a purely institutional self-interest.

In terms deliberately pursued market chaos, crime subject gets more comfortable conditions for their activities, and using them, captures the state and takes society into hostage. A certain autonomy of the state as an institution acting now against the society and is expressed exclusively in the interests of the ruling criminal social subject. I.e.,: the state acts on behalf of society and in the interests of the ruling social entity and it is only under conditions of market relations, contributing to the rise of criminal subject, not at all, as erroneously believed C.Marx. His theory is the special case of social pathology - dominance in society the criminal subject and that for him that his theory clears the way. In conditions of market relations, or the wider speaking, neo-liberalism as a social philosophy, the dominant subject is of criminal group who possesses of a society as a property. All in a society begins to serve the strengthening and of self-reproduction of the conditions of this subject. Anything that can not be transformed into this resource - must be destroyed. Conclusion: the elimination of societal state in the way of democracy market society is paving the way to the rise of criminal entity and a way of perpetuating his power on a pedestal.

Keywords: institutions, institutional structure, fractal, market relations, rise of criminal entity, food chains.

Институциональная структура общества представляет собой некоторое сложное соционормативное целое, имплицитно содержащее в себе все возможные базовые институты, удовлетворяющие общественные потребности, траектории их развития и последствия их взаимодействий. Обрамляющая ее институциональная культура выступает в качестве глобального тезауруса, который обладает всеми возможными смыслами, сценариями поведения и предикатами составляющих ее и институционально приемлемых для данного общества нормативных действий. Культура каждого отдельного института предстает как некоторая входящая в этот тезаурус ценностно-нормативная система, подчиненная доминирующему институту и также обладающая внутренним единством и целостностью, несмотря на внешнюю мозаичность и расплывчатость на границах взаимодействий. Несмотря на разнообразие обществ и присущих им институциональных структур, каждый институт достаточно устойчив, имеет инвариантные к обществам функции и воспроизводит основное содержание своей деятельности в виде рекурсивных алгоритмов, т.е., воспроизводящих повторяющиеся действия. Обращение к фрактальной модели преследует цель показать некоторую механистичность социального поведения, рассматриваемого исключительно через социологическую призму. Именно так, а не иначе, социология конституирует свой объект-предмет, обнаруживая его прогностичность, предсказуемость, регулярное и законоподобное воспроизводство. Например, несмотря на культурные и политические особенности, институт образования в Африке, Азии и Европе должен выполнять четкие, отграниченные от других институтов действия. То же можно сказать и относительно других институтов как относительно независимых и постоянно воспроизводящих типичные для себя действия, хотя и подвергающихся деформации в общем партикулярном и присущем конкретной стране ансамбле институтов.

Это дает основания для применения фрактальных моделей, уподобляющих институт некому фракталу, порождающему в каждый момент самоподобные и производные от корня структуры. Например, институт образования (или военный институт, экономический институт и т.д.) как некое ядро обучающих и воспитывающих техник разветвляется в отдельные ступеньки и формы образования, в том числе в отдельные организации образования, иерархические подразделения и филиалы, не теряя связь с основным ядром, и вычерпывая из него частичное содержание. Каждый институт, представленный в виде фрактала, имеет свою идеальную систему ценностей, идеально-типическую нормативность и траекторию своего разветвления, как если бы он был единственным или доминирующим институтом. Как явление соционормативного порядка, обеспечивающее координацию поведения и деятельности людей, объединенных в рамках конкрет-

ной популяции членов данного института, он предохраняет ее от распада и способствует адаптации членов своей популяции к внешним и внутренним условиям. Внутри себя он волен создавать многочисленные производные от корня фракталы-подразделения на принципах иерархической упорядоченности.

Иными словами, корневой (управляющий) фрактал представляет собой некий контур, который содержит совокупность всех возможных сценариев развития производного фрактала. Управляющий (корневой) фрактал уменьшает степень свободы производного фрактала, что снижает созидательный, а возможно, и деструктивный потенциал последнего, но сохраняется относительный изоморфизм или, точнее говоря, гомоморфизм структур. Влияние управляющего фрактала (доминирующего в данном обществе института) на характер производного фрактала (других институтов) осуществляется, помимо всех принудительно-правовых механизмов, еще и посредством ценностной и нормативной системы - фрактального тезауруса, который представляет собой структурно-содержательную конструкцию, выступающую арсеналом всех потенциально возможных сценариев, смыслов, тенденций и предикатов, доступных и **дозволенных!** в рамках производного фрактала. Так, школа, как производный фрактал от института образования имеет четкие инструкции и сферу дозволенного действия с нормативностью и соответствующей системой ценностей, укладывающейся в масштабы корневого фрактала, и его гомоморфно отображающей. При этом, обычно, контуры границ производного фрактального тезауруса являются нечеткими, подвижными и зависимыми от более широкого содержания тезауруса корневого фрактала.

Это, не всегда явно обнаруживаемое воздействие, формирует и приущую сотрудникам данного института психологию, нравы, стереотипы, взгляды и мировоззрение, которые психологи отрывают от пронизывающего их фона и упоенно дробят на различные психологические феномены, не замечая их материнскую фрактальную основу. Более широко, эта основа ответственна и за антропологические типы людей, получающих широкое распространение в заданных институциональных рамках.

Скрепками всей институциональной структуры является совокупность протянутых между институтами мостов-связей, обеспечивающих взаимодействие между ними, и в идеале, отражающих требование целостности общества, его интегративности, консолидации, дальнейшего существования, укрепления и т.д. Последние требования, выражающиеся на индивидуальном уровне в виде понятий – защиты свободы, достоинства, приемлемых условий жизнеобеспечения и т.д. - также образуют фрактал, обеспечивающий интересы общества как социума и имеющий свои фрактальные конфигурации, которые накладываются на институциональную вязь. В нормаль-

ных условиях общество как фрактал воплощается в государственную структуру, обеспечивающую все вышеописанные качества достаточно самостоятельно и автономно от остальных институтов, но привязывая их к себе через удерживающие их мостики-связи-взаимодействия во имя более высоких вышеупомянутых понятий. Понятно, что все эти фракталы действуют через людей, заряжая их сознание нужными векторами.

Теперь представим, что, как того требуют рыночные отношения, скрепы между институтами рвутся, каждый выходит на самостоятельный и независимый от общественного фрактала образ действий.

Как следствие, любой институт, реализуя общественную потребность, понемногу сползает к чисто институциональным эгоистическим интересам. Интересы самоподдержания структуры, ведомственного доминирования, организационные интересы, интересы профессиональной и функциональной экспансии, индивидуальные интересы сотрудников и многие другие интересы, в том числе клановые, вытесняют идеально-типический смысл служения обществу, официально прокламируемый в канонических миссиях созданных институтов. Актуализация этой потенциально опасной для общества тенденции автономизации институтов полностью реализуется при инъекции в общество философии неоллиберализма и его радикального ответвления, либертаризма. Общество как целое раскалывается на автономные подсистемы, такие как экономика, политика, культура, образование, оборона, наука, на отдельные социальные и индивидуальные субъекты, группы, сообщества, на прошлое, настоящее и будущее. С этого момента институты получают все возможности для переформатирования общества в более благоприятные для себя обстоятельства. Последние переделываются в специфические условия самоподдержания конкретного института. Поскольку институтов много, разворачивается межинституциональная борьба за овладение **всеми** ресурсами общества, институты приобретают смысл частных армий, и начинается **институциональный разбой**. То, что обычно называется **мафией**, теперь становится законно признанной формой существования института. В борьбе между институтами выкристаллизовывается институциональный **субъект**, т.е., крепко сколоченная социальная группа, выражающая и реализующая **антиобщественные интересы института** в его доминировании. В затяжной борьбе институтов полезную роль для них играет криминальный мир, который тоже институционализируется в ответ на обращенные к нему запросы других институциональных субъектов.

Следующей задачей институциональных субъектов становится овладение государством. Но теперь оно уже лишено общественно значимых понятий, **государство сейчас – пустая формальная матрица**, клеточки которой наполняет специфическим ведомственным содержанием пришед-

ший к власти институциональный социальный субъект. Такие субъекты различаются профессионально-производственной спецификой, конфессио-нальной или этнической идентичностью, партийной или идеологической направленностью. В зависимости от того, кто оказался у власти в данный момент, меняется вся идейно-политическая и социально-экономическая ориентация общества. Социальный субъект выстраивает страну в полном соответствии со своими интересами.²²³

В условиях намеренно проводимой рыночной хаотизации, криминаль-ный субъект получает более комфортные условия для своей деятельности, и используя их, захватывает государство и берет в заложники общество. Определенная автономность государства как института действует теперь против общества, и выражается исключительно в интересах правящего криминального социального субъекта. Повторим эту мысль: **государство действует от имени общества и в интересах правящего социального субъекта только и именно в условиях рыночных отношений, способствующих возвышению криминального субъекта**, а не вообще, как ошибочно полагал К.Маркс. Его теория – **частный случай общественной патологии** - доминирования в обществе криминального субъекта и именно ему служит и освобождает дорогу его теория.

В условиях рыночных отношений, или шире говоря, неолиберализма как социальной философии, доминирующий криминальный субъект овладевает обществом как собственностью, все в обществе начинает служить укреплению условий самовоспроизводства этого субъекта. Все, что не может быть трансформировано в этот ресурс – должно быть уничтожено. В том числе и народы, не вмещающиеся в освоенный конкретным субъектом арсенал полезных ресурсов. На этом примере наглядно видна фрактальная природа института. Криминальный институт столь же универсален, сколь и институт образования, и является его диалектической или сопряженной категорией.

В «опущенном» рыночном обществе институциональный субъект рассматривает все окружение либо как враждебное, либо как ресурс собственного воспроизводства. Создается специфическая криминальная «субкультура»-фрактал, вычерпывающая из арсенала культуры исключительно деструктивные и патологические средства, расшатывающие и разрушающие общество как таковое. Главная задача криминального субъекта – «обесточить» общество, лишить его импульса к развитию, ибо оно смертельно опасно для криминала, как убогой и примитивной субкультуры. Следовательно, нужно укрепить эти условия и отказать всем остальным

²²³ См. в списке литературы публикации автора, содержащие разработанную им теорию социального субъекта.

субъектам в попытках притязать на доминирование. Эта задача расчлениется на ряд подзадач, среди которых:

- создание и поддержание тех социальных и правовых норм, которые облегчают его доминирование и в то же время обесценивают альтернативные общественно значимые нормы;

- внедрение в общество такой психологии, идеологии, философии, системы ценностей, манеры поведения и т.д., которые наиболее совместимы с самовоспроизводством криминала. И в то же время воспрепятствование всем общественно мотивированным акциям других субъектов;

- подбор на государственные должности только тех людей, которые наиболее близки к провозглашаемым ценностям;

- разработка системы воспитания, образования и формирования соответствующих кадров на многие поколения вперед;

- формирование образа истории как непрерывного движения именно к такому формату государства и его увековечивание во всех возможных формах искусства и т.д.

Помимо прямого препятствования формируются “глушители” – различные партии, клубы, сообщества и ассоциации, которые глушат всякие иные соображения и общественные цели, возвышающие людей и общество. Глушителями могут быть и отдельные люди, которым поручено уводить мысли и энергию людей на бессмысленные мероприятия. Получают распространение и особо опасные глушители в виде киллеров, террористических подразделений и анонимных «надзирателей». Фактически общество оказывается в условиях серьезной угрозы своему развитию.

Таким образом, резюмируем. **Устранение социетального государства в демократизируемом рыночном обществе есть прокладываемая дорога к возвышению криминального субъекта и способ увековечивания его на пьедестале власти.** И уже этот социальный субъект может смело воскликнуть: «Государство – это средство моего самовоспроизводства!».

Конечно, увековечивание нуждается в укреплении определенных социально-экономических и политических механизмов и институтов. Но все это вторично, не углубляется в общественное бытие. Если возникает какая-то существенная угроза этому государству, которую нельзя парировать без ущерба для данного социального субъекта, то инстинкт самосохранения продиктует ему лежащее на поверхности решение: бежать из страны, сдать страну, продать ее на выгодных условиях. Такое решение многократно повторялось в истории, хорошо знакомо народам и даже не стерлось еще из памяти нашего поколения. Поэтому, однозначно ошибочен любой политический комментарий, отождествляющий государство и овладевшего им со-

циального субъекта. Какие-то их интересы могут быть общими, что и порождает ложную иллюзию идентичности.

Рыночные отношения открывают границы международному влиянию

Происхождение идеологии рыночных отношений может быть объяснено на базе экологической модели трофических цепей. (Структура сообщества, демонстрирующая перенос энергии от одного вида к другому (связанных между собой отношениями типа хищник — жертва), называется в экологии трофической цепью). Отношения между государствами и иными субъектами на международной арене наиболее близки к биологическим закономерностям, т.к., там в полной мере проявляются силовые отношения, не отягощенные моралью и внутригосударственными нормами. Научный постулат, гласящий, что любое явление должно быть рассмотрено в его наиболее развитой форме, тем более поддерживает эту аналогию, т.к., что не проявлено на животном уровне, то полностью раскрывается в осознанном (учитывающим эти закономерности) поведении. Одна из наиболее известных моделей этих отношений – трофические цепи, в которые образуются сотрудничающие государства.

1. Каждое государство, в целях максимизации своей самодостаточности, проводит курс на преобразование всего окружающего пространства в работающее на него и зависимое от него производство. Но сильные страны делают это более эффективно, подавляя в слабых или малых странах всякие мешающие этому факторы и обстоятельства. Они задают ограничения на идеологию, философию, образование, мышление, организацию социального пространства, задают психологию общественно популяризируемых в слабых государствах людей, формируют элитные группы и даже само правительство. Вся информация, поступающая в слабые страны, является дозированной диетой, не позволяющей встать на ноги дистрофированному государству. Для вассалов одного трофического уровня организуется управляемое взаимоистребление. В таком состоянии некоторые слабые государства реально становятся «пищей» для следующего трофического уровня и застывают на века, занимая нужную для сильного государства нишу. Все, что не вмещается в этот заданный формат – уничтожается, в том числе таланты, идеи, социальные движения и т.д. Все это похоже на то, как люди держат скот для забоя, или как муравьи выращивают тлю для себя.

2. По мере того, как сильное государство становится все сильнее, выкачивая все соки из слабых субъектов, своим противостоящим развитию этих стран давлением оно ослабляет их, и они уменьшают поставляемые доминантному государству ресурсы. Давление становится еще сильнее

ввиду уже чувствуемого недостатка ресурсов, но это давление превращает слабые страны в пустыню, и соответственно, наступает и упадок сильного государства. Происходит неизбежная смена курса (и возможно, смена элиты) на более мягкое отношение к зависимым вассалам, чтобы дать им развиться до требуемой консистенции. Одновременно, другие хищники уже нацелились на падающую иерархическую структуру, предлагая ее вассалам более мягкие условия эксплуатации. Возникает благоприятная для слабых стран возможность быть услышанным, выставить и свои требования к конкурирующим хищникам.

3. Но слабые страны постоянно находятся в ситуации медленного самоубийства. Вся их деятельность направлена на благо другого; сами люди, ввиду строгой селекции и неуклонно контролируемой фильтрации доступа на значимые позиции давно уже не способны понять, в чем благо их страны? Миграция в таких условиях – реальное средство спастись от дегенеративного вымирания. Тем не менее, поскольку в истории такие процессы многократно прокручивались, и слабые страны возрождались, видимо есть какие-то варианты поведения, ведущие к более сбалансированному взаимоотношению.

4. Прослеживается различие между двумя трофическими цепями: западной и восточной (сегодня это – Китай). В будущем, видимо, произойдет их слияние. США ослабевают и появляется «несвязанная» (т.е. излишек для собственного пользования вассалами) энергия. Из экологии известно, что когда резко увеличивается количество поступающей в экосистему энергии или в результате каких-либо воздействий значительно возрастает продуктивность первого уровня, то возможность образования нового уровня, обусловленная имеющимся генерационным материалом, реализуется, и в системе возникает и закрепляется новый трофический уровень. В социологических терминах это означает возможность повысить свой статус и выбраться на некий более высокий фрактально-трофический уровень. Что нужно и важно в таких условиях – это закрепить четкими договорами приемлемые границы вмешательства (работа МИД), чтобы суметь целенаправленно реализовать этот излишек энергии. В таких условиях у слабых государств появляется возможность выработать новую трофическую функцию, усиливающую собственную защитную стратегию (например, прятаться в убежище, недоступное хищникам), или иметь свою армию.

В условиях глобализации закономерно выдвижение предположения о воздействии на слабые государства фракталов наивысшего уровня в рамках тех международных сообществ, в которые они входят. Идеология рыночных принципов вытекает их разделения стран на трофические уровни, тесно связана с международными отношениями и являются мошеннической технологией отхвата «тихой сапой» чужого имущества. Очевидно, что

овладение такими технологиями на руку более сильному субъекту, который транслирует свои «полномочия» возвышаемому местному («туземному») криминальному субъекту, что еще раз доказывает закономерность его возвышения в этих условиях.

Почему так? Потому что, только присутствие более высокого трофического уровня может объяснить сдачу обществом своей естественной самозащиты в лице самоорганизованного государства более сильному международному субъекту («хищнику») и, тем самым, обречь себя на саморазлагающееся царство порока и гниения в условиях развязанной «войны всех институтов против всех». Поэтому замечательной идеей, которую воспроизводят уже столетия все конкурирующие между собой страны, вкладывая нещадные средства в их пропаганду, является тезис об ослаблении, отмирании или отстранении от управления обществом государства. Все популярные «уличные» (в том смысле, что все они призывают выходить на улицы) теории — от марксизма до либертаризма — так или иначе содержат этот тезис. А крайняя форма либерализма — либертаризм — вообще отрицает даже необходимость существования государства. Это все логично, и это — внутренний язык международных отношений, который далее не расшифровывается и не доводится до общественного сознания этих стран.

Алгоритмы трансформаций в рыночное общество достаточно просты и также могут быть описаны простыми фрактальными трансформациями. Подвергаются инверсии все общественно значимые факторы: подавляется все, что усиливает государство и общество, пропагандируются мотивы и взгляды, ослабляющие и разлагающие общество. Зачастую, тот, кто был последним в прошлой, усиливающей государство структуре, возводится на высший пьедестал в новой, уже ослабляющей его структуре. Часто проводниками этой технологии бывают крупные собственники, как правило, из компрадоров и, следовательно, контролируемые извне.

Но далее возникают более сложные коды. Не просто ослабить, а модифицировать задыхающееся колонируемое государство в той форме, в какой оно может максимально эффективным способом обслуживать специфические слабости доминирующего социального субъекта. Теперь в виде такого доминирующего фрактала выступает международный хищник, управляющий криминальным фракталом. Ведь он не желает, чтобы ослабляемое общество пало жертвой и других хищников. Он желает его съесть сам. Поэтому он стремится создать у него такую специфическую внутреннюю структуру, которая максимально облегчает только и именно для него проникновение и расхищение богатств ослабленного специфическим способом общества.

Эта желанная структура разнится у разных государств и зависит от сильных и слабых сторон доминирующих в них социальных субъектов и их

умения проникать в чужие организмы. Возникает обратный гомоморфизм или симбиотический гомоморфизм между слабостями доминирующего субъекта и заполняющими эти слабости преимуществами колонизируемого субъекта. Возникает обратная зеркальная симметрия между аурой доминирующего субъекта и входящими в эту ауру и обслуживающими ее другими субъектами, как бы дополняющими ее. Они должны делать то, что мне надо, хотя я сам этого делать не умею. Благодаря дополнению, доминирующий субъект приобретает целостность, определенную независимость от среды, и даже суверенность по отношению к мировому порядку. Симметрия переходит в новую симметрию. Это аналогично тому, как горы, окруженные долинами, преобразуются обратным гомоморфизмом в долины, окруженные горами. Те операции, которые совершаются на уровне дополнения, обратно гомоморфны операциям внутри субъекта.

Для облегчения восприятия этой формулы приведем более простой пример. Если в семье реципрокные отношения (операции) взаимны и поддерживают статус главного в семье, то ювенальная юстиция совершает обратный гомоморфизм, переводя те же отношения-операции в обратные, т.е., отношения ребенка и родителя трансформируются в обратную иерархию. Или еще пример. Если Германия признает Геноцид армян, то это означает, не только, что это событие максимально удовлетворяет сегодняшним планам и стратегии этого государства, а главное, что оно особенно способствует выполнению задачи самовоспроизводства доминирующего в нем сегодняшнего специфического социального субъекта. Обозначим эту формулу как 5 С — **самовоспроизводство сегодняшнего специфического социального субъекта (ССССС) как формулу, обеспечивающую более адекватный социологический комментарий.**

Как прогнозировать поведение институциональных субъектов?

Эволюция живых природных явлений происходит путем фрактального приращения. Явления филлотаксиса, золотого сечения, симметрий и самоподобных приращений убедили ученых, что и социальные явления развиваются тем же образом. Фрактал рождает следующую стадию самоподобной, подобной предыдущей, но со смещением либо в развертывающуюся спираль, либо в сворачивающуюся.

Как уже отмечалось, каждый отдельный социальный институциональный субъект имеет свою фрактальную структуру – это его интенциональность, оператор, который преобразует все попадающее в его поле зрения в питательный для себя (пусть даже, информационный) продукт. Каждая вещь рассматривается только в том разрезе, который функционально связан со структурой данного фрактала. Образовательный субъект видит в каждой вещи потенциальность образовательного взаимодействия, военный –

военного, медицинский – медицинского, научный - научного, финансовый – финансового, политик – политического, сельский субъект - сельского, юридический – юридического, чиновник – чиновного и т.д. В чистом виде все проекции этих интенциональностей расписаны в социальной литературе или могут быть вскрыты интеллектуальной эмпатией. Каждая из них воспроизводит часть фрактального рисунка, точно повторяющуюся при рекурсии. Этот устойчивый элемент каркаса включает в себя структуру, образованную тремя базовыми элементами: **специфическими институциональными ценностями; нормами и правилами поведения; а также механизмами обеспечения выполнения этих правил и норм.** Перечень данных элементов может дополняться другими составляющими, но присутствует в качестве структурного ядра во всех сегментах фрактальной конструкции, т.е., инвариантно.

Содержательный смысл инвариантной структуры способствует формированию идентичного поведения индивидов и критериев их оценочных суждений в рамках определенного фрактального вектора. Предположим, вы впервые оказались в незнакомой стране, о которой раньше ничего не читали. По поведению прохожих, общению в магазинах, репликах и уличных афишах вы легко воспроизведете социальную структуру этой страны, придерживаясь вышеуказанных правил: доминирующий социальный субъект будет доминировать в системе ценностей, оценках бытовых обстоятельств, принятых официально нормах и правилах, в самой атмосфере страны. Отсюда легко построить иерархию субъектов и понять общий рисунок страны. В Ереване грамотный турист-социолог мгновенно все это расшифрует, здесь даже из вежливости прятать доминирование не принято, наоборот, с высокомерным шиком это подчеркивает каждый, кто причастен к нему. Задача правильного государства – из джунглей сделать зоопарк, запрятать все институты в общественную повозку. А не дезавуировать даже закон джунглей, как это предлагает рыночная теория.

Устранение институциональной угрозы. Путь наверх

Устранение лихоимства институтов под руководством криминального субъекта требует кропотливой, прежде всего, теоретической работы социологов. Формированию нового социального субъекта, берущего на себя функции по гармонизации институтов, регулированию их актуальности или избыточности на тот или иной момент общественной жизни, предшествует восхождение к синергетическому социологическому дискурсу, в рамках которого конструируется наиболее сложноорганизованная модель общества, вмещающая в себя все фрактальное культурное многообразие институтов, в том числе и богатый жизненный опыт самого народа. Назовем этот субъект **коллективным субъектом социума**, выступающим в качестве конструк-

тора совместного дискурса, а его дискурс - **социетальным дискурсом**. Он может транслировать его не только на свое общество, предполагая, что остальные субъекты в дальнейшем взаимодействии будут использовать заключенную в этом дискурсе модель социального устройства, но и на общества, находящиеся на более высоком трофическом уровне (в том числе и на «хищников»).

Кстати, можно предложить простенькую процедуру эмпирического обоснования соотношений между странами. Например, если усиление одной страны, демонстрируемое социально-экономическими показателями, подавляет рост взаимодействующей с ней второй страной, а рост второй стимулирует развитие первой, то взаимодействие классифицируется как хищник — жертва (или паразит — хозяин, или господин-вассал и т.д.). Если рост обеих стран положительно влияет на каждую из них, то тип взаимодействия — симбиоз, интеграция, сотрудничество и т. д. Можно развить еще ряд такого рода зависимостей, входящих в социологию международных отношений.

Дискурс также строится по принципам фрактальной структуры, в которой каждый уровень субструктур повторяет черты других уровней и имеет общие характеристики: основные проблемы, ключевые ценности и набор правил и традиций.

Три составляющие необходимым образом присутствуют в этом процессе.

Первая – это роль идеалов, идеальных образов, принципов симметрии, «золотых правил», обеспечивающих смысловое воссоздание общества. Человеческий мозг является элементом структурной гармонии космоса и, естественно, не только содержит ее в себе, но и постоянно ее ищет как источник питания и источник направленного роста. Без этой внутренней бессознательной тяги к гармонии, к прекрасному, человек заболевает и чахнет. Глаза человека сканируют пространство и буквально ищут красоту. Глаза — это выдвинутые во вне участки мозга. Уши чутко улавливают гармонию звуков и т.д. Тем более это относится к повседневной общественной жизни. В ней тоже идет постоянный поиск человеком гармонии отношений, которая воспринимается как красота. Смысл этого поиска заключается в том, что развитие мозга человека имеет четкий вектор, он запрограммирован на некую систему формирования своих совершенных объемных рисунков-конструкций-паттернов, а эти конструкции могут быть естественно-совершенны лишь тогда, когда личность окружает среда, стремящаяся к идеалу. Зная это, колонизаторы удаляют эстетику и этику из школьных программ колонизируемых стран, не допускают ни грана идеального на экраны ТВ, а в кресла высоких чиновников рекомендуются на редкость уродливые лица, с требованиями их ежедневного лицезрения широкой публикой, особенно

женского пола. Уроdlивое потомство колонизируемой стран-жертве обеспечено.

Вторая составляющая – это роль **навигаторов**. Для продвижения дискурса нужна фигура социального навигатора, который пропагандирует дискурс, смыслы, оценки, направления развития, вытекающие из необходимого стране социетального стратегического планирования. Обычно эту роль выполняют работники образовательных и научных учреждений, видящие в ней призвание своей профессии. Социальный навигатор может находиться в противодействии со СМИ, и даже с официально заявленными установками. Для реализации дискурса необходимо развитие социальной инженерии на принципиально иных (гармонических) принципах и подготовка навигаторов, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми, партийными и т.д. Особенностью навигационных организаций являются социально-фрактальные компетенции участников, стимулирующие развитие социальных сетей. Именно фрактальное сообщество позволяет сотрудникам, чувствовать вовлечённость во внутри- и внеорганизационные процессы на основе признания общих гармонических правил и ценностей.

Третья составляющая – это роль вырастающего на базе социетального дискурса государства, которое достаточно разветвлено, чтобы выступить в качестве такого субъекта. Это предполагает определенную зрелость государственного субъекта и его готовность к ответственности за целостность общества, учитывая интересы и других субъектов.

В изменяющихся условиях современного мира успешное функционирование общества предполагает непрерывное согласование дискурсов различных субъектов, которое обусловлено как формой организации общества, так и способом организации социетального дискурса. В связанном с ним государстве появляется необходимость формирования позиции государственного **интегратора** - всесторонне образованного и социологически подкованного субъекта, который проводит гармонизацию взаимодействий между институтами в контексте социетального дискурса, отвечающего интересам всего общества. Интегратор выполняет функции ушедшей в прошлое, но всегда функционально значимой **аристократии**. Именно она и является спасителем от угрозы институционального разбоя. Аристократия не имеет собственности, предана народу и идентифицируется со служением обществу.

Фрактальная социетальная организация общества подчиняет все институциональные субъекты общественно значимым, в том числе, и идеальным конструкциям, и выступает как неразложимая далее целостность, сохраняющая и множащая корневой гармонический фрактал. Т.е., обрамляющие ее социальные структуры строятся в соответствии с концепцией социе-

тального дискурса. В ходе государственно проводимой социализации социетальный дискурс подвергается институциональной корректировке и модифицируется на злобу дня. Эти процессы круговой причинности создают возможность обновления как общества, так и социетального дискурса. Множится разнообразие субъективных дискурсов, составляющих социетальный дискурс, что предполагает готовность к множественному будущему и альтернативным способам его достижения.

Следующим этапом является становление и развитие новой **системы коммуникаций**, не только внутри страны, но и для контактов с более высокими трофическими уровнями. Она продвигает идеалы синергетического взаимодействия даже на уровне стран-«хищников», усиливает роль навигаторов во вне страны, координирует их действия, укрепляет инфраструктурные подразделения. В армянском обществе коммуникация давно превратилась в самостоятельный институт, выработавший свои обязательные ритуалы, правила и каноны общения. Именно в них куется смысловое единство армянского общества, а не в функционирующих в качестве маргиналов СМИ.

Литература

1. Григорьян Э.Р. Социология как социальные шахматы. М.: Институт социальных наук, 2014, 126 с.
2. Григ Эр (Григорьян Э.Р.) Социология для руководителей. Ереван, 2015, 232 с.
3. Григорьян Э.Р. Преодоление западной (шахматной) цивилизации. Контуры новой социологии. М. 2015, 243 с.
4. Григорьян Э.Р. Мудрость как инструмент построения нового мирового порядка. Ереван, журнал «Мудрость», №2(3), 2014, сс.136-149.
5. Григорьян Э.Р., Как строить будущее Армении? Posted on 25.07.2015 by Юсисапайл |
6. Григорьян Э.Р. Субъектный подход в социальных науках. Сборник статей. Отв. ред. Э.Р. Григорьян. М., ИСН, 2015.- 140 с.
7. Григорьян Э.Р. Важность социологического изучения субъектов социального действия. Журнал «Регион и мир». Ереван. №1-2, 2015, сс.56-59.
8. Григорьян Э.Р. Симметрия и асимметрия в социуме. Субъектный подход в социальных науках. Сборник статей. Отв. ред. Э.Р. Григорьян. М., ИСН, 2015.- 118-129 сс.
9. Григорьян Э.Р. Армянское мышление должно покончить с революционаризмом. Posted on 15.02.2016 by Юсисапайл.
10. Григорьян Э.Р. Почему исчезают государства? 02.2016. <http://geoclub.info>
11. Григорьян Э.Р. Война и культура. 03.2016. <http://www.louysworld.com/archives/28590>
12. Григорьян Э.Р., Как избавиться от неожиданных событий? «Голос Армении», 18 марта 2016 г. <http://www.golosarmenii.am/article/39848/kak-izbavitsya-ot-neozhidannyx-sobytij>

13. Григорьян Э.Р. Роль идеалов в социальном развитии. Posted on 20.03.2016 by Юсисапайл
14. Григорьян Э.Р. Киссинджер, как всегда, неправ. Posted on 01.06.2016 by Юсисапайл.

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В 1991-2008 ГГ.

Мария Махалкина, кандидат исторических наук, преподаватель
истории в ГБПОУ КК «Краснодарский монтажный техникум», Россия

RUSSIA'S SECURITY IN THE CONTEXT OF POLICY TOWARDS UNRECOGNIZED STATES IN 1991-2008

Maria Makhalkina, PhD, KubSU, and history teacher,
Krasnodar mounting college, Krasnodar, Russia

Abstract. The article considers the problem of unrecognized States in the policy of Russia in 1991-2008. The author outlines the similarities and differences in the approaches, the reasons for the differences in the context of global political and historical processes. An explanation for the position of double standards in international relations in the context of the right to self-determination is given. The problem of national security is discussed in conjunction with the foreign policy of the state and the problem of recognition of unrecognized territories.

Keywords: Russia's security, unrecognized states, right of people to self-determination, Russia's foreign policy, Transnistria, South Ossetia, Abkhazia, Nagorno-Karabakh.

Распад биполярной системы международных отношений в начале 1990-х гг. привел к появлению на политической карте мира множества очагов этнических и территориальных конфликтов. Самыми тяжелыми стали военные действия в ряде бывших советских республик и социалистических государств.

В данной статье будет рассмотрена проблема безопасности России в контексте внешнеполитической деятельности в отношении непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства.

Актуальность вопроса обусловлена тем, что в современном мире проблема непризнанных государств стала одним из пунктов так называемых двойных стандартов в международных отношениях. Так, к примеру, западные страны единогласно поддерживали территориальную целостность

республики Грузия, осудив стремление Абхазии, Южной Осетии к независимости. Аналогичная ситуация вокруг республики Косово, однако, не затронула целостность Сербии, а наоборот, был создан прецедент в международном праве, по которому население небольшой автономии воспользовалось правом народов на самоопределение и отделилось от государства при одобрении международного сообщества.

С распадом СССР в мире сложилась новая многополярная система международных отношений. Россия, утратив значительную часть территорий и политического влияния, скорректировала внешнюю политику с учетом реалий внешней среды и внутренней нестабильности в стране, связанной с конституционным кризисом.

Россия в начале 1990-х г. сделала ставку на ведущую роль на пространстве Содружества Независимых Государств, отказавшись при этом от претензий на гегемонию в странах Восточной Европы. Запад и в первую очередь США не препятствовали роли России как миротворца в локальных конфликтах на постсоветском пространстве. Гораздо большую озабоченность вызывала проблема ликвидации военных последствий распада СССР, а именно нераспространение ядерного оружия, вывод российских войск с территорий Германии и ряда восточноевропейских стран.

Когда Грузия, объявив о своей независимости, столкнулась с проблемой сепаратизма в Абхазии и Южной Осетии, международное сообщество единогласно поддержало территориальную целостность молодого грузинского государства. Реакция российских политиков на результаты референдума 1992 г., проведенного в Южной Осетии по вопросу отделения республики от Грузии и присоединения к России, была неоднозначной. Так, советник президента по национальным вопросам Г. Старовойтова полагала, что результаты югоосетинского референдума могут стать прецедентом в международном праве для аналогичных ситуаций в других государствах. «Только сочетание трех критериев – исторического, этнодемографического и, главное, – волеизъявления народа – могут служить легитимной базой для решения проблем самоопределения»²²⁴. По мнению политологов Э. Паина и А.Попова, югоосетинский референдум был юридически сомнительным и заслуживающим морального осуждения, поскольку в Грузии на тот момент была сложная внутривластная ситуация²²⁵.

Аналогичной была ситуация и в Молдавии, где о желании самоопределиваться в начале 1990-х гг. заявила Приднестровская молдавская республика. Это было связано с принятием в Молдавии дискриминационных зако-

²²⁴ Пачегина Н. Южная Осетия проголосовала за присоединение к Российской Федерации. Грузия заявила, что будет отстаивать свою целостность // Независимая газета. 1992. 21 янв. С. 1.

²²⁵ О референдуме в Южной Осетии. // Независимая газета. 1992. 23 янв. С. 1.

нов о русском языке. В результате непродолжительного, но кровопролитного конфликта русскоязычные жители Приднестровья провозгласили свою независимость на основе референдума, руководствуясь правом на самоопределение. Российский военный контингент под руководством генерала А. Лебеда, а также огромное количество добровольцев поддержали приднестровцев. Однако, как и в случае с грузинскими автономиями официального признания независимости от России не последовало. В 1992 г. Съезд народных депутатов России принял Постановление, в котором отмечалось, что депутаты, «с пониманием относятся к стремлению народа Приднестровья к самоопределению в составе Молдовы и заявляют о готовности использовать армию для разъединения конфликтующих сторон»²²⁶.

Это шло вразрез с действующей позицией законодательной власти. В российском МИД уточнили, что заявление Съезда о возможном использовании армии следует трактовать как предложение для Молдавии и только с ее официального согласия. Таким образом, вице-президент и высшая законодательная власть России поддержали идею самоопределения Приднестровья, а министр иностранных дел А. Козырев в этот же период подписал документ (Декларация министров иностранных дел Республики Молдова, Российской Федерации, Румынии и Украины 6 апреля 1992 г. – М.М.) явно в интересах Молдавии.

В 1993 г. на Всемирной конференции ООН по правам человека Россия единодушно со странами Запада поддержала идею о том, что право народов на самоопределение может быть законным лишь в том случае, если оно не посягает на территориальную целостность государства.

В 1994 г. Россия, Грузия и Молдавия наряду с другими участниками СНГ поставили свои подписи под Декларацией о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ участников Содружества Независимых Государств. Осознавая глубокую взаимосвязь безопасности государств-участников Содружества, страны подтвердили отказ от применения военной силы при решении конфликтных ситуаций, и уважение принципов международного права. Во втором пункте документа говорилось, что «государства будут воздерживаться от военной, политической, экономической или любой другой формы давления, включая блокаду, а также поддержки и использования сепаратизма против территориальной целостности и неприкосновенности, а также политической независимости какого-либо из государств-участников Содру-

²²⁶ Российские власти занялись Приднестровьем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/4128?isSearch=True> (дата доступа: 14.05.2014)

жества»²²⁷. Подписывая этот документ, грузинский президент Э.Шеварднадзе не скрывал, что членство Грузии в СНГ является вынужденным для его страны, однако участие в СНГ позволило бы получить больше возможностей для поддержки Грузии²²⁸.

С приходом к власти В. Путина политика России во многих вопросах приобрела прагматичную направленность. Так, президентская инициатива о разделении России на федеральные округа была отчасти вызвана стремлением упразднить национальные образования в стране, поскольку после событий в Чечне и ряда терактов на Северном Кавказе, о праве наций на самоопределение все чаще стали вспоминать радикально настроенные политики в регионах. Такой подход в дальнейшем нашел отражение и в основополагающих документах по внешней политике и национальной безопасности РФ.

В Концепции внешней политики России 2000 г. право на самоопределение упоминается в контексте общего следования базовым международно-правовым нормам. Тема самоопределения народов в российской внешней политике по-прежнему шла в увязке с территориями самопровозглашенных Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Нагорного Карабаха, а также Косово.

Однако, на фоне происходящих в мире событий, связанных с нанесением бомбовых ударов по Сербии, цветными революциями в странах бывшего СНГ и смене их политического курса на прозападный, право на самоопределение приобретает иное звучание и становится одним из пунктов двойных стандартов в международных отношениях.

Постепенное изменение официальной линии российской политики в пользу самоопределения началось с 2002 г. Одним из поводов для пересмотра взглядов стало сближение Грузии и США в вопросах военного сотрудничества, а именно подготовка американскими специалистами грузинских военнослужащих по программе «Обучи и оснасти». Госдума России приняла заявление «О ситуации в Грузии в связи с военным присутствием США на ее территории». В документе помимо обеспокоенности парламентариев наращиванием военного присутствия США на Кавказе было сказано, что в случае неблагоприятного развития мирных переговоров «Госдума готова обсудить иной путь дальнейшего становления государственности народов Абхазии и Южной Осетии на основе их демократи-

²²⁷ Интернет-портал СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20542> (дата доступа: 14.05.2014)

²²⁸ Э.Шеварднадзе. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания/Пер. с нем. Г.Леоновой.-М., Изд-во «Европа», 2009. С. М., Изд-во «Европа», 2009. С. 371.

ческого волеизъявления и в соответствии с практикой применения мировым сообществом норм международного права»²²⁹.

Была и другая точка зрения на проблему российско-грузинских отношений в контексте самопровозглашенных территорий, которую выразил политический обозреватель Л. Радзиховский. Так, разрешение противоречий виделось в позиции сотрудничества России и Грузии при поддержке США, которое заключалось бы в разоружении незаконных вооруженных формирований в Абхазии и Южной Осетии и введении миротворцев из России, стран СНГ и даже США. В этом случае Россия стала бы «морально-политическим лидером Закавказья», а с США открылись бы «возможности делового партнерства»²³⁰.

На протяжении 1990-х гг. Россия как посредник в решении международных конфликтов на территории постсоветского пространства направляла в непризнанные республики своих представителей на президентские и парламентские выборы. Эта же тенденция была продолжена и в 2000-е гг. Еще одной постоянной характеристикой выборов в самопровозглашенных автономиях стало взаимопосещение наблюдателей, имевших аккредитацию, из Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха.

Побывавший в качестве наблюдателя на президентских выборах 2006 г. в Южной Осетии заместитель председателя комитета Госдумы по обороне М. Бабич отмечал, что Россия, возможно, признает Южную Осетию после того как состоится международный прецедент, который обеспечит последующие правовые процедуры и создаст международную практику в этом вопросе. Для России «чрезвычайно важно показать, что не мы придумали эту схему, так идет процесс распада целого ряда государств Европы, и иного пути, видимо, нет, кроме того, чтобы дать нациям право на самоопределение»²³¹.

Тема самоопределения народов получила более громкое звучание, когда в Европе начали активно обсуждать будущий статус Косово. По мнению Генерального секретаря Совета Европы Т. Девиса при решении косовской проблемы территориальная целостность важнее права на самоопределение. Критикуя российскую позицию, он отметил, что поддерживать сепаратистские настроения в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии не является правильным решением. Однако, Косово – это особый случай, потому что край находится под управлением ООН из-за того, что произошло се-

²²⁹ Российские депутаты уважают целостность Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/935033?isSearch=True> (дата доступа: 14.05.2014.)

²³⁰ Л. Радзиховский. Окно возможностей // Российская газета N 3546. 10.08. 2004 г.

²³¹ О. Алленова. Нет такой силы, которая заставит этих людей войти в состав Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/722980?isSearch=True> (дата доступа: 14.05.2014)

мь лет назад. В этом случае речь идет о геноциде косоваров, но при этом, европейцы не посчитали геноцидом массовое истребление югоосетинского населения в 1991-1992 гг. Таким образом, со стороны западных партнеров по международному диалогу налицо была продемонстрирована позиция двойных стандартов в международных отношениях.

В 2007 г. президент В. Путин после заключительной пресс-конференции стран Большой восьмерки дал детальное объяснение позиции России по самоопределению народов, ссылаясь на прецедент Косово: «Нет никаких аргументов, которые говорят о том, что косовский случай чем-то отличается от ситуации, сложившейся в Южной Осетии, в Абхазии или в Приднестровье. В одном случае развалилась югославская коммунистическая империя, в другом случае развалилась советская коммунистическая империя. В одном случае был этнический конфликт, и во всех других случаях был этнический конфликт. Поэтому для нас непонятно, почему мы должны поддерживать один принцип в одном месте Европы, а другими принципами руководствоваться в других частях Европы, отказывая малым народам, скажем, Кавказа в их праве на самоопределение»²³².

Активнее всего тема самоопределения стала обсуждаться в 2008 г. с развитием событий вокруг признания Косово в начале года и конфликта в Южной Осетии, произошедшего в августе. Реакция России на провозглашение независимости Косово была отражена в совместном постановлении Совета Федерации и Госдумы «Об одностороннем самопровозглашении независимости Косово». Спикер Совета Федерации С.Миронов заявил, что «произошло попрание норм международного права, а также фактически полностью отринуты все принципы ООН»²³³. Цель документа – привлечь внимание международной общественности к негативным последствиям процесса признания самопровозглашенной автономии.

22 июля 2008 г. Международный суд ООН признал законным провозглашение независимости Косово от Сербии. Таким образом, был создан прецедент для различных непризнанных государственных образований во всем мире, добивающихся признания своего суверенитета.

После непродолжительной грузино-югоосетинской войны 08.08.2008 г. Россия заявила о признании независимости бывших грузинских автономий Абхазии и Южной Осетии, что вызвало неоднозначную реакцию среди международного сообщества. Данное решение хоть и повлекло критику со стороны партнеров по ЕС и СНГ, но не привело к полной международной изоляции России, как это прогнозировали некоторые скептики.

²³² Путин В. Позицию России готов объяснить детально // Российская газета. 05.06.2007.

²³³ Госдума и Совет Федерации приняли постановление по Косово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/02/18/statement/> (дата доступа: 14.05.2014)

Однако, как заявил министр иностранных дел России С. Лавров 18 сентября на заседании Совета Федерации РФ, «признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не создает прецедента для Приднестровья и Нагорного Карабаха»²³⁴. По словам министра, Россия будет руководствоваться нормами международного права при решении всех конфликтов на пространстве СНГ.

За период 1991 г. по 2008 г. в российской внешней политике принцип самоопределения трактовался с учетом общей международной ситуации и смены геополитических условий, связанных с распадом СССР. Можно выделить два этапа, характеризующих российскую позицию по принципу самоопределения: 1991-2000 гг. – период строгого следования международно-правовым нормам ООН в отношении территориальной целостности государств. Это подтверждалось линией поведения в грузино-абхазском, приднестровском и грузино-югоосетинском конфликтах, где Россия однозначно разделяла интересы Грузии и Молдавии. Такая политика действовала в условиях конституционного кризиса в стране с 1991 г. по 1993 г., затем в период первого и второго чеченских конфликтов, где также ставился вопрос о самоопределении чеченского народа.

Пересмотр позиции произошел в 2000-е гг., это было связано с изменением международной ситуации и прецедентом вокруг республики Косово. Российская внешняя политика приобрела прагматичные черты. В 2008 г. Россия признала Южную Осетию и Абхазию в их желании самоопределиваться от Грузии, однако это не распространилось на другие территории постсоветского пространства, заявлявшие ранее о своей де-факто независимости. Все эти факты подчеркивают избирательный подход в процессе международно-правового признания государств, а также отсутствие критериев и механизмов, позволяющих сделать этот процесс легитимным в рамках ООН.

Список литературы

1. Пачегина Н. Южная Осетия проголосовала за присоединение к Российской Федерации. Грузия заявила, что будет отстаивать свою целостность // Независимая газета. 1992. 21 янв. С 1.
2. О референдуме в Южной Осетии. // Независимая газета. 1992. 23 янв. С.1.

²³⁴ Лавров отказался считать Осетию прецедентом для Приднестровья и Карабаха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/09/18/lavrov/> (дата доступа: 14.05.2014)

3. Российские власти занялись Приднестровьем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/4128?isSearch=True> (дата доступа: 14.05.2014)
4. Интернет-портал СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20542> (дата доступа: 14.05.2014)
5. Э.Шеварнадзе. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания/Пер. с нем. Г.Леоновой.-М., Изд-во «Европа», 2009. С. М., Изд-во «Европа», 2009. С. 371.
6. Российские депутаты уважают целостность Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/935033?isSearch=True> (дата доступа: 14.05.2014.)
7. Л. Радзиховский. Окно возможностей // Российская газета N 3546. 10.08. 2004 г.
8. О. Алленова. Нет такой силы, которая заставит этих людей войти в состав Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/722980?isSearch=True> (дата доступа: 14.05.2014)
9. Путин В. Позицию России готов объяснить детально // Российская газета. 05.06.2007.
10. Госдума и Совет Федерации приняли постановление по Косово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/02/18/statement/> (дата доступа: 14.05.2014)
11. Лавров отказался считать Осетию прецедентом для Приднестровья и Карабаха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/09/18/lavrov/> (дата доступа: 14.05.2014).

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2015 ГОДУ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР²³⁵

Диана Челпанова, кандидат социологических наук, ученый секретарь,
старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Института социально-экономических и гуманитарных
исследований Южного научного центра
Российской академии наук
(ИСЭГИ ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Россия

SOCIAL PROTEST ON THE CRIMEAN PENINSULA IN 2015: THEMATIC REVIEW

Diana Chelpanova, PhD, Scientific Secretary, Senior Researcher,
Institute for Social and Economic Research and Humanities of
the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(ISERH SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. In this article, the social protest is regarded as one of the types of political behavior formed under the influence of social conditions. The inclusion of Crimea in the structure of the Russian Federation resulted in some administrative reforms of the peninsula. These reforms were one of the factors of the social tensions rise in the small business, transportation, land relations, housing and communal services. The Crimean Tatar factor could be the basis of ethnic conflict and destabilize the situation on the peninsula. Revealed complex of contradictions has to be considered in the development of effective policy, taking into account the specific problems of the new subjects of the Russian Federation.

Kew words: social tension, protest activity, protest themes, Crimea, Russian Federation

В социологических науках социальный протест рассматривался как один из видов политического поведения (Р. Дарендорф, И. Валлерстайн, П. Бурдьё, Р. Мертон, Ю.И. Растов, М.М. Назаров). Из многообразия подходов к изучению данного общественного феномена мы исходим из теории коллективного поведения Смелзара Н., согласно которой социальные факторы оказывают решающее влияние на возникновение протестного поведения.

²³⁵ Статья подготовлена в рамках работы по государственному заданию ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований по теме «Проблемы демографического и социально-экономического развития южного макрорегиона» (№ 0260-2014-0004)

Разнообразные публичные протестные практики (манифестации, митинги, шествия, пикеты) – важный показатель социальной напряженности²³⁶, затрагивающий вопросы безопасности региона и страны в целом. Необходимо учитывать, что административные преобразования являются одним из значимых факторов роста такой напряженности.

В 2014 году в состав Российской Федерации были включены два новых субъекта – Республика Крым и город федерального значения Севастополь, которые образовали Крымский федеральный округ. Дальнейшие шаги по интеграции полуострова в экономику Юга России были сделаны в июне 2016 г., когда новый округ был включен в состав Южного федерального округа. Появление нового субъекта в составе изучаемого ЮФО представляет огромный научный интерес в рамках исследования типичных проблем, мобилизующих население на протест. Сделанный анализ представляет собой срез наиболее характерных противоречий и споров, которые были выражены в протестных практиках в 2015 году. Основным методом анализа и сбора материала был ивент-анализ событий по материалам интернет-СМИ. На первоначальном этапе мы попытались определить основные проблемные точки, в том числе не решенные властью во время нахождения полуострова в составе Украины. В дальнейшем рассчитываем более детально изучить социальный протест полуострова для выявления его специфики.

Процесс включения Крымского полуострова в российское законодательное поле в некоторых случаях выражался в протестных формах. Например, в виде протеста крымских предпринимателей, деятельность которых была приостановлена с 1 января 2015 г., в связи с тем что они не успели вовремя переоформить требуемые документы согласно законодательству РФ. Демонтаж и реконструкция торговых площадей в Симферополе и Ялте вызвали протестную реакцию среди представителей малого бизнеса.

Арест имущества рыбоконсервного завода «Акварин» вынудил рабочих данного предприятия организовать пикет перед зданием правительства Севастополя в феврале 2015 г., они выступали против ограничения доступа к своим рабочим местам. Низкий уровень доходов населения стал решающим фактором мобилизации рабочих Керченского стрелочного завода, объявивших бессрочную забастовку²³⁷ в августе 2015 г.

²³⁶ Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пашенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе [отв.ред. Л.В. Батиев]. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. 192 с.

²³⁷ Первая забастовка российского Крыма. Рабочая Керчь встала против украинского «хозяина» // Официальный сайт КППФ Крымского республиканского отделения URL: <http://kprfkro.ru/new/5624> (дата обращения: 10.06.2016)

Обусловленная географическим положением хозяйственная специфика стала детерминирующим фактором протестной активности Крыма. Преобразования прибрежной рекреационной территории вызвали волну протеста на полуострове²³⁸. В Алуште и Севастополе протестующие выражали недовольство по поводу уничтожения парков, скверов, лесов, памятников культуры и истории, застроек городских пляжей, несанкционированныхстроек и незаконного выделения земельных участков, чрезмерного количества торговых точек в рекреационной зоне. Введенный период запрета²³⁹ (с 1 ноября 2015 г. по 28 февраля 2016 г.) любительского рыболовства в акватории Ялтинского грузового, пассажирского портов и вдоль побережья центральной набережной Ялты на расстоянии от берега менее чем 100 метров стал поводом протеста рыбаков, несогласных с подобными требованиями (декабрь 2015 г.).

Низкая пропускная способность Керченской паромной переправы, связывающая Крым с материковой Россией, стала причиной роста недовольства водителей-дальнобойщиков²⁴⁰, которые были вынуждены простаивать в очереди до 3–5 дней. К тому же низкий уровень развития сервисной придорожной инфраструктуры в Керчи (отсутствие бесплатных санитарных узлов, сбои в работе российских банкоматов) стал дополнительным конфликтогенным фактором.

Рост социальной напряженности также был обусловлен проблемами, связанными с электроснабжением Крыма, появившимися вследствие подрыва опор²⁴¹ высоковольтных линий в Херсонской области Украины в ноябре 2015 г. После случившегося на полуострове сразу же было введено чрезвычайное положение, все важные инфраструктурные и социальные объекты были подключены к аварийным источникам. Для экономии электроэнергии были организованы веерные отключения потребителей. Отсутствие электроснабжения, а также несоблюдение объявленных графиков

²³⁸ Крым: на море без моря? Свободный доступ к пляжам по-прежнему под вопросом // Официальный сайт КИПРФ Крымского республиканского отделения URL: <http://kprfkro.ru/news/638> (дата обращения: 10.06.2016)

²³⁹ Рыболовное табу в Крыму: «закидывать удочки» с берега можно не везде // Официальный сайт российского информационного агентства «РИА Крым» URL: <http://crimea.ria.ru/society/20151225/1102313340.html> (дата обращения: 12.06.2016)

²⁴⁰ Пять суток на переправу // Сайт общественно-политического интернет-издания «Газета.Ru» URL: https://www.gazeta.ru/auto/2015/08/24_a_7715453.shtml (дата обращения: 05.06.2016)

²⁴¹ Крым обесточен: резервов хватит на месяц, но свет будет раньше // Сайт Российского агентства международной информации «РИА Новости» URL: <http://ria.ru/incidents/20151122/1326216203.html#ixzz4GpfVYSFM> (дата обращения: 09.06.2016)

подачи электричества вынудили часть жителей полуострова прибегнуть к гражданским акциям протеста (Керчь, Севастополь).

Общественное движение «Защитим Севастополь» неоднократно инициировало протестные акции, носящие антиправительственный характер, открыто призывая отправить в отставку местного губернатора С. Меняйло, обвиняя чиновников правительства в коррумпированности и неэффективности. В Севастополе также проходили протестные выступления, связанные с заявлениями о коррупционной составляющей в сфере дошкольного образования и здравоохранения. О плохой работе крымских и местных властей говорили представители Крымского республиканского отделения КПРФ в ходе Всероссийской протестной акции, прошедшей в различных районах полуострова. Манифестанты потребовали отправить правительство Крыма в отставку. Причиной подобных заявлений стало трехкратное повышение тарифов на услуги ЖКХ.

В ходе анализа протестной активности полуострова несколько раз всплывал крымско-татарский фактор, связанный с деятельностью лидеров меджлиса²⁴² крымскотатарского народа и закрытием национального телеканала АТР. В новых социально-политических условиях актуализировались нерешенные земельные вопросы, связанные с массовым самозахватом земельных участков²⁴³ крымскими татарами и представителями других национальностей («поляны протеста», «славянский пикет»). Указанные земельные проблемы связаны с историческими событиями прошлых лет, когда большая часть крымских татар была депортирована в 1944 г. в Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. После возвращения на полуостров репатрианты селились на свои родные места, включающие южный берег Крыма и некоторые горные районы,²⁴⁴ незаконно застраивая эти неоформленные участки. В указанных обстоятельствах земля нередко становилась причиной противоречивых отношений между репатриантами, местным населением и властью. Нерешенность проблем, связанных с крымско-татарским фактором, может стать основой для разжигания внутринациональных противоречий и дестабилизировать ситуацию на полуострове. Поэтому данный

²⁴² 26 апреля 2016 г. Верховный суд Крыма признал экстремистской деятельность организации меджлис крымскотатарского народа. Об этом см.: В России запретили меджлис крымских татар // Сайт Российского агентства международной информации «РИА Новости» URL: <http://ria.ru/society/20160426/1420428908.html> (дата обращения: 13.06.2016)

²⁴³ Богомолов А. В., Данилов С. И., Семиволос И. Н. Земельные споры как фактор социальных конфликтов в Крыму / А. В. Богомолов, С. И. Данилов, И. Н. Семиволос // Східний світ. 2012. № 4. С. 164 – 188. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/SkhS_2012_4_18

²⁴⁴ Александров Д. А., Амалина Я. А. Крымско-татарское движение в Крыму: 20 лет в поисках пути // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1. С. 74 – 95. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/1/07.pdf>

аспект необходимо рассматривать как одну из самых острых потенциальных угроз безопасности не только для южного макрорегиона, но и страны в целом.

Обзор материалов по протестным практикам Крымского полуострова за 2015 г. показал целый ряд проблем, которые не были характерны для Южного федерального округа в его прежнем составе. Прежде всего, комплекс выявленных болевых тем был связан с интеграцией в российское законодательное поле. Высокая социальная напряженность была зафиксирована в транспортной (Керченская паромная переправа) и жилищно-коммунальной сферах (отсутствие электроснабжения). Кроме того, земельный вопрос, национализация, ограничение доступа к пляжам, их застройка служат типичным поводом для мобилизации людей на протестные действия. Проведенный тематический обзор типичных протестных практик обозначил круг проблем и противоречий, которые необходимо учитывать органам власти ЮФО при выработке эффективной политики в подведомственных субъектах. Необходимо введение постоянного мониторинга протестной активности как на региональном, так и федеральном уровнях государственной власти, которое обеспечит выявление потенциальных социально-политических угроз и рисков безопасности на Юге России.

Список литературы:

1. Александров Д.А., Амелина Я.А. Крымско-татарское движение в Крыму: 20 лет в поисках пути // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1. С. 74 – 95. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/1/07.pdf>
2. Богомолов А. В., Данилов С.И., Семиволос И.Н. Земельные споры как фактор социальных конфликтов в Крыму / А. В. Богомолов, С. И. Данилов, И. Н. Семиволос // Східний світ. 2012. № 4. С. 164 – 188. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/SkhS_2012_4_18
3. В России запретили меджлис крымских татар // Сайт Российского агентства международной информации «РИА Новости» URL: <http://ria.ru/society/20160426/1420428908.html> (дата обращения: 13.06.2016)
4. Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пашенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе [отв.ред. Л.В. Батиев]. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. 192 с.
5. Крым обесточен: резервов хватит на месяц, но свет будет раньше // Сайт Российского агентства международной информации «РИА Новости» URL: <http://ria.ru/incidents/20151122/1326216203.html#ixzz4GpfVYSFM> (дата обращения: 09.06.2016)
6. Крым: на море без моря? Свободный доступ к пляжам по-прежнему под вопросом // Официальный сайт КИПРФ Крымского республиканского отделения URL: <http://kprfkro.ru/news/638> (дата обращения: 10.06.2016)

7. Первая забастовка российского Крыма. Рабочая Керчь встала против украинского «хозяина» // Официальный сайт КППФ Крымского республиканского отделения URL: <http://kprfkro.ru/new/5624> (дата обращения: 10.06.2016)
8. Пять суток на переправу // Сайт общественно-политического интернет-издания «Газета.Ru» URL: https://www.gazeta.ru/auto/2015/08/24_a_7715453.shtml (дата обращения: 05.06.2016)
9. Рыболовное табу в Крыму: «закидывать удочки» с берега можно не везде // Официальный сайт российского информационного агентства «РИА Крым» URL: <http://crimea.ria.ru/society/20151225/1102313340.html> (дата обращения: 12.06.2016)

DETERMINATION OF THE CASPIAN SEA'S LEGAL STATUS AS THE BASIS FOR THE MAINTENANCE OF A REGIONAL SECURITY

Alen Sabyrov, Senior Lecturer, Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

At the present there are a lot of problems drawing attention in the Caspian region that require to be settled. Environmental protection, pipeline construction, development of economic relationships in various spheres are just some of them. But the most crucial and urgent problem is pendency of the Caspian Sea's legal status, determination of which will obviously act as the starting point for solving a complex set of problems. In this respect, one can fully agree with the opinion of the former head of Russia's Working group on the Caspian Sea Y. Merzlyakov, who thinks that the majority of problems in the Caspian region are directly related to pendency of the primary issue of its legal status²⁴⁵.

It is necessary to keep in mind that the problem of the Caspian Sea's legal status is the most critical one from among the great number of problems surrounding the Caspian. A final settlement of the Sea's status will create a good basis for the solution of a great number of problems of the regional scale. The most difficult, complicated and risky one is that of the legal issues, since it may lead to serious worsening of relationships between the countries of the Caspian region. Moreover, objectively the problem is aggravated by the fact that this is an intricate legal situation and no similar precedent in International Law has ever occurred in legal practice. By virtue of its unusual geographic position and a series of political peculiarities of the region, the Caspian Sea represents a unique case. The existing uncertainty of the water body's legal status remains an

²⁴⁵ Nurgozhin M., 'Five countries, one sea and a lot of oil', *Delovaya nedelya*, 3 April, 1998

obstacle for development of its mineral resources and solution of a series of re-regional environmental, economic and political problems. A lack of specific international agreements regulating the Caspian Sea's legal status and the development of hydrocarbon fields by neighboring countries has become a ground for mutually conflicting claims between different states. The basic problem is that the littoral countries take contradictory positions with respect to the status and regime of the Sea.

Different aspects of security in the region directly depend on the course of the interstate negotiation process and final determination of the Caspian's legal status. As Kazakh diplomat V. Gizzatov asserts, the Caspian problem, namely the Sea's legal status, is a subject of very intensive and complicated negotiations between the littoral countries, which will result in whether the Caspian is the sea of peace and cooperation or turns into a permanent "bone of contention" that can plunge the region into the never-ceasing conflict²⁴⁶. He suggests that failure to solve the problem of the legal status will undermine the plans for a long-term stability and multilateral cooperation in the region. Azeri International Law expert R. Mamedov also believes that the issue of determination the Caspian's legal status is a key problem and future rapprochement and cooperation of regional states in efficient and reasonable use of the Caspian Sea depends on solution of this vital issue²⁴⁷. Moreover, it is important to keep in mind that before 1991, the year when three out of five littoral countries became independent and sovereign there were a lot of other problems of various natures and origins in the Caspian region. However, a wide range of issues related to economic activity around the Caspian Sea has become more urgent after 1991 and even increased the level of probability of interstate conflict in this important and volatile region of the world.

One may find the scholars' opinions from all Caspian states to emphasize and confirm the idea that final determination of the Caspian Sea's status will act as the basis for solution of other problems of the regional scale, including the issues of military and political security. The Turkmen researcher E. Kepbanov believes that the issue of determination of the Sea's status "is crucial in terms of geopolitical situation" in the region²⁴⁸. He emphasizes that a further development of the dynamics of keeping the strategic balance of both internal and external forces in the region will mostly depend on the policy and approaches of the Caspian states in solving the issue of the Sea's legal status. It is difficult to

²⁴⁶ Gizzatov V.H., "The legal status of the Caspian Sea and issues of the pipelines" // *Sayasat* (№ 4, 1999). P.39.

²⁴⁷ Mamedov R., "International legal status of the Caspian Sea in its historic development" // *Kazakhstan-Spektr* (№2(8), 2000). P.231

²⁴⁸ Kepbanov E.A., "The legal status of the Caspian Sea and the regional security" // *Moskovsky zhurnal mezhdunarodnogo prava* (№1/57, 2005). P.79

disagree with E. Kepbanov, who says that a long-term cooperation among Caspi-Caspian countries, a secure and stable development of the region; solution of a series of the Caspian related problems can be built only on the basis of a reliable and comprehensive regulatory and legal framework. In future, one may believe that countries shall tolerate each other and make concessions in order to maintain regional security, and establish a “new” system of international affairs between the Caspian states that has to account for and be based on principles of sovereign equality, peaceful resolution of disputes, respect of territorial integrity and sovereignty, non-interference in internal affairs of other states, prohibition on use of force or threat of force and other principles.

Iranian scholar M. R. Dabiri believes that “a uniform understanding of the legal status of the Caspian Sea” is a precondition for cooperation of the Caspian states in protection and usage of biological and mineral marine resources, construction of oil and gas pipelines, environmental protection of the Caspian, implementation of scientific and hydrographic research projects²⁴⁹. It is necessary to draw attention to the phrase “uniform understanding” instead of merely determination of a general legal status on the basis of the International Law. This can be supported by the fact that a representative of the Iranian Ministry of Foreign Affairs on the Caspian Sea stated during the international conference “Caspian: legal problems” held in Moscow on February 26-27, 2002 that Iran considers “the condominium” regime as the best solution of the legal status and if the decision to divide the sea is taken, it will have a legal right to a 20% portion, otherwise it will prevent littoral states and their foreign partners from execution of any economic activity within the sea sector it finds its own²⁵⁰.

The importance of the determination of the Sea’s status was mentioned in the Joint Declaration of the Presidents of Kazakhstan and Russia on cooperation in usage of the Caspian Sea on April 27, 1996, which states that according to opinions of the parties signing the Convention, legal status is a primary and urgent matter²⁵¹. A new legal status of the Sea, as this Declaration stipulates, should be adopted on the basis of consensus as a complex solution that includes the issues of maritime traffic control, determination of national jurisdiction limits, use of biological and mineral resources of the sea and environmental protection. This list may be definitely enlarged by a number of other aspects,

²⁴⁹ Dabiri Mohammed Reza, “The legal regime of the Caspian Sea: economic development of the region on the basis of good neighbourliness under new conditions” // *Kazakhstan i mirovoe soobshchestvo* (№1, 1995). P.89

²⁵⁰ Saffari M. Speech delivered at the international conference “The Caspian: legal problems”, 26-27 February, 2002. Moscow // *Mezhdunarodnaya zhizn* (№4, 2002). P.54

²⁵¹ Joint Statement of the Presidents of Kazakhstan and the Russian Federation on cooperation in the use of the Caspian Sea on 27 April 1996. Electronic legal database “Jurist”. ITS: InfoTeh&Servis

particularly, the issues of maintaining military and political security in the re-region, however it is necessary to remember that this is rather a political document of “good will” than an exhaustive international agreement. So, if this document contains no reference to Caspian demilitarization, it should not mean that this has been settled in full and will not occur definitely in future, since demilitarization will result in enhancement of security and cooperation in the region. Here, it is worth noting that other international documents such as the Kazakh-Azeri and Kazakh-Iranian Joint declarations mention demilitarization as one of the principles of the littoral states’ future endeavors²⁵².

Determination of the Caspian’s legal status will be the basis for the creation and maintenance of a regional security system and this point was also mentioned in the Joint Declaration of the Presidents of Kazakhstan and Turkmenistan on February 27, 1997²⁵³. Both parties support intensification of the negotiation process for determination of the Caspian Sea’s legal status and believe that achievement of a mutually acceptable agreement will result in interstate cooperation on the basis of equality and mutual benefit, attraction of investments and cutting-edge technologies for the purpose of efficient, reasonable and safe usage of natural resources of the Caspian Sea.

Both the foregoing declarations and the Joint Kazakh-Iranian Declaration on May 11, 1996 and the Joint Kazakh-Azeri Heads of State Declaration on September 16, 1996 mentioned subsequent agreements will be entered into on separate activities (including regional security) on the basis of a multilateral Convention on the Caspian Sea’s legal status²⁵⁴. It should be emphasized that the parties have agreed in these bilateral declarations that their operations in the Caspian will follow certain principles. So, in terms of security the following principle is common to all declarations: use of the Caspian Sea for peaceful purposes only; solution of all Caspian related issues only in peaceful manner; compliance with all major principles of the International Law. One of the principles states that maintaining the Caspian Sea as a “zone of peace” is of great importance. In International Law experts are aware that states have to take certain steps to establish a “zone of peace” and sign international agreements, which have not been signed yet by the littoral countries. Additionally, some

²⁵² Joint Kazakh-Azeri statement of Heads of States on 16 September 1996. Electronic legal database “Jurist”. ITS: InfoTeh&Servis; Joint Statement of the Presidents of Kazakhstan and Iran on cooperation in the use of the Caspian Sea on 14 May 1995. Electronic legal database “Jurist”. ITS: InfoTeh&Servis

²⁵³ Joint Statement of the Presidents of Kazakhstan and Turkmenistan on issues related to the Caspian Sea on 19 August 1997. Electronic legal database “Jurist”. ITS: InfoTeh&Servis

²⁵⁴ Joint Kazakh-Iranian statement on cooperation in the issues of the Caspian Sea on 11 May 1996. Electronic legal database “Jurist”. ITS:InfoTeh&Servis; Joint Kazakh-Azeri statement of Heads of States on 16 September 1996. Electronic legal database “Jurist”. ITS:InfoTeh&Servis

provisions of the Soviet-Iranian agreements of 1921 and 1940 are insufficient to allow the Caspian Sea to be considered as the “zone of peace”.

The problem of determining the Caspian Sea’s status remains a topical issue for both the political and wider scientific communities. The legal controversy over the Caspian Sea has resulted in the increase of the level of political and military confrontation. Ensuring peace and stability in the region, strengthening friendly relations among all littoral countries, developing cooperation and mutual understanding on a regional basis within the so called “Caspian Five”, and establishing constructive interaction with the forces beyond the region should be the top priorities for the regional policy.

The legal controversy over the Caspian Sea has resulted in the increase of the level of political and military confrontation. Ensuring peace and stability in the region, strengthening friendly relations among all littoral countries, developing cooperation and mutual understanding on a regional basis within the so called “Caspian Five”, and establishing constructive interaction with the forces beyond the region should be the top priorities for the regional policy. The division of the Caspian Sea is a longstanding and intricate problem involving differing approaches and positions that have constantly changed and subsequent contradictions have arisen between the parties. The ongoing multilateral (pentalateral) interstate negotiations are difficult to analyze: the negotiations are complicated by a multitude of opinions expressed in both public and private.

The uncertainty of the Caspian Sea status may very likely result in a further military confrontation. In connection with the change in the geopolitical situation in the Caspian region, there is a need to define the state interests of the inshore countries, and the search for balance of these interests has been hampered so far by conceptual differences in the approaches for settling the legal status of the Sea. The countries adjoining the Sea have the task of dividing it in a fair and civilized manner based on the generally recognized principles of the International Law and on previous practice. There is an acute need to fill up the legal vacuum in relation to the use of the Caspian Sea and its resources through the international rule-making in the following fields: the demarcation of sovereign state territories; various aspects of navigation; and the distribution of sovereign rights for natural resources both mineral and biological (such as subsurface management, fisheries, etc.). The resolution of the problem of the Caspian Sea’s status should be speeded up, as the uncertainty of the current legal regime has a dramatic effect on investments made in the economies of all littoral Caspian countries.

The countries adjoining the Sea face a priority task of securing their national interests without underestimating the individual interests of each of the five states. This is a complex task, which demands reconciling the interests of each of the parties in relation to the establishment of the Caspian Sea’s legal status. Along with this, there is no other way than the difficult process of

negotiation, which assumes mutual concessions and compromises to be made by all parties.

During the last decade, many problems in the region have become more acute due to a wide range of circumstances, but it should be acknowledged that now the Caspian countries have managed to stabilize the domestic political and economic situation to a relative degree. One may argue that the question of the legal ownership of the Caspian resources is a “delayed-action” mine, since it includes the ownership rights to be gained by the inshore countries. The system of intergovernmental relations, regional security and implementation of energy projects in the Caspian region will depend primarily on determining the legal status of a water body. It can be argued that, to the present day, the Caspian region still remains vulnerable due to its ethnic and religious diversity and incomplete determination of the geopolitical orientation of the inshore countries; along with this, the Caspian region is of strategic importance for the security of regions of Central Asia and the Caucasus.

The political and strategic importance of the region does not only consist of oil and gas resources; but it is also determined by the region’s geographic location. The Caspian region is located between the major suppliers of hydrocarbon resources – the Middle East, the Persian Gulf and Russia – on the one hand; and the major sales markets for oil and gas products – countries of Europe and Asia – on the other hand. The globalization process today has resulted in the weakening of the concept of geographical remoteness of countries from one another, as evidenced by the economic presence in the Caspian region of not only the inshore countries, but also the major world powers exerting considerable political and economic weight.

The fact that Caspian oil was used during the two World Wars that broke out in the last century should still be regarded as historically important, since the oil is still of significant military and strategic importance. Should armed conflict occur in the Caspian region, the role of hydrocarbon resources will increase substantially. Geologists have closely examined and explored the southern and central sectors of the Caspian Sea near the coasts of Turkmenistan and Azerbaijan, but the existence of large resources in the northern sector of the Sea also equalizes the overall ratio of oil and gas resources deposited there.

Special attention should be given to the problem arising from transportation of Caspian oil to the foreign market, which includes economic, political and geo-strategic aspects. It has long been established that the Caspian Sea shelf is rich in hydrocarbon and biological resources. In recent years, the work on developing and exploiting these resources has noticeably intensified. But along with this, the new legal status of the Caspian has not been determined so far. It is becoming obvious that the collective will of the countries located in the region is a necessary factor for the resolution of the Sea’s legal problems. It should also be stressed that apart from oil, there are vast natural gas fields in the Caspian basin, from whence it comes to the network of European gas pipelines and goes abroad

through the Russian gas pipeline system. Today natural gas as an alternative source of energy is becoming increasingly important, which raises the importance of construction of both gas and oil pipelines and laying them through various countries. The fact is that the choice of a transportation route, not even a primary one, let alone the main oil streams, is of great importance for external, out of region countries through which a pipeline may be laid. Payment for re-export may sometimes present a third of the cost of oil itself. Non-ferrous, rare metals and uranium ore have also been discovered and intensively exploited in the region. Moreover, valuable species of sturgeon and beluga, have been cultivated and fished in the Caspian Sea for a long time.

It should also be pointed out that there are common threats for the countries located in the region. Generally recognized threats for the countries of the Caspian region are still a relatively low level of economic development; dissemination of ideas of political and religious extremism; weakness of the military forces; ideological, political and military potential insufficient to meet a wide range of domestic and external challenges; heavy dependence of some countries on foreign economic assistance. The scale of the developed and undiscovered resources in the Caspian region is very large, but the environmental risks associated with exploration and production are equally enormous.

It should be stressed once again that there are many problems in the Caspian region today requiring special attention and awaiting resolution; but the uncertainty of the Caspian Sea's legal status is still the most important and urgent problem. The resolution of the Sea's legal status will undoubtedly become a basis and starting point for the resolution of a whole knot of other problems. Different issues over maintaining the regional security are also directly dependent on the progress of the intergovernmental negotiation process and the final establishment of the status and regime of the Caspian Sea²⁵⁵.

Список литературы:

1. Nurgozhin M., 'Five countries, one sea and a lot of oil', *Delovaya nedelya*, 3 April, 1998
2. Gizzatov V.H., "The legal status of the Caspian Sea and issues of the pipelines" // *Sayasat* (№ 4, 1999). P.39.
3. Mamedov R., "International legal status of the Caspian Sea in its historic development" // *Kazakhstan-Spektr* (№2(8), 2000). P.231.
4. Kepbanov E.A., "The legal status of the Caspian Sea and the regional security" // *Moskovsky zhurnal mezhdunarodnogo prava* (№1/57, 2005).

²⁵⁵ Nysanbek U.M., "Conceptual problems of environmental security in the Republic of Kazakhstan" // *ANALYTIC* (№5, 2003). P.15

5. Dabiri Mohammed Reza, "The legal regime of the Caspian Sea: economic development of the region on the basis of good neighbourliness under new conditions" // *Kazakhstan i mirovye soobshchestvo* (№1, 1995).
6. Saffari M. Speech delivered at the international conference "The Caspian: legal problems", 26-27 February, 2002. Moscow // *Mezhdunarodnaya zhizn* (№4, 2002).
7. Joint Statement of the Presidents of Kazakhstan and the Russian Federation on cooperation in the use of the Caspian Sea on 27 April 1996. Electronic legal database "Jurist". ITS: InfoTeh&Servis.
8. Joint Kazakh-Azeri statement of Heads of States on 16 September 1996. Electronic legal database "Jurist". ITS: InfoTeh&Servis.
9. Joint Statement of the Presidents of Kazakhstan and Iran on cooperation in the use of the Caspian Sea on 14 May 1995. Electronic legal database "Jurist". ITS: InfoTeh&Servis.
10. Joint Statement of the Presidents of Kazakhstan and Turkmenistan on issues related to the Caspian Sea on 19 August 1997. Electronic legal database "Jurist". ITS: InfoTeh&Servis.
11. Joint Kazakh-Iranian statement on cooperation in the issues of the Caspian Sea on 11 May 1996. Electronic legal database "Jurist". ITS:InfoTeh&Servis.
12. Joint Kazakh-Azeri statement of Heads of States on 16 September 1996. Electronic legal database "Jurist". ITS:InfoTeh&Servis.
13. Nysanbek U.M., "Conceptual problems of environmental security in the Republic of Kazakhstan" // *ANALYTIC* (№5, 2003).

ТЕРРОРИЗМ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Гагик Худоян, аспирант Образовательного комплекса полиции
Республики Армения, старший лейтенант полиции, преподаватель
кафедры уголовного процесса Образовательного комплекса полиции
Республики Армения

TERRORISM AND SECURITY THREATS IN THE MODERN WORLD

Gagik Khudoyan, PhD student and Police Senior Lieutenant,
Lecturer at Chair of Criminal Procedure of Police Educational Complex of the
Republic of Armenia

Abstract. Terrorism in the context of contemporary security threats is discussed in scientific article. The internal and international legal definitions, factors, affecting on terrorism, and dynamics of terrorism have been studied. At the same time, the ways and

tools of prevention and combating terrorism are also discussed, and appropriate proposals have been made by the author.

Keywords: terrorism, international terrorism, Wahhabism, organized crime, terrorist group, destabilization

Нарастающие в современном мире противоречия делают неизбежным пересечение интересов различных государств, группировок, идеологий и т.д., что является одним из источников возникновения кризисов и конфликтов. В числе угроз планетарного масштаба можно отметить рост запасов оружия массового уничтожения, вооруженные конфликты, массовую бедность в развивающихся странах, загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов, неконтролируемые потоки беженцев, наркотрафик, организованная преступность и т.д. В длинном списке угроз человечеству, государствам и общечеловеческим ценностям своей безликостью и особой жестокостью выделяется международный терроризм.

Для понимания самой сути проблемы, необходимо разъяснить понятие терроризма. Несмотря на все предпринимаемые попытки, до сих пор не выработано универсальных дефиниций терроризма и международного терроризма²⁵⁶. Устоявшегося определения терроризма нет и в международном праве, несмотря на многочисленные попытки выработать его²⁵⁷. Терроризм, как сложное многомерное явление, динамично развивается, в результате чего постоянно появляются новые его формы.

Первая неудачная попытка закрепить определение терроризма на международном уровне была предпринята в Женевской Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1937 года. В ней терроризм был определен как «любые преступные действия, направленные против государства и нацеленные или рассчитанные на то, чтобы вызвать чувство страха у определенных лиц или группы лиц, или у широкой общественности». Это определение подверглось критике за неточность, а

²⁵⁶ В своем Докладе о ходе работы Подкомиссии по поощрению и защите Прав человека специальный докладчик ООН по вопросу о терроризме и правах человека Каллиоппи Куфа отмечает, что 109 определения были введены в период между 1936 и 1981 годами. См.: Каллиоппи Куфа. Доклад о ходе работы Подкомиссии по поощрению и защите Прав человека (UN Doc. E/CN.4/Sub.2/2001/31, 27 June 2001), стр.8.

²⁵⁷ Например, в пункте 3 Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма в приложении к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/49/60 от 9 декабря 1994 г. указано, что к терроризму относятся «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях...». См.: Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма в приложении к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/49/60 от 9 декабря 1994 г.

Конвенция так и не вступила в силу, поскольку не была ратифицирована необходимым числом государств²⁵⁸.

Из имеющихся определений понятия международного терроризма уместно упомянуть статью 2331 главы 113b Федерального Уголовного кодекса США, в которой международный терроризм определяется как «деятельность, которая включает в себя насилие, либо действия, угрожающие жизни людей, которые являются нарушением уголовного права Соединенных Штатов либо любого Штата и которые направлены на: а) устрашение либо принуждение гражданского населения; б) влияние на политику государства посредством устрашения либо принуждения; в) влияние на руководство государством посредством массового поражения, покушения, либо захвата заложников; и осуществляемых за пределами территории Соединенных Штатов»²⁵⁹.

Хотя международным сообществом принят ряд международных договоров, направленных на борьбу с конкретными видами терроризма, на уровне ООН на сегодняшний день не достигнуто никакой договорённости об определении понятия «терроризм»²⁶⁰. Один из судей Международного суда заметил, что «терроризм - это термин, не имеющий какого-либо юридического значения. Это просто способ обозначения деятельности государств или индивидов, которая широко осуждается и характеризуется либо незаконными методами, либо целями, либо и тем и другим»²⁶¹. Однако, само по себе определение терроризма многое ставит на карту²⁶². Определение какого-либо действия как террористического означает не просто утверждение, что оно обладает определёнными характеристиками, но и осуждение его. Определение какого-либо действия как теракта имеет также серьёзные последствия для сотрудничества между государствами, в частнос-

²⁵⁸ См.: Countering Terrorism, Protecting Human Rights, A Manual (Published by the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), Warsaw, Poland, p. 25. См. так же: Helen Duffy. The "War on Terror" and the Framework of International Law (Cambridge University Press, UK 2005), p. 19; Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism of 1937, never entered into force, League of Nations, Doc. C.546M.383 1937 V 19, pp. 34, 88.

²⁵⁹ См.: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331>. См. так же: <https://www.fbi.gov/about-us/investigate/terrorism/terrorism-definition>.

²⁶⁰ В Римском Статуте Международного уголовного суда прямо не упоминаются акты терроризма, и, тем не менее, статут даёт определение и применим к ряду преступлений, в том числе к преступлениям против человечности и другим, которые могут включать акты терроризма. Более подробно см.: Cassese A. International Criminal Law. Oxford, 2003, pp. 120-132.

²⁶¹ См.: Higgins R. The General International Law of Terrorism. - In: Higgins R., Flory M. (Eds.). Terrorism and International Law. London, 1997, p. 24.

²⁶² См.: Marks. S., Clapham A. International Human Rights Lexicon. Oxford, 2005, p. 345.

ти, для таких его видов, как обмен разведывательной информацией, взаимная правовая поддержка, замораживание и конфискация финансовых средств и экстрадиция²⁶³. Так, в проекте Всеобъемлющей конвенции о терроризме, который в настоящее время рассматривается в ООН, делается попытка дать определение того, что такое «террористическое деяние». Определение терроризма в существующем на сегодняшний день проекте Конвенции неоднозначно. Статья 2 Проекта гласит: «Любое лицо совершает преступление в соответствии со смыслом настоящей Конвенции, если оно каким бы то ни было образом, незаконно и умышленно причиняет смерть или тяжкое телесное повреждение любому лицу; серьезный ущерб государственной или частной собственности, в том числе, месту общественного использования, государственному или правительственному зданию, системе общественного транспорта, объекту инфраструктуры или окружающей среде; ущерб собственности, местам, объектам или системам, упомянутым в пункте 1 (b) настоящей статьи, который влечет или может повлечь за собой крупные экономические убытки, когда цель такого деяния, в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия»²⁶⁴. Но это слишком объемное определение подверглось критике за неточность²⁶⁵.

Государства члены Европейского Союза договорились о минимальном определении терроризма в Рамочном решении ЕС о борьбе с терроризмом. Это определение называет список преступных действий, которые в целях сотрудничества между государствами членами Европейского Союза должны рассматриваться как террористические действия в случае, если они преследуют одну из следующих целей: серьезно запугать население; незаконно заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; серьезно дестабилизировать или разрушить основные структуры государства или международной организации²⁶⁶.

²⁶³ См.: Countering Terrorism, Protecting Human Rights, A Manual (Published by the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), Warsaw, Poland), p. 25.

²⁶⁴ См.: Генеральная Ассамблея ООН, Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. на своей 6-ой сессии (28 января - 1 февраля 2002 г.), документ A/57/37.

²⁶⁵ См.: Andreu-Guzman F. Terrorism and Human Rights No. 2: New Challenges and Old Dangers. – In: International Commission of Jurists Occasional Papers, No. 3 Geneva, 2003, p. 34.

²⁶⁶ См.: Рамочное Решение Совета Европейского Союза от 13 июня 2002 г. о борьбе с терроризмом (2002/475/JHA), статья 1(1), ОЖ (OJ) L 164, 22/06/2002.

В последние годы наблюдается формирование нового качества терроризма, в основе идеологической базы которого лежит крайнее течение исламистского радикализма (ваххабизм²⁶⁷). Получила развитие и организационная структура этого движения, основывающаяся на сетевом принципе взаимодействия часто автономных и инициативных ячеек, имеющих способность к «умножению». Если раньше источниками таких угроз были государства, то теперь они исходят, главным образом, от негосударственных действующих лиц и даже религиозных фанатиков. В современную эпоху информационных технологий первичное значение приобретает не только и не столько реальный масштаб вооружённого насилия и причинённый им ущерб, сколько более широкий эффект дестабилизации и возможность повлиять на политическую ситуацию, эффект и масштабы которой намного превышают прямой ущерб от терактов.

Отличительная особенность современного международного терроризма - его выраженная этноконфессиональная природа, которая проявляется в способности адаптации к новым условиям глобальной экономики и геополитики. Одним из проявлений этой адаптации в конце 90-х годов XX в. стал переход от жестко организованных локальных террористических групп к свободно структурированным международным сетям террористических сообществ.

Глобальный характер угрозы международного терроризма вынудил международное сообщество объединить усилия в борьбе с этим злом. Хотя попытки организовать широкую антитеррористическую коалицию проводятся, всё же можно констатировать, что предпринятых усилий недостаточно. В Хартии ОБСЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним государства-участники ОБСЕ подтвердили, что они «обязуются принимать эффективные меры против терроризма и осуществлять все контртеррористические меры и сотрудничество в соответствии с принципом верховенства права, Уставом ООН и соответствующими положениями международного права, международными стандартами в области прав человека и, где это применимо, положениями международного гуманитарного права...»²⁶⁸. Под эгидой ООН и её агентств в целях борьбы с конкретными

²⁶⁷ По мнению Р. А. Силантьева: «Сейчас под ваххабизмом понимается не конкретная и чётко выраженная религиозная идея, а совокупность идеологий исламского происхождения, проповедующих крайнюю нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим. И оправдывающих их убийство. Проще говоря, традиционные мусульмане уживаются с представителями иных исповеданий, а ваххабиты - нет». См.: <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>.

²⁶⁸ См.: Хартия ОБСЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним (принята на 10-й встрече Совета министров в 2002 году). URL: <http://www.osce.org/documents/mcs/2002/12/4174ru.pdf>.

асpekтами терроризма приняты 13 международных конвенций. Обычно они принимались в качестве реакции на конкретное событие или трагедию²⁶⁹. Так же приняты важнейшие резолюции²⁷⁰, составляющие основу современного подхода ООН относительно проблемы международного терроризма. Поскольку большинство стран-участников ОБСЕ является также членами Совета Европы, особенно важное значение имеют правовые механизмы Совета Европы, в том числе: Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г. и протокол к ней 2003г.; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005)²⁷¹; Конвенции о компьютерных преступлениях и об отмывании доходов²⁷².

Общая позиция Совета Европейского Союза, принятая после терактов 11-ого сентября 2001 г., определяет «террористическую группу» как организованную группу лиц, действующих совместно в целях совершения террористических актов, независимо от её состава или уровня развития её структуры²⁷³. Европейским Союзом также установлены свои собственные процедуры включения в перечень террористических организаций и лиц посредством использования ряда общих позиций в контексте общей внешней политики и политики безопасности²⁷⁴. В рамках реакции ЕС на проблему терроризма был назначен координатор по борьбе с терроризмом

²⁶⁹ См. тексты конвенций на веб-сайте ООН:

<http://www.un.org/russian/documen/convents/terrorism.htm>.

²⁷⁰ Более подробную информацию можно найти на веб-сайте ООН: <http://www.un.org/russian/terrorism/instruments.Shtml>.

²⁷¹ См.: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (СДСЕ 196, был открыт для подписания 16 мая 2005 г. в Варшаве и вступил в силу 1 июня 2007 г.).

²⁷² См.: Конвенция о компьютерных преступлениях (СДСЕ 185 и протокол к ней). См. также: Конвенции об ответственности за коррупцию (СДСЕ 173 и СДСЕ 174) и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма (СДСЕ 198, еще не вступила в силу).

²⁷³ См.: Общая позиция Совета ЕС 2001/931/CFSP от 27 декабря 2001 г. о применении конкретных мер по борьбе с терроризмом. На своем внеочередном заседании, состоявшемся 21 сентября 2001 г., Европейский Совет охарактеризовал терроризм как один из основных вызовов, с которым столкнулось мировое сообщество, и определил, что борьба с терроризмом является одной из приоритетных целей Европейского Союза. Общая позиция была принята в целях введения дальнейших мер в дополнение к Резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности. В частности, в ней содержится список лиц, групп и организаций, вовлеченных в террористическую деятельность, чьи средства и иные финансовые активы подлежат блокированию в рамках борьбы с финансированием терроризма.

²⁷⁴ См.: сноска 17. См. также: Общая позиция Совета ЕС 931; Общая позиция Совета ЕС 96/746/CFSP от 26 февраля 2001 г. о дополнительных рестриктивных мерах, направленных против «Талибана», и о внесении изменений в Общую позицию.

и утверждена контртеррористическая стратегия ЕС, которая состоит из 4 частей²⁷⁵: 1) предотвращение, 2) защита, 3) блокирование, 4) реагирование.

Одним из способов борьбы с терроризмом является запрещение организаций, которые пропагандируют и поддерживают терроризм. В договорах ООН в области борьбы с терроризмом и в Резолюции № 1373 Совета Безопасности признается, что особо важное значение имеет пресечение финансирования организаций, которые поддерживают терроризм. Также может быть целесообразным запретить апологетам терроризма обнародовать на радио и телевидении свои взгляды по поводу политического насилия²⁷⁶. С более широкой точки зрения (в том числе, учитывающей права человека), можно утверждать, что незаконной должна считаться не сама террористическая организация, а ее деятельность. Европейский суд подчеркнул это обстоятельство. Меры по вмешательству в право какой-либо организации на свободу объединений должны приниматься только, в том случае, если организация занимается незаконной деятельностью²⁷⁷. Судебные дела, связанные с законом о предотвращении терроризма и, в частности, о запрещении пропаганды, направленной на подрыв территориальной целостности государства, можно встретить и в правоприменительной практике Европейского Суда (ЕСПЧ)²⁷⁸.

Существование уголовной ответственности за такие преступления, как подстрекательство к совершению террористических актов, по сути, должно служить сдерживающим средством. Ответственность *ex post* (по факту)

²⁷⁵ См.: Контртеррористическая стратегия ЕС (одобрена Советом по вопросам правосудия и внутренних дел в декабре 2005 г.).

²⁷⁶ Однако попытки ввести в Соединенном Королевстве и Ирландии широкие запреты на трансляцию в период волнений в Северной Ирландии дискредитировали эту тактику.

²⁷⁷ «Безответственные публикации в газете не могли использоваться в качестве доказательств судом или правительством государства, уважающего принцип верховенства права. Территориальная целостность, национальная безопасность и общественный порядок не были поставлены под угрозу деятельностью объединения, цель которого заключалась в содействии развитию региональной культуры, даже если она подразумевала, в том числе, пропаганду культуры меньшинства; существование меньшинств и различных культур в какой-либо стране - это исторический факт, который «демократическое общество» обязано не только допускать, но защищать и поддерживать в соответствии с принципами международного права» См.: Сидиропулос и другие против Греции, [Sidiropoulos and Others v. Greece], (дело № 57/1997/841/1047), 10 июля 1998 г., п. 41).

²⁷⁸ См.: Инкал против Турции [Incal c. Turquie], (заявление № 41/1997/825/1031) постановление от 9 июня 1998 года, §§ 58-59, Сборник постановлений и решений 1998-IV. См. также: Джейлан против Турции [Ceylan c. Turquie], (заявление № 23556/94), § 36, ЕСПЧ 1999-IV.; Сюрек и Оздемир против Турции [Sürek et Özdemir c. Turquie], § 61.; Эрри Батасуна и Батасуна против Испании [Herri Batasuna et Batasuna c. Espagne], (заявление №№ 25803/04 и 25817/04), §§ 88-95, ЕСПЧ 2009.

имеет особое значение в делах о подстрекательстве к совершению террористических актов, об оправдании и восхвалении терроризма и, в целом, в случаях высказываний, оправдывающих насилие и прочее преступное поведение. Последующая ответственность за высказывания, при условии наличия четкой формулировки закона и осуществления уголовного преследования за такие правонарушения, в соответствии с международными нормами справедливого судебного разбирательства, будет, скорее всего, иметь меньшее влияние на сущность права на свободу выражения мнений, и поэтому такому виду ответственности должно отдаваться предпочтение по сравнению с предварительным запретом, который следует применять в действительно исключительных обстоятельствах²⁷⁹. Как ООН, так и Европейский Союз учредил перечень запрещенных или объявленных вне закона организаций. Введены санкции, направленные против физических лиц, организаций и государств, поддерживающих терроризм²⁸⁰. Сразу же после терактов 11 сентября 2001 года Резолюцией 1373 (2001) Совета Безопасности на все государства были возложены единообразные, требующие неукоснительного исполнения обязательства в области борьбы с терроризмом, в том числе, внесение физических лиц и организаций, связанных с терроризмом, в специальные перечни, а также замораживание финансовых активов. Резолюцией 1373 учрежден Контртеррористический комитет для контроля за выполнением резолюции и содействия предоставлению государствам технической помощи. Согласно международному праву и практике, финансовые активы лиц и организаций, включенных в перечень ООН, а также граждан и организаций третьих стран, включенных в перечень ЕС, должны быть заморожены. Помимо этого, в ряде стран существуют внутригосударственные режимы в отношении внесения в перечень и замораживания финансовых активов (например, в США и Соединенном Королевстве).

Таким образом, рассматривая основные глобальные угрозы и вызовы во главе с международным терроризмом, необходимо подчеркнуть, что они не существуют сами по себе, и тесно переплетаясь, взаимно дополняют друг друга, усложняя их разрешение. **Эти проблемы не могут быть решены с помощью только военной силы или средствами отдельного национального государства.** Всем этим угрозам можно противостоять только коллективными усилиями. **Необходим глобальный механизм координации и сотрудничества между субъектами международного права. Предотвращение и ликвидация международного терроризма**

²⁷⁹ См.: Countering Terrorism, Protecting Human Rights, A Manual (Published by the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), Warsaw, Poland, p.284.

²⁸⁰ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267 от 15 октября 1999 г., документ S/RES/1267 (1999).

возможна при условии выполнения конкретных шагов, в числе которых: полное и неукоснительное подчинение существующим международным нормам «Jus cogens», регулирующим сферу терроризма; полное перекрытие преступных финансовых потоков; ужесточение контроля за отмыванием преступно нажитых денег и капиталов; неукоснительное применение принципа неизбежности наказания; оперативный обмен информацией между спецслужбами стран членов ООН; запрещение организаций, которые пропагандируют и поддерживают терроризм.

Список литературы

1. Andreu-Guzmán F. Terrorism and Human Rights No. 2: New Challenges and Old Dangers. – In: International Commission of jurists Occasional Papers, No. 3 Geneva, 2003.
2. Cassese A. International Criminal Law. Oxford, 2003.
3. Countering Terrorism, Protecting Human Rights, A Manual (Published by the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR)), (Warsaw, Poland) 312 p.
4. Helen Duffy, The “War on Terror” And the Framework of International Law (Cambridge University Press, UK 2005), 542 p.
5. Higgins R. The General International Law of Terrorism. - In: Higgins R., Flory M. (Eds.). Terrorism and International Law. London, 1997, 375 p.
6. Marks. S., Clapham A. International human Rights Lexicon. Oxford, 2005, 472 p.
7. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма в приложении к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/49/60 от 9 декабря 1994 г.
8. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, СДСЕ №196, (<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196>).
9. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма, СДСЕ - №198, Варшава, 16/05/2005, (<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/198>).
10. Конвенция о компьютерных преступлениях, СЕД №185, Будапешт, 23/11/2001 (<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185>).
11. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, СЕД №173, Страсбург, 27/01/1999, (<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/173>).
12. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, СЕД №174, Страсбург, 04/11/1999, (<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/174>).
13. Хартия ОБСЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним (принята на 10-й встрече Совета министров в 2002 году). URL: <http://www.osce.org/documents/mcs/2002/12/4174ru.pdf>.

14. Рамочное Решение Совета Европейского Союза от 13 июня 2002 г. о борьбе с терроризмом (2002/475/J HA), статья 1(1), ОЖ (OJ) L 164, 22/06/2002.
15. Каллиоппи Куфа. Доклад о ходе работы Подкомиссии по поощрению и защите Прав человека (UN Doc. E/CN.4/Sub.2/2001/31, 27 June 2001).
16. Генеральная Ассамблея ООН, Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. На своей 6-ой сессии (28 января - 1 февраля 2002г.), документ A/57/37.
17. Контртеррористическая стратегия ЕС (одобрена Советом по вопросам правосудия и внутренних дел в декабре 2005 г).
18. Общая позиция Совета ЕС 2001/931/CFSP от 27 декабря 2001 г. о применении конкретных мер по борьбе с терроризмом.
19. Общая позиция Совета ЕС 96/746/CFSP от 26 февраля 2001 г.
20. Сидиропулос и другие против Греции [Sidiropoulos and Others v. Greece], (дело № 57/1997/841/1047), 10 июля 1998 г., п. 41).
21. Инкал против Турции [Incal c. Turquie], (заявление № 41/1997/825/1031) постановление от 9 июня 1998 года, §§ 58-59, Сборник постановлений и решений 1998-IV.
22. Джейлан против Турции [Ceylan c. Turquie], (заявление № 23556/94), § 36, ЕСПЧ 1999-IV.
23. Сюрек и Оздемир против Турции [Süreket Özdemir c. Turquie], § 61.
24. Эрри Батасуна и Батасуна против Испании [Herri Batasuna et Batasuna c. Espagne], (заявление №№ 25803/04 и 25817/04), §§ 88-95, ЕСПЧ 2009.
25. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267 от 15 октября 1999 г., документ S/RES/1267 (1999).
26. Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism of 1937, never entered into force, League of Nations Doc. C.546M.383 1937 V 19, 34, 88.
27. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331>
28. <https://www.fbi.gov/about-us/investigate/terrorism/terrorism-definition>
29. <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>
30. <http://www.un.org/russian/documen/convents/terrorism.htm>.
31. <http://www.un.org/russian/terrorism/instruments.shtml>.

**Բաժին 5. Անվտանգության հիմնահարցերի ժամանակակից
կիրառական ուսումնասիրություններ**

**Секция 5: Современные прикладные исследования вопросов
безопасности**

Chapter 5: Modern Applied Security Studies

**«ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ ВОЙНА» В КАРАБАХЕ В
ОСВЕЩЕНИИ ИТАЛЬЯНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
ПЕЧАТНЫХ СМИ**

Андрей Лямзин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО) департамента международных отношений (ДМО) института социальных и политических наук (ИСПН) Уральского федерального университета (УрФУ).

Александра Хабарова, магистрант института социальных и политических наук (ИСПН) Уральского федерального университета (УрФУ).

**THE «FOUR-DAY WAR» IN KARABAKH AS COVERED BY
ITALIAN AND AMERICAN PRINT MEDIA**

Andrey Lyamzin, PhD, Associate Professor, Chair of theory and history of International Relations, Department of International Relations, Institute of Social and Political Sciences, Ural State University, Yekaterinburg, Russia
Aleksandra Khabarova, MA student, Institute of Social and Political Sciences, Ural State University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The results of content analysis of Italian and American online newspapers are presented in this study. This allows to see some attitudes of selected Western media to the Nagorno-Karabakh conflict at the present stage of its development.

Keywords: Nagorno-Karabakh conflict, «The four-day war», mass media, «La Repubblica», «Il Corriere della Sera», «The New York Times», «The Boston Globe».

Нагорно-Карабахский конфликт является одной из острых проблем Кавказского региона. Апрельские события 2016 г. показали, что несмотря на наличие официального перемирия, Армения и Азербайджан имеют взаимные претензии и готовы в любой момент начать ожесточенную войну. Сегодня можно выделить несколько основных причин обострения конфликта в Нагорном Карабахе. Прежде всего, это глубокие конфликтные отношения армянской и азербайджанской сторон, которые пока не готовы к

компромиссу, прежде всего психологически. Нельзя исключить и вмешательство третьих стран (прежде всего Турции) в качестве провокатора. Вполне вероятным выглядит попытка этой страны создать очаг нестабильности в важном для России регионе, в ответ на активные действия нашей страны вблизи границ Турции. Вполне возможным вариантом возникновения этой короткой вспышки выглядит попытка Азербайджана актуализировать внешнюю угрозу со стороны Армении, прежде всего с целью воздействия на внутреннюю аудиторию. Сокращение доходов от экспорта нефти требует каких-то объяснений причин падения жизненного уровня населения. Удобным инструментом в такой ситуации может быть переключение внимания граждан на внешнюю опасность. Кроме того, это возможность военным путём добиться своих территориальных притязаний, в надежде, что Россия на данном этапе не сможет оказать достаточную военную и дипломатическую помощь Армении, в условиях конфликта с Западом по украинскому и сирийскому вопросам.

Дестабилизация ситуации в Закавказье является угрозой безопасности не только для региона, но и для всего мира в целом, поскольку способно вовлечь в конфликт близлежащие государства Среднего Востока и Каспия. В первую очередь, Турцию, Иран и Россию.

Информационная составляющая играет немаловажную роль в современных международных отношениях и в восприятии их особенностей гражданами соседних государств. Точка зрения европейцев и американцев находится в определённой и довольно высокой степени взаимосвязи с той политикой, которую проводят лидеры США и стран ЕС в отношении международных проблем. Одной из них является Карабахский конфликт. Рассмотрев подходы СМИ к этому конфликту, мы можем яснее понять позицию Запада по этому вопросу и их отношение к прямым и косвенным участникам этого конфликта.

В качестве примера европейских СМИ были выбраны итальянские периодические издания «La Repubblica» (левоцентристской направленности) и «Il Corriere della Sera» (газета итальянских консерваторов). Были исследованы также американские газеты, близкие к либеральным взглядам «The New York Times» и «The Boston Globe». Итальянская и американская пресса изучались при помощи контент-анализа методом сплошной выборки массива публикаций с марта по июнь 2016 г. Всего было изучено 30 публикаций. За единицу анализа бралось упоминание того или иного политического деятеля, либо проблемы, связанной так или иначе с Карабахским конфликтом.

Персоналии

Политические лидеры и их роль в данном конфликте занимают важное место в исследовании. Было выяснено, что, как итальянские, так и

американские журналисты наиболее часто упоминали нынешнего главу католической церкви Франциска. Во многом это связано с его приездом в Армению в период нестабильности. Во время встречи с главой армянской апостольской церкви Гарегином II, Франциск не раз призывал Армению и Азербайджан к перемирию. Интересно, что среди обсуждаемых ими тем был и геноцид армян, который до сих пор не был признан властями Турции.

В. В. Путин также часто упоминался в статьях изученных изданий. Его роль, как и всей России, согласно американской и итальянской прессе, неоднозначна. С одной стороны, российский президент призывает стороны к прекращению огня, а с другой стороны поддерживает Армению, что дает ей повод для продолжения дискуссий и непринятия компромиссов: «Кремль, будучи колониальной монополией, играет роль посредника между двумя сторонами, при этом продавая им же вооружения»²⁸¹.

Наиболее негативно журналисты окрашивают роль главы Турции Рейджепа Эрдогана, который, по их мнению, ведет свою игру и, поддерживая Азербайджан, только подогревает и без того сложную ситуацию (Рис. 2). В качестве иллюстрации «The New York Times» приводит его цитату: «Мы молимся, что наши азербайджанские братья одержат победу в этих столкновениях»²⁸².

Интересно, что нынешний президент Азербайджана Ильхам Алиев также часто получает негативные отзывы в свой адрес от американских и итальянских журналистов. Согласно изученным статьям, именно Азербайджан стал зачинщиком в апреле 2016 г.: «Многие исследователи считают, что азербайджанские военные развязали наступательные действия с целью захвата некоторых территорий, чтобы заставить Армению пойти на компромисс в мирных переговорах»²⁸³.

Другие политические лидеры разных стран описываются сравнительно нейтрально (Рис. 1 и 2).

Не менее любопытно и то, что лидер одной из сторон конфликта, президент Армении С. Саргсян не входит даже в первую тройку лидеров упо-

²⁸¹ MacFarquhar N. Azerbaijan Claims to Halt Violence in Nagorno-Karabakh, but Warns Armenia // The New York Times: electronic archives. URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/04/world/europe/azerbaijan-armenia-nagorno-karabakh-conflict.html> (accessed 25.07.2016).

²⁸² Kramer A. Ethnic Conflict Between Armenia and Azerbaijan Flares Anew // The New York Times: electronic archives. URL: <http://www.nytimes.com/2016/04/05/world/europe/ethnic-conflict-between-armenia-and-azerbaijan-flares-anew.html> (accessed: 23. 04.2016).

²⁸³ Isachenkov V. Tensions run high between Azerbaijan, Armenia despite truce // The Boston Globe: electronic archives. URL: <https://www.bostonglobe.com/news/world/2016/04/05/tensions-run-high-between-azerbaijan-armenia-despite-truce/JfSugpvgQRnyQURTMN31fj/story.html> (accessed: 25.07.2016).

минаний. Видимо, степень его влияния на текущую международную обстановку воспринимается довольно низкой. По версии двух итальянских газет, воздействие на ситуацию мало отличается от роли т. Сталина, если судить по частоте упоминаний. Таким образом, можно сделать вывод о высокой степени зависимости внешней политики Армении от внешних вызовов и внешних игроков.

Высокое количество упоминаний Папы Франциска можно объяснить большой популярностью этой фигуры и её влиянием в христианском западном мире, и особенно в Италии. И может рассматриваться как ещё один пример того, как «Незапад» появляется в информационной повестке дня Запада в зависимости от действий значимых для западного читателя персоналий.

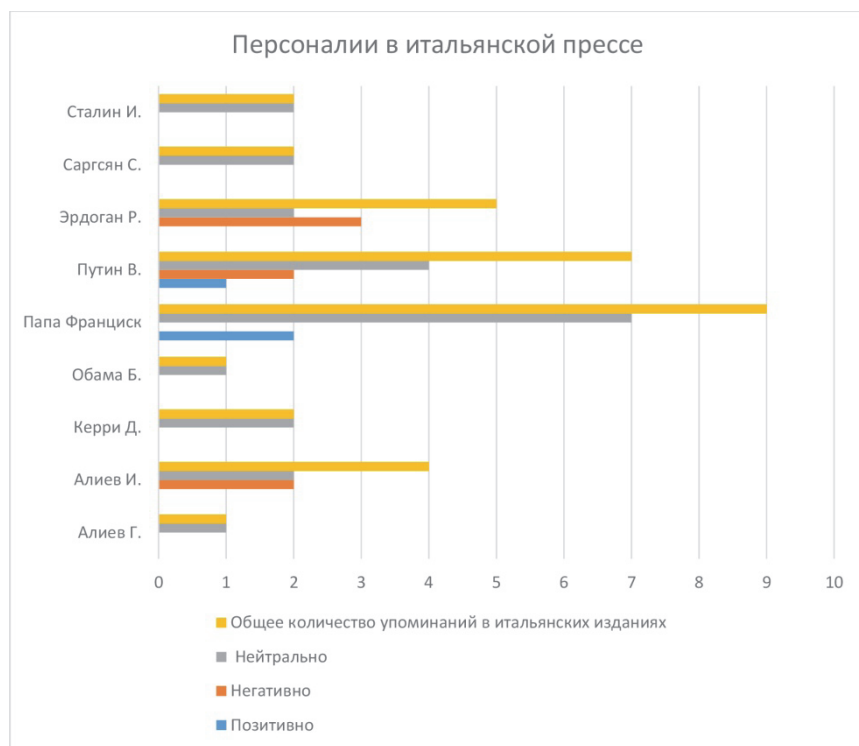

Рис. 1. Персоналии, упомянутые в статьях о Карабахской войне в «La Repubblica» и «Il Corriere della Sera» с марта по июнь 2016 г.

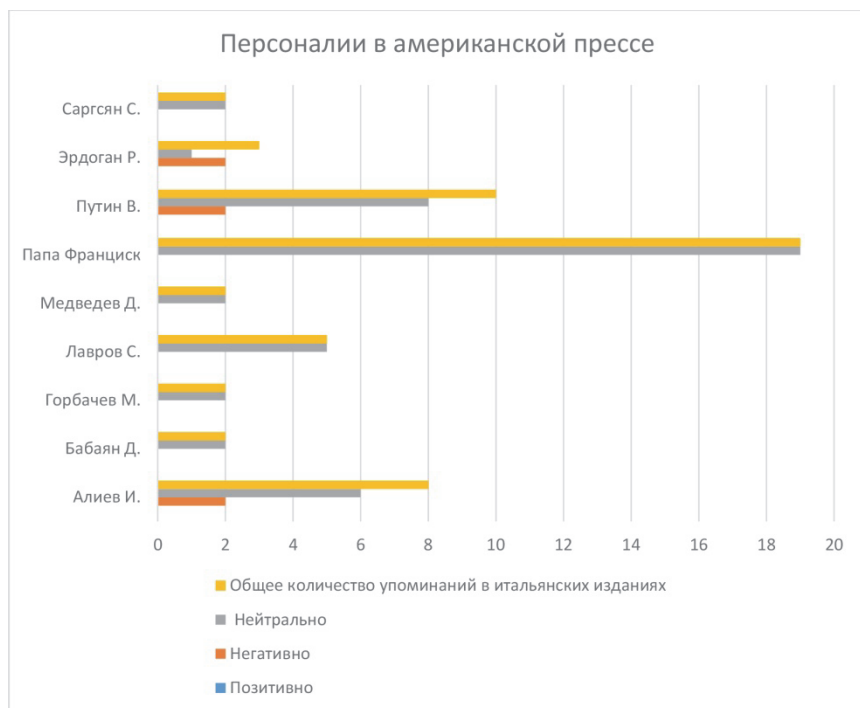

Рис. 2. Персоналии, упомянутые в статьях о Карабахской войне в «The New York Times» и «The Boston Globe» с марта по июнь 2016 г.

Роль третьих стран

Роль внешних сил в обострении конфликта выглядит определяющей. На рис. 3 и 4 изображены графики, посвященные роли третьих стран в Нагорно-Карабахской войне. Мы видим, что наибольшее воздействие на ситуацию оказывают две страны – Россия и Турция. Исходя из полученных данных, можно заключить, что Турция, даже в сравнении с Россией, имеет наиболее негативное влияние на отношения между Арменией и Азербайджаном. Многие журналисты обвиняют эту страну в активной поддержке одной из сторон конфликта – Азербайджана.

Армения же поддерживается Россией, за что она также получила негативные комментарии со стороны американских и итальянских изданий: «Два непредсказуемых лидера (Путин и Эрдоган) имеют прямой интерес к Нагорному Карабаху», отмечают американские журналисты²⁸⁴. С другой

²⁸⁴ MacFarquhar N. Azerbaijan Claims to Halt Violence in Nagorno-Karabakh, but Warns Armenia // The New York Times: electronic archives. URL:

стороны, нельзя недооценивать всяческие попытки российского правительства урегулировать данный конфликт мирным путем, что также отмечалось рядом журналистов.

Франция и США упоминались в статьях об армяно-азербайджанской войне в качестве посредников между конфликтующими сторонами, однако о позитивном влиянии данных стран на исход событий журналистами не заявлялось. Конфликт в Карабахе часто воспринимается на Западе как один из элементов череды национальных движений на постсоветском пространстве. В связи с этим ведущими изданиями США и Италии проводится параллель с событиями в Грузии, Молдове и Украине.

Ливия и Сирия упоминались журналистами в качестве примеров нестабильности на Ближнем Востоке, а Иран описывался в качестве страны, загнанной в угол, поскольку именно близ ее границ разворачиваются военные действия. В одной из статей также был рассмотрен интерес КНР к происходящему и показана степень его влияния на действия России.

Рис. 3. Персоналии, упомянутые в статьях о Карабахской войне в «La Repubblica» и «Il Corriere della Sera» с марта по июнь 2016 г.

<http://www.nytimes.com/2016/04/04/world/europe/azerbaijan-armenia-nagorno-karabakh-conflict.html> (accessed 25.07.2016).

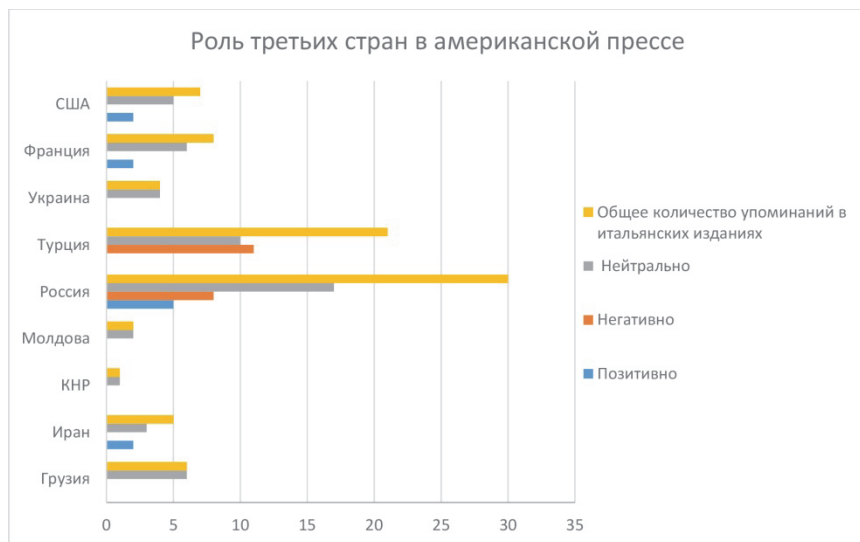

Рис. 4. Персоналии, упомянутые в статьях о Карабахской войне в «The New York Times» и «The Boston Globe» с марта по июнь 2016 г.

Ключевые проблемы

В центре внимания итальянской прессы в ходе армяно-азербайджанской четырёхдневной войны, стали экономические проблемы, беженцы и геноцид. Американские журналисты наиболее часто говорят об экономике, делая акцент на нефтяном аспекте. Правам человека издания уделяют сравнительно мало внимания. Вопрос геноцида наиболее часто упоминался газетами в связи с приездом Папы Римского в Армению. Здесь, тема геноцида, в основном поднималась в связи с проблематикой признания/непризнания геноцида армян в османской империи. Мнение Папы по этому вопросу вызвало глубокий интерес, поскольку эта тема является одной из определяющих в отношениях Армении и Турции.

Тема беженцев, применительно к Карабахскому конфликту вызывает в два раза больший интерес у итальянских СМИ, чем у американских. Это можно объяснить тем, что итальянцы гораздо чаще американцев сталкиваются с проблемой беженцев и эта тема вызывает у них отклик.

Американцы многие проблемы, в том числе и Карабахскую войну, видят сквозь призму экономических проблем. Этим объясняется, что почти половина статей о конфликте связана с разного рода экономическими сюжетами.

Проблемы Карабахской войны в итальянской прессе

■ беженцы ■ экономические ■ права человека ■ геноцид ■ терроризм

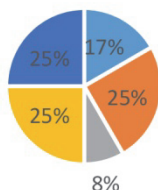

Рис. 5. Проблемы Карабахской войны в «La Repubblica» и «Il Corriere della Sera» с марта по июнь 2016 г.

Проблемы Карабахской войны в американской прессе

■ беженцы ■ экономические ■ права человека ■ геноцид ■ терроризм

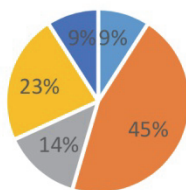

Рис. 5. Проблемы Карабахской войны в «The New York Times» и «The Boston Globe» с марта по июнь 2016 г.

Источники информации

В ходе исследования были также проанализированы источники, на которые ссылались американские и итальянские издания (Рис. 6). Гистограмма показывает, что журналисты в примерно одинаковой степени пользовались сведениями обеих сторон конфликта. Трудно сказать, что существовали предпочтения информационным источникам армянской, либо азербайджанской стороны. Это может свидетельствовать о стремлении западных СМИ к объективному освещению конфликта.

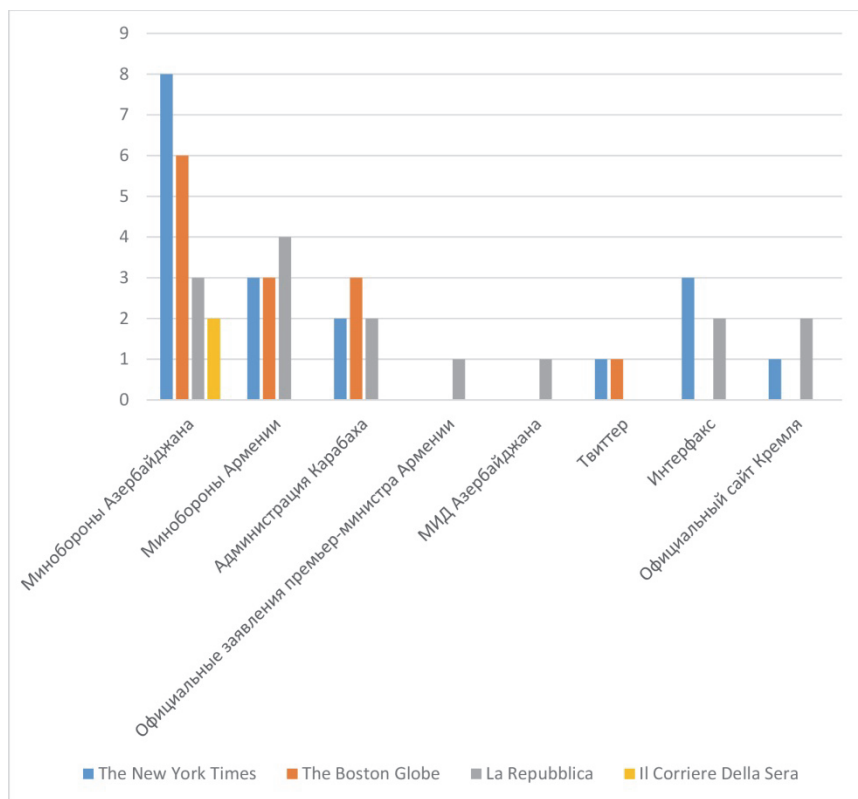

Рис. 6 Источники, использованные американскими и итальянскими изданиями, о Карабахской войне с марта по июнь 2016 г.

Заключение

Получая примерно одинаковый поток информации, западные СМИ продемонстрировали своеобразное восприятие Нагорно-Карабахского конфликта, обострившегося в ходе «Четырёхдневной войны». Прежде всего, следует отметить, что в качестве основной причины роста напряженности в отношениях двух сторон они усматривают действие внешних сил. Это Турция, Россия и Азербайджан. Наибольшую ответственность за разморозку конфликта они возлагают на лидеров этих трёх стран.

Вместе с тем, наиболее упоминаемой персоной стал Папа Римский Франциск. Скорее всего, это не столько признание его роли в урегулировании, сколько свидетельство его влияния в западном христианском мире.

Если говорить о проблемах, которые породил конфликт, то итальянские СМИ наиболее часто пишут о проблеме беженцев, что скорее всего говорит об остроте данной проблемы в самом итальянском обществе. Американские газеты большее внимание уделяют экономическим, нефтяным аспектам конфликта, что также во многом свидетельствует об особенностях внешнеполитической оптики американского общества.

OFFICIAL NEWS COVERAGE OF THE «FOUR-DAY APRIL WAR» BY NAGORNO-KARABAKH DEFENSE MINISTRY: FRAME ANALYSIS

Hayk Smbatyan, *BA student, Faculty of Sociology,
Yerevan State University, Yerevan, Armenia*

A conflict is not only the actual events that are going on between the sides but also everything that people acknowledge about it and the constructed collective notions which give us the image of the conflict itself.

While studying such a tangled conflict like Nagorno-Karabakh one it is essential to consider how the media coverage can shape the abstraction of the conflict among the society. It is vital to highlight that during a re-escalation of a conflict there is a rise of nervousness and tension among the society, therefore the responses to different things might be very sharp and categorical.

So, examining one of the most massive military confrontation ('Four-Day April War'²⁸⁵) of Nagorno-Karabakh conflict since the time of 1994 ceasefire agreement, it is essential to find out the main strategies of the official media coverage of the conflict aiming to show how the event is being structured and perceptioned in a technically way for the most part of the Armenian society, which, even despite the small territory of the country, still physically lives far away from the “war-zone”.

The purpose of the research is to find out the framing features of the official media coverage of Four-Day April War.

The objects of the research are the press messages released by the Nagorno-Karabakh Defense Ministry about the Four-Day April War events during 2-5 April, 2016.

The research questions are:

²⁸⁵ *Four Day April War – Military confrontations on the contact line between Nagorno-Karabakh and Azerbaijan during 2-5 April, 2016.*

- What are the main principles of framing the press messages on the respective events?
- What categories and groups do the news frames divide into?
- What are the differences between shaping the images of both sides and their actions through frames?

The theoretical approaches of Media Sociology, Conflict Studies and Postmodern Sociology have been addressed using those as a theoretical basis for the analysis.

Given the rise of the role and importance of the media messages during war time among the society and the possibility of using those as ways of having some impact on the society, the frame analysis methodology has been adopted in the frameworks of this study.

The methodology is based on the idea that being one of the socialization agents, mass media transfers the information to the public using certain latent frames in order to highlight some particular pieces of information (mostly of a big importance for the sender) and thus to manage public's perceptions.

So, through frames it is becoming easier to make the public concentrate on certain events or certain aspects of an event.²⁸⁶

Adopting a frame-analysis methodology it is possible to find out how the official source of information is socially structuring a particular event as a social phenomenon.

Considering the fact that the research objects are the press messages released by the Nagorno-Karabakh Defense Ministry, the content analysis method has been applied throughout the study. Moreover, given the low quantity of the research object, an oversampling has been adopted and all the press messages²⁸⁷ published on the official website of NK Defense Ministry during 2-5 April, 2016, have been explored.

The results of the study clarify and help categorize several types of information frames used throughout the news coverage of the respective events and allowing analyzing the interrelations of the used frames and the possible outcomes of those.

The frame categories include:

- identification frames,
- descriptive frames,
- action frames,
- information frames,

²⁸⁶ Goffman E., *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*, Northeastern University Press, United States, 1986

²⁸⁷ During the respective time period there have been a total of 20 press messages published on the official website of NK Defense Ministry.

- 'gain-loss' type frames.

1. Identification frames

Throughout the conflict, the sides usually identify themselves in a certain way. So, it is important to understand what identification frames are used by the media resource in order to create the images of the both sides of the conflict.

In this sense, there are two groups of frames used, self-defining and opponent-defining frames. The Azerbaijani side is defined with the words '*Azerbaijani forces*', '*Azerbaijani troops*', '*Azerbaijani army*', '*Azerbaijani side*', thus highlighting the ethnic origin of the opponent and not mentioning its official names. This way the opponent's image might be brought to everyday-life level of perceptions.

In the meantime, the Armenian side is most of the time called to as '*Defense army divisions*', '*Republic of Artsakh*', '*Nagorno-Karabakh army*', '*Defense army forces*', sometimes as '*Karabakh forces*', '*Karabakh side*' and in a particular example, '*Armenian troops*'. In this type of frames the official names of NK side are highly stressed resulting to a seriousness among the public, and the adjective 'Karabakh' is aimed at showing independence and indirectly uniting all the people whose identities involve 'Karabakh' element.

2. Descriptive frames

While covering the conflict sometimes stereotyped words or labels are widely used to have a bigger and more emotional impact on the 'audience'; moreover, those labels are used for both sides of the conflict.

On the example of the current study, when referring to the opponent, most of the time media messages would contain the words '*enemy*', '*demoralized*', '*failed-preachers*', '*incompetent*', '*fearful of losses*', '*forceless*'. On the other hand, while describing the NK side, the most common labels would be '*steady*', '*confident*' and '*successful*'.

This way the descriptive frames are able to create an impression of a powerless 'enemy' and at the same time unite the targeted audience under a common trust towards the military forces. Another significant aspect of this question is that the quantity of labels in the last case are minimal, which is a sign of carefulness, since that way the information source may avoid any possible audience criticisms in the future in case of a military failure or loss.

3. Action frames

Current research also shows how the actions and dynamic situations by both sides are labeled or stigmatized, thus describing the main strategies that the sides have adopted.

'Attacking', 'aggressive', 'simple', 'unbalanced', 'flashy' are the way opponent's actions are coded, although actions by NK side were *'protective', 'appropriate', 'counteracting', 'literate'* and *'purposeful'* according to the source.

The labels used to describe the actions of the sides of the conflict obviously stress negatively the Azerbaijani side and vice versa in the case of NK side.

4. Information frames

Information frames are the ones that are used for the information source to gain trust among public. Due to these frames, comparatively objective information about the current situation is transferred; in other words, information about the information is sent.

In this sense, informative frames include situation labels, information labels and information delay. In order to keep the public's notions on the situation stable not dependant from the disproportionate actions of the sides, some expressions like *'strong confrontations', 'strong fights', 'intensive situation', 'critically tense situations', 'difficult situation'* are used in the media messages.

In order to keep the public further following its news, the source also praises itself and the information provided using expressions like, *'Due to NK defense army's operative data...', 'confirmed data', 'regular and objective coverage', 'fresh news', 'this message was on the way of publishing when it was known that...'*. This frames make public believe that the information they are receiving is trustworthy and concrete, thus trying to disable any alternative sources of information from *'intervening'* that communication.

And the last informational framing technique, which is information delay, is used to make links between present and future news coverage. Some expressions like, *'we'll keep you updated on the situation...', 'further information will be provided later...'* and *'follow our news feed in order to be informed...'* are seeking to make public *'stay tuned'* and come back to the same source when additional information needed.

5. 'Gain-loss' type frames

During a military confrontations losses are inevitable, and, most significantly, when considering the situation from the view of one side of the conflict, the loss of a side is a gain for another one.

So, it is important to find out how the media source is interpreting and referring to the gains and losses of both sides. The study of the news coverage messages shows that in between all the information provided on the April events, the proportions of messages about gains and losses are about 5:1 in average, by counting the proportions of each criterion in every single message.

'Gain-loss' type frames are psychologically and socially essential inasmuch as the public tends to concentrate more on the potential losses than actual gains.

The study shows that the official source has a tendency to transfer more information on gains than losses, in particular, providing 5 units of gains together with 1 unit of loss, thus seeking to compensate and balance the possible emotionally drastic expressions among the public.

To sum up, following the main purpose of the research of finding out the framing features of the official media coverage of Four-Day April War, the results of the frame analysis of the media messages clarify and help categorize several types of information frames used throughout the news coverage of the respective events including identification frames, descriptive frames, action frames, information frames and 'gain-loss' type frames, and allowing analyzing the interrelations of the used frames.

References

1. Աթանեսյան Ա., Աստվածատուրով Ս., Բաբայան Ա. և այլք, Ռազմական սոցիոլոգիա. Ուսումնական նյութերի ժողովածու, Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, Երևան, 2005
2. Խաչատրյան Ա., Հաղորդակցումը որպես անձի վարքի կարգավորման սոցիալական գործոն, Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, № 3, Երևան, 1985
3. Մելքոնյան Ն., Հասարակայնության հետ կապերի հիմունքներ, Երևան, 2008
4. Միրաքյան Վ., Սոցիալական դիրքորոշումների ձևավորումը զանգվածային լրատվամիջոցներով, էջ 63-65, ԵՊՀ հրատ., Երևան, 2015
5. Պողոսյան Վ., Միրումյան Կ., Բաբաջանյան Ա. և այլք, Քաղաքականություն և քաղաքագիտություն. հարցեր և պատասխաններ, Պրակ Դ, Լինգվա, Երևան, 2008
6. Baudrillard J., In the Shadow of the Silent Majorities or the End of the Social and Other Essays, Semiotext(e), Los Angeles, 1983
7. Baudrillard J., Simulacra and Simulation, University of Michigan Press, Michigan, 1994
8. Coser L., The Functions of Social Conflict, The Free Press, New York, 1956
9. Deleuz G., The Logic of Sense, Columbia University Press, New York, 1990
10. Foucault M., The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences, Pantheon Books, New York, 1970
11. Giddens A., The Consequences of Modernity, Polity, 1996
12. Goffman E., Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience, Northeastern University Press, United States, 1986
13. Innis H. A., The Bias of Communication, University of Toronto Press, Canada, 1991
14. Marcuse H., One-Dimensional Man, Routledge & Kegan Paul, United Kingdom, 1964
15. McLuhan M., The Medium is the Message, United Kingdom, 1967
16. McLuhan M., Understanding Media: The Extensions of Man, McGraw-Hill, Canada, 1964
17. Sim S., The Routledge Companion to Postmodernism, Icon Books, London, 1998

18. Tajfel H., Turner J., The social identity theory of intergroup behaviour, in Psychology of Intergroup Relations, Nelson-Hall, Chicago, IL, 1974
19. Wisbord S., Media Sociology: A Reappraisal, Polity, United Kingdom, 2014
20. Бодрийяр Ж., Система вещей, Рудомино, Москва, 2001
21. Майерс Д., Социальная психология, Питер, Санкт-Петербург, 2007
22. Матвеева Л., Аникеева Т., Мочалова Ю., Психология телевизионной коммуникации, РИП-Холдинг, Москва, 2004
23. Сагателян С., Теория фреймов как язык описания современных конфликтов, «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Մոցիոլոգիա, Տնտեսագիտություն», № 3, 2015
24. ԼՂՀ ՊՆ պաշտոնական կայքէջ (հասանելի է հետևյալ հղմամբ՝ <http://nkrmil.am/main/am/news.html>, 12.06.2016 դրությամբ)

АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ТУРИЗМЕ

Тамара Тамарашвили, *ассоциированный профессор,
Телавский государственный университет, Грузия*
Ия Шиукашвили, *главная специалистка Отдела международных дел,
Телавский государственный университет, Грузия*
Георгий Мамулашвили, *студент, факультет Бизнеса,
Национальный университет Грузии*

SAFETY ASPECTS OF TOURISM

Tamar Tamarashvili, *Associate Professor,
Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia*
Ia Shiukashvili, *Chief Specialist of International Relations Office,
Iakob Gogebashvili Telavi State University*
Giorgi Mamulashvili, *Student, National University of Georgia, Faculty of
Business, Management and Administration*

Abstract. Safety aspects related to the tourism all the time spent actuality. Tourist safety is impossible without progress of the development in tourism. The tourist business is a serious source of income for the state, tourism safety protection is the basic conditions for development of tourists traveling, life, health and property, this sector in any country. The article highlights the safety features, analyzes the security implications, the case, as peaceful, as well as emergency crisis situations, as well as the ways and means of avoiding risks.

Keywords: safety, tourism, extremal situations, risks.

Вопросы, связанные с безопасностью туризма, всегда были актуальны и в прошлом и в настоящем. Без заботы о безопасности туристов невозможно

развитие туризма. Туристический бизнес является источником серьёзного дохода, поэтому защита безопасности туризма, охрана жизни, здоровья, имущества туристов во время их путешествия является важнейшей предпосылкой для развития данного сектора в любой стране.

Под безопасностью туризма подразумевается личная безопасность туриста, сохранение его имущества и не нанесение вреда окружающей среде. Защищённость туриста является одним из основных критериев туристического обслуживания. Таким образом, исследование безопасности туризма актуально и обязательно. Цель данного исследования состояла в следующем: показать вопросы, связанные с безопасностью; проанализировать риск, связанный с ней; осуществить профилактические мероприятия и сформулировать собственные выводы. Думаю, что для туриста весьма важными являются: знание вопросов безопасности при любом путешествии, как в мирное время, так и в кризисных ситуациях.

Туризм в мировой экономике является одной из ведущих и динамических отраслей. Кроме прогрессирования и развития страны важным является защита и защищённость туристов. Это один из главных критериев туристического обслуживания и основных параметров оценки туристических маршрутов разных категорий.

«Защита безопасности туристов должна быть предметом постоянной заботы государства. До сих пор во многих странах не существует единой системы, которая бы обеспечивала полноценную их защищённость как внутри страны, так и за её пределами, кроме того нет и системы учёта, анализа и статистики несчастных случаев, системы защиты туристов при эпидемиях, воровстве или возникновении каких-либо кризисных ситуаций»²⁸⁸.

Всеми признанным фактом является то, что для государств туристический бизнес – источник серьёзных доходов, и он играет ведущую роль в деле заполнения государственного бюджета, но даже одно непредвиденное происшествие, или опасное для жизни явление, наносит большой удар на весь туристический бизнес. Требования безопасности туристов из экскурсантов указаны в соответствующих государственных стандартах. Туристические и экскурсионные службы обеспечивают защиту жизни и здоровья туристов во время путешествия по конкретной стране. Если во время путешествия возникают какие-либо обстоятельства, то это может отрицательно повлиять как на впечатления туристов, так и на их здоровье и состояние. При проектировании туристического тура, тур-операторами должно быть внимательно изучены риск-факторы и причины, которые могут их вызвать.

²⁸⁸ www.ratanews.ru/news/news160920053.stm.

Нужно отметить, что во время путешествия, а особенно это касается горных регионов, большинство несчастных случаев происходит по неопытности самих туристов, поэтому до начала пути, для правильной организации тура, нужно подготовить туристов и провести соответствующий инструктаж.

«При путешествии, кроме природных явлений опасными факторами могут стать несоответствующая организация тура, плохая подготовка туристов и проводников, технические и тактические ошибки, есть случаи, когда турист переоценивает свои физические данные, поэтому при составлении тура, тур-оператор составляет маршрут в зависимости от сложности, т.е. от простого к сложному. В отдельных же случаях, на маршруте запланированы остановки на специально выбранных местах, где туристы акклиматизируются и готовят снаряжение, им проводятся специальные предварительные тренинги для преодоления ожидаемых трудностей»²⁸⁹.

В разных странах мира существуют разные понятия безопасности во время путешествия в по дикой природе, для избежания любой угрозы и защиты туристов. Для этого созданы проводниково-спасательные школы, которые специально готовят проводников, рейнджеров и спасателей при сложных маршрутах. От их уровня и профессионализма, мастерства и квалификации зависит успешное осуществление подобных путешествий. Они должны обслуживать, вызывать доверие, владеть полной информацией о возможных рисках при конкретном путешествии и знакомить с ними туристов и т.д.

«Организация безопасности туриста – комплексное понятие, содержащее множество аспектов защиты путешественника: предотвращение от эпидемиологического, бактериального и другого риска, защита людей от природных катастроф, соблюдение соответствующей формальности, организация безопасности туристов при их перевозке и т.д.»²⁹⁰.

В туристических центрах природные катастрофы представляют собой серьёзную опасность. Если туристическая фирма с ответственностью подходит к вопросам безопасности к существующей проблеме, то может до минимума снизить риск. Естественно, ставится вопрос, какие меры должны быть приняты для предотвращения опасности:

- если обязательно нужно предоставить туристам информацию о возникновении ожидаемых рисков, если в зоне туристического объекта или маршрута возникают факторы природного и техногенного риска. На каждый туристический объект должны быть разработаны и утверждены

²⁸⁹ Метревели М. «Бизнес туризма, индустрия и маркетинг», Тбилиси: Универсал, 2011, стр. 283

²⁹⁰ Метревели М. «Внешняя среда и экотуристический менеджмент», Тбилиси, 2012, стр. 283-284

мероприятия по проведению спасательных работ при чрезвычайных ситуациях;

- в целях обеспечения безопасности, обязательным является соблюдение порядка и норм при спасательных работах, с туристами должны работать квалификационные кадры, владеющие профессиональными навыками, привычками и методикой;

- при перемещении по маршруту со сложностью конкретной категории для полноценной подготовки туристов перед каждым маршрутом нужно провести специальное обучение, нужно раздать защитное снаряжение, проинструктировать людей и т.д.;

- важным является полноценное информирование туристов – маркирование для туристов понятной и точной маршрутной трассы. Туристические предприятия обязаны сообщить людям о элементах риска туристического обслуживания, о мерах их преодоления»²⁹¹.

Немаловажным является то, что туристические маршруты должны проходить только в тех местах, где радиационное состояние удовлетворительно. Ультрафиолетовое излучение характерно для многих пляжей, гор. Для предотвращения ультрафиолетовой радиации на туристических маршрутах, осуществляется информирование туриста о том, как влияет на человека данное явление. Также необходимым является владение знаниями об использовании методов и средств индивидуальной защиты (Защитные маски, кремы, одежда для защиты тела рук и ног, очки и т.д.).

Для туристов также могут быть опасны и химические факторы, например, токсические. Для избежания данных факторов риска необходимо:

1. Осуществить регулярный контроль вредных химических веществ в воздухе, почве, продуктах питания и другой физиологической среде;
2. Осуществить строительство и развитие объектов для туристического обслуживания в среде без риска химических факторов;
3. Строго соблюдая инструкцию, использовать дезинфекционные препараты, исключая контакт туристов с данными средствами;

С целью безопасности нужно очистить воздух, существующей вентиляционной установкой. WTO – всемирная туристическая организация безопасность туризма считает наиважнейшим, именно поэтому создаются метеорологические и мониторинговая федеральная службы. В особенно опасных районах работают противообвалочные центры поисково-спасательными службами, и т.д. Их задачей является своевременная предоставление информации туристам об обязательных мерах безопасности»²⁹².

²⁹¹ Там же.

²⁹² Метревели М. «Бизнес туризма, менеджмент, меркетинг». Тбилиси, 2011, стр. 285

Несмотря на то, что очень многое зависит от тур-оператора, агентства, туристической фирмы, всё же турист должен соблюдать определённые нормы. Путешествие может быть успешным прекрасным, но также и доставлять множество проблем, если сам турист забудет об элементарных правилах безопасности. Всемирные туристические организации предлагают нам рекомендации, которые должен предусмотреть любой турист.

«До начала путешествия обязательно нужно сделать две копии документов, иметь электронный вариант паспорта и фото визы, большая часть денег (оригиналы документов) должны храниться в сейфе гостиницы. Желательно, чтобы туристы не надевали национальную одежду, с одежды снять те знаки (напр шарф с грузинским орнаментом), которые подчеркнут происхождение туриста. Одевание должно быть консервативным и не выделяться, можно при помощи интернета осмотреть достопримечательности страны, её обычаи и традиции, выучить простые фразы на этом языке – спасибо, здравствуйте, извините и т.д. Желательно, чтобы турист при себе имел лекарства, но нужно предусмотреть, что в некоторых странах их внос запрещён, нужно приобрести страховку. Одной из условий безопасности является забота о собственности. Желательно приобрести страховку на вещи, имеющиеся у туриста (фотокамеру, бинокли, ноутбуки). Важным является за планирование маршрута передвижения, как можно более детально. Начать с изучения аэропорта, в который прилетает турист, владеть информацией об общественном транспорте, тарифах и т.д. Желательно, чтобы сам турист проявил осторожность и не потерял сумку, фотоаппарат или какой-либо другой предмет, также внимательными нужно быть и в многолюдных местах, так как именно там «хорошо» работают «карманники».²⁹³

Важным является безопасность в туризме при кризисных и чрезвычайных ситуациях. Во многих уголках мира отрицательным образом на развитии туристического сектора действуют террористические акты и военные действия. Исходя из этого, обязательно нужно разработать правильную и умную единую систему управления кризисными ситуациями и быстро её передать в те организации, которые заинтересованы развитием туристической индустрии.

Природные катаклизмы – наводнения, пожары, извержения вулканов наносят огромный урон имиджу туристического бизнеса, а также и народные волнения, аварии, преступления и болезни дискредитируют казалось бы самые спокойные туристические регионы.

²⁹³ www.flatcenter.ru/clouses/sorety-turistu/sovety-turistu.htm?openstat=ZGlyZWOLnihbmRleC5yd

Что такое кризис? «Кризис – это неожиданное явление, которое разрушает цели путешественника, туриста и мешает нормальной деятельности туристического бизнеса». Стратегия управления кризисными ситуациями нужна для того, чтобы помочь туристам сохранить веру к туристической индустрии и довести до минимума риски, для чего необходима хорошая коммуникация, основанная на принципах честности и прозрачности, что является ключом для успешного управления кризисными ситуациями. Вместе с коммуникацией важна и рекламно-пропагандистская деятельность, безопасность, защита и изучение туристического рынка. Внимание нужно уделить также и тому, что во время кризисных ситуаций сведения в массовые средства информации должны быть переданы из авторитетных источников, также необходимо назначить пресс-атташе с особенной подготовкой, их должно быть несколько, чтобы при необходимости они могли заменять друг друга.

Желательно чтобы предусмотрительный в туристической сфере менеджер, создал из бюджета некий запас в специальный фонд, который он мог использовать во время возникновения кризиса. Поэтому турист должен заранее получить разрешение на расходование денег из кризисного фонда, в противном случае ему придётся пройти через большие бюрократические процедуры и потерять много времени. Первые 24 часа кризиса самые критические. Ответственный подход к кризисным ситуациям может упрочить авторитет представителя конкретной туристической индустрии. Первейшей задачей в подобной ситуации является оказание туристам первой помощи, никакой лжи и попытки скрыть инцидент. Правдивая информация всё же выйдет наружу и факт сокрытия правды может принести ещё больший вред, нежели сам кризис²⁹⁴.

Первые справки о кризисе должны содержать информацию о том, что делается для потерпевших. Обязательна связь с представителями туристической индустрии. Предоставленная массовая информация, должна содержать подробные данные о том, что приняты меры помощи потерпевшим, конкретные меры действия и т.д. Во время кризисного периода должна работать линия экстремальной связи, которая может выполнять и роль «горячей линии». Это поможет туристам и их семьям получить информацию о кризисе. Также при помощи «горячей линии» можно ознакомиться с последовательностью мероприятий, осуществляемых для преодоления кризисной ситуации²⁹⁵.

Считаю, что забота о туристах во время кризисных ситуаций весьма важна, как для имиджа конкретной туристической фирмы, так и для всей страны или отдельного туриста. Именно поэтому во многих странах мира существуют спе-

²⁹⁴ <http://www.turbooks.ru/stati/zakony/173-obespechenie-bezopasnosti-turizma.html>

²⁹⁵ www.unwto.org

циальные курсы, семинары, которые обязательно должны пройти сотрудники, работающие в данной сфере. Также плодотворными будут партнёрские взаимоотношения между службами безопасности партнёрских взаимоотношений и частными туристическими фирмами, Министерством Здравоохранения. Всё это в совокупности будет способствовать возможности улучшить заботу о безопасности туристов во время кризиса. Думаю, что государство само должно осуществить финансовую помощь потерпевшим или учредить льготы для поддержки существующих в стране туристических компаний. В это могут входить бесплатные визы, субсидии, налоговые льготы, финансирование неотложной медицинской помощи и др.

Безопасность в экотуризме. Безопасность путешествия важная и в то же время сложнейшая проблема экотуризма. В мире известны много случаев, когда пренебрежение природных, социальных, эпидемиологических и др. проблем приводит к жертвам со стороны туристов. По справкам спасательных служб количество несчастных случаев из года в год значительно растёт. Достижение высокого качества безопасности экотуризма возможно только лишь соблюдением профилактических мероприятий всеми людьми экотуристического процесса. «Безопасность путешествия определённым образом зависит от поведения туристов. Владение ситуацией в конкретном регионе, помогает туристу в ориентации, подборе продуктов, в соблюдении личной гигиены и при взаимоотношениях с местным населением. Известно, что основная часть несчастных случаев обусловлена поведением самих туристов, также известно, что причиной было слабое руководство, т.е в обеспечении безопасности путешественников велика роль гидов. Одним из мероприятий для профилактики несчастных случаев в экотуризме является физическая подготовка туриста к будущему путешествию. Напр.: в горном туризме в первую очередь необходима адаптация организма к низкому атмосферному давлению (чем и характерны горы) и недостаточности кислорода и т.д. Поэтому целенаправленная акклиматизация туристов является одной из профилактических мероприятий несчастных случаев²⁹⁶.

Мы должны помнить, что часть людей плохо приспосабливается к быстрой измене климата. С этой точки зрения особенной чувствительностью выделяются визитёры среднего и пожилого возраста. Отрицательное влияние на организм может оказать как горячий климат, так и низкая температура. Поэтому во избежание туристом нежелательных результатов, заранее проводятся медицинские исследования, кроме того предусматривается и безопасность той или иной территории, на которых возможно существование таких природных явлений, как сейсмическая опасность,

²⁹⁶ Алханишвили Н. (2012), «Экотуризм», Тбилиси: Универсал, стр. 188

вероятность наводнения, оползней, политическая стабильность региона, криминогенные ситуации, санитарно-эпидемиологическое состояние региона, вероятность-профилактика инфекционных заболеваний.

Человек в природе может столкнуться с некоторыми факторами риска, в числе которых находится и землетрясение. Ежемесячно во всём мире регистрируется несколько миллионов землетрясений, из них более ста с разрушительной силой, одна – катастрофична. По человеческим жертвам и материальному ущербу второе место занимает наводнение. Для горных районов характерны потоки. Они опасны не только из-за своей разрушительной силы, но и полной неожиданности.

Во время экотура многое зависит от опыта проводника. Если в условиях высокой температуры проводник не даст соответствующих указаний, с путешественниками может случиться тепловой или солнечный удар. Таким же опасным является и переохлаждение, что может случиться под воздействием низкой температуры. Во время горных туров может появиться и горная болезнь. Неполноценные отдых и питание до начала путешествия и акклиматизация могут вызвать понижение сопротивляемости организма. Для предотвращения горной болезни нужно пройти акклиматизацию: для здорового человека 14-дневная физическая активность достаточна для частичной акклиматизации²⁹⁷.

При экотуристическом путешествии кроме вышеперечисленных факторов опасность представляют собой и инфекционные заболевания. Загрязнение окружающей среды часто становится основой возникновения инфекционных заболеваний. Непригодные для купания водоёмы, часто загрязнены микроорганизмами, а если же они плохо очищены, то вызывают разные желудочно-кишечные заболевания.

Таким образом, защита норм безопасности при экотуризме, как и при планировании любого другого туристического тура, весьма важна. При подготовке к экотуру нужно уделить внимание климатическим условиям, вероятности инфекционных, паразитических заболеваний. При планировке экотура нужно пройти медицинское обследование, проконсультироваться у врача по поводу будущего путешествия. С собой нужно иметь препараты, необходимые при первой помощи, также желательно пройти соответствующий инструктаж о вероятных опасностях. Таким образом, любая страна старается создать при туристическом путешествии соответствующие условия и правовую базу, чтобы турист был максимально защищён.

Думаю, что защита туристов, забота об их чести и достоинстве является предварительным условием развития туризма в любой стране, а защита их имущества, страхование здоровья, - важнейшие основания для

²⁹⁷ Алханишвили Н. «Экотуризм», Тбилиси: Универсал, 2012, сс. 191-292

заинтересованности и привлечения многих туристов. Исследователи говорят, что достичь указанного выше, «разработав правила безопасности путешественника, проинформировав общество, создав специальные институционные рамки, можно решить проблемы, которые связаны с безопасностью туристов, а в частности, двусторонним международным сотрудничеством при экстремальных случаях на региональном, внутрирегиональном и межрегиональном уровнях»²⁹⁸.

Выводы.

Таким образом, для обеспечения безопасности туризма в стране обязательным условием считаю:

1. Привести в порядок учётную систему туризма в стране; усилить спасательные службы, а особенно это касается курортных мест и высокогорных районов, где собираются большие количества туристов; оценить объективно и искоренить возможную эпидемиологическую опасность в прибрежной полосе и на побережье;

2. Для высококачественного осуществления безопасности туристов в кризисных ситуациях, считаю обязательным, сотрудникам туристической сферы пройти специальные курсы и семинары для дальнейшего, более эффективного и быстрого реагирования в чрезвычайных и кризисных ситуациях.

3. До планирования экотуров желательно туристам пройти медицинскую проверку и консультацию по поводу принятия участия в данном путешествии. Они должны пройти инструктаж о возможных опасностях.

4. Любая страна должна постоянно заботиться о создании правовой базы для безопасности туристов, так как их защита, забота о них является предпосылкой развития туризма. Считаю, что обязательно нужно провести социологические исследования, опросы туристов, что даст нам возможность предусмотреть в будущем замечания. Забота о безопасности туристов, их имуществе будет более эффективной, если с туристическими агентствами и туроператорами, сами туристы тоже предусмотрят советы и рекомендации, которые разработаны туристическими организациями.

Использованная литература:

1. Алханишвили Н. (2012), «Экотуризм», Тбилиси, стр. 191-192;
2. Метревели М, (2011), «Бизнес, индустрия и маркетинг туризма», стр. 283, 285, Тбилиси;
3. Метревели М. (2012), «Экономика и политика туризма», стр. 266, Тбилиси;
4. Метревели М. (2011), «Экономика и политика туризма», стр. 266, Тбилиси;
5. www.ratanews.ru/news/news160920053.stm].

²⁹⁸ Метревели М. «Экономика и политика туризма. Тбилиси, 2011, стр. 266

6. www.turbooks.ru/stati/zakony/173-obespechenie-bezopasnosti-turizma.html
7. www.unwto.org. организация объединённых наций, экономический и социальный совет.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА АБХАЗИИ

*Лана Мзарелуа, доктор географических наук, доцент,
Сухумский государственный университет*

STABILITY AND ECOLOGIC SAFETY OF ABKHAZIAN NATURAL LANDSCAPES

*Lana Mzarelua, Doctor of Geography, Associate professor,
Sokhumi State University*

Abstract. In this article are given the ways of protecting Abkhazian landscapes and their ecologic safety. War activities of 90th years of the last century brought great damage to the natural landscape of this region and accordingly, due to this factor raised a lot of ecologic problems. Aim of the author's research is to state what kind of changes may war activities brought to landscape stability. Basic issues are: 1). Viewing the zones of Abkhazian landscapes; 2). Consideration of damage being brought due to war activities. 3). To create tasks for the purpose of elimination of arisen environmental problems in Abkhazia or to strengthen received positive outcomes. By the author's opinion, its greatly significant to recover all damaged landscapes on the whole territory of Abkhazia, where it is possible. It is necessary: 1) to create the map of locations, where was a forest early, and to show the places on the map, where there is a threat for soil removal. 2) Before recovering the forests to perform soil preventing events. 3) To search and to define the remains of natural landscapes and perform their registration and protection. 4) To take on a specific control the damaged areas, which are formed as a result of hostilities and mineral extraction. It refers to tourism, which will have of considerable interest to the economy of Abkhazia. 5) Development of natural resources in Abkhazia should not lead to a reduction of the unique landscapes of this region or serious injury. This requires a reasonable management and regulation of the whole process, so called normal environmental risk, which will not violate the ecological balance in nature and will contribute to the strict protection of environmental security. It is evident that implementation of the recommendations the author has considered it appropriate, will be available in this region only after restoration of Georgian jurisdiction there.

Keywords: Abkhazia, landscape, ecology, protection.

Влияние человека на природу, вызвало сильные изменения ландшафтов, это началось уже давно, но изменения стали весьма заметными с на-

чала 20-ого века, когда стали создаваться населённые пункты, промышленные предприятия. В результате военных действий особенно сильно меняются и страдают природные ландшафты, и, конечно, экология находится в большой опасности.

Объектом нашего исследования является Абхазия, где военные действия 90-тых годов прошлого века нанесли огромный урон на природный ландшафт региона, за чем последовали и экологические проблемы.

Цель нашего исследования состоит в том, что нужно установить какие изменения могут нанести военные действия на устойчивость ландшафтов.

Основные вопросы: 1. Обзор зон ландшафтов Абхазии;

2. Обсуждение ущерба, нанесённого в результате военных действий в Абхазии;

3. Определение задач, необходимых для укрепления положительного результата или устранения экологических проблем, возникших в Абхазии.

В Абхазию входит несколько ландшафтных зон, в основном это горный регион с хорошо выраженной вертикальной зональностью природных ландшафтов. С севера примыкает западная область северного склона Кавказа, с юго-востока находится влажная субтропическая Колхидская низина и ландшафтная область предгорья. С западной части примыкает Чёрное море, сильно влияющее как на естественный характер территории, так и на характер культурных ландшафтов. Абхазия с точки зрения физической географии, была объектом исследования многих исследователей.[1]

Ландшафт – природный географический комплекс, в котором природные компоненты находятся в сложном взаимодействии и они приспособились друг к другу. Здесь рельеф, климат, растительный покров, животный мир и человек слиты и соединены друг с другом и в конце концов мы получаем единое гармоническое целое.

Согласно Д. Уклеба ландшафтное физико-географическое разделение абхазской территории должно быть представлено следующим образом:

Самурзаканский район. Самурзаканская низина (частично заболочена) это район холмистого предгорья с террасами, с влажным морским субтропическим климатом, тёплой мягкой зимой, аллювиальной субтропической Эцерой, краснозёмными и желтозёмными почвами, лесом колхидского типа, болотистыми лесами в низинах. В состав района входит горно-холмистая часть и мурзаканская низина территориальной провинции Грузии, на востоке она протягивается до реки Ингури, а на западе – до села Келасури, на юго-западе и западе примыкает к Чёрному морю, а с северной стороны поднимается до высоты в 500 метров;

Район Келасури и Псоу. Это район Келасури-Псоуской низины и предгорья с влажным, сухим (признаками похожими на средиземноморский климат) климатом, смешанной растительностью Средиземного моря,

аллювиальным субтропическим Эцерой и распространённой карбонатно-перегнойной почвой.

Массив Охачкуэ. Охачкуэ известково-карстовый район, с карстовыми пещерами, карбонатно-перегнойной почвой, зональностью вертикальных ландшафтов. Они с тектоническим и литологическим строением, морфологическими своеобразиями и взаимоуравновешанными ландшафтами представляют собой единый регион. [3]

Абхазские и Кодорские хребты. Развиты в основном на юрских порфиритовых слоях и известняке с многоэтажными ландшафтными зонами, с востока граничат с бассейном реки Ингури и известково-карстовым массивом Охачку, с запада граница приблизительно совпадает с водоразделом рек Гумиси и Келасури, с севера же – гребнем Кодорского хребта и Абхазии. [3]

Район Кодорского верховья. Кодорский район с современными ледниками и хорошо выраженными следами старого оледенения, многоэтажным ландшафтом. Данный район своим чётким территориальным отличием и взаимосогласованными природными комплексами представляет собой независимый физико-географический регион;

Бзипский район. Район Бзипского хребта относится к среднегорью и высокогорью с вертикальными ландшафтными зонами, в западной части с карстовыми ландшафтами. С запада и севера окружена узкими и глубокими ущельями реки Бзипи, на югедостигает зоны горно-холмистого предгорья, а с востока до ущелья реки Гумисти;

Бавиу Гегский район находится на правой стороне реки Бзипи, с севера граничит с Кавказским гребнем, с юга до устья реки Гега находится Бзипское ущелье, а с запада - Гегское ущелье, с востока – водораздел рек Бзипи и Чхалти. Бавиу-Гегский район представляет собой хорошо выраженную физико-географическую единицу. Несмотря на это, в отдельных местах внутри района имеет место слияние нескольких отличающихся друг от друга природных комплексов;

Гагрский район – это весьма своеобразная ландшафтная зона в пределах Абхазии, она находится в северо-западной части и с юга доходит вплоть до побережья Чёрного моря, является средним и высокогорным известково-карстовым районом Гагры, с вертикальными ландшафтными зонами и хорошо выраженными зональными микроландшафтами. [4]

В зелёной полосе, прилегающей к столице Абхазии – Сухуми, составной элемент уникального природного ландшафта, в результате военных действий был серьёзно повреждён. Природный ландшафт с особенной силой разрушается в процессе строительства гидроэлектростанций, во время развития промышленности. Абхазию с этой точки зрения характеризует верхняя зона г. Ткварчели и территория с. Речхи Гальского района, где

почти всё население села проживает в одном месте, а природный ландшафт полностью повреждён и изменён. Безусловно, эти действия имеют и положительную сторону, но при экологической оценке территории нельзя не считаться с отрицательными сторонами. В подобных случаях повреждение природы, его качества, необходимость экологического риска, нужно всегда оценивать максимально реально. [3]

Важно отметить, что природные ландшафты Абхазии испокон веков систематически претерпевали взаимодействие хозяйственной деятельности человека.

В 70-тых годах прошлого века в Абхазии были созданы очаги здоровья, развели чайные плантации, цитрусовые сады, построили благоустроенные дороги, привели в порядок Рица-Авадхарский природный комплекс, построили индустриальный центр – Ткварчели и т.д.

Эти изменения не вызвали нарушения целостности природной среды Абхазии и мы считаем, что никак не ухудшили уникальность ландшафта данного региона, наоборот, они внесли и культурные элементы. Но военные действия 90-тых годов прошлого столетия оставили свои следы на уникальные ландшафты и стали причиной появления больших экологических опасностей. Известно, что в результате разрушений из-за военных действий в Абхазском конфликте частично или полностью разрушены 32 моста, 450 кв.м. автомобильных дорог, 6 самолётов и один вертолёт претерпели крушение, сгорели 49 000 индивидуальных и коммунальных домов, [1] десятки школ и здравоохранительных учреждений, фабрик и заводов, административных строений, объектов туризма и отдыха, инфраструктуры, обслуживающие разные сферы деятельности. При пожарах подобной величины, была загрязнена атмосфера, непосредственные свидетели указывают о лесных пожарах, очевидно, что в ареале военных действий пожары и их результаты характерны более негативными признаками. Ведь многие древние цивилизации стали жертвами грандиозной эрозии, вызванной уничтожением лесов (царства хеттов, шумеров). [2]

На военных участках Абхазии суммированная величина аэрозоля на поверхности грунта составила 130 тонн. Удельная доля распыления данных веществ в пространстве составляет 12,5 кг/га. В основном продукты пожара распространяются на участки, где проходят военные действия, а также и на близлежащие территории. Очевидно, что их миграционная способность и изобилие передвижения природных импульсов по региону (реки, подземные воды, ветер и т.д.), а также и химические преобразования соединений способствуют продолжительной миграции ингредиентов, попавших в постоянный природный кругооборот.

В ареалах вооружённого противостояния имеют место не только уничтожение материальной инфраструктуры и живой силы, но и из-за продол-

жительных и сильных пожаров случается распыление продуктов сгорания в большом количестве, изменение элементов внешней среды (в основном погоды) и отзвуки экологической опасности.

Выводы и рекомендации:

- Мы считаем весьма важным восстановление по возможности на всей территории Абхазии разрушенных ландшафтов;
- Составить карту мест, где раньше были леса и выделить на них те места на которых создана опасность смыва почвы;
- До восстановления леса провести мероприятия по охране почвы;
- Нужно найти и определить остатки природного ландшафта, обеспечить их учёт и охрану;
- Особенно нужно проконтролировать те повреждённые территории, которые возникли в результате добычи полезных ископаемых и военных действий;
- Большое значение в Абхазии имеет использование природных ресурсов для рекреации и развития системы охраняемых территорий, это касается туризма, который внесёт весьма солидную долю в экономику Абхазии;
- Освоение в Абхазии природных ресурсов не должно вызвать уменьшения уникальных ландшафтов региона или какого-либо серьёзного нарушения. Для этого необходимо рациональное управление и регулирование данного процесса, с предусмотрением т.н. гормального экологического риска, который не нарушит экологическое равновесие в природе и будет способствовать строгой защите экологической безопасности.

Очевидным является то, что реализация рекомендаций, которые автором считаются целесообразными, возможно лишь в том случае, если в данном регионе будет восстановлена юрисдикция Грузии.

Использованная литература

1. Алпенидзе М., Абхазия: конфликт и экологический кризис. Материалы конф., Тбилиси, 2005;
2. Алпенидзе М., Региональный негативизм заминированных фрагментов Абхазии. Материалы конф., Тбилиси, 2006;
3. Уклеба Д., Ландшафтное районирование Грузии, Тбилиси, 1989;
4. Ригвава Л., Социально-экономические проблемы использования природных ресурсов Абхазии, Тбилиси, 2004.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РИСКОВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Яна Дидковская, кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии и ТГМУ УрФУ, Россия*

YOUNG PEOPLE'S SOCIAL WELLBEING IN CONDITIONS OF THE MODERN RISK SOCIETY

*Yana Didkovskaya, PhD, Associate Professor,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia*

Abstract. The article discusses the risks of employment associated with the uncertainty of modern societies. The main subject of risk behavior is a youth on the labor market. The article is based on the results of a questionnaire survey of the Sverdlovsk region, Russia of young people aged 15-30 years (N = 2512). We found that the main problem of employment for young people is the lack of work experience and mismatch of training skills level and requirements of the employer. Youth afraid to start a business due to inefficient tax system, corruption, bad loans. Professional development and obtaining high-quality higher education for urban youth is a guarantee against unemployment.

Keywords: youth, risks, social transformations, wellbeing.

Введение. Современное общество характеризуется высокой скоростью протекания социальных процессов в нем. Это обуславливает ситуацию неопределенности, когда общество подвержено постоянным изменениям. Данный процесс отмечается рядом социологических теорий, в том числе фиксируется в идеях неструктурированности общества, фрагментарности структур З. Баумана, динамизма и изменчивости структур П. Штомпки, перехода к неравновесному, открытому обществу Дж. Урри, развития нелинейной динамики С. Кравченко и других концепциях современного общества²⁹⁹.

Одним из результатов действия фактора возрастания неопределенности общества является рост его рисковенности, получивший достаточно пол-

²⁹⁹ См.: Бауман З. Текучая современность. Спб.: Питер. 2008.- 240 с.; Кравченко С. Динамика современных социальных реалий. // СОЦИС, 2010. № 10. С. 14-25; Штомпка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1. С. 6 -16; Урри Д. Мобильности. М.: Практикс, 2012. 576 с.

ную характеристику в работах Ю. Зубок и В. Чупрова.³⁰⁰ Согласно Ю. Зубок, риск может быть рассмотрен как часть объективной реальности и среды обитания индивидов (стихийные бедствия, экологические катастрофы, амбивалентность современной техники и технологий, экономические и политические кризисы, террористические акты и ошибки социального управления).³⁰¹ Но для нас более важна выделенная ею субъективная составляющая риска - готовность и умение действовать в условиях неопределенности, способность оптимизировать возможные исходы риска.

Безусловно, одной из наиболее уязвимых социальных групп для воздействия фактора риска является молодежь, вследствие своей маргинальности и необходимости решать проблемы самоопределения – жизненного, личностного, профессионального и т.д. Важным индикатором готовности противостоять рискам выступает ее социальное самочувствие в различных сферах общественной жизни. В настоящей статье мы фокусируем свое внимание на вопросе: насколько молодежь сегодня чувствует себя в безопасности в сфере труда и занятости, насколько она способна противостоять многочисленным рискам и какими ресурсами для этого располагает.

Данные и метод. Статья основана на материалах исследовательского проекта «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области», реализованного при поддержке Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области в ноябре-декабре 2015 г. под руководством проф. Ю.Р. Вишневого при участии автора статьи. Методом анкетирования опрошено 2512 человек в возрасте от 15 до 30 лет, использована целевая квотная выборка, квотными признаками являются занятость (работающая, учащаяся и безработная молодежь), возраст (опрошены молодые люди трех возрастных категорий – до 20 лет, 21-25 лет и 26-30 лет) и тип поселения (жители Екатеринбурга, других крупных городов области, средних, малых городов и жители сел и поселков городского типа).

Результаты исследования. Прежде всего важнейшими рисками в сфере труда и занятости для молодежи выступают опасность не найти работу по полученной профессии, либо опасность не найти работу вообще.

Оценка молодежью возможностей найти работу по своей специальности сильно варьирует в зависимости от возраста (см. табл. 1)

³⁰⁰ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: ACADEMIA. 2008. 272 с.

³⁰¹ Зубок Ю.А. Методология рискологического подхода в социологии молодежи. (электронный ресурс). // URL: <http://socyouthran.ru/bookview.php?file=12> (дата обращения 12.07.16)

Таблица 1

Возможность найти хорошую работу по получаемой (полученной) специальности в зависимости от возраста, в %

Варианты ответов	Группы по возрасту		
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Легко	23	16	9
Не очень легко, но можно	63	58	64
Очень трудно, но можно	12	20	20
Крайне трудно	2	6	7

Доля ответов «легко» снижается от младшей группы (23%) к средней (16 %) и особенно к старшей (9 %). Если в младшей группе ответы отметили значительную трудность трудоустройства 14 %, то в средней и старшей группах таких ответов было 26 % и 27 % соответственно. Очевидно, что опыт трудоустройства, профессиональной деятельности, который появляется с возрастом, вносит свои коррективы в реалистичность оценки риска не трудоустроится по специальности. За проявившимся оптимизмом респондентов младшей возрастной группы стоит довольно расплывчатое представление у молодежи о том, каков труд в современном обществе. Это обусловлено целым рядом факторов. Так, конкуренция образовательных организаций за абитуриента приводит к формированию приукрашенного образа ряда профессий и специальностей на стадии профессиональной ориентации. Разрыв многолетних связей многих из них с предприятиями реального сектора экономики снижают уровень информированности о содержании профессиональной деятельности, условиях труда и перспективах специальности.

Эти и некоторые другие факторы приводят к тому, что молодежь сталкивается с комплексом проблем при реальном трудоустройстве. Среди этих проблем опрошенные молодые люди на первое место поставили отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии (см. табл. 2).

Таблица 2

Проблемы, с которыми сталкивается молодежь при трудоустройстве, в зависимости от возраста, в %

Варианты ответов	Группы по возрасту		
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии	62	67	64
Низкий уровень оплаты	43	46	47

Отсутствие открытых вакансий	41	32	30
Несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя	30	30	19
Отсутствие информации о предприятиях, где нужна профессия	18	21	16
Конкуренция между молодыми работниками и другими категориями работников (мигранты, работники со стажем, пенсионеры и др.)	18	9	13
Жилищные проблемы (трудности с поселением в общежитие, служебного жилья и т. п.)	18	16	25
Несоответствие уровня оплаты и полученной профессиональной подготовки	13	16	10
Слабое взаимодействие между органами занятости, образовательными учреждениями и предприятиями	10	16	17
Недостаточно коммуникативных навыков, умения работать в команде у молодых специалистов	8	5	5
Недостаточно организационно-управленческих качеств у молодых специалистов	5	5	5
Отсутствие квот на трудоустройство отдельных категорий молодежи	3	4	4

Следующая проблема трудоустройства – это расхождение между желаемым уровнем оплаты труда и уровнем, который работодатель готов предоставить молодому специалисту, не имеющему по сути опыта профессиональной деятельности. Существенно повышает риск не трудоустроиться по специальности, по мнению респондентов, отсутствие вакансий на рынке труда. Такая ситуация отчасти является следствием проблемы взаимодействия образовательных организаций и реального сектора экономики, что выражается в перекосе в банке вакансий. Рабочие профессии являются высоко востребованными для выходящей из кризиса российской промышленности, также как и ставшие дефицитными инженерные кадры. В это же время на рынок труда образовательная система по большей мере выпускает специалистов и бакалавров, не нацеленных на имеющиеся свободные рабочие места. Сказывается и инерционность образовательной системы, и динамичность экономики.

Одна из возможностей снизить риск депрофессионализации и альтернатива трудоустройства по найму – перспектива начать свой бизнес.

Однако исследования социологов показывают, что эйфория 1990-х гг., когда существенная часть студентов и выпускников учебных заведений строила планы открыть свой бизнес, уже к 2007 г. сменилась более прагматичным и осторожным настроем.³⁰² Молодежь понимает, что при создании и ведении своего бизнеса им придется столкнуться с рядом других, трудно решаемых рисков. В настоящем исследовании мы изучали мнение молодежи о проблемах, с которыми имеют дело молодые предприниматели (см. табл. 3)

Таблица 3

Проблемы молодых предпринимателей в оценке молодежи, в %

Варианты ответов	Группы по возрасту		
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Нехватка квалифицированных работников	38	27	28
Плохой спрос	36	21	18
Ограниченный доступ к кредитам	17	29	18
Проблемы с инфраструктурой	11	7	4
Нехватка квалифицированных управленцев	19	21	18
Сложности с внедрением новых технологий	9	10	11
Высокая стоимость рабочей силы	18	13	12
Проблемы с административным регулированием	11	14	22
Высокие налоги	41	44	56
Сложности с изменением организационной структуры компании	7	6	1
Инфляция	19	23	17
Преступность	13	12	4
Коррупция	29	38	35

В иерархии возможных рисков лидирует критическая оценка существующего налогообложения бизнеса: 44% молодых людей отметили «высокие налоги» как основную проблему молодежного бизнеса. Среди основных предпринимательских проблем респонденты называют коррупцию (32%), нехватку квалифицированных кадров (34%) и неплатежеспособный спрос (30%). Кроме того, существенными препятствиями на пути открытия своего дела для молодежи может быть инфляция, недоступные кредиты, отсутствие квалифицированных управленцев (около 20%). Таким образом, системные дисфункции российской экономики, которые сопро-

³⁰² СТУДЕНТ – 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург: УрФУ. 2012. 332с.

возждают ее два последних десятилетия, тормозят инициативу и предпринимательскую активность, демотивируют молодых людей на занятие своим бизнесом. Соответственно молодежь не используется как эффективный ресурс развития предпринимательства и экономики в целом.

Экономические кризисы последнего десятилетия, мировые и российские, высветили еще один реальный риск – вероятность потерять работу, быть уволенным. Насколько молодежь чувствует себя уверенно в своем профессиональном будущем? Индикатор ее тревожного социального настроения это опасение остаться без работы. Исследование показывает, что сегодня оно достаточно выражено среди молодого поколения: около 40% высказали в той или иной степени такое опасение (см. табл. 4)

Таблица 4

Оценка перспектив остаться без работы в зависимости от типа поселения, в %

Страшит ли Вас перспектива остаться без работы?	Тип поселения			
	Екатеринбург	Другой или крупный город	Малый или средний город	Село, ПГТ
Совершенно об этом не беспокоюсь, надеясь на свою профессию и свой профессионализм	21	18	25	7
Пока не очень страшит, я еще учусь	39	37	43	49
Немного побаиваюсь, сказываются кризисные явления в экономике	17	22	20	18
Боюсь, есть реальная угроза не найти работу после получения диплома	15	9	3	11
Опасаюсь, что в будущем моя профессия исчезнет	3	9	4	7
Боюсь, есть реальная угроза потерять работу в ближайшее время	4	5	5	9

Молодежь, проживающая в Екатеринбурге и других городах, возлагает надежду на свою профессию и профессионализм, однако сельская молодежь подобного оптимизма относительно своей профессии и уровня профессионализма не проявляет. Очевидна ее большая уязвимость для безработицы, которую сама молодежь осознает в достаточной степени.

Важным моментом в готовности адекватно противостоять риску безработицы является наличие у молодежи социальных, культурных и других ресурсов. Конкуренция на рынке труда заставляет молодежь адекватно оценивать свои достоинства как профессионала или потенциального профессионала. По мнению молодежи, наиболее эффективными ресурсами для

обладания достойной работой выступают высокое качество профессиональной подготовки и качественное высшее образование. (см. табл. 5).

Таблица 5

Мнение респондентов об умениях и качествах, которыми нужно обладать, чтобы получить хорошую работу

Какими умениями и качествами нужно обладать, чтобы получить хорошую работу?	Группы по возрасту		
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Качественное высшее образование	52	35	35
Высокое качество профессиональной подготовки, сочетание теоретических знаний и практического опыта	57	63	57
Высокая компьютерная грамотность, умение применять компьютерные технологии	24	20	19
Знание иностранного языка	37	33	24
Коммуникативные навыки, умение работать в команде	36	40	37
Организационно-управленческие навыки	21	24	17
Связи, знакомства	28	39	33
Хорошее здоровье, физическое развитие	21	13	7
Привлекательная внешность	14	9	12
Отсутствие вредных привычек	17	5	9
Наличие качественного портфолио	18	12	7
Позитивный имидж в социальных сетях	5	4	1

Особенно высокую оценку качественное образование как эффективный ресурс получило среди учащейся молодежи (в группе до 20 лет и проживающих в Екатеринбурге). Респонденты этой категории также высоко оценивают знания иностранного языка (43%).

Заключение. Резюмируя результаты исследования рисков и социального самочувствия молодежи в сфере труда и занятости, можем заключить следующее.

Среди наиболее актуальных сложностей, связанных с трудоустройством, существенные опасения у молодежи вызывают отсутствие трудового стажа и несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя. Отсюда следует вывод: разрыв между практикой труда и профессиональным образованием по-прежнему актуален, а взаимодействие профессиональных учебных заведений и работодателя остается неотлаженным.

Молодежь демонстрирует излишне оптимистичную оценку возможностей трудоустройства, а также несколько завышенные притязания к уровню заработной платы, что чревато риском последующей неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью, разочарования в ней.

Ориентация молодежи на самозанятость в виде предпринимательской деятельности сдерживается системными дисфункциями экономической системы. Такие явления российской экономики как неэффективная система налогообложения, коррупция, «хищническое» кредитование, низкое качество трудовых ресурсов и др. находят отражение в сознании молодежи и определяют нежелание, боязнь создавать и развивать свой бизнес.

Более трети молодых людей, особенно жители села, выражают опасения потерять работу. Определенной гарантией для молодежи от безработицы, а также возможностью доступа к более привлекательной занятости выступают повышение профессионального уровня и получение качественного высшего образования. Это подчеркивает необходимость расширять образовательные возможности для молодежи, увеличивать доступность, прежде всего качественного высшего образования, но также и других форм дополнительного и профессионального образования, повышения профессионально-квалификационного уровня.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. Спб.: Питер. 2008.- 240 с.
2. Зубок Ю.А. Методология рискологического подхода в социологии молодежи. (электронный ресурс). URL: <http://socyouthran.ru/bookview.php?file=12> (дата обращения 12.07.16)
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: ACADEMIA. 2008. 272 с.
4. Кравченко С. Динамика современных социальных реалий. // СОЦИС, 2010. № 10. С. 14-25
5. Студент – 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург: УрФУ. 2012. 332с.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1. С. 6 -16
7. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

ԶԻՆՎՈՐԱՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ ՍՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐՆ ԱՆՎՏԱՆԳԱԳԻՏԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՆՔՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ

*Ալեքսանդր Ավետիսյան, քաղաքական գիտությունների թեկնածու,
փոխգնդապետ, ՀՀ պաշտպանության նախարարի ավագ օգնական, ՀՀ ՊՆ
մարդու իրավունքների և բարեկարգության կենտրոնի պետ*

METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDY CIVIL- MILITARY RELATIONS IN THE CONTEXT OF SECURITY STUDIES

*Aleksandr Avetisyan, PhD, Lieutenant Colonel, Senior Assistant to the
Minister of Defence, Head of Human Rights and Building
Integrity Center, MOD Armenia*

Abstract. The main objective of the Article is to identify the objective regularities of emergence and development of civil-military relations and to account for the role and characteristics of the institute of civil-democratic control of the armed forces in the context of security studies. The research is focused on detection of less examined issues and gaps in the theory of civil-military relations in order to approve politological and interdisciplinary basis of the selected sphere.

Keywords: Civil-military relations, civil-democratic control of armed forces, armed forces, civilian authorities, military power, security studies.

Մարդկային պատմության զարգացման վաղ շրջանից սկսած՝ զինված ուժերը, ռազմիկների խմբերը, զորքերը (անկախ նրանց անվանումից, հաստատութենական բնույթից և կառուցվածքից) օգտագործվել են հարձակվողական պատերազմներ վարելու, տարածքային սահմանների պաշտպանության, ինչպես նաև ներքին խռովությունները և հուզումները ճնշելու նպատակով: Սակայն մինչև 19-րդ դարը չկար հստակ տարանջատում, մի կողմից զինված ուժերի և օրենքի շրջանակից դուրս գործող զինված խմբերի (ինչպես, օրինակ՝ ավազակախմբերը կամ ծովահենները) միջև, մյուս կողմից՝ զինված ուժերի և քաղաքացիական բնակչության միջև: Սոցիալ-քաղաքական խմբերի հստակ տարանջատման բացակայության պատճառով հիմնականում միաձուլված էին նաև քաղաքացիական և զինվորական իշխանությունները: Զինված ուժերի

գործունեության շրջանակը հստակ սահմանված և սահմանափակված չէր և առավելապես պայմանավորված էր պետության հզորությամբ, ինչպես նաև կախված էր ղեկավարի, առաջնորդի կամ կառավարող դասի կամքից ու ցանկությունից, ըստ այդմ՝ շատ հաճախ կիրառվում էր որպես ներքին բռնության գործիք: Հետագայում՝ անգամ պետության կողմից ստանդարտացված հարկային և ծախսային մեխանիզմի վրա հիմնված ռազմական հիերարխիկ կազմակերպության ստեղծման արդյունքում, զինված ուժերի կողմից բռնության կիրառումը մենաշնորհելու իրավաքաղաքական հստակեցումից հետո էլ զինված ուժերի պրատորիական³⁰³ բնույթը էական փոփոխության չի ենթարկվել: Ավելին՝ տեխնիկական-արդյունաբերական զարգացմանը զուգահեռ՝ զինված ուժերը ձեռք են բերում ավելի արդիականացված բնույթ, որի արդյունքում զինված ուժերի՝ քաղաքականության մեջ ներգրավվելու փորձերը լայն տարածում են ստանում և շատ դեպքերում անգամ զուգակցվում են քաղաքական իշխանության ամբողջական գալթմամբ:

Կարծիքներ կային, որ ժողովրդավարացման ալիքի և հատկապես սառը պատերազմի ավարտից հետո զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների տեսության շուրջ գիտահետազոտական հետաքրքրությունները կորցրել են իրենց արդիականությունը: Խնդիրը նրանում է, որ «սառը պատերազմի» ընթացքում զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունները հիմնականում ուսումնասիրվում էին գիտական երկու տիրույթներում:

Առաջինը միջազգային անվտանգային խնդիրների միջակայքն էր, որտեղ զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների նկատմամբ հետաքրքրությունն առավելապես դիտարկվում էր գերտերությունների՝ արտաքին և պաշտպանական քաղաքականության ոլորտում զինվորականների ազդեցության մեծացման և դրա անկանխատեսելի հետևանքների կանխարգելման տեսանկյունից:

³⁰³ Մ.թ.ա. 2-րդ դարից՝ Հռոմեական կայսրերի թիկնապահ ուժեր, որոնցից Օգոստոս կայսրը մշտական ստորաբաժանում հիմնեց և տեղակայեց Հռոմի շրջակայքում: Հետագայում, դրանք քաղաքական ազդեցություն ձեռք բերեցին, սկսեցին լուրջ դերակատարում ունենալ կայսրերի ընտրության հարցում, հրահրում էին քաղաքական անկարգություններ: Նրանց բացասական ազդեցությունը հաշվի առնելով Կոստանտինոս կայսրը Մ.թ. 316թ. Պրատորիանական ուժերը ցրեց: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/praetorian%20guard>

Մյուսը վերաբերում էր զարգացող երկրներում առկա ներքաղաքական խնդիրներին, օրինակ՝ Լատինական Ամերիկայի երկրներում հեղաշրջումների միջոցով իշխանության եկող զինվորական վարչակարգերին և դրանց արդյունքում ի հայտ եկող ժողովրդավարական բնույթի խնդիրների և մարդու իրավունքների խախտումների խնդիրներին:³⁰⁴ Ենթադրվում էր, որ «սառը պատերազմի» ավարտից հետո գերտերություններում զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների հավասարակշռության խախտման հավանականությունը գրեթե բացառվելու է, քանի որ արտաքին վտանգի վերացման պարագայում զինված ուժերի դերակատարումը արտաքին քաղաքական հարցերում նվազում է: Միաժամանակ, ժողովրդավարացման համաշխարհային միտումների առկայության պայմաններում, թե՛ գերտերություններում, և թե՛ զարգացող երկրներում զարգացում են ապրում զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության մեխանիզմները, որոնք էլ նվազեցնում են զինվորական հեղաշրջումների հավանականությունը, ինչի օրինակն է արդի շրջանում զինվորական-քաղաքական վարչակարգերի «բնօրրան» հանդիսացող Լատինական Ամերիկայում դրանց գրեթե ի սպառ վերացումը:

Սակայն վերջին երկու տասնամյակների զարգացումների վերլուծությունից բխում է, որ վերը նշված պատմաքաղաքական զարգացումների արդյունքում զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունները ոչ միայն չեն կորցնում իրենց արդիականությունը, այլև ձեռք են բերում նոր դրսևորումներ, որոնց ուսումնասիրությունը պահանջում է էլ ավելի համակարգային ու բազմակողմ մոտեցումներ:

Նախ ամբողջատիրական վարչակարգերից ժողովրդավարությանն անցումը երկարատև ու բազմաշերտ գործընթաց է, որը հաճախ արգելակում է «անցումային» փուլում, ուստի, ժողովրդավարության հաստատման երկար գործընթացում զինված ուժերն այս կամ այն չափով բերելով քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության ներքո, այնուհետև անհրաժեշտություն է առաջանում կատարելագործել պետության կողմից զինված ուժերի արդյունավետ քաղաքացիական կառավարման կարողությունները, որպեսզի կրկին նպաստավոր պայմաններ չստեղծվեն քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության թոթափման և իշխանության զավթման համար: Սա են-

³⁰⁴ Diamond L., Civil-military relations and democracy, Baltimore, Maryland, 1996, էջ IX:

թաղրում է զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների նոր տիպաբանության մշակում և զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության դասական մեխանիզմների վերանայում ու հարմարեցում արդի պայմաններին:

Բացի այդ, անցումային փուլում գտնվող կամ այդ փուլը չհաղթահարող կեղծ-ժողովրդավարական վարչակարգերում ձևականորեն վնասագերծվում են զինված ուժերի՝ քաղաքական իշխանությանը միջամտելու կամ այն զավթելու կարողությունները, ինչը դասական տեսանկյունից զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների հիմնական հիմնախնդիրն է, սակայն զինված ուժերը ծայրահեղ քաղաքականացման միջոցով կարող են վերածվել իշխող քաղաքական ուժի շահերը սպասարկող ռեսուրսային կցորդի, որի կողմից մատուցվող ծառայությունները կարող են տարբերվել՝ սկսած իշխող քաղաքական ուժի գաղափարախոսությունը ռազմահայրենասիրական մոտիվներով արդարացնելուց ու հարստացնելուց, վերջացրած բանակի մեծաքանակ անձնակազմի միջոցով պարզ ընտրագանգվածի ապահովումով: Կարող է լինել նաև հակառակը, երբ զինված ուժերը քաղաքական մասնավոր շահերը սպասարկելու նպատակով բացարձակ ապաքաղաքականացվում են՝ զրկվելով պաշտպանական-անվտանգային քաղաքականության ոլորտում որոշումների կայացմանը ինչ-որ կերպ մասնակցելու հնարավորությունից, վերածվելով իներտ և հեշտ կառավարելի մի մարմնի, որին պետական իշխանության անունից, հրամանի միջոցով կարելի է ուղղորդել դեպի նեղ խմբային շահեր սպասարկող գործողությունների իրականացումը: Դա կարող է արտահայտվել քաղաքական իշխանությունը կրող ուժի շահերից բխող ռազմական արկածախնդրության մեջ ներքաշման, մասնավոր շահերից բխող, սակայն պետության միջոցներն անհարկի վատնող և տնտեսագիտորեն սխալ հաշվարկված ռազմական նշանակության արտադրանքի գնումների իրականացման, ռազմարդյունաբերական ոչ արդյունավետ նախագծերի զարգացման և այլ նմանատիպ ձևերով: Մա, այլ կերպ ասած, զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների հավասարակշռության խախտման հակառակ օրինակն է, երբ քաղաքացիական բաղադրիչի կողմից դիտավորյալ կերպով սահմանափակվում են զինված ուժերի քաղաքական մասնակցության թույլատրելի շրջանակները, մինչդեռ զինված ուժերը, հանդիսանալով պաշտպանության ոլորտում պետական լիազոր մարմնի ընդհանուր կառավարման ներքո գործող բաղադրիչ, հանդիսանում են այդ

ոլորտում պետական քաղաքականության մշակմանը մասնակցող և իրականացնող սոցիալական ինստիտուտ, ուստի իրենց իրավագործությունների պատշաճ կատարումն ապահովելու համար չեն կարող ի սպառ ապաքաղաքականացվել: Ընդ որում, զինված ուժերի ապաքաղաքականացումը զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների համատեքստում երբեք էլ չի դիտվել որպես այդ հարաբերությունների հաջողվածության նախապայման, քանի որ զինված ուժերն իրենց լիազորությունների շրջանակում պարտավոր են մասնակցել պետական քաղաքականությանը և պրոֆեսիոնալ եզրակացություններով հաստատել կամ հերքել այս կամ այն քաղաքական և/կամ դիվանագիտական գործընթացի հիմնավորվածությունը: Այդ պատճառով քաղաքագիտական և իրավաբանական տեսական կամ նորմատիվ աղբյուրներում ամրագրվում է ոչ թե զինված ուժերի ապաքաղաքականացվածությունը, այլ քաղաքական չեզոքությունը:³⁰⁵

Եվ վերջապես, արտաքին վտանգների նվազման արդյունքում պետությունները փորձ են անում զինված ուժերը քաղաքական հարցերից հեռու պահելու համար նրանց համար զբաղվածության նոր ոլորտներ ստեղծել: Զինված ուժերը սկսում են արդյունավետորեն գործել իրենց համար ոչ ավանդական գործառույթների ոլորտներում, ինչպիսիք են խաղաղապահությունը, թրաֆիքինգի և կազմակերպված հանցավորության դեմ պայքարը, արտակարգ իրավիճակների կանխարգելումն ու հետևանքների վերացումը, և անգամ պետության ներսում հասարակական կարգի պահպանման հարցերում ոստիկանական ուժերին աջակցության տրամադրումը: Սակայն սա վտանգավոր ու չկշռադատված մոտեցում է, քանի որ ստացվում է, որ պետությունները մեծ դժվարությամբ սահմանափակելով զինված ուժերի ներքին ազդեցության շրջանակները և նրանց բացառապես քաղաքական հարցերին ներգրավվելուց հեռու պահելու համար ուշադրությունը շեղելու նպատակով օժտելով ներքին նոր գործառույթներով՝ կրկին հնարավորություն են տալիս զինված ուժերին արհեստականորեն ընդլայնել իրենց ներգրավման շրջանակները, միջամտել կամ ակտիվ մասնակցություն

³⁰⁵ Տես, օրինակ՝ ՀՀ Սահմանադրության 14 հոդված. Հայաստանի Հանրապետության զինված ուժերն ապահովում են Հայաստանի Հանրապետության անվտանգությունը, պաշտպանությունը եւ տարածքային ամբողջականությունը, նրա սահմանների անձեռնմխելիությունը: Զինված ուժերը քաղաքական հարցերում պահպանում են չեզոքություն եւ գտնվում են քաղաքացիական վերահսկողության ներքո:

ունենալ իրենց գործունեության հետ անմիջականորեն չառնչվող նոր ոլորտներում, որը կարող է հանգեցնել բազմաձև ու բազմաբնույթ քաղաքական հարցերին զինվորականների անհարկի միջամտության և անգամ նրանց կողմից իշխանության գավթման:

Այսպիսով՝ պատմաքաղաքական զարգացումների արդյունքում տեղի ունեցող քաղաքական ինստիտուտների և գործընթացների ինտենսիվ ձևափոխման պարագայում անգամ արդիական է մնում զինված ուժերի քաղաքական դերի հստակեցման, զինված ուժերի կողմից քաղաքական իշխանության հնարավոր գավթման և այդ միտումների վերահսկման ու բացառման օբյեկտիվ օրինաչափությունների վեր հանումը, որն ամփոփվում է զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների տեսության շրջանակում: Մա հատկապես վերաբերում է այն պետություններին, որոնց անկախացումն ու ժողովրդավարացումը զուգորդվում է պետական իշխանության մարմինների և ուժի կիրառման ավանդական մեխանիզմների փոխակերպումներով:

Զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների ուսումնասիրության հիմնական օբյեկտ են համարվում զինված ուժերը՝ բռնության ինստիտուցիոնալացման, հասարակության զինվորական բաղադրիչի ձևավորման և պետականաշինության կապի, զինված ուժերի կառուցվածքագործառնական շրջանակների հստակեցման, սոցիալ-քաղաքական այլ ինստիտուտների հետ փոխհարաբերությունների, ինչպես նաև ժողովրդավարական արժեհամակարգի տարածման համաշխարհային շարժերի համատեքստում: Զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների ուսումնասիրության համար էական նշանակություն ունեն նաև մոդելները, մեխանիզմները, նպատակներն ու գործառույթները, բանակ-հասարակություն փոխհարաբերություններում զինված ուժերի գործառույթների արդիականացումը, ժողովրդավարացման համատեքստում զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների փոխակերպումները և այլն: Դրանց տարրերն են կազմում այնպիսի գործընթացներ ու երևույթներ, ինչպիսիք են բռնության լեգիտիմացումը, հասարակությունից զինվորականների խմբի պայմանական առանձնացումը և զինված ուժերը գործառության շրջանակով բռնություն կիրառող այլ ինստիտուտներից տարանջատումը, ինչպես նաև զինվորականների քաղաքական ու տնտեսական ազդեցության սահմանափակման սանկցիավորումը:

Զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների՝ որպես գիտական ուղղության նպատակներն ու խնդիրները են պարզել զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների առաջացման և զարգացման օբյեկտիվ օրինաչափությունները և դրանցում զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության ինստիտուտի դերի և գործառնման առանձնահատկությունները:

Դրանք իրագործվում են ներքոհիշյալ խնդիրների լուծման միջոցով.

1. վեր հանել զինված ուժերի, որպես սոցիալ-քաղաքական առանձնահատուկ ինստիտուտի ձևավորման և քաղաքացիական բաղադրիչից դրա ձևական տարանջատման գործընթացը,

2. պարզել բռնության ինստիտուտի դերը արդի պետությունների և զինված ուժերի ձևավորման ու կայացման հարցում,

3. սահմանազատել պետության կողմից կիրառվող լեգիտիմ բռնության ներքին և արտաքին դրսևորումներն ու հստակեցնել բռնության կիրառման հարցում զինված ուժերի գործառնությունների շրջանակը,

4. նկարագրել զինված ուժերի սոցիալ-քաղաքական ինստիտուտի ձևավորման պատմաքաղաքական նախադրյալները,

5. վեր հանել զինվորական մասնագիտության ձևավորման ու զարգացման օրինաչափությունները,

6. սահմանել զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների տիրույթը,

7. սահմանել «զինվորական» և «քաղաքացիական» բաղադրիչների տարանջատման չափորոշիչները և տալ բանակ-հասարակություն հարաբերությունների հավասարակշռության խախտման դեպքում հնարավոր սպառնալիքների ու ռիսկերի շրջանակը,

8. հիմնավորել զինված ուժերի քաղաքական ներգրավման սահմանները, պարզաբանել զինված ուժերի կողմից քաղաքական իշխանության զավթման պատճառներն ու նախադրյալները,

9. վեր հանել զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության բովանդակությունը, այդ թվում՝ զինված ուժերի «քաղաքացիական» և «ժողովրդավարական» վերահսկողության եզրույթները, գոյություն ունեցող սահմանումների մեկնաբանման և տեղայնացման միջոցով առաջարկել և հիմնավորել զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության նոր սահմանումը,

10. սահմանել զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության մեխանիզմները և պարզաբանել դրանց դերը զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների հավասարակշռության ապահովման հարցում,

11. վեր հանել զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության միջազգային փորձը և մեխանիզմները:

Զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների ուսումնասիրության և խնդիրների լուծման համար ավանդաբար առավել արդյունավետ է համարվում ընդհանուր գիտական և քաղաքագիտական մեթոդների և մոտեցումների սինթեզը: Մասնավորապես, զինված ուժերի, որպես սոցիալ-քաղաքական ինստիտուտի կայացման և զարգացման, այդ սոցիալ-քաղաքական գործընթացի հիմքում բռնության դերի պարզաբանման, ինչպես նաև զինվորական մասնագիտության ու զինվորականների սոցիալական խմբի առանձնացման հարցերն ուսումնասիրվում են հիմնականում պատմահամեմատական, կառուցվաքագործառնական և համակարգային մեթոդների կիրառմամբ: Զինվորաքաղաքացիական հարաբերությունների մոդելների և զինված ուժերի քաղաքացիական-ժողովրդավարական վերահսկողության մեխանիզմների հետազոտման ընթացքում, հաշվի առնելով այդ մոդելների և մեխանիզմների բազմազանությունն ու յուրաքանչյուր երկրում տարբեր գործոնների ազդեցության արդյունքում ձևավորված առանձնահատկությունները, պատմահամեմատական մեթոդը արդյունավետության բարձրացման նպատակով զուգակցվում է դեպքերի վերլուծության (case-study) մեթոդի հետ: Միջառարկայական մեթոդաբանության տեսանկյունից, իրավաքաղաքական հարցերի վերլուծության նպատակով կարող է կիրառվել փաստաթղթերի վերլուծության մեթոդը՝ համապատասխան նորմերի մեկնաբանմամբ ու քննադատական դիտարկումներով: Մեթոդաբանական հիմքում հաճախ օգտագործվում են նաև ինստիտուցիոնալ մոդելավորման և քաղաքագիտական կանխատեսման տարրեր:

Ամփոփելով վերը նշվածը՝ պետք է փաստել, որ զինվորաքաղաքացիական հարաբերություններն իր ուրույն տեղն է զբաղեցնում անվտանգային ուսմունքների համակարգում, սակայն ելնելով իր օբյեկտի ու առարկայի շրջանակներից և լուծվելիք նպատակների ու խնդիրների առանձնահատկությունից հաճախ ապավինում է մեթոդաբանական

տարբեր հնարքների ու համադրումների, ինչը դրան հաղորդում է գիտական առանձին ենթաուղղության էական հատկանիշներ:

ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽԱԿԵՐՊՈՒՄԸ, ԿԱՅՈՒՆ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄՆ ՈՒ ՊՈՏԵՆՑԻԱԼ ՍՊԱՌՆԱԼԻՔՆԵՐԸ

Սամսոն Մխիթարյան, *սոցիոլոգիական գիտությունների թեկնածու,
ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի պատմության և տեսության ամբիոնի ասիստենտ*

TRANSFORMATION OF CIVIL SOCIETY, ITS SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND POTENTIAL THREATS IN ARMENIA

Samson Mkhitryan, *PhD, Assistant Professor, Chair of History and
Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia*

Abstract. The article discusses current developments of civil society institutes and state of civil freedoms in the post-soviet countries, including Armenia. The author considers such processes as cooperation/conflict between political and civil society institutions, lack of culture of supporting civil initiatives by state and private bodies, lack of philanthropy, necessity for more effective public relations to be adopted by civil society institutions in Armenia. Among the factors which slow down the potential for sustainable development of civil society in Armenia is paternalistic thinking of the part of Armenian society about state and government as «parents» who should take care of the society, bad neighborhood of countries with lack of freedoms, and post-soviet mentality of certain social groups which is still soviet and does not help with development of civil freedoms and initiatives.

Keywords: civil society, NGO, political institutions, freedoms, transformation.

Խորհրդային ժամանակներից մարդկանց ներշնչված ու պարտադրված դոգմաներից, կարծրացած մտակաղապարներից ազատագրումը բարդ ու տևական գործընթաց է, որն անցնում է մի շարք էտապներ: Հետխորհրդային պետությունների համար քաղաքացիական հասարակության կայացումն ունի կրկնակի իմաստային կշիռ: Մի կողմից, նրա մեջ արտացոլվում են փոխակերպումների ներկա հանգրվանի հակասական միտումները: Այդ տեսանկյունից դիտած՝ հետխորհրդային պետություններում քաղաքացիական հասարակությունն իրենից ներկա-

յացնում է փոխակերպումների մի որոշ կողմը, այն առանձնահատկությունները, որոնք արտահայտում են շուկայական տնտեսության և ժողովրդավարական ինստիտուտների ամրապնդման դժվարին ու հակասական գործընթացները: Մյուս կողմից, կազմավորվող քաղաքացիական հասարակության արժեքների նկատմամբ զանգվածային անվստահության տարրերը³⁰⁶:

Հայաստանում արդիականացման վերաբերյալ նոր պատկերացումները սերտորեն կապված են զարգացման երկու մեխանիզմների՝ տարբերակման և ինտեգրացիայի հետ: Տարբերակումը նպաստում է հետխորհրդային հասարակության ինստիտուտների փոխակերպման և հարմարամյա իրական գործընթացների պահանջներին: Իսկ ինտեգրացիան ապահովում է հետխորհրդային հասարակություններում իսկական ժողովրդավարության և արդյունավետ շուկայական տնտեսության տարրերի արմատավորմանը:

Հետխորհրդային պետություններում քաղաքական իշխանության, պետական կառավարման, հանրային քաղաքականության լծակների գերկենտրոնացման, այլ խոսքերով, քաղաքական մենատիրության հաստատման շնորհիվ ձևափոխվել են ոչ միայն մրցակցության շուկայական, այլ նաև ազատ, արդար և թափանցիկ ընտրությունների կազմակերպման սկզբունքները: Պատահական չէ, որ հետխորհրդային հասարակություններում, այդ թվում՝ Հայաստանում, տնտեսության ազատականացմանն ուղղված բարեփոխումներին, ըստ էության, չեն ստեղծել մրցունակ և արդյունավետ շուկայական տնտեսություն: Դրա պատճառը պետք է փնտրել նախևառաջ նրանում, որ շուկան չի ապահովվել հավասար պայմաններով, գործունե հակամենաշնորհային օրենսդրությամբ, ազատ մրցակցությամբ, տնտեսական պայմանագրերի խախտումներին դիմագրավող իրավական պատժամիջոցների գործունե մեխանիզմներով: Իսկ առանց լիարժեք շուկայական տնտեսության չի կարող լինել կենսունակ ժողովրդավարություն և քաղաքացիական հասարակություն³⁰⁷:

³⁰⁶ Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка, характеристики. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1997, N2; Социальная идентификация личности. Под ред. В. А. Ядова, М., изд. Института социологии РАН, 1994 и т.д.

³⁰⁷ Wignert Barbara [ed.]. Transition to Democracy in Eastern Europe and Russia: impact on politics, economy and culture. Westport, Conn.: Praeger, 2002.

Ակնհայտ է, որ շուկայական մեխանիզմների արդյունավետության բարձրացման, ազատական, ժողովրդավարական արժեքների հաստատման մակարդակից է կախված քաղաքացիական հասարակության կայացումը: Հասկանալի է, որ ժողովրդավարության համախմբումը, կոռուպցիայի դեմ պայքարի արդյունավետությունը, օտարվածության, իրավական նիհիլիզմի հաղթահարումը, իրավական և քաղաքական նոր մշակույթի ձևավորումը, քաղաքական որոշումների ընդունման հայեցակարգային սխեմայի մշակումը հնարավոր է միայն հասուն քաղաքացիական հասարակության հիման վրա:

Այլ կերպ ասած, ըստ զարգացածության աստիճանի հետխորհրդային հասարակություններում դեռևս չի կազմավորվել այնպիսի քաղաքացիական հասարակությունը, որը համարժեք է բաց և ժողովրդավարական հասարակության մոդելի պահանջներին:

Անվիճելի է, որ բարեփոխումների տարիներին ԱՊՀ երկրներում, այդ թվում Հայաստանում, էական տեղաշարժեր են կատարվել քաղաքացիական հասարակության ձևավորման ուղղությամբ: Կազմավորվել են շուկայական ենթակառուցվածքի տարրերը, առաջին հերթին բանկային և առևտրական կապիտալի ոլորտներում, վերացվել է ապրանքների դեֆիցիտը, ինչ-որ իմաստով կանգնեցվել է գների անվերահսկելի աճը: Սակայն այդ փոփոխությունների ֆոնի վրա, միաժամանակ նկատելի է բնակչության զանգվածային աղքատացումը, հատկապես այն սոցիալական խավերում (միջին խավեր, երիտասարդություն), որոնք, գոնե տեսականորեն, բոլորից ավելի են շահագրգռված քաղաքացիական հասարակության կայացմամբ: Դրան պետք է ավելացնել զանգվածային գործազրկության աճը: Հաշվի առնելով քողարկված գործազրկության մասշտաբները, կարելի է եզրակացնել, որ գործազրկությունը բազմապատկվել է: Հետխորհրդային հասարակություններում ուժգնացել են մարգինալացման միտումները: Դրա հետևանքով ԱՊՀ երկրներում խորացել է հասարակության սոցիալական և քաղաքական բևեռացումը, բազմապատկվել է ունեցվածքային շերտավորումը:

Զանգվածային գիտակցության մեջ ձևավորվել է պատկերացում, ըստ որի, առանձին անհատների ու խմբերի հարստությունն ստեղծվել ու ստեղծվում է անարդար ու անօրինական եղանակով: Բացի այդ, Հայաստանում միջին դասակարգը, ինչպես այն հասկացվում է արևմտյան հասարակություններում, դեռևս կայացած չէ: Հարկավոր է, որպեսզի բարեփոխումների ընթացքը նպատակաուղղվի այնպիսի հունով, որ-

պեսզի տնտեսական և սոցիալական կառուցվածքի փոփոխությունների հետևանքով ձևավորվեն միջին խավեր: Նրանք ավելի ու ավելի մեծ չափով իրենց մեջ կհնտեգրեն նախկին սոցիալական խավերի ու դասակարգերի զգալի մասը և կվերածվեն բարեփոխումների ընթացքը կայունացնող ու ամրապնդող սոցիալական ուժի:

Մյուս կողմից, Հայաստանի բնակչության մեծամասնության կախվածությունը պետական ինստիտուտներից զգալիորեն աճեց³⁰⁸, նեղացավ անհատական ազատությունների և իրավունքների իրացման քաղաքացիական տարածքը, զգալի մասը, պարզապես, շարունակում է գոյատևել: Ահագնացող չափերի է հասել կոռուպցիան, որը բարեփոխումների, քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտների զարգացման գլխավոր արգելակն է:

Այսօր Հայաստանում գոյություն ունեն բազմաքանակ ինքնուրույն ասոցիացիաներ, կազմակերպություններ, միություններ, շարժումներ, որոնք նպաստավոր պայմաններ են ստեղծում քաղաքացիական հասարակության հետագա զարգացման համար: Մակայն փոխակերպվող հասարակությունների փորձը վկայում է այն մասին, որ այդ կազմակերպությունների գործունեությունը հաճախ չի հենվում կամ թույլ է հենվում քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտների ու արժեքների վրա, որը շրջափակում է քաղաքացիական հասարակության լիիրավ կայացման հնարավորությունները:

Ակնհայտ է նաև այն իրողությունը, որ կազմավորվող քաղաքացիական հասարակության մեջ անձնական, մասնավոր և հասարակական շահերի փոխհարաբերակցությունը պետք է հնարավորինս ավելի հացասարակշռվի՝ հասարակական ոլորտների ինքնավարության սկզբունքների հիման վրա:

Ավտորիտար պետության երևան գալը աստիճանաբար մեծացավ, քանի որ քաղաքացիական հասարակություն – պետություն մոդելը փոխարինվեց քաղաքական ընտրախավ մարդկային զանգված մոդելով:

³⁰⁸ Այսպես, CRRC Armenia հիմնադրամի կողմից իրականացված ուսումնասիրության արդյունքների համաձայն՝ հարցված հայաստանցիների 51%-ը լիովին համաձայն է, իսկ 22%-ը համաձայն է այն դատողության հետ, թե “պետությունը ծնողի նման պետք է լինի” (համեմատության համար. Վրաստանում այդ թվերը համապատասխանաբար 27 և 22%-են, և հարցվածների էական քանակը գտնում է, որ “պետությունը վարձու աշխատող է”), տես՝ Կովկասյան Բարոմետր (ԿԲ) **2015** Հարավկովկասյան երկրներում քաղաքական, սոցիալական և տնտեսական զարգացումների հանրային ընկալումը (**2015թ.** նոյեմբերի դրությամբ), **15-ը** ապրիլի, **2016թ.** Երևան, www.crrc.am

Մեր վերլուծությունները ցույց են տալիս, որ մարդկանց մեծամասնությունը համոզված է, որ կառավարությունը գործում է ի շահ առանձին խմբերի: Հասարակության վերնախավի տնտեսական դրությունն էապես տարբերվում է մնացած բոլոր խմբերի դրությունից: Այդ խավն իր ձեռքում կենտրոնացրել է ինչպես տնտեսական, այնպես էլ քաղաքական իշխանությունը:

Հայաստանում տիրող իրավիճակի առանձնահատկությունն այն է, որ վարչապետության, բյուրոկրատական համակարգի շերտանստվածքներն աստիճանաբար հաղթահարող քաղաքացիական հասարակությունը համախմբված չէ, գտնվում է տրոհված ու տարանջատված վիճակում: Քաղաքացիական հասարակության վրա քաղաքական համակարգի ճնշումը պահպանվել է, իսկ, առանձին դեպքերում, ուժգնացել:

Պատահական չէ, որ որոշ ռուս սոցիոլոգներ Ռուսաստանը համարում են մեծ ռիսկերի կամ վտանգների հասարակություն, նկատի ունենալով նրանում ընթացող փոխակերպումների բնույթն ու առանձնահատկությունները³⁰⁹: «Իշխանական ուղղաձիգի» հետագա ուժեղացումը նվազեցրեց ներքինից ինքնակազմակերպման հնարավորությունները: Դա հաստատում է այն ընդհանուր սոցիոլոգիական օրինաչափությունը, որ քաղաքացիական հասարակության ինստիտուտների կազմավորման ձևական, ֆորմալ փաստն անկարող է ապահովել դրանց արդյունավետությունը: Ինչպես նշում է Էդ. Հարությունյանը, «կորպորատիվ շահերով կապված հասարակության մեջ արևմտյան ժողովրդավարությունը չի կարող արդյունավետ գործառնել»³¹⁰:

Հաճախակի են դարձել դեպքերը, երբ քաղաքացիական լուրջ նախաձեռնությունները, նախագծերը, հետազոտությունները և այլը նպատակային աջակցություն չեն ստանում պետության, մասնավոր ձեռնե-

³⁰⁹ Ахнезер А. С. Критика исторического опыта, М., 1991; Ильин В. В., Панарин А. С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизации процесса, М., 1996; Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г., Модернизация: от равенства к свободе, СПб, 1995; Модернизация в России и конфликт ценностей. Отв. Ред. С. Я. Матвеева, М., 1994; Мошелков Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики, М., 1996; Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997; Реформирование России: Мифы и реальность. М., 1994 и т. п.

³¹⁰ Հարությունյան Էդ. Ս. Ազգային ինքնություն և կյանքի մշակույթ, Երևան, Մակմիլան Արմենիա, 2004, էջ 117.

րեցների, նրանց հովանու ներքո գործող հասարակական կազմակերպությունների և արտասահմանյան հիմնադրամների կողմից: Միննույն ժամանակ, քիչ չեն դեպքերը, երբ ֆինանսավորվում են նախագծեր, որոնք որևէ շոշափելի իրական օգուտ չեն բերում երկրին, հասարակությանը, բուն «երրորդ սեկտորին»: Անտարակույս, այդ պրակտիկան հեղինակագրվում է շահույթ չհետապնդող ցանկացած հասարակական և անհատական գործունեություն:

Ակներն է, որ եթե վերոհիշյալ բացասական միտումները չվերացվեն, ապա կենսունակ քաղաքացիական հասարակության, նրա ինստիտուտների լիարժեք կայացման ճանապարհին կծառանան նոր արգելքներ: Դա հղի է հասարակության սոցիալ-բարոյական հյուսվածքի հետագա քայքայմամբ, համերաշխության միտումների արժեզրկմամբ: Այլ խոսքով, սոցիալական կապիտալի փոշիացմամբ ու անոմիայի աճով:

Միայն Հայաստանի բոլոր սեկտորների համաչափ զարգացումը, նրանց սոցիալական ջանքերի համախմբումը կարող է նպաստել քաղաքացիական նախաձեռնությունների ու մասնակցության հասարականպաստ ձևերի ակտիվացմանը, դրանով ժողովրդավարության համախմբմանը: Հենց դրանք են ապահովում հասարակության կայուն սոցիալական զարգացումը ժողովրդավարության խորացման ու ընդլայնման ուղիքով: Միայն այս նախադրյալների առկայության պայմաններում հնարավոր է արժեքների նոր համակարգի ձևավորումը, որը կարող է սոցիալական անոմիայի, օտարման երևույթների հասարակական ազդեցության ոլորտը սահմանափակել, իսկ հետագայում՝ նաև չեզոքցնել ու վերացնել: Մինչդեռ, ինչպես նկատում է ռուս հետազոտող Ն. Ե. Պոկրովսկին՝ հասարակական շարժումների լիդերները «նպատակամղված» կերպով անտեսում են բարեփոխումների արժեքային, բարոյական եզրերը³¹¹: Հարկ է հատուկ շեշտել, որ նույն իրավիճակ է ոչ միայն Ռուսաստանում, այլ նաև ԱՊՀ մյուսն երկրներում, այդ թվում Հայաստանում: Քաղաքացիական հասարակությանն այլընտրանք չկա, հարկավոր է ակտիվորեն տարածել ու կյանքում արմատավորել ժողովրդավարական արժեքները: Ընդ որում, շեշտը պետք է դրվի «ներքևից» եկող սոցիալական մղումների ու նախաձեռնությունների

³¹¹ Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, anomia, глобализация. Глобализация и постсоветское общество. Аспекты, М., 2001, с. 48-49.

վրա, որոնք հենվում են համերաշխության և քաղաքացիական հասարակությունը համախմբող այլ արժեքների վրա:

Գրականություն

1. Կովկասյան Բարոմետր (ԿԲ) **2015** Հարավկովկասյան երկրներում քաղաքական, սոցիալական և տնտեսական զարգացումների հանրային ընկալումը (**2015թ.** նոյեմբերի դրությամբ), **15-ը** ապրիլի, **2016թ.** Երևան, www.crrc.am
2. Հարությունյան Էդ. Ա. Ազգային ինքնություն և կյանքի մշակույթ, Երևան, Մակսիլան Արմենիա, 2004
3. Arter, David: Parties and Democracy in the post-Soviet republics: the case of Estonia, Aldershot: Dartmouth, 1996.
4. Hall J. In search of Civil Society. Theory, History, Comparison. Cambridge, 1996 Wignert Barbara [ed.]. Transition to Democracy in Eastern Europe and Russia: impact on politics, economy and culture. Westport, Conn.: Praeger, 2002.
5. Ахнезер А. С. Критика исторического опыта, М., 1991
6. Глобализация и постсоветское общество. Аспекты, М., 2001
7. Ильин В. В., Панарин А. С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизации процесса, М., 1996
8. Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г., Модернизация: от равенства к свободе, СПб, 1995
9. Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка, характеристики. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1997, N2
10. Модернизация в России и конфликт ценностей. Отв. Ред. С. Я. Матвеева, М., 1994
11. Мошелков Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики, М., 1996
12. Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997
13. Панарин А. С. Заблудившиеся западники и пробудившиеся евразийцы. Цивилизация и культуры. Вып. 7, М., 1994.
14. Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация.
15. Реформирование России: Мифы и реальность. М., 1994
16. Социальная идентификация личности. Под ред. В. А. Ядова, М., изд. Института социологии РАН, 1994

CIVIL SOCIETY AND SECURITY IN THE MODERN WORLD: FROM THEORY TO PRACTICE

Gagik Tumanyan, *PhD student, Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia.*

According to some modern theorists one of the significant features of modern world is crisis of governmental systems under the pressure of global processes, as consequence governments lose their vitality and resources of providing security of its citizens. Political philosopher C. B. Macpherson states that the crisis of political system causes the situation of apathy and disobedience in public sphere. He describes current political situation as "The system of contention of political elites and apathetic voters".

Contextualizing the situation we can see that priorities driven by these problems finds their vivid reflection in American society, where some historical emergencies, such as series of terrorist attack at 11 Septembers, underlined the urgency of rethinking the models of governmental management and the ways of institutional regulations aimed to provide national security. But at the same time further developments showed that such unsteady situation often lead governments to dilemma, give priority to national security and restrict civic freedoms (which often occurs) or keep civic freedoms intact. For example after 11 September's terrorist attacks 1200 suspects were been arrested and some of them were evicted from U.S. And what is mentionable, their arrestee was kept in secret along time. At the same time in crater of these processes relevant governmental bodies had broadly practiced wiretapping by.³¹² Moreover many specialists believe that these terrors served as springboard for directing public opinion and sentiments by American government, at the same time legitimated its external paramilitary policy (such as Iraq invasion).

Thus, not by chance that the other American campaign, which actualize discussion of security issues, was invasion of Iraq at 2003 leaden by American armed forces³¹³, which according official announcements aimed to disarm Iraq of weapons, to end Saddam Hussein's support for terrorism, as well as to free the Iraqi people. According many specialists and political actors the campaign had destructive consequences both on region and on the reputation of American establishment and also exaggerated emergence of different terrorist group on this ground (*it's mentionable, that previously Germany and French refused to participate in this campaign finding it unjustified*).

³¹² CM: K. L. Scheppele, «Terrorism and the Constitution», pp. 2, 22, 31.

³¹³ President Discusses Beginning of Operation Iraqi Freedom". Retrieved 29 October 2011.

Such crises forced American government and representative institutions consistently take into account the dialogue between government and non-governmental actors, as all these external campaigns were been accompanied by active skepticism and ensuing pressure of civil society actors (*such as non-war protestes in london and Rome*).

*According to the French academic Dominique Reynié, between January 3 and April 12, 2003, 36 million people across the globe took part in almost 3,000 protests against the Iraq war.*³¹⁴ In face of these priorities some processes were implemented by American government to engage the actors of civil society in policy making. For instance in 2010 Obama's national security strategy specially stressed the importance close cooperation with citizens , communities and civil society actors, considerig this as a key factor to develop institutions of democratic accountability, as well as civilian control of militaries, robust civil society and etc..³¹⁵ As a result nowadays more than 70 percent of American citizens participate this or that type of self-organizing in different spheres of state activity, being full subject of security providing system. By the other side, from the standpoint of social effect, these arrangements combined in the concept of development of the social capital, which operates through trust based relations in society. Thus, the urgency of developing social capital is the domain which obviously highlighted interactive connection between civil society and governmental institutions. So, returning to theory, let's see the essence of this relation.

One of the main theorists of social capital American sociologist J. S. Coleman (1926 –1995) defines social capital as set of resources that are found in family relations and in a community's social organization.³¹⁶ In general Coleman's idea is that social capital refers to people's ability of self organization, same as make association and work together in groups. Thus he believe that social capital is effective framework of collegial decisions and by the other hands contributes development of human capital, which is one of the main factors of state development.

In Robert Putnam works the concept represented in a much more positive light: in his work on American society he tends to frame social capital as a producer of social “engagement”, as well as broad societal measure of communal health. In his researches studying correlation between economical growth and social capital in Italy, he uses such indexes as the level of civic

³¹⁴ Callinicos, Alex (March 19, 2005). "Anti-war protests do make a difference".Socialist Worker. Retrieved 2010-08-27

³¹⁵ National Security Strategy of the USA. May 2010
<http://acnis.am/old/pr/280510/280510.pdf>

³¹⁶ Coleman, James. The Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP. pp. 300–318.

engagement in associations, the level of public satisfaction with the government. As a result it was concluded that social capital has positive influence on temps of economical development.³¹⁷ In general Robert Putnam has tried to measure social capital by counting groups in civil society maintaining functional interactions between them. *Therefore it can be concluded that organizational principles and norms processed in civil society associations promote civic values and assist trust and confidence building that serve as cornerstones for social capital development.*

From all above mentioned we can conclude that Social Capital is one of the main elements of Civil Society and optimizes its existing and functionality. Even if today many of issues, regarding to empirical features of social capital, are subject of discussion but conceptually it obvious that high rate of social capital indicate straightness of civil society. By the other hand it is assumed that effective fictionalization of social capital in economical sphere decreases the economical costs driven by bureaucracy and helps regulate corporative relations increasing their rationality, hence promotes their productivity. (Graph 1)

Graph 1. Interconnectedness of Civil Society, Social Capital, Economy and Security sector

³¹⁷ Helliwell, J.F., Putnam R. Economic Growth and Social Capital in Italy // Eastern Economic Journal. – 1995, – №21, p. 295-307

Civil control over the security sector in Armenia. Observing some cases

For specifying the wide and diffuse sphere of security issues, I conditionally choosed the category of security sector for refering the aggregate of security institutions. So lets see in theoretical level the definition of security sector category and celarify which subjects it includes.

Thus according to British non-governmental organization Safer world, Security sector involve all those organizations which have authority to use, or order the use of, force, or the threat of force, to protect the state and its citizens, as well as those civil structures that are responsible for their management and oversight. It includes: a) military and paramilitary forces, as well as those civilian structures – such as ministries of defense – that are responsible for their control; b) intelligence services; c) police forces, both national and local, together with border guards and customs services; d) judicial and penal systems; and e) civil structures responsible for the management and oversight of the above.³¹⁸ Based on this point in this chapter I'm going to localize the relations of civil society and security sector, discussing it in context of Armenian Republic.

After Sovet Union colapse many of newly independent countries in postsoviet region tried to create new social reality with its relevant components. This supposed economic, politic, cultural rearrangements and modernization. Therefore the same processes were been managed in Armenia. But along with independence Armenians engaged in such difficulties, as energy crisis and Nagorno -Karabach conflict (20 February 1988 – 12 May 1994), which was accompanied with active hostilities . The stage that created in Armenia many specialists used to call "Non peace Non War" or " Peace and War". As evidence of this unstable situation, is last resumption of this conflict called Four- Day War (1-5 April 2016).

Thus, such frustrations keep security problem on the agenda of our reality, by the other hand slowed down peace building, hence the process of democratization and development of civil society in Armenia. In this context it should be noted that the process of democratization and reforms regarding to this, repeatedly decelerated as main principles of state management by Armenian government. As a formal ground of this landmark stands the Partnership and Cooperation Agreement (PCA) (*signed in 1996 and in force since 1999*) serves as the legal framework for EU-Armenia bilateral relations, European Neighborhood Policy, which operates Since 2004, Armenia.³¹⁹ Of course in this

³¹⁸ Malcolm Chalmers, Security Sector Reform in Developing Countries: An EU Perspective (London and Ebenhausen: Saferworld/Stiftung Wissenschaft und Politik, 2000).

³¹⁹ The European Enion and the Republic of Armenia
Partnerssheep and Cooperation Agreement
http://mineconomy.am/uploads/PCA_EU-Armenia.pdf

partnerships Armenia obliged to strengthen the rule of law, provide actualization of basic human rights including building conditions for civil freedoms, transparency of political processes, accountability of representative institutions. But let's see empirical realization of these principles in the context of civil control and security sector.

Regarding civil society development in Armenia we can conventionally state that the first tangible precedents were appeared since 2010, in the form of civic initiatives, which include the environment, cultural preservation, consumer rights, labor and employment issues, as well as human rights. In this domain different professionalized NGOs were been created referring to different problems, and some of them targeted security sector, especially army and judicial system. Among this initiative are mentionable "Soldier's Mother" NGO and «No silence» (Չենք լռելու) youth organization. Unlike the first one, which aimed mainly auxiliary, advisory management, "No silence" manifested oppositional approaches apprising dysfunctions of the system. During its fictionalization this organization initiates visits to military units, and the soldier's family and unfolded the range of problems, such as improper relationships in army, corruption schemes, existing of official position abuse cases. Anyway any targetable reforms and restructurizations haven't followed to this initiative, suggesting formulation of efficient institutional mechanisms or formats of civil control.

Despite that army considered as institution, which have high rate of trust between armenian citizens (*according reseaches conducted in 2015, 90 % of armenian citizens expressed trust towards army, in which full trust percentage is 49 %*), there are essential missings regarding to transparency and civil control. Thus by the other side we have the problem related with accauntability, hence openness of military structures and by the other side the high rite of trust towards noted institutions. This contradictory makes one think that instead of institutional intermediary mechanisms providing soial control over army sector in Armenia operates non formal networks (*which often works driectly between soldier and his relatives*). But even if we accept that non formal networks can provide some informative functions, they haven't any systematized influence on military system, by the other hand they don't provide essential public reaction.

The other evidence which rised strong wave of social protest has occured on January 12, 2015 in Gyumri. When seven members of the Armenian Avetisyan family were brutally murdered³²⁰. The suspect, Valery Permyakov, a Russian serviceman from the Russian 102nd Military Base pleased in Armenia. Immediately after the incident massive acts of protest had been raised in Gyumri.

³²⁰ "Armenia: Murder Case Strains Relations with Moscow". Institute for War and Peace Reporting.

Protestants demanded full and comprehensive transparency of the incident and lawsuit through Armenian legislation. At the same time demonstrations had indicative meaning, as it mirrors certain mistrust expressions of citizens towards security sector and judicial system, as well as towards government criticizing its economical and external policy.

The third evidence that refreshed this sentiments perhaps was most significant. These processes manifested during above mentioned Four-day war. Despite consolidative and encouraging effect of this war, at the same time many problems had been newly risen and widely circulated in civic sphere referring to Armenian security system. This criticism also accentuated the gaps of transparency, accountability and predictability of security institutions. Even if many materials appeared in internet contents (including livestreams, direct evidences) nevertheless these informational (often contradictory) flows contained the problem of veracity and haven't illustrated overall picture. And the main subject of accountability stayed Ministry of Defense. But as it was announced postfactum, some important circumstances (referring to military equipment, territorial affairs) have not been published by official bodies which also modernized skepticism in civil sphere. As a response to this problems, some officials were removed from the system but the systematize mechanisms of open dialogue between security institutions and civil society haven't outlined yet.

Summarizing above mentioned it should be stated that in Armenia civil society is in the stage of development and trust towards security system not so much the result of systematic reforms and symmetric relations with civic structures, but sooner the result of consolidating effect of conjuncture, ideological instruments, historically driven loyalty and mental endurance. But if this circumstances becomes actual mainly during war and can solve actually short term issues, they haven't significant constructive and preoperational meaning, as can be mutually beneficial and sustainable dialogue between civil society and security sector.

Bibliography

1. Giddens, Anthony. *Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?* Cambridge: Polity, 2014.
2. Scheppele K. L., «Terrorism and the Constitution»
3. «President Discusses Beginning of Operation Iraqi Freedom". Retrieved 29 October 2011.
4. Callinicos, Alex (March 19, 2005). "Anti-war protests do make a difference". *Socialist Worker*. Retrieved 27. 08. 2010.
5. National Security Strategy of the USA. May 2010
<http://acnis.am/old/pr/280510/280510.pdf>
6. Coleman, James. *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP. pp. 300–318.

7. Helliwell, J.F., Putnam R. Economic Growth and Social Capital in Italy // Eastern Economic Journal. №21, 1995, p. 295-307
8. Malcolm Chalmers, Security Sector Reform in Developing Countries: An EU Perspective (London and Ebenhausen: Saferworld/Stiftung Wissenschaft und Politik, 2000).
9. The European Union and the Republic of Armenia Partnership and Cooperation Agreement; http://mineconomy.am/uploads/PCA_EU-Armenia.pdf
10. "Armenia: Murder Case Strains Relations with Moscow". Institute for War and Peace Reporting. 26 January 2015.

Տպագրված է «Գևորգ-Հրայր» ՍՊԸ-ում:
ք. Երևան, Գրիգոր Լուսավորչի 6

Ստորագրված է տպագրության 19.09.2016:
Չափսը՝ 60x84 ¹/₁₆: Տպ. մամուլը՝ 18,5:
Տպաքանակը՝ 100 օրինակ:

ԵՊՀ հրատարակչություն,
ք. Երևան, 0025, Ալեք Մանուկյան 1